

Л. Л. Ивченко

Бородинское сражение

История
русской версии
событий

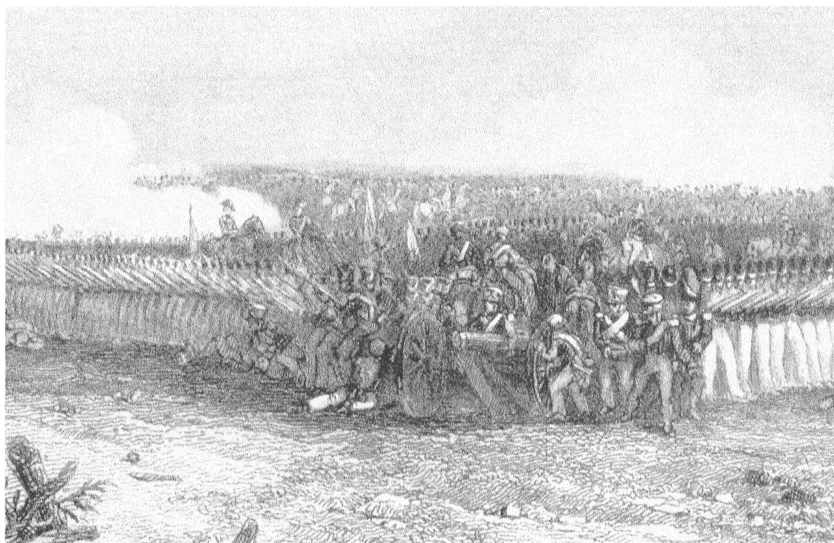
Издательство «КВАДРИГА»

Издательство КВАДРИГА

МОСКВА
Квадрига
2015

Л. Л. Ивченко

Бородинское сражение

История
русской версии
событий

МОСКВА
Квадрига
2015

УДК 355.49(470+571) “1812.08.26”

ББК 63.3(2)521

И 17

Рецензент:

кандидат исторических наук

В. А. Бессонов

Ивченко Л. Л.

И 17   Бородинское сражение. История русской версии событий. /
Лидия Ивченко. – М.: Квадрига, 2015. – 384 с.+илл.

ISBN 978-5-91791-178-6

Бородинское сражение – героическая страница русской истории, великая битва наполеоновской эпохи, символ чести и мужества. Бородино – достояние национальной культуры, превратившееся в легенду, более прочную, чем научные построения.

Автор исследовал формирование комплекса знаний о битве, выявил источниковую базу историографических построений. Впервые была исследована изучена первичная документация.

Картина битвы, созданная на основании системно выверенных исторических источников, позволяет доказательно утверждать, что решения русского командования были более взвешенными и продуманными, а действия войск – более осмысленными, профессиональными и результативными, чем это представлено в великой легенде.

УДК 355.49(470+571) “1812.08.26”
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-91791-178-6

© Ивченко Л. Л., 2015

© Никулин А. Ю., оформление, 2015

© Издательство «Квадрига», оформление, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Бородинское сражение – одна из героических страниц русской истории. Участники Отечественной войны 1812 г. вспоминали об этой битве с особым чувством. «Всё испытано в сей день, до чего может возвыситься достоинство человека!» – так много лет спустя свидетельствовал генерал Ермолов, прошедший Аустерлиц, Прейсиш-Эйлау, Фридланд, Бородино, Малоярославец и Березину, воевавший под Лейпцигом и у стен Парижа.

Генеральное сражение при селе Бородине 26 августа 1812 г. принадлежит к числу самых значительных военных столкновений за весь период наполеоновских войн в Европе. За исключением сравнительно короткого периода 1917 – середины 1930-х гг. (но и тогда невозможно было изгнать полностью историческую память об этой великой битве) Бородино в российском самосознании всегда оставалось символом патриотизма, воинского долга, чести и мужества.

Этот героический символ отечественной истории был и остается достоянием национальной культуры, идеологии, науки, обыденного исторического сознания. Подобно таким явлениям-символам, отношению к которым в обществе затрагивало каждого россиянина, Бородинское сражение стало не только объектом научного исследования, но и художественного осмысления, ритуального почитания. Бородино выдвинулось в ранг тех великих событий, которые в национальном сознании полагали начало существованию устойчивой легенды и порождали творчество, укреплявшее или (реже) разрушавшее миф. Нередко миф оказывался долговечнее сменявшихся научных моделей. Особенная сложность исследования и исторической реконструкции событий подобного масштаба всегда определяется большим, чем в других случаях, давлением мифологического представления.

Субъективные обстоятельства, обычно остававшиеся за рамками научного исследования, привели к тому, что отечественная историографическая традиция Бородина, основанная на сложном по своему происхождению и по времени создания комплексе источников, изначально

вступила с ними в противоречие. Уже военачальники, руководившие войсками на Бородинском поле, и другие участники сражения в служебных документах, а позднее в воспоминаниях, письмах и первых военно-научных описаниях битвы, утверждая собственное видение происшедшего, неизменно стремились придать своим толкованиям канонический «облик». Обретая статус традиции, поддерживаемой теми или иными силами во имя тех или иных интересов, некоторые из этих толкований действительно превратились в каноническую концепцию, все более расходящуюся с источниковой базой и склоняющуюся к мифу. При этом в последующих исследованиях источниковая база «застывала» в определенном наборе источников, либо при издании комментировалась в русле сложившегося канона. Подобной мифологизации подверглись почти все события от кануна битвы до ее исхода и итогов.

Самым «темным местом» отечественной историографии Бородинской битвы, страдавшим «перепутанностью моментов», не позволявшим разобраться как в логике распоряжений русского и французского командования, так и в ходе боевых действий, является хронометрия битвы, очередность вступления в бой воинских частей, последовательность событий. К этой запутанной картине в историографии Бородина подверстываются не совпадающие, порой прямо противоречащие друг другу мнения участников сражения и историков о проблемах стратегического выбора русского командования (решение о генеральном сражении, реализация его замысла в ходе боевых действий, предварительное видение последующей ситуации), истолкование ими диспозиции русских войск, оценки итогов битвы и вклада в нее отдельных воинских частей и военачальников. В течение многих десятилетий изучения Бородинской битвы историографические версии стали противоречить источниковой базе. Без исследования этих противоречий и их происхождения, без сопоставления бытовавших и бытующих историографических моделей с источниковой базой невозможно достигнуть относительно непротиворечивой современной модели сражения, «единства описания и объяснения фактов», оценить итоги «грандиозного побоища в летописях народов» (И. П. Липранди).

Автор данной монографии видел свою задачу не только в выяснении целого ряда спорных и запутанных вопросов Бородинского сражения, но и в исследовании состояния и «взаимоотношений» источниковой базы и историографии Бородинской битвы, от времени самого события до наших дней. Исторические источники, содержащие сведения о Бородинском сражении, никогда не подвергались всестороннему комплексному исследованию на предмет достоверности информации. Сложилось так, что эта проблема даже в серьезных исследованиях оказывалась второстепенной

по отношению к избираемым историками версиям, заложенным еще в военно-оперативной документации и в первых сочинениях военачальников русской армии о Бородине (официальные и личные документы М. И. Кутузова, сочинения М. Б. Баркляя де Толли, Л. Л. Беннигсена, сочинения К. Ф. Толя противостояли друг другу изначально). Приоритеты в использовании тех или иных источников определялись произвольно в зависимости от субъективных позиций историков и их приверженности той или иной трактовке сражения. Авторы либо не объясняли, почему они отдают предпочтение тому или иному противостоящему ряду источников, либо их редкие объяснения связывались с определенными общественно-политическими и идеологическими взглядами. Поэтому представляется необходимым выяснить, какими причинами было обусловлено создание каждого конкретного исторического источника или труда: было ли это связано с целями и интересами самого автора (не исключая невольных ошибок в описании битвы) или определялось личностными отношениями, давлением политических и идеологических установок и др. Но не заключена ли новая для нас информация о Бородинском сражении не только в исторических источниках, а в связях, соотношениях, противостояниях между ними? Без современного системного исследования источников, связанных с Бородинским сражением, невозможна оценка всей последующей историографии; без реконструкции связей между источниками, прилежащими к различным версиям, невозможны и новые работы по исторической реконструкции «битвы гигантов», призванные преодолеть почти двухсотлетнее противостояние версий.

Итак, объектом нашего внимания являются исторические источники, представленные двумя совокупностями: прежде всего исторические источники, возникшие в связи с Бородинской битвой, начиная от военно-оперативных документов, возникших накануне сражения, до самых поздних по времени мемуаров и писем участников битвы, а также источники историографические (исторические и военно-исторические сочинения, критические отзывы и т.п.), начиная от версий, сформулированных некоторыми участниками Бородинского сражения до современных отечественными и зарубежными изысканий. С их помощью мы попытаемся реконструировать формирование и бытование комплекса знаний о Бородинской битве, выявить соотношения, которые на протяжении почти двух столетий складывались между историографическими представлениями о Бородинской битве и информационными ресурсами источниковой базы.

Круг исторических источников по исследуемой теме чрезвычайно велик, представлен почти всеми существовавшими в первой половине XIX в. видами письменных источников. Военно-оперативная докумен-

тация включает приказы по армии, ее соединениям и подразделениям, официальную переписку начальствующих лиц, рапорты начальников штабов, командиров корпусов, начальников дивизий, командиров бригад и полков, наградные списки, ведомости о численности и потерях войск. Большая часть военно-оперативных документов вошла в различные издания по истории Отечественной войны 1812 г.¹ Особый интерес среди них представляет неоднократно опубликованная так называемая Реляция М. И. Кутузова Александру I с подробным изложением хода битвы, атрибуция которой входит в задачу нашего исследования.

Неопубликованные военно-оперативные документы 1812 года представлены еще в значительном количестве в отечественных архивах – это преимущественно рапорты, переписка, наградные документы, ведомости о составе и потерях войск, картографические источники и др. Речь идет прежде всего о фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В фонде 103 (Барклай де Толли) отложились черновики и оригиналы рапортов о Бородинском сражении, черновики и оригиналы наградных списков, официальная переписка М. И. Кутузова, ведомости о потерях. В фондах бывшего Военно-ученого архива (ВУА) содержатся, кроме рапортов и иных официальных документов, дневники и воспоминания участников Отечественной войны 1812 г., собранные А. И. Михайловским-Данилевским. Особую ценность представляют рапорты военачальников Великой армии 1812 г.: сведения о действиях при Бородине 1-го армейского корпуса маршала Даву содержатся в трофейных бумагах (ф. 846). Переписка о награждении за Бородино, включая тексты наградных рескриптов, находится в фонде канцелярии Военного министерства (ф. 29). Документы, связанные с событиями при Бородине, отложились и в фонде 154 (А. А. Аракчеев). Фонд 489 составляет коллекция формулярных списков, в том числе участников Бородинского сражения, содержащих информацию об их участии в битве 24–26 августа и вместе с тем сведения о времени (или временном соотношении) и топографии отдельных эпизодов сражения. Военно-оперативные документы,

---

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I–XXII. 1900–1914; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1913; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным. М., 1897–1910. Ч. 1–10; *Харкевич В. И.* Переписка императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну // Военный сборник. 1903. № 11–12; 1904. №1; 1906. № 3; *Вел. кн. Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910; Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945; М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. I–V. М., 1950–1956; Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962; 1812–1814. М., 1992; Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995; Бородино. Документальная хроника. М., 2004 и др.

связанные с Бородинским сражением, находятся также в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге. Наибольшую ценность составляют хранящиеся в фонде 1409 оригиналы рапортов Кутузова Александру I и наградных представлений за Бородинское сражение.

Среди факторов, существенно повлиявших как на состояние военно-оперативных документов, так и на историографию Бородинской битвы, – взаимоотношения в среде высших военачальников, индивидуальные представления высших начальствующих лиц о планах, ходе и итогах битвы и всей кампании, о собственной роли в них, оценка своих сослуживцев. Даже в их рапортах и наградных представлениях просматривается личностное начало. В тщательном анализе особенно нуждаются источники, связанные с назначением М. И. Кутузова главнокомандующим соединенными армиями, с численностью армии и состоянием резервов и ополчения, причинами генерального сражения, выбором позиции, разработкой диспозиции и реальным расположением войск в битве. Существуют разночтения внутри источниковой базы и внутри историографической традиции, а также между ними по таким вопросам, как события при Шевардине, хронометрическое и топометрическое соотношение отдельных фаз сражения (бой за Бородино, за Семеновские флеши, за деревню Семеновское, за батарею Раевского, ранение Багратиона и перемещения в руководстве войсками левого фланга и др.).

Важную роль в исследовании битвы играют опубликованные официальные сообщения и военная публицистика обеих сторон², а также источники личного происхождения. Военно-оперативные документы в сопоставлении с письмами, дневниками, воспоминаниями участников битвы и с иностранными источниками предоставляют возможности для пересмотра ряда устоявшихся элементов исторических описаний битвы и позволяют существенно уточнить последовательность событий и хронометрические параметры событий 24 – 26 августа 1812 г.

Свежие впечатления участников битвы зафиксированы в письмах, чаще всего написанных вслед пережитым событиям³; однако следует отметить, что из-за ограничения военной цензуры сохранилось сравни-

---

² Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962; *Bulletins officiels de la Grande Armée, campagnes de Russie et de Saxe*. P., 1812; *Pieces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812. (Extrait du Journal officiel)*. Paris. S.a. [1813].

³ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882; Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962; *Вильсон Р. Т.* Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995; Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // РА. 1874. № 1; Письма Кутузова жене (с 25 августа по 31 декабря 1812 года) // РС. 1872. № 4; Переписка императора Александра Павловича с графом Ф. В. Ростопчиным (1812–1814 гг.) // РС.

тельно немного личных, или как тогда говорили «партикулярных» писем, содержащих интересующую нас информацию. Впрочем, в соответствии с традициями и стилем века в форму писем облекались и тщательно обдуманные публицистические произведения⁴ или полемические заметки⁵. Изданы и имеющие огромное значение для исследования нашей проблемы письма руководителей неприятельской армии, начиная с корреспонденции императора Наполеона⁶.

Среди участников Бородинского сражения было немало авторов дневников и мемуаров. Некоторые документы личного происхождения весьма сложны по своему составу и характеру. Так, важнейшим из них, уже отстоящим от военно-оперативной документации и представляющим собой личностное авторское сочинение с элементами и мемуаров, и исторического исследования, является знаменитое «Описание» К. Ф. Толя⁷.

В составе изданных дневников, воспоминаний или близких к ним произведений (созданных даже в форме официальных рапортов, как в случае с «Оправданиями» Барклая де Толли) представлены мемуары лиц из высшего командования русской армии, в частности Барклая де Толли и Беннигсена⁸, других военачальников (от командира корпуса до командира полка). Среди них записки А. П. Ермолова, П. П. Коновницына, М. С. Воронцова, М. А. Милорадовича, Н. Н. Раевского, Э. Ф. Сен-При, И. Ф. Паскевича и др., штабных офицеров, младших офицеров, записанные рассказы «нижних чинов»⁹. На личных впечатлениях основано сочинение К. Клаузевица о войне 1812 г.¹⁰ В нашей работе кроме

1893. № 1; Переписка П. П. Коновницына с А. И. Коновницыной // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... М., 1904. Ч. 8. С. 126–134; *Местр Ж. де*. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995; К чести России: Из частной переписки 1812 года. М., 1988.

⁴ *Беннигсен Л. Л.* Письма о войне 1812 года. Киев, 1912; *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. 1814–1815 гг. М., 1985; *Харкевич В. И.* Переписка императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну // ВС. 1903. № 11–12; 1904. № 1; 1906. № 3;

⁵ *Барклай де Толли М. Б.* Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году // Труды ИРВИО. 1912. Т. IV. Кн. 2. С. 17–67; Он же. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912; Он же. Замечания на Официальные известия из армии от 26 августа // *Харкевич В. И.* Указ. соч. Вып. 2. Вильно, 1903.

⁶ *Correspondance de Napoléon I.* Paris, 1868. V. 24.

⁷ *Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов гг. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских. СПб., 1839.

⁸ *Барклай де Толли М. Б.* Изображение военных действий 1 Западной армии в 1812 году // Труды ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2; Беннигсен Л. Л. Записки графа Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. Т. 4–12.

⁹ *Родозюцкий И. П.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Ч. 1–2. М., 1835; *Голицын Н. Б.* Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. М., 1838; *Евг. Вюртембергский.* Воспоминания о кампании 1812 года в России // ВЖ. №1. СПб., 1848; Рассказ о Бородинском сражении отделенного унтер-офицера Тихонова //

того использованы также «Записки» московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, государственного секретаря А. С. Шишкова¹¹ и др. Исследование обеспечивается и значительным количеством изданных дневников и мемуаров «неприятельской стороны»¹², в том числе выпущенных и в русском переводе¹³.

Наконец, важнейшим вещественным источником остается само Бородинское поле. Его топометрические данные (расположение природных и

ЧОИДР. 1872. Кн. 1; *Грabbе П. Х.* Из памятных записок. М., 1873. Ч. 2; *Митаревский Н. Е.* Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878; *Норов А. С.* Воспоминания // РА. 1881. № 3; *Муравьев Н. Н.* Записки // РА. 1885. № 9; *Михайловский-Данилевский А. И.* Из воспоминаний // РС. 1900. № 6; Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Кн. 3; *Горчаков А. И.* Письмо А. И. Михайловскому-Данилевскому от 13 мая 1837 г. // *Харкевич В. И.* Указ. соч. Вып. I; День 26 августа 1812 года. Из бумаг А. Н. Марина и материалы к его биографии // Летописи ГЛМ. М., 1948. Кн. 10; *Муравьев А. Н.* Автобиографические записки // Декабристы. Новые материалы. М., 1955; Дневник Александра Чичерина 1812–1813. М., 1966; Дневник Павла Пушкина 1812–1814. Л., 1987; *Ермолов А. П.* Записки. М., 1991; Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814. М., 1992; *Военский К. А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911; Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962; 1812 год... Военные дневники. М., 1990; 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991; 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995; Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001 и др.

¹⁰ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997.

¹¹ *Ростопчин Ф. В.* Записки о 1812 году // Ох, французы! М., 1992; *Шишков А. С.* Домашние записки // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1; *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997.

¹² *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886; *Caulaincourt A. A. L.* Souvenirs du duc Vicence. Bruxelles, 1838. V.1–2 (*Коленицуп А. де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991); *Cerrini di Monte Varchi C. F. X.* Die Feldzuge der Sachen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821; D'Antoird. Notes et documents... // *Carnet de la sabretache.* 1906. № 162; *Dedem de Gelder.* Mémoires du général Dedem de Gelder. Paris, 1900; *Dumas M.* Souvenirs. Paris, 1839. Т. 3; *François C.* Journal du capitaine François. Paris, 1904. Т. 2; *Girot de l'Ain.* Dix ans de mes souvenirs militaires. Paris, 1873; *Journal du capitaine Bonnet du 18-e de ligne* // *Carnet de la sabretache.* 1912. № 239; *Labaume E.* Relation circonstanciée de campagne de Russie en 1812. Paris, 1814; *Lejeune.* Souvenirs d'un officiers de l'Empire. Paris., 1850; *L. F. Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. Paris, 1857; *Piton des Loches A. A.* Mes campagnes. Paris, 1889; *Rapp J.* Mémoires. London, 1823; *Roth von Schreckenstein.* Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Munster, 1858; *Segur Ph. P.* Histoire de Napoléon et de la Grand Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824 (*Сезюр Ф.* Поход в Россию. М., 2002); *Ternaux-Compans.* Le général Compans. Paris, 1912; *Teste F.-A.* Souvenirs // *Carnet de la sabretache.* 1911; *Thirion A.* Souvenirs militaires 1807–1818. Paris, 1892; *Vie de Planat de la Faye.* Paris, 1895 и др.

¹³ Брандт Г. Воспоминания // Записки современников 1812 года. СПб., б.г.; Дневник Фоссена // РА. 1903. Кн. III; *Тирион А.* Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года. СПб., 1912; *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912; *Лоссберг Ф. В.* Письма вестфальского штаб-офицера. М., 2003; См. также: *Васильев А. А.* Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения // Материалы IX Всерос. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, М., 2000; Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002 и др.

искусственных объектов, расстояния между ними, высоты и их соотношение, характер берегов протекающих по полю рек и ручьев и др.) позволяют проверять данные о расположении на местности войск, оценивать возможности их перемещения во время, указанное в письменных источниках, выверяя тем самым топографию и хронометрию сражения.

Историография темы данной монографии может быть рассмотрена также в двух комплексах. С одной стороны, это собственно историография Бородинской битвы – в нашем исследовании она рассматривается как совокупность историографических источников. С другой стороны – это собственно историография поставленной нами проблемы, попытки ряда исследователей выявить и системно оценить расхождения между историографическими версиями и историческими источниками.

Следует сказать, что историография проблемы складывалась, по существу, вместе с историографией самого Бородинского сражения, основы которой были заложены уже в военно-оперативной документации – в силу нарративного характера такого исторического источника, как рапорты и наградные списки (первые содержали описания действий, вторые – описания совершенных отличий и подвигов) – и в неофициальных «повествованиях» военачальников (личные письма М. И. Кутузова, сочинения и письма М. Б. Барклая де Толли, Л. Л. Беннигсена и др.). «Канонический» вариант описания битвы сложился к середине XIX в. и почти не претерпел изменений вплоть до последнего десятилетия XX в. Д. П. Бутурлин¹⁴, А. И. Михайловский-Данилевский¹⁵, а вслед за ними Ф. Н. Глинка¹⁶ и Н. Д. Неелов¹⁷ положили в основу своих трудов сочинения бывшего генерал-квартирмейстера Главного штаба М. И. Кутузова генерала от инфантерии К. Ф. Толя. Пресекая любые нарекания в адрес фельдмаршала, Толь изложил свою версию событий на Бородинском поле в «Описании битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленном на основании рапортов гг. корпусных командиров Российской армии и официальных документов неприятельских...»¹⁸. Авторитет любимого ученика Кутузова, как и заглавие работы, говорили сами за себя. Он создал настолько крепкий «каркас» последовательности событий, решений командования и хронометрии битвы, который не смогли сокрушить историки

---

¹⁴ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1823–1824.

¹⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч.1–4, изд. 2-е. СПб., 1840.

¹⁶ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839.

¹⁷ Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839.

¹⁸ ОЗ. 1822.

последующих поколений. Критикуя самого Толя и его концепцию по частям, никто не опроверг ее в целом, в связи с чем сама критика, как ни странно, породила новые ошибки.

Наличие значительного числа неточностей и «неразъясненных недоумений» в историографии Бородинской битвы было обнаружено ее участниками уже после выхода в свет сочинения Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году». Генерал Н. Н. Раевский составил замечания на этот труд, адресовав их А. Жомини¹⁹. Первым автором, указавшим на несоответствия русской историографической версии Бородинских событий источникам, был, как ни странно, французский генерал Ж. Ж. Пеле-Клозо. Он изложил свои воспоминания о «битве гигантов» в форме полемики с Бутурлиным, апеллируя при этом не только к французским, но и к русским официальным документам²⁰.

В числе критиков доминировавшей тогда версии Бородинского сражения К. Ф. Толя (существовала и иная версия, идущая от сочинений М. Б. Баркляя де Толли), отразившейся в трудах Д. П. Бутурлина и А. И. Михайловского-Данилевского, оказался и сам император Николай I. Он провел грандиозный эксперимент – попытался реконструировать события генерального сражения при Бородине, реализовав свой замысел силами более чем 130 тысяч русских воинов во время торжественного празднования годовщины битвы в 1839 г.²¹ В результате этой грандиозной реконструкции выявился ряд сомнений в правоте описаний К. Ф. Толя, что опровергает мнение об «официальном навязывании» историкам его версии.

Попытки сопоставить различные точки зрения на события при Бородине предпринял М. И. Богданович. Историк воспользовался документальной базой, собранной А. И. Михайловским-Данилевским, присовокупив в качестве приложений часть воспоминаний участников битвы, написанных по просьбе последнего. Именно Богданович обратил внимание на «ахиллесову пятау» своего предшественника – ошибку в указании

---

¹⁹ Раевский Н. Н. Из записок об Отечественной войне 1812 года // Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 380–382.

²⁰ Pélét J. J. Bataille de la Moskova // Spectateur militaire. VII. 1829–1830. Цит. по: Пеле Ж. Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. I.

²¹ Шильдер Н. К. Император Николай I и Михайловский-Данилевский // Русская старина. 1900. № 6; Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. // Материалы науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы» Бородино, 1997; Малышкин С. А. История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году» // Материалы Всерос. науч. конф. «Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года». Изд-во Саратовского ун-та. Саратов, 2002. С. 36–47.

последовательности двух важнейших событий, а именно, первой атаки на батарею Раевского и ранения Багратиона. Механически поменяв их местами, историк «сдвинул» оба события к полудню, добавил лишнюю атаку на центральное укрепление, приурочив именно к ней кавалерийский рейд Уварова и Платова. Так последовательность событий и хронометрия битвы запутывались еще больше.

На «темные места» в историографии Бородинской битвы указывал И. П. Липранди. В частности, разбирая труд М. И. Богдановича, он обратил внимание на отсутствие должной связи в обозрении источников, на неясность установленных им приоритетов и был склонен оценивать представленное описание как «хаотическое нагромождение» свидетельств без их анализа и сопоставления. Он также указал на целый ряд проблем, возникших в изучении «Бородинской эпопеи» в статьях, опубликованных в сборниках «Пятидесятилетие Бородинской битвы» и «Материалы для истории Отечественной войны 1812 года»²². Однако многие замечания Липранди так и не нашли отклика в официальной историографии.

На рубеже XIX–XX вв. в ходе исследований в архивах значительно расширилась и в результате многочисленных публикаций стала общедоступной основная масса источников по Бородинскому сражению. К 100-летию Отечественной войны 1812 года появилось немало статей, специально посвященных уточнению хода сражения, исправлению ошибок, допущенных предшественниками (А. П. Скугаревский, А. Н. Витмер, А. В. Геруа, Б. М. Колюбакин и др.). Критический настрой авторов не препятствовал возникновению новых «несообразностей»: непомерно затянулся, увеличившись до 8 атак, бой за Семеновские (Багратионовы) флеши, значение же событий у самой дер. Семеновское, где решался исход сражения, полностью исказилось. Историки внесли в свои сочинения элементы критики М. И. Кутузова, основываясь на не публиковавшихся ранее «Записках» Л. Л. Беннигсена и «Оправдательных» письмах М. Б. Барклая де Толли (ранее опубликованных лишь частично). Поражающая новизна этих источников мешала их объективному анализу и сопоставлению с уже имеющимися. Среди специалистов возникало все большее число вопросов в отношении замыслов русского командования, размещения и использования войск, хода событий 24 августа у деревни Шевардино и даже последовательности и хронометрии боевых действий

---

²² Липранди И. П. Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» М.И. Богдановича. М., 1869; Он же. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. СПб., 1867.

26 августа, что наиболее ярко проявилось в работах А. Н. Витмера, А. В. Геруа, Б. М. Коллюбакина²³. Однако начавшееся было осмысление соотношения историографической версии Толя с источниками и другими версиями прекратилось в 1917 г.

В советской историографии описанию битвы при Бородине отводилось значительное место в монографиях Е. В. Тарле²⁴, Л. Г. Бескровного²⁵, П. А. Жилина²⁶, Н. А. Троицкого²⁷. Но перечисленные авторы (за исключением Н. А. Троицкого) не обращались к источникам заново, очевидно полагая события достаточно изученными. Их труды основывались, главным образом, на сочинениях Бутурлина, Михайловского-Данилевского, Богдановича. Статьи военных историков начала XX в., как правило, не анализировались, хотя и упоминались в библиографиях. Интересные исследования были опубликованы в сборнике статей «1812 год», изданном к 150-летию Отечественной войны (М., 1962). В частности, А. П. Ларионов посвятил свою статью действию артиллерии при Бородине, исправив недостоверные сведения К. Ф. Толя. Статья Л. П. Богданова посвящена подробному анализу Бородинской позиции, однако базировалась опять-таки на сочинениях Толя. О необходимости внимательного изучения источников о Бородинской битве и поиска новых методов их оценки говорится в исследованиях Н. А. Троицкого, Б. С. Абалихина, В. А. Дунаевского²⁸. Авторы вступили между собою в оживленную полемику, главным образом по поводу результативности деятельности Кутузова как главнокомандующего при Бородине. К сожалению, их научному спору не хватало именно того, из-за чего он возник: внимательного отношения к источникам, особенно к военно-оперативной документации.

Наиболее весомый вклад в изучение источников, связанных с Отечественной войной 1812 г., был внесен А. Г. Тартаковским, выявившим динамику публикаций мемуарных источников и собравшим ценные

---

²³ *Витмер А. Н.* Бородинский бой: опыт критического исследования // ВИС. 1912. № 2; *Коллюбакин Б. М.* 1812 год: Избрание Кутузова Главнокомандующим над всеми армиями // РС. 1912. № 7; *он же.* 1812 год: Бородинское сражение 26 августа // РС, 1912, № 8. С. 2; *Геруа А. В.* Бородино (по новым данным). СПб., 1912.

²⁴ *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1943.

²⁵ *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.

²⁶ *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. Изд. 2-е.

²⁷ *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1987; *Он же.* Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002.

²⁸ *Троицкий Н. А.* 1812 – Великий год России. М., 1988; *Он же.* Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991; *Абалихин Б. С.* 1812 год: Актуальные проблемы истории. Элиста, 2000; *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. М., 1990.

сведения об их бытовании и самих авторах²⁹. Особый интерес представляет его исследование «Неразгаданный Барклай» (М., 1996), содержащее сведения о времени возникновения цикла «Оправдательных писем» военачальника, количестве их редакций и обстоятельствах, сопутствовавших их возникновению. В частности, ученый уточнил датировку такого важного документа, как «Изображение военных действий I Западной армии в 1812 году», имеющего прямое отношение к событиям на Бородинском поле, где впервые была высказана обстоятельная «антикутузовская» версия сражения.

Конец XX – начало XXI столетия, на наш взгляд, ознаменовалось качественно новым уровнем изучения источниковой базы, связанной с Бородинским сражением. Современные ученые впервые предприняли попытку «фронтального» сопоставления источников не только русской, но и неприятельской стороны. Введение в оборот французских, немецких, польских источников сделало возможным долгожданный прорыв в изучении темы, позволив ввести принципиально новые элементы в сложившуюся версию «битвы гигантов». Достаточно назвать работы А. А. Васильева, в том числе созданные в соавторстве с А. А. Елисеевым и А. И. Поповым³⁰, позволяющие уточнить численность, состав и потери русской и неприятельской армии. В этот период были опубликованы работы В. Н. Земцова³¹, А. И. Попова³², А. А. Васильева³³. А. И. Попов особенно подробно исследовал действия в Бородинском сражении немецких контингентов войск армии Наполеона. А. А. Васильев подготовил ряд публикаций, связанных с трофейными документами Российского государственного военно-исторического архива. Большой интерес представляют источниковедческие работы С. А. Малышкина и А. И. Сапожникова³⁴. Ряд вопросов может быть разрешен привлечением

---

²⁹ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980; *Он же.* Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991.

³⁰ *Васильев А. А.* «Лукавая цифирь» авантюриста // *Родина.* 1992. № 6–7. С. 68–71; *Васильев А. А., Елисеев А. А.* Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997; *Васильев А. А., Попов А. И.* Grand Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002.

³¹ *Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. М., 1999; *Он же.* Великая армия в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

³² *Попов А. И.* Вюртембергцы в походе на Россию... Бородино, 1992; *Он же.* Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши... Самара, 1994; *Он же.* Действия вестфальцев в Бородинском сражении... Бородино, 1994; *Он же.* Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997.

³³ *Васильев А. А.* Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 года // *Документальные реликвии российской истории. 200-летие Военно-ученого архива.* М., 1998; и др.

данных ландшафтного исследования местности, содержащихся в работах А. В. Горбунова³⁵.

Особого внимания заслуживает монография В. Н. Земцова, представляющая, по словам автора, «многоплановую» или «тотальную» историю Бородинской битвы «применительно ко всей европейской армии Наполеона»³⁶. Ученый из Екатеринбурга попытался выявить «национальные историографические «коды» в освещении действий Великой армии в Бородинском сражении. К сожалению, в отношении русской армии при Бородине подобных попыток не предпринималось, чем отчасти и определяются содержание настоящей монографии.

Поскольку главной проблемой исследования, как уже говорилось, является научная реконструкция формирования и бытования комплекса знаний о Бородинской битве, постольку теоретические и методологические подходы к решению поставленных задач лежат преимущественно в области историографии и источниковедения.

Современное определение исторического источника как всякого объекта, возникающего в результате целенаправленной деятельности людей и используемого для получения данных о его создателях³⁷, является ключевым для исследования и интерпретации как отдельных исторических и историографических источников, относящихся к предмету нашего исследования, так и всей их совокупности и существующих внутри этой совокупности взаимоотношений. Значительную часть военно-оператив-

---

³⁴ *Малышкин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году» // Материалы Всерос. науч. конф. «Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года». Саратов, 2002; *Он же.* Человек в Бородинской битве: опыт историко-культурологического исследования // Материалы VII Всерос. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999; *Сапожников А. И.* Записка атамана М. И. Платова о Бородинском сражении // Материалы VII Всерос. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999; *Он же.* «Бородинский футляр» из библиотеки генерала Ф. Ф. Шуберта // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений... М., 2003; *Он же.* Неопубликованная «История кампании 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского // Материалы XI Всерос. науч. конф. «Отечественная война Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.

³⁵ *Горбунов А. В.* Место расположения Главной квартиры М. И. Кутузова на Бородинском поле // Материалы науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997; *Он же.* Бородинское поле как уникальная историческая территория // Материалы науч. конф. Бородино, 1994; *Он же.* Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999) // Материалы межрегион. науч. конф. Воинский подвиг защитников Отечества. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 135–144 и др.

³⁶ *Земцов В. Н.* Великая армия в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

³⁷ *Медушевская О. М., Муравьев В. А.* Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 33.

ных документов (донесения, рапорты, представления), письма, дневники, мемуары, военно-историческую литературу сближает не только, как уже отмечалось, «нарративный», то есть повествовательный, характер изложения событий, но и стоящая за этим характером проблема «автора». Входящее в число наших задач изучение целеполаганий как создателей исторических источников, так и создателей исторических сочинений, происхождения источников, взаимоотношений их текстов между собою, отношения историографических источников к источникам собственно историческим, причины упорного предпочтения тех или иных версий и показаний выводят источниковедческий метод на ведущее место в нашем исследовании.

Столь же значим для решения наших проблем и метод историографического исследования. Историописание, историография складывается и эволюционирует как система взаимодействия целого ряда условий и факторов, включая такие, как цивилизационный уровень времени историописания, политические и идеологические факторы, обеспеченность историописания ресурсами, организационной инфраструктурой, социальный запрос к историку, доминирующая проблематика, источниковая база, существующие теории и методы познания прошлого, давление предшествующего знания. Процесс историописания может быть рассмотрен как динамичная система, как социокультурный процесс, протекающий в состоянии неустойчивого равновесия и проявляющий одновременно тенденции и к стабилизации и консервации знания, к сохранению баланса между знанием и ожиданиями общества, и тенденции к разрушению равновесия между собственными составляющими и внешними факторами³⁸.

Оба эти метода (второй органически вытекает из первого) объединяет прежде всего представление об источнике и историческом произведении как обладающем суверенностью памятнике культуры и стремление к исключению произвольных и потребительских подходов к последнему — именно то, что было одной из мотиваций настоящего исследования.

Эта методологическая позиция могла бы быть обозначена понятием «историзм» с тем существенным отличием, что в традиционном его понимании акцент ставится на соответствии данного описания историка тому, что может стать лишь результатом описания, но мыслится как действительно произошедшее именно так. В данной работе не ставилась

---

³⁸ Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 8–15; Муравьев В. А. История вновь и вновь // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 января – 1 февраля 2003 г. М., 2003. С. 22–31.

задача показать, что все, что происходило на Бородинском поле, происходило именно так, а не иначе (несмотря на выявляемые нами мифы, заблуждения, случайные ошибки создателей исторических источников и историков), ибо это означало бы не более, чем еще одно повторение уже сделанного. Историзм в применении к комплексам исторических и историографических источников означает подход к ним, как к определенным, исторически сложившимся цельностям, историко-культурным системам. Потому методы исследования в данном случае – это методы изучения историко-культурных систем, их внутренних взаимоотношений и отношений между ними.

Основой данной монографии является текст кандидатской диссертации, защищенной в 2005 году на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (Российский государственный гуманитарный университет). Автор выражает искреннюю признательность научному руководителю д.и.н. профессору В. А. Муравьеву, заведующей кафедрой к.и.н. доценту М. Ф. Румянцевой, старшему преподавателю Р. Б. Казакову, всем сотрудникам кафедры за неоценимую помощь в исследовательской работе. Автор сердечно благодарит за постоянную поддержку и участие своих друзей и коллег из Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, музея-панорамы «Бородинская битва», Государственного музея А. С. Пушкина, Российского государственного военно-исторического архива, а также А. А. Васильева, А. И. Попова, В. Н. Земцова, С. А. Малышкина, И. А. Шеина: без советов этих замечательных исследователей, много лет занимающихся проблемами Бородинской битвы, без горячих споров с ними не было бы этой книги.

Глава I

Эволюция «русской версии» Бородинского сражения

1. Официальная версия: Бородинское сражение в отечественных военно-оперативных документах августа–сентября 1812 г.

Как восстановить более или менее правдоподобную картину Бородинского сражения и избавиться от труднообъяснимых «несообразностей» и очевидного «несходства в деталях», на протяжении многих десятилетий возникавших в описаниях «битвы гигантов»? На наш взгляд, нет иного способа исследовать причины противоречий и ошибок, вкравшихся в отечественную историографию, кроме как вернуться в исходную точку пути, которым следовали все историки, и попытаться обнаружить, что и когда заставило их пренебречь сведениями источников, двигаясь в ложном направлении. Не менее важно дать убедительное объяснение этому историографическому повороту, вникнув в суть обстоятельств, сопутствующих возникновению устойчивой «канонической» историографической версии, пережившей века.

Прежде всего следует проанализировать информацию о Бородинском сражении, содержащуюся в синхронных источниках, возникших во время пребывания соединенных русских армий при Бородине, то есть вечером 22 – утром 27 августа 1812 г., когда все события воспринимались «не как прошлое, а как свершающееся на глазах настоящее»¹. Принципиально важно то, что в оперативной документации текущие события представлены пока что вне связи с таким значительным происшествием, как оставление Москвы, существенно повлиявшим на последующую оценку замыслов русского командования в сражении и способов их реализации, заставившим искать объяснение многим фактам, переиначивая их значение. Обратимся сначала к официальной переписке, в основном

---

¹ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 36.

М. И. Кутузова и других военачальников, а также к письменным приказам и распоряжениям, отдаваемым накануне, в ходе и сразу после битвы.

* * *

Рапорт М. И. Кутузова от 23 августа 1812 г.² давно введен в научный оборот, часто цитируется по частям, но не анализируется полностью.

Документ содержит информацию о планах и намерениях главнокомандующего в предстоящей генеральной битве, включая опасения по поводу причин, могущих повлечь за собой дальнейшее отступление. Кутузов сообщает императору об ограниченной численности войск, бывших у него под рукой ко дню сражения: «Прибыв к армии, нашел я оную в полном отступлении, и... полки весьма некомплектными»³. Главнокомандующий поставил императора в известность и о недостатках прибывшего подкрепления, лишь частично восполнившего потери: «По сей день вступили уже в полки кавалерийские и пехотные до 17 000 из войск, сформированных генералом от инфантерии Милорадовичем. Правда, что приведены они уже ко мне были полками одетыми и вооруженными, но, состоя вообще все из рекрут в большом недостатке штаб-, обер- и унтер-офицеров, было бы сие войско весьма ненадежно. И для того предпочел я, отправя обратно штаб-, обер- и унтер-офицеров, барабанщиков и проч. назад в Калугу к новому формированию, всех рядовых обратить к комплектованию старых полков, потерпевших в сражениях. Завтрашнего числа (24 августа. — Л. И.) поутру получу тысяч до 15-ти из Можайска Московского ополчения»⁴. Неудивительно, что при публикации рапорта в «Прибавлении к “Санкт-Петербургским ведомостям”» этот фрагмент, составляющий начальный абзац, был полностью изъят. Специалисты, указывая общую численность русской армии при Бородине, зачастую не учитывают качества ее состава, отраженного в этом документе⁵.

Следующий фрагмент рапорта содержит характеристику Бородинской позиции: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, *которую только*

---

² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. 1. Л. 223–224 об.; далее цит. по: Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 63–65. Здесь и далее все цитаты приводятся с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации источника.

³ Бородино. С. 63.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Мы намеренно не касаемся такой обширной темы исследования, как численность и потери армии, являющейся в настоящее время дискуссионной и находящейся в стадии научной разработки: *Шведов С. В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // ИСССР. 1987. № 4. С. 131–132; *Он же.* Численность и потери в русской армии //

на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством»⁶. Кутузов сдержанно оценил условия местности среднерусской полосы, избранной для битвы, и, как явствует из текста, уже 23 августа обратил внимание на уязвимость левого фланга, выразив намерение укрепить его фортификационными сооружениями. Далее он ставит императора в известность, что готовится дать именно оборонительное сражение, и это его намерение вытекает, как само собой разумеющееся, из нехватки сил и качества пополнения, исключавших в той ситуации активные наступательные действия: «Желаю, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе»⁷. В рапорте следует многозначительная фраза, заранее предвещающая Александра I о весьма вероятном, опять же с учетом условий местности, отступлении за Можайск, даже не вступая в столь ожидаемое всеми сражение: «Но ежели он (неприятель. – Л. И.), найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было, Москву защищать должно»⁸. Из этой фразы явствует, в чем, по мнению главнокомандующего, состоит главный изъян Бородинской позиции: наличие угрозы охвата флангов. В рапорте Кутузов не уточняет, по каким именно «другим дорогам» станет маневрировать неприятель. Но его указание на «слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга», позволяет сделать вывод, что 23 августа он осознал опасность, которую представляла Старая Смоленская дорога, «склонявшаяся» в обход 2-й Западной армии Багратиона в тыл боевого порядка русских войск. Фактически речь здесь идет только об одной дороге, так как Новая Смоленская дорога, пересекаемая правым флангом (1-я Западная армия Барклая де Толли), в тексте рапорта не упоминается. Таким образом, упорное продвижение неприятеля по «Старой Смоленке» могло сразу же побудить Кутузова отступить за Можайск, где пересекались обе дороги, почти параллельные друг другу при Бородине.

Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 107–117; *Он же*. Об участии ополчения в Бородинском сражении // Бородинское поле. История, культура, экология. Можайск, 2000. Вып. 2. С. 75–89; *Абалихин Б. С.* К вопросу о численности русской армии в Бородинской битве // Тезисы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992. С. 3–7; *Васильев А. А., Елисеев А. А.* Русские соединенные армии при Бородине: состав войск и их численность. М., 1997; *Васильев А. А., Попов А. И.* Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002.

⁶ Бородино. С. 74. Здесь и далее выделения в цитатах принадлежат автору книги.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Александр I распорядился убрать при публикации в газете выделенные нами слова, явно указывающие на одолевавшие Кутузова сомнения. Заметим, что в дальнейшем историки делали акцент в основном на характеристике местности, прилегавшей к деревне Семеновское, полагая, что именно отсутствие здесь значительных природных препятствий и являлось главным недостатком позиции.

Кутузов недвусмысленно указал на условия, позволяющие ему закрепить успех в том случае, конечно, если он будет достигнут: «Неизбежно, что от имеющих впредь быть сражений и самой осенней погоды последует убыль. Нужно содержать армию всегда в довольном комплекте, и для того должно Военное Министерство, не теряя времени, обращать рекрут из депотов второй линии как можно поспешнее к Москве. Между тем приказал я некоторым полкам, сформированным князем Лобановым, подойти ко мне, и ежели их найду ненадежными действовать самим собою, то выну из них рядовых, для укомплектования старых полков...»⁹ Кутузов исключает возможность решить исход кампании одним победоносным сражением. К этой мысли он пришел не после сражения, а накануне, предвидя исход столкновения и исходя из нехватки сил. Хотя Кутузов и пишет об «убыли» в полках в будущем времени, но из рапорта явствует, что в армиях уже наблюдается «довольный некомплект». Полководец настаивает на скорейшем прибытии депо второй линии, скептически оценивая возможность новобранцев «действовать самим собою»: они могут явиться подспорьем лишь в том случае, если их раскассировать по старым полкам накануне битвы, а не после, когда потери среди старослужащих солдат еще увеличатся.

Заканчивается рапорт припиской, которую император также приказал изъять из текста при публикации: «С того, что предписано мною генералу Торماسову, прилагаю при сем список». «Список» с отношения от 20 августа генералу от кавалерии А. П. Тормасову, главнокомандующему 3-й Обсервационной армией, содержал приказ «действовать на правый фланг неприятеля» и включал в себя аналогичное отношение к адмиралу П. В. Чичагову, главнокомандующему Дунайской армией¹⁰. Именно эти две армии, а не «депеты второй линии», перехватив в тылу коммуникацию противника, могли обеспечить перелом в войне, оттянув на себя часть сил неприятеля¹¹.

Особую значимость для изучения событий при Бородине представляет документ, озаглавленный «Диспозиция для 1-й и 2-й Западных армий,

⁹ Бородино. С. 64–65.

¹⁰ Там же. С. 44–45.

¹¹ Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 202.

при селе Бородине расположенных августа 24 дня 1812 г.» (далее – «Диспозиция»), опубликованный М. И. Богдановичем¹², перепечатавшим этот текст из сочинения К. Ф. Толя без ссылки на источник¹³. Специалисты почему-то обходили вниманием беловой оригинал «Диспозиции», подписанный не Кутузовым, а начальником Главного штаба Беннигсеном, хотя разница в текстах обоих документов несущественна. Именно «Диспозицию», подписанную Беннигсеном¹⁴, приводит в качестве оригинала в своих записках А. П. Ермолов¹⁵. То обстоятельство, что важный документ был подписан «интриганом» Беннигсеном, по-видимому, отвращало от него внимание специалистов.

Начиная с М. И. Богдановича специалисты рассматривают первый из названных вариантов «Диспозиции» как основной источник, дающий представление о расположении русских войск в Бородинском сражении 26 августа. Именно так этот текст постоянно комментируется в публикациях. Однако комментарии обходят молчанием существенные детали и даже содержат грубейшие ошибки¹⁶.

Главный вопрос, который возникает при анализе документа, всегда оставался открытым: когда именно он был создан и подписан. В «Диспозиции», правда, содержится указание: «1812 г. 24 августа. Главная квартира двор Татаринова». Но день 24 августа, как известно, был насыщен событиями. В первой половине дня русские войска занимались укреплением позиции, а во второй половине дня войска 2-й Западной армии сражались при Шевардино, после чего в расположение войск левого фланга были внесены существенные изменения. Насколько соответствует «Диспозиция» этим изменениям, вносились ли они в нее вообще? Анализ текста этого источника позволяет прийти к заключению: документ был подписан М. И. Кутузовым до появления армии Наполеона на Бородинском поле и нападения неприятеля на Шевардино. Так, в «Диспозиции» значится: «2-й, 4-й, 6-й, 7-й пехотные корпуса и 27-я пехотная дивизия, находящаяся на левом фланге, составляют кор де баталь и расположены в две линии»¹⁷. В документе указываются начальники «кор де баталь»:

---

¹² *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб. 1859. Т. 2. С. 533–537.

¹³ *Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов гг. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских. СПб. 1839.

¹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 16876. Л. 42–43 об.

¹⁵ *Ермолов А. П.* Записки. М., 1865. Ч. 1. С. 212–214.

¹⁶ *Поликарпов Н. П.* Боевой календарь-ежедневник // Тр. Московского отдела ИРВЮ. М., 1913. Т. IV. Ч. 1. Материалы по истории Отечественной войны. Сражение при Бородине. С. 501–523; далее цит. по: Бородино. С. 111–113.

¹⁷ Бородино. С. 80–83.

«Левый фланг, из 7-го корпуса и 27-й дивизии, под командою генерал-лейтенанта Горчакова 2-го». В действительности же 26 августа 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского оборонял центральную высоту, а 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского после «Шевардинского дела» находилась во второй линии за сводно-гренадерской дивизией генерал-майора М. С. Воронцова, о которой в «Диспозиции» сказано: «...Сводные гренадерские батальоны 2-й армии становятся за 4-м кавалерийским корпусом и составляют резерв 2-й армии»¹⁸. Убедительным доказательством того, что «Диспозиция» устарела ко дню сражения, служит упоминание о 3-м пехотном корпусе генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова: «В центре боевого порядка: ... в первой линии [находится] 3-й пехотный корпус, а за ним 5-й гвардейский»¹⁹. А. Н. Витмер не без основания называл «Диспозицию» «расплывчатой и неопределенной»²⁰: к 26 августа документ уже утратил актуальность.

Самый подробный комментарий к «Диспозиции» содержит досадную ошибку: его автор не задавался вопросом, что означает слово «кор де баталь» или «кор де баталия»²¹. В действительности термин этот означает первую линию построения пехотных корпусов в генеральном сражении²², что явствует из текста «Диспозиции»: «Правый фланг, из 2-го и 4-го корпусов, под командою генерала от инфантерии Милорадовича». А вот чем располагает Милорадович в Бородинском сражении согласно комментарию: «Правое крыло соединенных армий. Командующий генерал от инфантерии М. А. Милорадович»²³. Из-за пропуска всего одного слова «кор де баталь», показавшегося несущественным, полностью изменилось понимание круга обязанностей военачальника, которому в битве, согласно комментарию, приписаны, кроме 2-го и 4-го пехотных корпусов, «правый наблюдательно-охранительный отряд, командир полковник М. Г. Власов 3-й... Масловский оборонительный отряд под командованием генерал-майора П. П. Пассека... Бородинский передовой отряд под командованием полковника К. И. Бистрома...» и даже «2-й резервный кавалерийский корпус генерал-майора Ф. К. Корфа: 24 эскадрона, 10 конных орудий»²⁴. Генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров, по мнению историков, командовал в сражении,

---

¹⁸ Бородино. С. 80.

¹⁹ Там же.

²⁰ Витмер А. Н. Бородинский бой: опыт критического исследования // ВИС. 1912. С. 107.

²¹ Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедневник. С. 501–509. Далее цит. по: Бородино. С. 81–82.

²² Там же. С. 319.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

кроме своего 6-го пехотного корпуса, составлявшего центр «кор де баталь», еще и 3-м резервным кавалерийским корпусом, что вообще выглядит нелепо, так как термин «кор де баталь» не распространяется на кавалерийские корпуса.

На левом фланге, согласно давней традиции, войсками 2-й армии и линией «кор де баталь» безраздельно начальствовал князь Багратион. Фактическое «исчезновение» Горчакова из начальников «кор де баталь» в комментариях не объясняется так же, впрочем, как и появление 7-го корпуса Раевского в центре Бородинской позиции. 2-я сводно-гренадерская дивизия Воронцова продолжала числиться в резерве левого фланга, хотя 26 августа она была уже в первой линии. Источник не содержит сведений о перемещениях войск, произведенных ко дню битвы, их действительном расположении и подчинении отдельных воинских частей.

Ценность документа в другом: с его помощью можно составить представление об особенностях размещения русской армии до событий при Шевардине 24 августа, хотя и без «привязки» к местности. Так, еще И. П. Липранди резонно указывал на необъяснимое отсутствие упоминания 8-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта М. М. Бороздина 1-го: «Почему 8-й пехотный корпус, стоявший на левом фланге 7-го корпуса, не обозначен на плане, подобно всем другим корпусам, хотя все дивизии его: 27-я пехотная, сводно-гренадерская (Воронцова), показаны как продолжение левого фланга 7-го корпуса, а 2-я гренадерская тут же за ними, как бы во второй линии или в резерве; но обозначения корпуса на плане нет...»²⁵ Отметим, что корпуса этого нет не только на плане, но и в тексте «Диспозиции» (где, кстати, не уточняется, каким воинским соединением командует и один из начальников «кор де баталь» Горчаков). Эта загадочная ситуация не вызывала у историков интереса, хотя ее разъяснение, как и правильное толкование термина «кор де баталь», позволяет разобраться в особенностях расположения войск на позиции и их перемещениях в ходе битвы.

Сопоставим текст «Диспозиции» с другой оперативной документацией, отметив, что по сравнению с расписанием войск на начальный период войны структура воинских соединений накануне Бородина претерпела важные изменения. Особенно это касается 2-й армии П. И. Багратиона. В июне 1812 г. в состав упомянутого 8-го пехотного корпуса Бороздина 1-го входили: 2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Карла Мекленбургского, 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-май-

---

²⁵ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. Собр. статей. СПб., 1867. С. 116.

ора графа Воронцова и даже 2-я кирасирская дивизия генерал-майора О. Ф. Кнорринга²⁶. Затем к 2-й армии присоединилась на марше 27-я пехотная дивизия генерал-майора Неверовского. Генерал-лейтенант князь Горчаков 2-й, получивший назначение в армию Багратиона незадолго до Бородина, принял в командование 27-ю пехотную и 2-ю сводно-гренадерские дивизии, составившие «потерянный» в историографии корпус Горчакова, как лишь недавно удалось установить по документам РГВИА²⁷. Следовательно, при Шевардине Горчаков начальствовал участком «кор де баталь», куда входили и войска его корпуса. Однако на этом командные перемещения во 2-й армии не закончились. Накануне Бородинского сражения прибыл генерал-лейтенант князь Д. В. Голицын 5-й, по ошибке названный в приказе Кутузова и в «Диспозиции» князем Голицыным 1-м²⁸; которому следовало в отсутствие вакансий обеспечить назначение в соответствии с его чином и старшинством. 22 августа Багратион вверил ему в командование приказом всю кавалерию 2-й армии²⁹, то есть 24 августа в подчинении Голицына 5-го уже находился 4-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта К. К. Сиверса и 2-я кирасирская дивизия генерал-майора И. М. Дуки, назначенного вместо умершего Кнорринга. Это кавалерийское соединение было изъято из подчинения Бородина 1-го, фактически сохранившего на день сражения под своим командованием лишь частный резерв левого фланга – 2-ю гренадерскую дивизию. В то же время Голицын по «Диспозиции» получил в командование еще и 1-ю кирасирскую дивизию из 1-й армии Барклая де Толли: «Генерал-лейтенант князь Голицын 1-й командует 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизиями, кои соединить вместе в колонну за 5-м корпусом»³⁰.

Где бы ни «соединялись вместе в колоннах» две кирасирские дивизии перед битвой, можно было заранее предвидеть, где они окажутся в ходе самой битвы. Прежний приказ Багратиона, вверявший Голицыну всю кавалерию 2-й армии, никто не отменял. Более того, с прибытием Кутузова Барклай де Толли утратил все преимущества, которые до этого, пусть формально, но позволяли ему отдавать распоряжения Багратиону.

---

²⁶ Подмазо А. А. Российская армия в июне 1812 года // Родина. Россия и Наполеон. 2002. № 8. С. 60–69.

²⁷ Валькович А. М. Потерянный корпус: Войска князя Горчакова в 1812 году // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 16–20; в справочном издании (авторы – Васильев А. А., Елисеев А. А.) 8-й пехотный корпус значится в составе трех дивизий, в нем ошибочно числятся, кроме 2-й гренадерской, 27-я пехотная и 2-я сводно-гренадерская дивизии.

²⁸ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153в. Д. 126. Л. 112 об.

²⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб. 1911. Т. 16. С. 88–89.

³⁰ Бородино. С. 81.

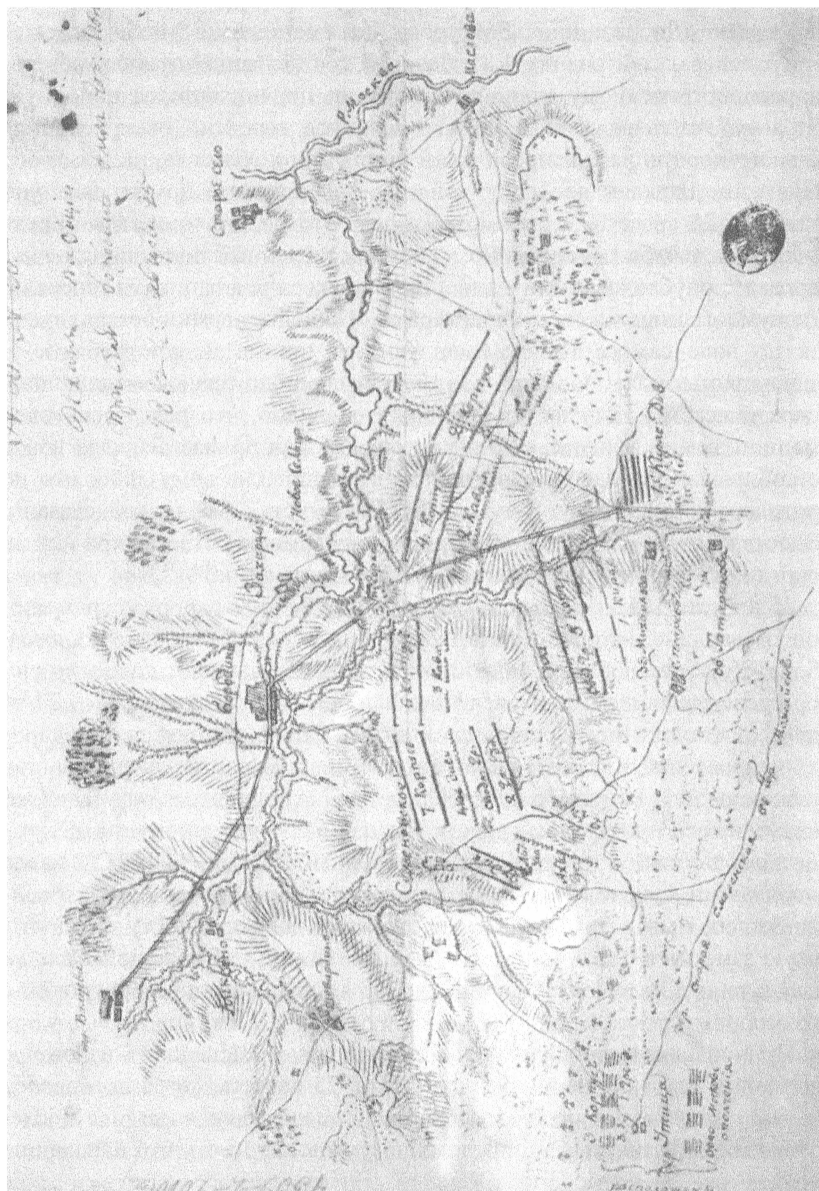
Теперь Багратион обладал преимуществом старшинства в чине, и было ясно, кому будет повиноваться князь Голицын, используя свое формальное право. (Неудивительно, что утром 26 августа Барклай де Толли не обнаружил целой бригады своей 1-й кирасирской дивизии, без его ведома вступившей в бой на левом фланге.)

«Диспозиция...» наглядно свидетельствует о переизбытке полных генералов (генералы от инфантерии М. И. Кутузов, П. И. Багратион, М. Б. Барклай де Толли, М. А. Милорадович, Д. С. Дохтуров и генералы от кавалерии Л. Л. Беннигсен и М. И. Платов) и генерал-лейтенантов, что создавало для Кутузова значительные трудности в управлении войсками. С этой точки зрения «Диспозиция» – очень важный документ эпохи, указывающий на реалии того времени, проясняющие многое из того, что происходило на Бородинском поле. Так, прибытие без команды генерала от инфантерии Милорадовича заставило Кутузова передать в его подчинение 2-й и 4-й пехотные корпуса, создав сложную систему одновременного подчинения этих корпусов: Милорадовичу, как начальнику «кор де баталь» правого фланга, Барклаю де Толли, как главнокомандующему армией, куда входили эти войска, и, наконец, самому Кутузову как главнокомандующему соединенными армиями, не считая Ермолова как начальника Главного штаба армии Барклая и Беннигсена как и.о. начальника Главного штаба соединенных армий, облеченного согласно «Учреждению для управления Большой действующей армии (СПб., 1812)» властью, почти равной главнокомандующему.

Определение к должности Милорадовича неизбежно повлекло за собой назначение начальником центра «кор де баталь» генерала от инфантерии Дохтурова, которому, однако, не подчинялся командир 7-го пехотного корпуса 2-й армии генерал-лейтенант Раевский. Таким образом, назначение Дохтурова распространялось в центре лишь на войска 1-й армии. Но в день битвы и это было неактуально потому, что Дохтуров отсутствовал в центре во время боевых действий, получив назначение на левый фланг, но и там он, как выяснилось, оказался по недоразумению. Вот что писал по этому поводу Дохтуров своей супруге: «Я во время последнего сражения командовал 2-ю армиею наместо князя Багратиона, какой был ранен; после же сражения, когда Кутузов узнал, что я моложе Милорадовича, то он очень передо мной извинялся, что должен армию, как старшему препоручить ему. Я не был сим нимало оскорблен, ибо по старшинству сие следует»³¹. Отметим, что в данном случае речь идет о старшинстве в чине, по возрасту же Дохтуров был чуть моложе Кутузова.

---

³¹ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // РА. 1874. Кн. I. Стб. 1099.

План позиции при селе Бородине,
составленный капитаном Е. Траскиным (1812)

Судя по «Диспозиции», Дохтурову был подчинен и 5-й гвардейский корпус генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова, составлявший главный резерв, по распространенному мнению историков, подчинявшийся напрямую Кутузову. Эта явная ошибка, которая возникла, вероятно, из-за невнимательного прочтения и неправильной атрибуции документа, называемого «Приказом Барклая де Толли войскам 1-й Западной армии накануне сражения 25 августа». На самом же деле это не что иное, как приказ начальника штаба 1-й армии Ермолова, составленный по распоряжению Барклая³², опубликованный в качестве приложения к запискам генерала. В документе имеется следующая фраза: «Общей же армии резерв, иначе как по воле самого Главнокомандующего никуда не употреблять»³³. Специалисты полагают, что в этом случае под главнокомандующим подразумевается Кутузов, но из текста очевидно, что речь здесь идет именно о самом Барклае, от лица которого издан приказ. Барклай вовсе не собирался передавать свои войска в подчинение кому-либо, что не противоречило приказу Кутузова от 18 августа 1812 г., где сказано: «Власть каждого из гг. Главнокомандующих армиею остается при них на основании “Учреждения больших действующих армий”»³⁴.

25 августа 1812 г. Кутузов направил императору рапорт о сражении при Шевардине, которое в историографии упорно обозначается словом «бой». Кутузов сообщает подробности о «Шевардинском деле», до сих пор представляющем много неясного для историков. Он писал: «...24-го числа с отступлением арьергарда к кор-де-баталь неприятель предпринял направление в важных силах на левой наш фланг, находящийся под командою князя Багратиона. Видев стремление неприятеля главнейшими силами на сей пункт, дабы сделать таковой надежнее, призвал я за нужное загнуть оный к прежде сего укрепленным возвышениям. С 2 часов пополудни и даже в ночи *сражение* происходило жаркое весьма, и войски Вашего Императорского Величества в сей день оказали ту твердость, какую заметил я с самого приезда моего к армии... И вообще *войска не уступили ни одного шага* неприятелю, но везде поражали его с уроном с его стороны»³⁵.

Причины, характер и исход столкновения у Шевардина изложены Кутузовым с точки зрения ситуации утра 25 августа, когда полководец не имел надобности переосмысливать происшествие в связи с последующими событиями. Он определенно указывает на то, что нападению

---

³² Ермолов А. П. Записки. М., 1865. С. 215–216.

³³ Бородино. С. 89.

³⁴ Там же. С. 22.

³⁵ Там же. С. 86–87.

противника подвергся левый фланг «кор-де-баталь», а не какой-нибудь «передовой отряд», возникший в поздних описаниях. Кутузов не склонен преуменьшать масштабов события. Результатом нападения противника явилось сражение «жаркое весьма», а вовсе не арьергардный бой местного значения. Русские войска, по словам Кутузова, не уступили неприятелю «ни одного шага», хотя здесь же сообщается о перемещении левого фланга как о следствии «стремления неприятеля». Правда, левый фланг «загнулся» к «прежде сего укрепленным возвышениям», но из текста не совсем понятно, почему нельзя было занять эту позицию до нападения противника. В этом случае из рапорта явствует, что именно этой второй позиции русские войска не уступили «ни одного шага».

В рапорте не упоминается ни одного топонима, тем не менее из него можно сделать вывод, что схватка при Шевардине имела целью не допустить неприятеля именно к этим «прежде укрепленным возвышениям», то есть к Семеновскому. К этому же документу Кутузов приложил план или «кроки позиции при Бородине 25 августа», или же, как он сам выразился, «сколок с позиции», где показано расположение русских войск к началу битвы 26 августа, когда в районе Шевардина уже находились главные силы Наполеона. Сложности в толкованием назначения Шевардинского редута Кутузова тоже пока не волновали.

Документы, предшествующие битве, позволяют сделать следующие выводы. Рапортом от 23 августа 1812 г. Кутузов известил Александра I о своих планах и намерениях в генеральном сражении. Он поставил императора в известность об ограниченной численности регулярных войск накануне сражения, не скрывая недостатков прибывшего подкрепления – новобранцев и ополченцев, подчеркнул значимость содействия с флангов армий А. П. Тормасова и П. В. Чичагова. Кутузов объективно оценил достоинства и недостатки Бородинской позиции, указав на возможность флангового обхода левого крыла как на главную опасность, которая принудила бы его отступить, даже не принимая сражения.

Оригинал «Диспозиции» от 24 августа 1812 г., подписанный Беннигсеном, специалисты не вводили в научный оборот, предпочитая использовать черновой вариант документа, опубликованный М. И. Богдановичем. Комментарий к документу содержит грубейшие ошибки в толковании военных терминов и обходит молчанием существенные детали. В частности, это касается датировки источника. «Диспозиция» не соответствует расположению войск ко дню битвы 26 августа, но указывает на порядок их размещения накануне «Шевардинского дела» 24 августа. Этот документ содержит ценные сведения об управлении русской армией при Бородине – тема, не привлекавшая внимание

специалистов, допускающих ошибки из-за неправильного толкования этого источника.

Рапорт Кутузова от 25 августа 1812 г. содержит описание «Шевардинского дела», позволяя установить, что последующие версии событий 24 августа со временем приобрели в историографии совершенно иное толкование: «адское дело на левом фланге», как назвал его Кутузов, стали рассматривать в качестве арьергардного боя, что не соответствует показаниям синхронных источников.

* * *

Первые документы, в которых сообщалось о состоявшемся сражении, – рапорт М. И. Кутузова Александру I от 27 августа, помеченный словами: «позиция при Бородине» и «Официальные известия из армии от 27 августа»³⁶.

Рапорт главнокомандующего был лаконичен в той части, где излагался ход сражения. Вероятно, целью Кутузова было не столько изложить подробности самой битвы, сколько мотивировать свои последующие действия, а именно: оставление поля боя неприятелю, невзирая на одержанный успех. Главнокомандующему, очевидно, непросто было подписать текст рапорта, где сразу же после абзаца, заканчивающегося словами «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли», следовали настораживающие подробности, могущие оказаться убийственными для репутации полководца. Кутузов писал: *«Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армия не могли не расстроиться и за потерю, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно, стала обширнее и войскам невместною, а потому, когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском, и, собрав расстроенные баталиею войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским, в теплом уповании на помощь Всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск увижу я, что могу предпринять противу неприятеля»*³⁷.

Рапорт был опубликован в «Прибавлении к “Санкт-Петербургским ведомостям”» № 71 от 3 сентября. В это время армия Наполеона уже вторые сутки находилась в Москве, и это обстоятельство сделалось тем

³⁶ Бородино. С. 101–102, 111–113.

³⁷ Там же. С. 102.

более неожиданным для большинства россиян, что в напечатанном тексте рапорта ничто не предвещало подобной катастрофы. Дело в том, что император приказал при публикации изъять кусок текста (выделенные нами слова), и содержание документа существенно изменилось. Сокращению подверглась и фраза «я взял намерение отступить 6 верст», по поводу которой Александр I писал своей сестре великой княгине Екатерине Павловне: «Эти роковые 6 верст, отравившие мне радость победы»³⁸. Император заподозрил неладное, хотя 30 августа в день его тезоименитства при большом скоплении народа в Троицком соборе Александро-Невской лавры рапорт Кутузова был оглашен полностью и.о. военного министра князем А. И. Горчаковым 1-м³⁹. 31 августа царь подписал рескрипт о пожаловании Кутузову чина генерал-фельдмаршала, соответственно повелев его супруге «быть двора нашего статс-дамою»⁴⁰.

Позднее недоброжелатели Кутузова, основываясь на газетной публикации, утверждали, будто «лживый старик» обманом получил чин фельдмаршала, скрыв от Александра I в рапорте факт отступления с Бородинского поля⁴¹. Однако император читал оригинал рапорта, из которого, даже вопреки его заверениям сестре, он не узнал в общем-то ничего нового: Кутузов предупредил его о возможности отступления с Бородинского поля в рапорте от 23 августа. Теперь же полководец по-прежнему ожидал прибытия «депотов второй линии» Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля, «Московской силы» во главе с Ростопчиным⁴². По иронии судьбы в тот же день, когда в Троицком соборе читали рапорт Кутузова от 27 августа, сам он получил именной рескрипт императора от 24 августа, где говорилось: «Касательно же упоминаемого вами распоряжения о присоединении и от князя Лобанова новоформируемых полков я нахожу оное к исполнению невозможным... А посему и нахожу необходимым, чтобы вы формируемых полков под ведением генерала Лобанова и генерал-лейтенанта Клейнмихеля в армию не требовали»⁴³.

О самой битве в рапорте сообщалось: «Сражение было общее и продолжалось до самой ночи. Потеря с обеих сторон велика: урон неприятельской, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить. Войски Вашего Императорского Величества сражались с неимоверною храбростию. Батареи переходили

---

³⁸ Вел. кн. Николай Михайлович. Переписка императора Александра с сестрой... С. 82.

³⁹ Дурново Н. Д. Дневник 1812 // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 91.

⁴⁰ Бородино. С. 133.

⁴¹ Ростопчин Ф. В. Записки о 1812 годе // Ох, французы! М., 1992. С. 298.

⁴² Бородино. С. 117.

⁴³ Там же. С. 78–79.

из рук в руки и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами»⁴⁴. Потери среди командного состава оговаривались особо. Известие о ранении главнокомандующего 2-й армией позволяло делать выводы об ожесточенном характере военного столкновения: «К сожалению, князь Петр Иванович Багратион ранен пулею в левую ногу». Далее перечислены: «генерал-лейтенанты Тучков [1-й. – Л. И.], князь Горчаков [2-й. – Л. И.], генерал-майоры Бахметевы [1-й и 2-й. – Л. И.], граф Воронцов, Кретов ранены». Отсутствуют сведения о погибших генерал-майорах гр. А. И. Кутайсове и А. А. Тучкове 4-м, вероятно, оттого, что тела обоих обнаружены не были, и главнокомандующий должен был собрать сведения о них как о пропавших без вести и дожидаться подтверждения неприятельской стороны, что они не находятся в плену.

В документе содержались неточности в описании хода сражения. Так, в нем говорится: «... в 4 часа с рассветом направил [неприятель] все свои силы на левой фланг нашей армии». Но 4 часа утра – это слишком рано для наступления рассвета при Бородине в это время года. При солнечной погоде, а день 26 августа выдался именно таким, рассвет наступает не ранее 6.00. Явным преувеличением явилась фраза, что неприятель «нигде не выиграл ни на шаг земли». Самое удивительное – в рапорте ни словом не упоминается о событиях в центре, в том числе вокруг багареи Раевского, которую впоследствии стали называть не иначе, как «ключом позиции». Ни словом не обмолвился главнокомандующий о нападении на село Бородино на правом фланге и о рейде кавалерии Уварова и Платова, которому впоследствии в историографии будет придаваться особое значение.

С точки зрения полноты первой версии о сражении, возникшей еще в период до оставления Москвы, более интересны «Официальные известия из армии от 27 августа» (далее «Официальные известия»). Они печатались на французском языке и предназначались «для населения Европейских стран и войск противника»⁴⁵. Их печатный вариант хранится в РГВИА⁴⁶, а рукописный – был обнаружен А. Г. Тартаковским в ГАРФ⁴⁷.

Изучением содержания этого документа, а также историй его возникновения и датировкой занимались Ю. М. Лотман и А. Г. Тартаковский. Они пришли к выводу, что «Официальные известия» предшествовали рапорту Кутузова на том основании, что в них не сообщается об

---

⁴⁴ Бородино. С. 101–102.

⁴⁵ Там же. С. 111–113.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3524. Л. 8.

⁴⁷ *Тартаковский А. Г.* Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962. С. 42–43.

отступлении⁴⁸. Так, Ю. М. Лотман писал о вероятном времени появления «Официальных известий»: «Листовка, изданная на следующий день после Бородинского сражения, была составлена, видимо, в ночь с 26 на 27 августа, о чем свидетельствует сочетание подробнейших деталей в описании событий первого из этих дней с полным незнанием того, что произошло наутро второго»⁴⁹. Основываясь на текстуальных совпадениях обоих источников, А. Г. Тартаковский сделал заключение: «Поскольку рапорт был составлен уже после издания листовки, следует полагать, что в ее подготовке непосредственно участвовал сам Кутузов»⁵⁰.

В «Официальных известиях», помимо отсутствия упоминания о «б верстах», наличествуют совершенно невероятные сведения: «На следующий день генерал Платов был послан для его [неприятеля. – *Л. И.*] преследования и нагнал его аррьергард в 11-ти верстах от деревни Бородино»⁵¹. Вот как представлялась ученому обстановка, в которой родилась эта фраза: «В этой атмосфере ожидавшей наутро битвы в Главной квартире и могла вполне естественно явиться мысль о наступательных действиях войск Платова, которые составляя прикрытые руской армии, в случае атаки на противника должны были первыми перейти в наступление»⁵². На это следует возразить: казаки никогда не использовались первыми для атаки противника в регулярном сражении. Они могли прикрывать отход русских войск с позиции, как это было после Бородинского сражения; они могли преследовать расстроенного неприятеля; совершать разведывательные действия, внезапные рейды во фланг и в тыл, угрожая обозам, но противостоять регулярным силам в полевом сражении были не в состоянии, и странно приписывать военным того времени подобные намерения.

«Официальные известия» не могли предшествовать рапорту по ряду причин. Во-первых, Кутузов прежде всего должен был известить обо всем случившемся императора, а не заботиться о том, в каком виде события предстанут перед «европейской общественностью». Следовательно, в основу «Официальных известий» был положен рапорт, а не наоборот. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется текстуальное совпадение. Во-вторых, не сам Кутузов составлял эти документы, а те, кому он поручал это сделать. В частности, рапорт был составлен будущим историком, а

---

⁴⁸ Тартаковский А. Г. Листовки Отечественной войны...; Лотман Ю. М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 215–233.

⁴⁹ Лотман Ю. М. Походная типография. С. 223.

⁵⁰ Тартаковский А. Г. Листовки Отечественной войны... С. 42.

⁵¹ Бородино. С. 113.

⁵² Тартаковский А. Г. Листовки Отечественной войны... С. 42.

при Бородине – адъютантом Кутузова А. И. Михайловским-Данилевским. Он оставил свидетельство о времени появления рапорта, на которое не обратили внимания исследователи. Это свидетельство позволяет судить об обстановке в Главной квартире Кутузова, чуждой эйфорическим настроениям, которые, по мнению некоторых специалистов, там царили. Так, Михайловский-Данилевский писал: «К концу сражения все были истощены от усталости, потому что мы находились верхом на лошадях 18 часов; я лег спать, но едва закрыл глаза, как меня вызвали к Главнокомандующему, которого я застал вдвоем с Беннигсеном, рассуждающих о том, что надлежало предпринять... Светлейший велел мне в своей комнате написать донесение к Государю и еще разные другие бумаги, за которыми я провел до двух часов пополуночи, а в сие время я сел верхом и поехал с полковником Кайсаровым, чтобы устроить некоторый порядок в отступлении артиллерии... Армия находилась уже на марше, различные чувства увидел я при рассвете на лицах офицеров и солдат...»⁵³

Адъютант Кутузова, регулярно заполнявший на походе свой дневник, отметил, что первой заботой главнокомандующего был рапорт Александру I. «Официальные известия» в лучшем случае могли попасть в разряд упомянутых здесь же «разных других бумаг». В момент отступления у армии были дела поважнее. Едва лишь стихли залпы орудий, Кутузов обратился с одинаковым распоряжением к Барклаю и к Дохтурову: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, *завязавши уже дело с ним*, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем. *Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии*»⁵⁴. Михайловский-Данилевский, приводя текст этого приказа в своем сочинении, «потому что я оно не нашел ни в одном сочинении об Отечественной войне», снабдил публикацию комментарием прямо противоположным по смыслу: «Из сего важного документа видно, что на отступление решились ввечеру, когда подробно узнали о претерпенных нами потерях»⁵⁵. Кутузова же вынуждало к новому сражению опасение, что он не сможет вывести с поля боя войска, пришедшие в неизбежное расстройство, и, главное, угроза потери артиллерии. Главнокомандующий невольно проговорился о своих замыслах, когда счел нужным объяснить соратникам не причины отступления, а, напротив, намерение атаковать. Убедившись же в пассивном поведении противника, который не препятствовал отходу русских

⁵³ Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1812 год // ИВ. № 10. С. 145–146.

⁵⁴ Бородино. С. 95.

⁵⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1812 год. С. 145.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1747–1813),
светлейший князь, при Бородине генерал от инфантерии,
главнокомандующий Российскими армиями.
За Бородинское сражение произведен в чин генерал-фельдмаршала

и преследовал вяло, Кутузов немедленно приказал оставить позицию, и только теперь он мог приступить к составлению бумаг, оповещавших царя и общественность о победоносном исходе сражения. Отметим, что в русской армии потеря артиллерийского орудия приравнивалась к потере знамени⁵⁶. Если бы Кутузов лишился артиллерии, покидая позицию, то весь предыдущий успех был бы перечеркнут потерей «материальной части армии», и в этом случае и победный рапорт и «Официальные известия» вообще лишались бы всякого смысла. Таким образом, оба документа были составлены в то время, когда позиция уже была оставлена русскими войсками. На замечание исследователей о том, что Кутузов «не мог обманывать», возразим словами самого же Кутузова, сказанными Ермолову: «Голубчик, не все можно писать в рапортах»⁵⁷.

Отличием «Официальных известий», свидетельствующим о том, что они создавались не сгоряча, а уже после рапорта, является пространный зачин документа, сообщающий о прибытии к армии 17 августа Кутузова в Царево Займище, где намеревался дать сражение Барклай де Толли: о Кутузове говорилось: «Он нашел 1-ю и 2-ю армии соединенными, но отступающими на Гжатск и покидающими Вязьму, где генерал Барклай де Толли признал позицию недостаточно выгодной. Князь Кутузов решил со своей стороны не давать сражение до тех пор, пока не получит подкрепление»⁵⁸. Так, в документе впервые открыто признавалась главная причина, побуждавшая русскую армию к отступлению, — нехватка войск.

Сообщение о малочисленности русских армий в «Официальных известиях», распространяемых не только за границей, но и в России, могло быть вызвано случаем, даже в тех трагических обстоятельствах не утратившим характер курьеза. Московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин, как явствует из его переписки с П. И. Багратионом, имел обыкновение присылать в армию свои афиши, или «Дружеские послания от Главнокомандующего в Москве к жителям ее»⁵⁹. Будучи человеком увлекающимся, в афише № 7 от 17 августа он неожиданно выдал секретные сведения о численности обеих армий: «Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему: в армиях 130 000 войска славного»⁶⁰.

---

⁵⁶ Рескрипт Александра I М. И. Кутузову о порядке представления к наградам // Бородино. С. 79.

⁵⁷ Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий в 1812 году // Сочинения. Т. 2. СПб., 1895. С. 79.

⁵⁸ Бородино. С. 111.

⁵⁹ Письмо П. И. Багратиона Ф. В. Ростопчину от 14 августа 1812 года // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 97–100, 108–109.

⁶⁰ Ростопчин Ф. В. Афиши 1812 года или дружеские послания от Главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ох, французы! М., 1992. С. 210.

Свидетельство о том, какое впечатление произвела на население эта информация не в меру разоткровенничавшегося Ростопчина, содержится в записках М. И. Маракуева: «В одной из тех афишек он, писавши о дешевизне говядины в Москве, исчисляет тут же всю российскую армию. Ничего в то время пагубнее выдумать невозможно было, как это исчисление. Армии насчитал он до 120 тысяч, между тем как публика полагала, что ее есть налицо от 400 тысяч»⁶¹. Неожиданность этих «исчислений» усугублялась прежними заверениями самого же Ростопчина. В афише № 1 от 1 июля в форме обращения к Наполеону сообщалось: «А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600 000, да забритых 300 000, да старых рекрутов 200 000»⁶².

В неловкой ситуации, спровоцированной высокопоставленным лицом, естественно, ничего не оставалось делать, как дать соответствующее разъяснение и, признав факт нехватки войск, выражать надежду на прибытие подкрепления.

Кто был автором «Официальных известий»? Отмеченные текстуальные совпадения с рапортом указывают на то, что и здесь, возможно, не обошлось без участия Михайловского-Данилевского. Приведенный выше фрагмент позволяет также предположить, что активное участие в создании документа принял директор дипломатической канцелярии Кутузова барон И. О. Анштетт. Впоследствии он регулярно выполнял обязанности по составлению подобных документов. В частности, им были составлены «Известия» о взятии Вереи и о Березинской переправе⁶³. Вступление «Официальных известий» напоминает другое сочинение Анштетта, составленное им совместно с К. В. Нессельроде в начале войны (его содержание подробно описывается в мемуарах А. С. Шишкова⁶⁴). Именно этот текст был предложен тогда Александром I Шишкову для переработки в Манифест, объясняющий отступление русских армий в качестве «некой хитрости, обещающей нам огромную победу». Шишков отказался работать с этим сочинением, ввиду того что «бумага эта от начала до конца не с таким достоинством написана, как ей быть должно». Смущали Государственного секретаря и другие обстоятельства: «Вид бегства всей армии при самом начале войны, сие быстрое стремление неприятеля и сие, без всякого сопротивления, уступание ему стольких городов, земель и селений приводили всякого в уныние. Самая надежда на войска ослабе-

⁶¹ Маракуев М. И. Записки ростовца М. И. Маракуева // РА. 1907. № 5. С. 112.

⁶² Ростопчин Ф. В. Афиши 1812 года. С. 214.

⁶³ Тартаковский А. Г. Листовки Отечественной войны. С. 42–43.

⁶⁴ Шишков А. С. Домашние записки // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 129.

вала; ибо они разделены были на главные части: ...неприятель почти уже находился между ними, не допуская их до соединения»⁶⁵.

И вот только теперь после кровопролитного 15-часового сражения обстоятельства позволили употребить в «Официальных известиях» строки из не состоявшегося прежде манифеста: «Таким образом, наша армия беспрерывно укреплялась, приближаясь к своим базам, тогда как французские армии, удаляясь от своих подкреплений, ослабевали, продвигаясь вперед. Такой план действий казался наиболее подходящим, чтобы компенсировать численное превосходство, которое представляли неприятелю все государства Европы. Направляемый и выполняемый князем Кутузовым, он не замедлил дать блестящие результаты»⁶⁶.

Александр I, безусловно, узнал эти строки из бумага, сочиненной по его просьбе в июне 1812 г. Анштеттом и Нессельроде («Анстет и Нессельроде ходили часто к Государю и нечто ему читали», – вспоминал впоследствии Шишков⁶⁷). Так называемый «скифский план» был впервые «обнародован» при Кутузове. Можно себе представить состояние его предшественника Баркляя де Толли, который объяснял отступление своей армии то «ошибками Багратиона», то «недеятельностью Тормасова»⁶⁸. Занятый этими «мелочами» бывший военный министр совершенно упустил из виду «большую стратегию» и только теперь увидел самый главный аргумент своего оправдания – наличие «скифского плана», объясняемого преднамеренностью действий, то есть всего того, о чем так связно, складно и, главное, к месту было написано в «Официальных известиях» в отношении Кутузова.

После преамбулы следовало подробное описание событий при Бородине, осмысленное уже после того, как долгожданное генеральное сражение стало фактом. Но вот что поразительно: в документе ни словом не упоминается о наличии какой-нибудь связи между генеральной битвой и необходимостью защиты Москвы. Название древней столицы возникло здесь лишь однажды: «Князь Кутузов решил со своей стороны не давать сражений до тех пор, пока не получит подкреплений, которых он ожидал из Москвы и Калуги»⁶⁹. Это еще раз подтверждает, на наш взгляд, что основной текст «Официальных известий» был составлен иностранцем, едва ли не из тех, кто утверждал, «что первый пистолетный выстрел

---

⁶⁵ Шишков А. С. Домашние записки. С. 129–130.

⁶⁶ Бородино. С. 111.

⁶⁷ Шишков А. С. Домашние записки. С. 129.

⁶⁸ Письмо М. Б. Баркляя де Толли Ф. В. Ростопчину от 10 августа 1812 года // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 89; М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 86.

⁶⁹ Бородино. С. 111.

должен раздаться только под Смоленском», то есть Анштеттом⁷⁰. В противном случае чем еще можно объяснить исчезновение из поля зрения сочинителя таких животрепещущих военно-политических аспектов, как участь Москвы и средств ее защиты. В этом, пожалуй, заключается главное различие между рапортом от 27 августа и «Официальными известиями». Очевидно, Кутузов был настолько поглощен решением насущных военных проблем (отразившихся в его переписке), что не уделил должного внимания этому документу и вряд ли принимал участие в его сочинении, по-видимому доверив это занятие в основном И. О. Анштетту и начальнику походной типографии А. С. Кайсарову.

В «Официальных известиях», как и в рапорте от 23 августа, сообщается: «Деревня Бородино, расположенная в 12-ти верстах от этого города [Можайска], была пунктом, где он [Кутузов] решился ожидать подхода противника»⁷¹. Здесь имеется расхождение с рапортом от 27 августа, где Кутузов явно оговорился, сообщив, что он решился отступить «6 верст, что будет за Можайском», то есть он уже на марше отсчитывал расстояние не от села Бородина, где была избрана позиция, а, очевидно, от своей Главной квартиры в деревне Татариново. Не исключено, что именно эта «описка» Кутузова позволила Н. А. Троицкому полагать, что главнокомандующий там же находился и во время сражения. Ученый упустил из виду, что ночь перед битвой Кутузов провел недалеко от своего командного пункта в деревне Горки «позади центра русских армий»⁷².

Описание позиции при селе Бородине хотя и краткое, но уже содержит отличие по сравнению с рапортом от 23 августа и тем более не совпадает с историографической традицией. «Позиция позади деревни [Бородино. – Л. И.] была достаточно сильной в центре и на правом фланге, прикрытая оврагом и глубоким ручьем. Но левый фланг, опиравшийся на деревню Семеновскую, не имел этих преимуществ. Он мог бы быть обойден по Старой Смоленской дороге на Можайск. Главнокомандующий, чтобы устранить эти недостатки, приказал укрепить левое крыло. Он заставил построить несколько редантов [флешей. – Л. И.] налево от деревни Семеновское и редут перед ее фронтом на расстоянии полутора пушечных выстрелов. Этот редут считали обособленным сооружением, который даже в случае его потери ничего не менял в системе обороны и должен был, главным образом, на некоторое время не дать противнику приблизиться»⁷³.

---

⁷⁰ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 37.

⁷¹ Бородино. С. 111.

⁷² Троицкий Н. А. 1812 – великий год России. М., 1988. С. 156.

⁷³ Бородино. С. 111–112.

Подтверждая незыблемость выводов о превосходстве позиции правого фланга, документ содержит важные данные об особенностях местности на левом фланге, постепенно исчезающие или видоизменяющиеся в историографии. Во-первых, в этом документе определенно говорится, что левый фланг опирается именно о деревню Семеновское; ни рапорты Кутузова, ни «Диспозиция» этих сведений из-за краткости не содержат. Анализируемые нами источники не дают какого-либо описания ландшафта перед деревней Семеновское и тем более перед флешами. Главный недостаток, на который указывают все синхронные источники, — угроза обхода левого фланга по Старой Смоленской дороге. Именно для того, чтобы уменьшить эту опасность, интервал между Семеновским и Утицким лесом, скрывающим Старую Смоленскую дорогу, был прикрыт редантами, или Семеновскими флешами, усиливавшими оборонительную возможность самой деревни за Семеновским оврагом. Со временем понятие левого фланга даже в источниках претерпело существенные изменения, сузившись до упомянутых флешей.

Наконец, в «Официальных известиях» появляется необъяснимый с точки зрения военного искусства сюжет, связанный с редутом, возведенным на расстоянии полутора пушечных выстрелов перед фронтом. Речь здесь идет, конечно же, о Шевардинском редуте. В рапорте от 25 августа, содержащем сведения о перемещении левого крыла, назначение редута было еще понятным: с его помощью прикрывался отход 2-й армии на позицию к Семеновскому. Теперь же, в отсутствие упоминания о перемене позиции, цель этого сооружения выглядит сомнительной: «на некоторое время не дать противнику приблизиться». Но защищать укрепления в полутора пушечных выстрелах от основной позиции было совершенно бесполезно, тем более что в «Официальных известиях» отмечалось, что теперь «этот редут... даже в случае его потери ничего не менял в системе обороны». После этого резонного замечания в «Официальных известиях» сообщается, что именно из-за этого укрепления 24 августа неприятель «завязал ожесточенный бой сначала с арьергардом под командованием генерал-лейтенанта Коновницына, занявшего позицию, а затем с армией князя Багратиона, составляющей левое крыло»⁷⁴. И вот этот «редут, который был нестроен из-за твердости грунта, был энергично защищаем, начиная с 4 часов пополудни и до ночи, он четыре раза переходил из рук в руки»⁷⁵. Зачем всей армии Багратиона, находившейся на недосыгаемой для артиллерии дистанции от укрепления, ничего не менявшего в системе обороны, ввязываться в такое кровопролитие

---

⁷⁴ Бородино. С. 111.

⁷⁵ Там же.

накануне генерального сражения? В «Официальных известиях» касательно этих событий мы видим только множество вопросов, на которые впоследствии специалисты отвечали по-разному, что составляет своеобразие отечественной историографии.

Не меньшее число вопросов порождают теперь уже и замыслы Кутузова в том виде, как они представлены в «Официальных известиях». В тексте сказано: «Главкомандующий, предвидевший, что его левый фланг будет главным пунктом атак, расположил войска следующим образом: 2-й, 4-й, 6-й и 7-й корпуса составляли две пехотные линии, позади которых были расположены все кавалерийские корпуса. Гвардейский корпус был в резерве между центром и левым флангом, который кроме того был прикрыт 8-м корпусом. Чтоб еще лучше обеспечить оборону слабого пункта позиции генерал-лейтенант Тучков с 3-м корпусом и частью Московского ополчения был размещен в засаде за кустарником на крайнем левом фланге, имея действовать по Старой Смоленской дороге на правый фланг и тыл французов, тот час же, как они начнут атаковать и будут пытаться обойти наш левый фланг»⁷⁶. Отметим, что здесь опять повторяется мысль об угрозе обходного движения по Старой Смоленской дороге.

Конечно, если не знать, где конкретно на местности располагались перечисленные войска, то может показаться, что Кутузовым были приняты достаточные меры для защиты левого фланга. Но обратившись к карте, мы увидим основную массу войск, сосредоточенную между оконечностью правого фланга и центром. Получается, что расположение войск никак не связано с «предвидением» главнокомандующего. В центре у батареи Раевского расположен и 7-й пехотный корпус 2-й армии, оборонявшей левый фланг, «который кроме того был прикрыт 8-м корпусом». Последнее примечание невольно расценивается как ирония: строго говоря, лишь 8-й пехотный корпус из всех перечисленных здесь войск и находился на левом фланге у Семеновского.

Выводов здесь напрашивается два. Во-первых, при Бородине у русского командования в лице Кутузова не существовало, как в этом убеждают «Диспозиция», рапорт от 27 августа и «Официальные известия», четкого определения, где находится граница между левым и правым флангом, что опять же вступает в противоречие с историографической традицией. Так, ни один специалист сейчас не усомнится в том, что батарея Раевского находилась в центре русской позиции, однако для русского командования эта центральная высота до тех пор, пока ее обороняли войска армии Багратиона, входила в понятие левого фланга. Именно так,

---

⁷⁶ Бородино. С. 112.

например, считал генерал-майор И. Ф. Паскевич, чья 26-я дивизия входила в 7-й пехотный корпус. Для Кутузова же центр условно, согласно «Диспозиции», состоял из войск 1-й армии, находившихся южнее Новой Смоленской дороги до соприкосновения с правым флангом 2-й Западной армии. Вероятно, по этой причине ни о каком центральном люнете, или батарее Раевского, ни в рапорте, ни в «Официальных известиях» не упоминается. Во-вторых, Кутузов, видя очевидную угрозу левому флангу, разместил основные силы все же на правом фланге ближе к Новой Смоленской дороге.

В «Официальных известиях» устранена неточность, вкраившаяся в рапорт от 27 августа, где сообщалось о раннем рассвете в 4.00 и о противнике, который в это время устремился на левый фланг, «пользуясь туманом». В листовке сказано: «В 4 часа утра неприятель, пользуясь густым туманом, начал свое движение к нашему левому флангу»⁷⁷. Сам факт соответствует действительности, так как передвижение войск в неприятельском стане было связано с выходом на исходные для атаки места.

Вот что сообщается далее в «Официальных известиях»: «Основные усилия были направлены на наш левый фланг. Атака флешей была наисильнейшей и оборона их самой ожесточенной. Борьба за них продолжалась с 7-и часов утра и до 10-и с беспримерным ожесточением и упорством. В этом кровавом бою во время штыковой атаки был ранен генерал-майор граф Воронцов. Главнокомандующий второй армии князь Багратион был ранен вскоре после того».⁷⁸ Этот абзац очень важен с точки зрения времени и последовательности событий. Определенно указано время боя за флешу – с 7.00 до 10.00. В бою за флешу ранены и граф Воронцов, и князь Багратион. В наградном списке Воронцова говорится, что он был «ранен часу в 8-м»⁷⁹, о Багратионе же сказано, что он был ранен вскоре после ранения Воронцова, следовательно, тоже довольно рано. Последующие события на левом фланге в «Официальных известиях» изложены неопределенно: «Все атаки неприятеля на левый фланг нашей позиции как его пехотой, так и его кавалерией были бесплодны и отбиты с такими потерями, что даже ту часть территории, которой он завладел утром, он был вынужден покинуть к вечеру. Его атаки на центр имели не больше успеха»⁸⁰.

Из «Официальных известий» создавалось впечатление, что главные события на левом фланге знаменовались боем за флешу. Может быть,

---

⁷⁷ Бородино. С. 112.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 4. Ч. 1. Св. 0. Л. 85 об.

⁸⁰ Бородино. С. 112.

подобному впечатлению способствовало сообщение о ранениях генералов Воронцова и Багратиона. В этом документе бой за деревню Семеновское не отражен вообще, что еще раз подтверждает тот факт, что листовка сочинялась без вмешательства Кутузова и, вероятно, штатским лицом, допустившим важную бестактность. Именно в бою за Семеновское отличились полки русской гвардии, элита армии, о чем не упомянуто в документе, где наличествуют строки: «Он [Кутузов] не в силах достаточно оценить храбрость Смоленского и Московского ополчений»⁸¹.

В рапорте за краткостью можно было и умолчать о гвардейцах, но в «Официальных известиях», имевших указания на отличившиеся воинские части, забыть о гвардейских полках было некорректно. Как военный человек, Кутузов это знал, поэтому 28 августа в приказе № 12 по армии он объявил: «Полки же лейб-гвардии доказали, что они по справедливости заслуживают щастья охранять священную особу все милостивейшего нашего Государя. После самого кровопролитнейшего сражения не находилось ни одного из сих воинов, оставившего свои ряды»⁸². Участие гвардии в сражении было случаем исключительным, поэтому умолчать об ее подвигах было невозможно; с другой стороны, сам этот факт был чрезвычайно показателен и многое говорил как об ожесточенном характере битвы, так и об отсутствии иных резервов, кроме гвардейских полков и ополчения. Не исключено, что сам Кутузов пока еще сомневался, в какой редакции это лучше сделать. Недостаточный «респект» к отличиям гвардейцев мог возбудить неудовольствие самой влиятельной части армии, а следовательно, и в обществе обеих столиц и, конечно же, дойти до императора. Командир 5-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Лавров 30 августа сообщил гр. Аракчееву: «Я имел честь командовать гвардию, которая храбростию, послушанием и порядком заслужила похвалу всей армии, всякий сказывал, что она достойна своего наименования и достойна быть охранним войском благосердного нашего Monарха. Сей день стоил ей убитыми и ранеными за 3000 человек... Князь Кутузов по просьбе всех старших генералов армии хотел особенное сделать одобрение гвардии к Государю Императору»⁸³.

В письме командира гвардейского корпуса уже цитируются строки приказа Кутузова, но «старшим генералам армии» этого явно недостаточно: они требуют от главнокомандующего «особенного одобрения», как это было сделано в отношении ополченцев в «Официальных известиях». Таким образом, типографский текст листовки появился, скорее

⁸¹ Бородино. С. 113.

⁸² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3524. Л. 8–8 об.

⁸³ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 84.

всего, днем 27 августа, так как 28 августа Кутузов уже начал улаживать отношения с гвардией, издав приказ.

Самым важным доказательством неучастия Кутузова в составлении этого документа служит, на наш взгляд, пресловутая фраза о преследовании противника казаками, в которой Ю. М. Лотман и А. Г. Тартаковский усматривали признак раннего появления листовки. Нам представляется, что эта фраза возникла в результате недоразумения. В документе сказано: «На следующий день генерал Платов был послан для его [неприятеля] преследования и нагнал его арьергард в 11-ти верстах от деревни Бородино»⁸⁴. 27 августа русская армия была уже за Можайском и ее отход прикрывал генерал Платов с казаками, находившимися в арьергарде как раз в 11 верстах от деревни Бородино, но не западнее, а восточнее. Кутузов ни за что не допустил бы упоминания Платова в числе чуть ли не главных героев событий. Он был недоволен действиями атамана при Бородине настолько, что даже не дал хода рапорту Платова об отличившихся в его корпусе. Еще больше ожесточили Кутузова действия Платова в арьергарде именно 27 августа. Михайловский-Данилевский оставил по этому поводу красноречивое свидетельство: «...он бранил Платова, который в сей день командовал арьергардом; вот между прочим собственные слова его: “Он привел неприятеля в наш лагерь, я не знал, что он был такой г...няк”»⁸⁵.

Среди раненых генералов в «Официальных известиях» добавились фамилия любимца Кутузова генерала Коновницына, что опять-таки свидетельствует о более позднем появлении этого документа, нежели рапорта. В числе пленных назван генерал Бонами без уточнения обстоятельств пленения, то есть без упоминания о «главном подвиге дня», как впоследствии стали называть отражение неприятельской атаки на батарею Раевского.

В «Официальных известиях» содержится многозначительная фраза: «Таковы сведения, представленные первыми Рапортами, посланными с поля боя»⁸⁶.

Какие выводы можно сделать на основании первых документов, последовавших сразу же после Бородинского сражения? В рапорте от 27 августа Кутузов, известив императора о том, что «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли», объяснил причину последующего оставления поля сражения тем, что из-за потерь «позиция сделалась войскам неместною» и возникла угроза обхода левого фланга (эти опасения он уже выражал накануне в рапорте от 23 августа). Именно этот документ,

⁸⁴ Бородино. С. 112.

⁸⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1812 год. С. 146.

⁸⁶ Бородино. С. 113.

несмотря на разногласия в историографии, следует признать первой краткой версией Бородинского сражения. Ее характерной особенностью была подчеркнутая значимость событий на левом фланге при отсутствии упоминания о других участках позиции, включая батарею Раевского, признанную впоследствии «ключом позиции».

Более полный вариант первой версии событий представлен в «Официальных известиях из армии от 27 августа». Содержащиеся в них подробности позволяют считать этот документ составленным на основе рапорта Кутузова, а не наоборот, как полагали Ю. М. Лотман и А. Г. Тартаковский. «Официальные известия» указывают на угрозу обхода по Старой Смоленской дороге как на главную опасность Бородинской позиции. В документе еще не содержится существенных изменений в толковании «Шевардинского дела», но уже наличествуют противоречивые сведения о назначении Шевардинского редута. Здесь же содержатся сведения, позволяющие усомниться в целесообразности размещения русских войск на позиции: опасаясь за левый фланг, Кутузов расположил главные силы на правом. Этот источник содержит краткую хронометрическую версию боя за флешу, указывая на ранение Багратиона как на факт весьма ранний. Время обороны укреплений определяется тремя часами – с 7.00 до 10.00.

* * *

Рапорты военачальников об участии вверенных им войск в Бородинском сражении имеют большое значение для нашего исследования. Некритическое отношение к рассказам «самовидцев» существенно повлиало на всю отечественную историографию. «Из чего же заимствовать повествователю сообщаемые им сведения, как не из донесений действовавших лиц?» – справедливо вопрошал в своих записках бывший начальник 4-й пехотной дивизии принц Евг. Вюртембергский, удивляясь очевидным ошибкам в сочинениях Бутурлина и Михайловского-Данилевского⁸⁷.

Конечно, у специалистов могли быть и свои точки зрения на этот счет. Богданович сопроводил главу, посвященную Бородинской битве, следующим замечанием: «И все это должно создать, воспроизвести из отрывочных, бессвязных сведений, переданных очевидцами, от которых, в разгаре сражения, при напряженной деятельности, невозможно ожидать беспристрастной наблюдательности»⁸⁸. Последователь Богдановича

⁸⁷ *Евг. Вюртембергский*. Воспоминания о компании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 69.

⁸⁸ *Богданович М. И.* История Отечественной войны по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. II. С. 174–175.

Витмер высказался в адрес героев Бородина еще более определенно: «Все действия вне сферы выстрелов вполне поддаются правдивому описанию; а такие минуты, когда свистят пули и ядра и лопаются гранаты, неуловимы даже для очевидцев, которые находятся в таком напряженном состоянии, что не могут соблюсти строгую истину. Другими словами: сражающиеся под выстрелами, как говорят наши солдаты, горячку порят»⁸⁹.

Вина очевидцев в запутывании историков была не так велика, а сомнения в их способности воспроизвести подробности боя оправданы лишь отчасти. Одно дело, когда это относится к молодому человеку, недавно вступившему в службу и имеющему чин не выше поручика, для которого Бородино оказалось едва ли не первым серьезным военным испытанием. Примером тому могут служить воспоминания И. Р. Дрейлинга, назначенного в ординарцы Кутузову за исполнительность и развозившего 26 августа приказы вдоль линии фронта. Он признавался: «Грохот тысячи орудий, ружейная пальба – все это слилось в один непрерывный гул; сознание терялось, все чувства притупились; гул уже не слышен; наступает состояние, которое уже невозможно описать, как будто уже ничего не чувствуешь, является сомнение: да жив ли ты?»⁹⁰ Невысокий чин и, следовательно, узкий круг обязанностей также могут являться помехой при составлении отчета о происходившем посреди кровопролитного боя, что подтверждают воспоминания А. С. Норова: «А что может видеть фронтовой офицер, кроме того, что у него делается на глазах?»⁹¹

Но ведь не эти же офицеры составляли рапорты. На цитированные нами рассуждения военных историков-академистов последней трети позапрошлого столетия тогда же остроумно отозвался анонимный автор-практик, скрывший свое имя под монограммой «А. Х.»: «Не станем спорить с гг. Богдановичем и Витмером: бывают и такие люди, которые порят горячку на сражении... Но по нескольким угорающим в бою людям, нельзя выводить заключение о самообладании вообще. Воззрения, проводимые гг. Богдановичем и Витмером, обличают полнейшее незнание с полем сражения. Смеем уверить их, что если бы солдаты, а тем более их начальники (доставляющие показания очевидцев), были во время боя всегда в таком напряженном состоянии, в каком они их представляют, то не было бы возможности произвести ни одной дельной атаки и настойчиво возобновить ее после неудачи, не было бы возмож-

⁸⁹ Витмер А. Н. Бородинский бой: опыт критического исследования // ВИС. 1912. № 2. С. 92.

⁹⁰ Дрейлинг И. Р. Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 372.

⁹¹ Норов А. С. Воспоминания // РА. 1881. № 5. С. 214.

ности держаться на позиции под усиленным неприятельским огнем и устоять против атаки холодным оружием»⁹².

Многочисленные свидетельства подчиненных указывают на то, что командный состав армии на Бородинском поле действовал вполне осмысленно. Люди, отдававшие приказы, писавшие рапорты, скреплявшие своей подписью наградные представления, может быть, были несвободны от каких-то пристрастий, их не миновали определенные настроения, царящие в армии, но они являлись людьми определенного склада ума и характера, свойственного их профессии. Рапорты они составляли не по вдохновению, а по служебной обязанности и стремились, не гонясь за красотами языка и занимательностью повествования, как можно точнее отразить участие вверенных им воинских частей в сражении, дать объяснение о причинах и следствиях своих распоряжений, обосновать награды для подчиненных.

Рапорт тесно связан по смыслу с наградными документами. Последние как бы являются приложением к первому. Рапорт начальника содержит обоснование представления к награждению подчиненных, сообщает в наиболее общих чертах о событиях, в которых принимала участие воинская часть. В наградных же списках содержится информация, относящаяся конкретно к лицам, представляемым к награде. Рапорт предваряет наградное представление, выполняя роль сопроводительного документа, в этом и заключается его главное, сугубо прикладное назначение. Кстати, в рапорте Кутузова о Шевардинском бое от 25 августа есть приписка: «Многие при сем деле заслуживают внимания вашего императорского величества; о всех таковых списках буду иметь щастие повергнуть вслед за сим»⁹³.

Отторжение одной разновидности источников от другой (рапорта от наградного представления) ведет к недопониманию особенностей военного делопроизводства и зачастую препятствует правильной датировке документа, чему можно привести ряд примеров. Так, документ, опубликованный в сборнике «Бородино» под условным наименованием «Список офицеров войсковых частей, принимавших участие в сражении 26-го августа, представленных Кутузовым к награждению орденом Св. Победоносца Георгия 4 класса», неверно датирован составителями условно по дате события 26 августа, то есть днем сражения⁹⁴. Однако в самом архивном деле ему предшествует рапорт Беннигсена от 2 октября Кутузову, в котором начальник Главного штаба извещает главнокомандующего о невоз-

---

⁹² А. Х. Бородинское сражение. М., 1872. С. 32.

⁹³ Бородино. С. 86–87.

⁹⁴ Там же. С. 222–224.

возможности по болезни возглавить Совет из кавалеров ордена Св. Георгия, предлагая поручить эту миссию генерал-лейтенанту Маркову⁹⁵. В этом же сборнике без указания даты опубликован «Список об отличившихся в сражении 26-го августа 1-й гренадерской дивизии генералитете, штаб- и обер-офицерах», написанный генерал-лейтенантом П. А. Строгановым⁹⁶. Сам рапорт этого военачальника от 6 сентября, опубликованный отдельно от упомянутого списка в этом же сборнике, содержит заключительные слова: «Впрочем прилагаю у сего как рапорты частных начальников, так и поименные списки об отличившихся»⁹⁷. Из этого следует, что и наградные документы надлежит датировать 6 сентября. Проанализировав случаи, когда даты указывались на обоих документах, и на рапортах и на наградных представлениях, мы убедились в том, что даты эти всегда совпадают, что еще раз подтверждает вывод о том, что к каждому рапорту должен быть приложен соответствующий наградной список.

Тотчас по прошествии события 27 августа направил свой рапорт Александру I главнокомандующий 2-й армией кн. П. И. Багратион⁹⁸. Документ этот отличается от рапорта Кутузова от того же числа большей эмоциональностью в части описания поля битвы на левом фланге: «Тел неприятельских кучи навалены, и можно место сие назвать гробом французов». Это объяснимо, Багратион сообщает о том, что видел собственными глазами. В этом заключается уникальность рапорта Багратиона: «Второй Главнокомандующий», по-видимому, успел его отправить, не ведая о дальнейших событиях. Он нарушал субординацию, обратившись к императору через голову Кутузова. Можно предположить, что его вынуждала к этому тяжкая рана, «невозможность далее показать свои услуги», опасения, что его подчиненные, уцелевшие в этой бойне, без его вмешательства могут оказаться обойденными при составлении наградных списков в Главной квартире. Прохладные взаимоотношения с Кутузовым подавали повод к подобным волнениям. О содержании рапорта Кутузова и «Официальных известий», отдавших все лавры 2-й армии, Багратион не знал и, «стоя у порога к гробу, продолжал заботиться о подчиненных»⁹⁹.

Рапорт Багратиона содержит представление к наградам генералитета 2-й армии и генерала Коновницына, которому Багратион сдал командова-

---

⁹⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 223–226 об.

⁹⁶ Бородино. С. 302–312.

⁹⁷ Там же. С. 151–152.

⁹⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1913. Ч. I. Вып. 14. С. 71.

⁹⁹ Из воспоминаний С. И. Маевского // Бородино // Бородино. С. 372.

ние: «Они были примером всем прочим воинам в неустранимости и храбрости, что самое, как и благоразумные их распоряжения, доставили в сем деле войску нашему поверхность над неприятелем». Победа русских войск при Бородине у Багратиона, таким образом, сомнений не вызывала. Беспокойство по поводу подчиненных не оставляло его и потом: 1 сентября, уже из Москвы, Багратион отдал приказ и.о. дежурного генерала полковнику С. Н. Марину «немедленно дать знать всем корпусным начальникам, чтоб они собрав все таковые списки, по изготовлении отправили оные уже прямо к его светлости»¹⁰⁰.

Кутузов же, со своей стороны, потребовал рапортов от подчиненных 31 августа – 1 сентября, что подтверждается фразой из рапорта Лаврова Дохтурову: «Во исполнение повеления, данного мне вашим Высокопревосходительством от 1 сентября за № 920, дабы я донес о положении и действии части, мне вверенной, в день сражения при деревне Бородине»¹⁰¹. Далее поступление рапортов растянулось на весь сентябрь. Первым его подал 31 августа командир лейб-гвардии Литовского полка полковник И. Ф. Удом на имя Лаврова¹⁰², последними – 26 сентября – Дохтуров и Барклай де Толли¹⁰³. Это естественно, так как главнокомандующий 1-й армией и замещающий раненого Багратиона Дохтуров собирали рапорты «подначальствующих им лиц», а затем составляли «свод». Барклай де Толли прислал рапорт Кутузову, находясь уже в отставке, из Калуги¹⁰⁴. Его рапорт наиболее подробный: бывший военный министр и главнокомандующий посчитал себя и вверенную ему армию оскорбленными незнанием Кутузова, сообщавшего в рапортах и «Официальных известиях» лишь о подвигах 2-й армии.

Последовательность поступления рапортов от низших начальников к высшим была следующей:

1. Командир лейб-гвардии Литовского полка полковник И. Ф. Удом – командиру корпуса Н. И. Лаврову – 31 августа¹⁰⁵;

2. Командующий лейб-гвардии Измайловским полком полковник А. П. Кутузов – командиру корпуса Н. И. Лаврову – 1 сентября¹⁰⁶;

3. Командир корпуса Н. И. Лавров – генералу от инфантерии Д. С. Дохтурову – 3 сентября¹⁰⁷;

---

¹⁰⁰ Бородино. С. 143.

¹⁰¹ Там же. С. 144.

¹⁰² Там же. С. 146–147.

¹⁰³ Там же. С. 177–178, 173–177.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 146–147.

¹⁰⁶ Там же. С. 148–149.

¹⁰⁷ Там же. 144–146.

4. Командир 1-го кавалерийского корпуса генерал-адъютант Ф. П. Уваров – генералу от инфантерии М. Б. Барклаю де Толли – 3 сентября¹⁰⁸;

5. Командир 1-й бригады 4-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант И. Д. Панчулидзеv – генерал-лейтенанту Д. В. Голицыну¹⁰⁹;

6. Командующий 1-й гренадерской дивизией генерал-майор П. А. Строганов – генерал-лейтенанту П. П. Коновницыну – 6 сентября¹¹⁰;

7. Командир бригады 1-й кирасирской дивизии Н. М. Бороздин 2-й – генералу от инфантерии М. Б. Барклаю де Толли – 7 сентября¹¹¹;

8. Командир 1-й артиллерийской бригады полковник М. М. Таубе – генерал-лейтенанту П. П. Коновницыну – 7 сентября¹¹²;

9. Командир 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Ф. К. Корф – генералу от инфантерии М. Б. Барклаю де Толли – 9 сентября¹¹³;

10. Командир 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н. Н. Раевский – генералу от инфантерии Д. С. Дохтурову – 11 сентября¹¹⁴;

11. Начальник 27-й пехотной дивизии генерал-майор Д. П. Неверовский – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – 12 сентября¹¹⁵;

12. Генерал-лейтенант П. П. Коновницын – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – 19 сентября¹¹⁶;

13. Начальник главного штаба 1-й армии генерал-лейтенант А. П. Ермолов – генералу от инфантерии М. Б. Барклаю де Толли – 20 сентября¹¹⁷;

14. Генерал от кавалерии М. И. Платов – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – 25 сентября¹¹⁸;

15. Генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – 26 сентября¹¹⁹;

16. Генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – 26 сентября¹²⁰;

---

¹⁰⁸ Бородино. С. 150–151.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3561. Л. 48–48 об.

¹¹⁰ Там же. С. 151–152.

¹¹¹ Бородино. С. 154–158.

¹¹² РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 167–169.

¹¹³ Бородино. С. 159–160.

¹¹⁴ Там же. С. 161–163.

¹¹⁵ Там же. С. 163–165.

¹¹⁶ Там же. С. 165–169.

¹¹⁷ Там же. С. 171–172.

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Д. 3561. Л. 51 об.

¹¹⁹ Бородино. С. 173–177.

¹²⁰ Там же. С. 177–178.

17. Командир 4-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант К. К. Сиверс – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – 26 сентября¹²¹;

18. Начальник артиллерии 2-й армии генерал-майор В. И. Левенштерн – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – сентябрь (без числа)¹²²;

19. Командир 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Багговут – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – сентябрь (без числа)¹²³;

20. Генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен – генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову – сентябрь (без числа)¹²⁴.

На основании вышеперечисленных рапортов можно заметить, что поступили они довольно поздно. Так, главнокомандующий 1-й армией М. Б. Барклай де Толли прислал рапорт месяц спустя после сражения 26 сентября. В этот же день подал рапорт о действиях войск на левом фланге Д. С. Дохтуров. Из военачальников 2-й армии подробные донесения составили только трое: командиры корпусов Раевский и Сиверс, а также начальник артиллерии 2-й армии Левенштерн (время составления рапорта неизвестно). Командир корпуса Горчаков 2-й, выбыв из строя по ранению, отдал распоряжение дивизионным начальникам Воронцову, Неверовскому, К. Мекленбургскому «сделать Ваше представление г-ну главнокомандующему 2-ю Западною армию генералу от инфантерии и кавалеру князю Багратиону» о «всех происшествиях, бывших в сражениях 24-го и 26-го числ»¹²⁵. Рапорт самого Горчакова Багратиону от 10 сентября обусловлен исключительно намерением разъяснить главнокомандующему обстоятельства захвата пяти неприятельских орудий при Шевардине¹²⁶. Многие начальники (в том числе и те, к кому обратился Горчаков) отсутствовали, находясь на излечении ран, что объективно вело к тому, что действия 2-й армии отражены в этих документах довольно слабо, что отмечено Кутузовом в рапорте Александру I от 22 ноября¹²⁷. Рапорт Неверовского от 12 сентября лаконичен в описании боевых действий, не содержит временных указаний, а Воронцов вообще ограничился представлением наградных списков¹²⁸.

Заметим, что и среди рапортов военачальников 1-й армии отсутствующим донесения командира 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта

¹²¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 3561. Л. 23–26.

¹²² Бородино. С. 182–184.

¹²³ Там же. С. 184–187.

¹²⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 179–180.

¹²⁵ Бородино. Документальная хроника. М., 2004. С. 120.

¹²⁶ Там же. С. 217–218.

¹²⁷ Там же. С. 291.

¹²⁸ Там же. С. 222–235.

А. И. Остермана-Толстого (в наличии только наградные списки), командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Д. В. Голицына 5-го. Последний случай может быть объяснен незнанием этим генералом русского языка, по этой причине рапорт вместо него составлял бригадный начальник генерал-майор Бороздин 2-й. В архивах нет рапорта начальника 4-й пехотной дивизии генерал-майора Евг. Вюртембергского, утверждавшего в воспоминаниях, что подавал его ¹²⁹.

Отсутствие рапорта начальника дивизии вообще не является чрезвычайным происшествием. Вполне достаточно, что этим занимался корпусной командир, именно им и предписывалось распоряжениями Кутузова и Баграциона подать сведения об участии воинских частей в сражении. Но ввиду больших потерь в начальствующем составе при Бородине обстоятельства складывались иначе. К тому же не всегда корпуса вступали в бой целиком на одном и том же участке. Так, 4-я пехотная дивизия Евг. Вюртембергского была остановлена сначала в центре за батареями Раевского, потом между батареями Раевского и деревней Семеновское, в то время как другая дивизия 2-го пехотного корпуса – 17-я генерал-лейтенанта Олсуфьева во главе с корпусным начальником Багвотом последовала на левый фланг. В связи с этим корпусной начальник был недостаточно осведомлен о действиях части подчиненных, поэтому Евг. Вюртембергский подал рапорт о действиях своей дивизии отдельно. Подобная же ситуация сложилась с 3-й пехотной дивизией Коновницына, откомандированной для защиты деревни Семеновское командиром 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенантом Тучковым 1-м. Но у Семеновского Коновницын не только руководил своей дивизией, но, оставшись старшим генералом после боя на флешах, вступил в командование войсками левого крыла, гвардейской бригадой, а затем и 3-м пехотным корпусом, лишившимся своего командира во время отсутствия Коновницына. Поэтому мы располагаем рапортами Коновницына и от лица дивизионного начальника, и корпусного командира, и командующего гвардейской бригадой и всем левым флангом. В отсутствие Коновницына в командовании 3-й пехотной дивизии его замещал генерал-майор Шаховской, о чем он и отрапортовал Коновницыну.

Командиру 5-го гвардейского корпуса Лаврову рапорты подали командир лейб-гвардии Литовского полка полковник Удом, а о действиях лейб-гвардии Измайловского полка рапортовал командующий им в конце сражения полковник А. П. Кутузов «после раненых господ

---

¹²⁹ Воспоминания герцога Евг. Вюртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 69.

Храповицкого, Козлянинова и Мусина-Пушкина 1-го, оставшийся старшим и приняв на месте сражения в свое командование... полк»¹³⁰. В начале битвы бригада Литовского и Измайловского полков была «отделена» к Семеновскому под командованием полковника Храповицкого. Вторая же бригада дивизии, состоявшая из Преображенского и Семеновского полков, действовала в центре, до 14.00 пребывая в резерве с корпусным командиром Лавровым. В состав 5-го гвардейского корпуса входил также лейб-гвардии Егерский полк, сражавшийся отдельно у села Бородина и первый встретивший неприятеля. По этой причине командир полка полковник Бистром подавал свой рапорт командиру корпуса отдельно¹³¹. В составе этого же корпуса находилась 1-я кирасирская дивизия, состоявшая из двух бригад: Кавалергардского и Конного полка, а также Астраханского, Его и Ее Величества кирасирских. Накануне сражения, как мы упоминали, две кирасирские дивизии из разных армий были объединены под командованием Голицына 5-го. В результате бригада Бороздина 2-го вместе с Голицыным отправилась сражаться у Семеновского, а о действиях двух оставшихся в центре полков – лейб-гвардии Кавалергардского и Конного – рапорт подал генерал-майор И. Г. Шевич¹³².

Что можно сказать о картине Бородинского сражения на основании «рапортов гг. корпусных командиров Российской армии» и их непосредственных подчиненных? Глубоким анализом этих источников, несмотря на многократное цитирование от случая к случаю, никто не занимался. В силу этого обстоятельство некоторые сюжеты, нашедшие в них отражение, вообще выпадали из поля зрения специалистов, усугубляя количество «темных мест» и «белых пятен» в описаниях сражения. Действительно, не все рапорты равноценны в описании времени, места и цели использования той или другой воинской части в ходе битвы. Зачастую значительное внимание в этих документах уделяется описанию подвигов подчиненных без уточнения, где именно и в каком часу эти подвиги были совершены, какое влияние имели на исход той или иной фазы сражения. В этом случае в рапортах как бы дублируется информация, содержащаяся в наградных списках. Вместе с тем при сопоставлении рапорты позволяют восстановить картину боевых действий на тех участках поля сражения, которые вообще не привлекали внимания специалистов. Это объясняется тем, что во время битвы воинские части и соединения нередко вступали в бой по частям и на разных участках позиции, где они подчинялись уже не своему непосредственному начальнику, а тому, кто

---

¹³⁰ Бородино. С. 148.

¹³¹ История лейб-гвардии Егерского полка. 1796–1896. СПб., 1896. С. 47–48.

¹³² РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 16. Л. 230–230 об.

распоряжался там, где они оказались в сражении. Отчитаться за действия подразделений, созданных экспромтом при необходимости отразить очередное нападение противника, было довольно сложно.

Рапорт Беннигсена подтвердил версию, что 24 августа нападению подвергся именно левый фланг русской позиции: «24-го во время атаки неприятеля на левый фланг Российского воинства...»¹³³ Документ существенно дополняется рапортом начальника артиллерии 2-й армии Левенштерна, где фрагмент, относящийся к событиям при Шевардине, обычно не привлекает внимание специалистов: «Августа 24-го числа в 2 часа пополудни, неприятель показался в больших силах против редута, бывшего впереди настоящей нашей позиции... Я, имея поручение от Г[осподина] Генерала от кавалерии барона Беннигсена и Его Сиятельства Г[осподина] Главнокомандующего князя Багратиона, осмотреть редут, в силах ли он будет держаться от стремительных атак неприятеля на оный делаемых, почему я приехав туда приказал открыть действия из орудий»¹³⁴. Начальник артиллерии 2-й армии, вопреки установившейся впоследствии версии, свидетельствовал, что никаких особых замыслов в отношении редута до нападения противника не существовало, и Беннигсен с Багратионом вообще сомневались в возможности и целесообразности его защиты. Сведения Левенштерна опровергают версию о том, что русская артиллерия с редута первая открыла огонь во фланг противнику. Картина сражения при Шевардине подробно отражена в рапорте командира 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора Сиверса, поведавшего об активных действиях русской кавалерии¹³⁵.

Из рапорта Лаврова Дохтурову явствует, что русское командование довольно рано стало вносить изменения в боевой порядок русских войск в соответствии с расположением войск противника. Лавров сообщает, что уже в «5 часов утра вся гвардейская дивизия... заняла позицию позади правого фланга 2-й армии для подкрепления оной»¹³⁶. Причем бригада полковника Храповицкого (полки Измайловский и Литовский) и сводная бригада Кантакузина заняли позицию во второй линии у Семеновского, а «остальные полки лейб-гвардии Преображенский, Семеновский и Финляндский... приказано было сблизить к 1-й линии 2-й армии». Приказ этот был получен в 5.30, то есть до нападения противника. Рапорт командующего корпусом подтвержден рапортом полковника лейб-гвардии Измайловского полка Кутузова Лаврову, где говорится, что «поутру

¹³³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 76–79 об.

¹³⁴ Бородино. С. 183.

¹³⁵ Там же. С. 178–180.

¹³⁶ Там же. С. 144.

в 6 часов» полк выступил «для занятия позиции в передней линии»¹³⁷, из чего явствует, что не позднее 8.00 измайловцы уже находились у Семеновского. Показания гвардейцев совпадают со сведениями рапорта командира 7-го пехотного корпуса Раевского Дохтурову: «На рассвете... я получил приказание переменить фронт», сдвигаясь левым флангом к Семеновскому¹³⁸. Вместе с тем к редуту (батарея Раевского) Дохтуров по просьбе Раевского направил три егерских полка. Из рапорта Раевского следует, что это произошло до начала атаки на флешу, которую генерал наблюдал в течение некоторого времени со стороны: «Неприятель устроил в глазах наших всю свою армию, так сказать, в одну колонну, шел прямо на фронт наш»¹³⁹. Командир 7-го пехотного корпуса не видел происходящего в районе левой флешы, атакуемой через лес. В отечественной историографии принято было считать, что 1-й корпус маршала Даву атаковал флешу с фронта, но обе его дивизии Компана и Дессе обходили северное укрепление через Утицкий лес и были отбиты. Сведения об этих событиях содержатся в рапорте генерала-майора И. Шаховского, командовавшего 20-й и 21-й егерскими бригадами, находившимися в лесу, «из которого неприятель стремился нас вытеснить, но храбростию как господ штаб- так и обер-офицеров и нижних чинов... был неоднократно опрокидываем»¹⁴⁰. Егеря Шаховского удержали в лесу 5-ю дивизию Дессе и часть дивизии Компана, которая неудачно пыталась выйти из леса. Сведения об этом содержатся в рапорте начальника артиллерии 2-й армии Левенштерна: «Действие с наших батареями было ужасно... Чем более неприятель стремился, тем более увеличивалось число жертв. Стремления неприятеля на батарею были таковы, что она принуждена отступать, но отрядом генерал-майора графа Воронцова, ударившим в штыки, батарея мною паки поставлена»¹⁴¹.

Отсчет боя за флешу русские военачальники, вопреки распространенной историографической версии, ведут с нападения соединенных сил Даву, Нея и Мюрата. Так, Раевский, как мы помним, сообщает о неприятельской армии, устроенной в колонну. Левенштерн доносит в рапорте, что вскоре неприятель «новыми, также многочисленными колоннами атаковал сбоку вышеозначенные укрепления, чем и принудил разделить наши выстрелы»¹⁴², то есть речь идет уже о комбинированной атаке Даву и Нея, вступивших в бой около 7.00.

---

¹³⁷ Бородино. С. 148.

¹³⁸ Там же. С. 160.

¹³⁹ Там же. С. 161.

¹⁴⁰ Там же. С. 153.

¹⁴¹ Там же. С. 183–184.

¹⁴² Там же. С. 184.

Бой за флешу, опираясь лишь на рапорты русских военачальников, восстановить невозможно. Кроме рапорта Левенштерна существует весьма краткий рапорт начальника 27-й пехотной дивизии Неверовского Кутузову, в котором он доносит, что вверенная ему дивизия «была послана на подкрепление сводных гренадерских батальонов, находившихся на батарее»¹⁴³. Там 27-ю дивизию постигла участь гренадер Воронцова – она была почти полностью уничтожена. Весьма информативен в отношении действий кавалерии рапорт командира 4-го кавалерийского корпуса Сиверса Кутузову, выпавший из поля зрения историков, из которого явствует, что он в то же время по приказу Багратиона поддержал атаку Неверовского, завладев на время левой флешью¹⁴⁴. К этому времени на помощь войскам 2-й армии подоспела бригада Бороздина 2-го, которую ввел в бой Голицын 5-й. Вместо последнего рапорт составил генерал-майор Н. М. Бороздин 2-й, о чем свидетельствует пометка на документе¹⁴⁵. К сожалению, этот пространного содержания документ содержит в основном описание подвигов личного состава, как на левом фланге, так и в центре; из конкретных указаний в нем неоднократно повторяется фраза: «...были у прикрытия батарей»¹⁴⁶. Бою за флешу посвящен также фрагмент рапорта Коновницына Кутузову, где сообщается, что 3-я пехотная дивизия весьма рано была отправлена «на левый фланг второй армии... куда прибыв были употреблены тотчас к завладению важной высоты»¹⁴⁷. Послав донесение Багратиону об одержанном успехе, Коновницын получил «прискорбное известие, что он ранен и повеление принять вместо него команду»¹⁴⁸. Коновницын сообщил в рапорте, что его дивизия в последний раз отбила флешу *после* ранения Багратиона.

Подробно представлены события в центре русской позиции в рапорте Ермолова Барклаю де Толли¹⁴⁹. Ермолов обстоятельно и эмоционально, с указанием множества деталей, с перечислением воинских частей описал нападение неприятеля на батарею Раевского и положение русских войск в момент атаки. При этом он допустил ошибку в определении времени происшествия, оказавшую влияние на всю отечественную историографию (эта ошибка затем «перекочевала» в рапорт Барклая, дословно повторившего донесение своего начальника штаба). Ермолов писал: «Около полудня был я его светлостию послан на левый фланг»¹⁵⁰. В рапорте он не

¹⁴³ Бородино. С. 165.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3561. Л. 23–23 об.

¹⁴⁵ Там же. Д. 3561. Л. 15.

¹⁴⁶ Бородино. С. 154–155.

¹⁴⁷ Там же. С. 168.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 171–172.

¹⁵⁰ Там же. С. 171.

уточнял причину своей поездки, как он сделал позднее в своих записках: ранение Багратиона.

Рапорт Барклая де Толли Кутузову следует признать самым подробным и обстоятельным¹⁵¹. Барклай перечислил все важнейшие фазы битвы, где отличились войска 1-й армии. Он поведал и о нападении на село Бородино, где сильно пострадал лейб-гвардии Егерский полк, и о передвижении его войск в помощь «совершенно разбитой» 2-й армии, и о двух атаках на батарею Раевского, и о действиях кавалерии в центре позиции, и о рейде Уварова и Платова. Состояние духа Барклая де Толли не могло не сказаться на тоне и содержании рапорта, что до известной степени снижало достоверность этого документа, вызывая сомнения в его объективности. Вместе с тем свидетельство Барклая позволяет уточнить время перемещения к центру 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого, прикрывшего брешь в русской позиции между батареей Раевского и Семеновским. В отечественной историографии этот корпус «появляется» на поле битвы не ранее полудня, в то время как Барклай уверенно пишет о том, что войска Остермана уже примыкали флангом к корпусу Раевского во время первой атаки на центральный люнет. Барклай, почти не давая временных указаний, подробно описывал свои распоряжения и действия в соответствии с ними своих войск, ориентируясь в описании битвы, в основном на последовательность событий.

В рапортах с неожиданной полнотой представлены боевые действия у деревни Семеновское после захвата флешей. Чувство неожиданности возникает из-за того, что в историографии эти события отражены весьма кратко. Причина этому явлению кроется в смещении временных рамок происходивших на левом фланге событий. Так, бой за флешу предстает в историографических версиях весьма долгим из-за введения в него сюжетов, относящихся к более поздним событиям, происходившим уже после отхода русских войск за Семеновский овраг. Об обороне на этом рубеже говорится в рапорте Лаврова, рапорте командира 4-го кавалерийского корпуса Сиверса, командира лейб-гвардии Литовского полка Удома, командира лейб-гвардии Измайловского полка А. П. Кутузова. Из этих документов следует, что гвардейские полки наряду с остатками 2-й армии вступили в бой около 10.00. Войскам левого фланга удалось отразить не только атаки с фронта, но и попытки неприятеля прорвать оборону между Семеновским и прилегающим к деревне лесом. Здесь особенно отличился начальник 12-й пехотной дивизии генерал-адъютант Васильчиков, о котором совершенно не упоминается после того, как

---

¹⁵¹ Бородино. С. 173–177.

его дивизия оставила позицию у батареи Раевского. Однако корпусные, дивизионные и бригадные начальники 2-й армии, оставшись «без команды», в связи со значительными потерями составляли сводные отряды из всех родов войск и занимали ими высоты на оконечности левого фланга, сорвав угрозу его обхода. Перечисленные рапорты содержат названия не только полков, но даже батальонов и рот, принимавших участие в этой заключительной фазе битвы.

В рапортах Строганова, Багговута, Шаховского представлена картина боя на Старой Смоленской дороге. Описание рейда Уварова и Платова дано в рапортах обоих генералов без точных указаний времени и места, что дает повод к различному их толкованию.

Рапорты позволяют сделать вывод о продолжительности боевых действий с 6.00 до 21.00. С их помощью можно установить наличие расхождений в хронометрии между источниками и историографическими версиями. Так, согласно рапортам наименее известны события на флешах, которые подробно описаны в трудах историков, и, напротив, боевые действия у деревни Семеновское, то есть самая длинная фаза боя с 10.00 до 21.00, представлены в историографии очень лаконично, хотя источники содержат значительный материал, касающийся оборонительных действий у Семеновского. Наконец, мы можем выявить документы, на основании которых в историографию вкралась «роковая» ошибка в описании хода битвы – это рапорты Ермолова и Баркляя де Толли, неверно указавших время первой атаки на батарею Раевского.

* * *

Эти суждения о рапортах вплотную подводят нас к знаменитой реляции (или рапорту) Кутузова с подробным описанием хода сражения, начинающемуся словами «Августа 24-го числа пополудни арьергард наш был атакован при Колоцком монастыре французами» и заканчивающейся словами «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов»¹⁵². Название документа и его датировка созданы историками советского периода. Этот документ опубликован в ряде изданий под названием «донесение» или же «реляция» М. И. Кутузова Александру I о сражении при Бородине. Вот комментарии из двух изданий, где помещен этот документ, дающие представление о его атрибуции. В сборнике документов «Фельдмаршал Кутузов» сообщается: «Реляция скопирована с черновой рукописи (без подписи),

---

¹⁵² Бородино. С. 134–141.

по всем данным составленной квартирмейстером полковником Толем для представления Кутузовым Александру I»¹⁵³. В сборнике «Бородино. Документы. Письма. Воспоминания» (под ред. Л. Г. Бескровного и Г. П. Мещерякова) документ снабжен более пространном комментарием: «Настоящий документ представляет собой черновую рукопись без подписи, озаглавленную “Описание сражения при Бородине, происходившего 26 августа 1812 года”». Однако по форме изложения это не описание, а донесение, сделанное от лица Главнокомандующего, то есть М. И. Кутузова. Донесение это было, по-видимому, подготовлено исполняющим должность генерал-квартирмейстера армии К. Ф. Толем для представления М. И. Кутузовым Александру I. По содержанию оно сходно с описанием Бородинского сражения, составленным К. Ф. Толем и изданным в С.-Петербурге в 1839 году на русском, французском и немецком языках»¹⁵⁴. Черновик документа, который был так легко возведен в ранг рапорта главнокомандующего, хранится в РГВИА в бывшем фонде ВУА¹⁵⁵. Пожалуй, единственное, что не вызывает сомнений, – это отмеченное авторство К. Ф. Толя. Но имел ли этот документ отношение к Кутузову? Думается, что дореволюционные историки поступали осмотрительно, не публикуя документ среди текстов подлинных рапортов о сражении, а помещая его среди материалов ВУА с настоящим названием – «Описание сражения при Бородине» – с пометкой «черновик», без уточнения назначения этого документа¹⁵⁶. Единственный аргумент, говорящий в пользу того, что перед нами рапорт Кутузова, – это повествование от его лица.

Первый вопрос, который возникает в этом случае: почему у рапорта, пусть даже составленного «вчерне», такое невоенное название; как решился бы Толь поднести на прочтение главнокомандующему рукопись с таким заголовком? Следующая проблема связана с датировкой. В сборниках «Бородино», «Фельдмаршал М. И. Кутузов» датировка, произведенная «по смыслу» августом месяцем, не выдерживает критики: мы имеем дело с текстом, явно составленным на основании рапортов частных начальников. Сведения, сообщаемые командирами корпусов, дивизий, бригад и полков, так же как рапорты главнокомандующих и начальников их штабов или тех, кто их замещал, безусловно, попали в этот документ, где дословно воспроизведены удачные выражения, а иногда целые абзацы, взятые из донесений частных начальников. Но написаны и собраны они были гораздо позже, что подтверждают числа,

---

¹⁵³ Фельдмаршал Кутузов. М., 1943. С. 131.

¹⁵⁴ Бородино. С. 134.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3561. Л. 52–58.

¹⁵⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 16. С. 139–141.

поставленные на этих документах. Тому, кто составлял бы рапорт от лица Кутузова, следовало согласовать между собой «донесения действовавших лиц». На это требовалось время, и немалое. И если этот документ и был составлен по повелению Кутузова, его датировку смело можно отодвинуть на октябрь.

Возникает и другой вопрос: для чего Кутузову нужно было отправлять Александру I этот рапорт? В рапортах от 25, 27, 29 августа¹⁵⁷ он уже сообщил Александру I необходимые подробности и пообещал прислать списки отличившихся, заверив приказом № 12 от 28 августа вверенную ему армию: «Щедрые награды всемилостивейшего Государя всем храбрым готовы»¹⁵⁸. В рескрипте от 31 августа Александр I высказал пожелание: «Мы ожидаем от вас особенного донесения о сподвизавшихся с вами главных начальниках, а вслед за оным и обо всех прочих чинах, дабы по представлению вашему сделать им достойную награду»¹⁵⁹. 29 сентября Кутузов направил Александру I рапорт, к которому были приложены «списки генералам, отличившимся в 24-й и 26-й день августа», подлинник которого хранится в РГВИА в фонде 29¹⁶⁰. По содержанию рапорт лаконичен, Кутузов, по-видимому, уже не видит необходимости в пространных рапортах. Затем он направляет императору рапорт от 26 октября, где «испрашивает высочайшего кому следует повеления о доставлении мне орденов Св. Победоносца Георгия 4-го класса – 30, Св. Анны 2-го класса с алмазами – 40, без алмазов – 100, сего же ордена 3-го класса – 350, Св. Владимира 4-й степени – 200, золотых сабель с надписью «за храбрость» – 50, шпаг таковых же – 200 и для нижних чинов знаков отличия Военного ордена 2000». Подлинник рапорта, из которого видно, что это было самое крупное награждение за Бородино, также сохранился в РГВИА (Ф. 29)¹⁶¹. Для чего Кутузову нужен был еще один рапорт, если отсутствуют списки, которые нуждались бы в этом сопроводительном документе? Наконец, если мы можем проследить пути всех рапортов о Бородинском сражении, то почему самый значительный из них не дошел до адресата, если он, конечно, существовал? Почему не отложился в архивах Москвы или Петербурга?

Почему в этом так называемом рапорте содержатся подробности, касающиеся намерений неприятельской стороны в Бородинском сражении, о которых Кутузов вряд ли мог узнать при жизни? Пленные могли

---

¹⁵⁷ Бородино. С. 86–87, 101–102, 117.

¹⁵⁸ Там же. С. 133.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... Ч. 7. С. 136–154.

¹⁶¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св. 10. Ч. 1. Д. 2. Л. 5–6.

сообщить наименования воинских частей, к которым принадлежали, дать приблизительные сведения о потерях, но они не могли указать точное число орудий, действовавших на том или ином направлении, или истолковать смысл передвижений отдельных корпусов Великой армии¹⁶². Это было по силам лишь старшим начальникам наполеоновской армии, но маршалов, как известно, в числе плененных не было. Их рапорты, так же как и бюллетени Великой армии, были опубликованы весной 1813 г. и раньше этого времени не могли стать достоянием сочинителя рассматриваемого здесь документа.

Немаловажным обстоятельством представляется то, что в рапортах, подписанных Кутузовым, всегда присутствует его индивидуальность: наличие или отсутствие речевых оборотов, ему свойственных, также позволяет судить об авторстве этого источника. Так, 11 февраля 1807 г. Кутузов отправил своей супруге копию рапорта с описанием подвигов их зятя Н. З. Хитрово в кампании 1806–1807 гг., снабдив документ собственной припиской: «...и вот Рапорт от генерала Гижицкого об одном маленьком деле, где был Николай. Покажи его Аннушке (дочь Кутузова. – *Л. И.*); пусть не сердится за слово отчаянная храбрость. Это от того, что писать не умеет»¹⁶³. Как же мог Кутузов отправить рапорт, где в последнем «ударном» абзаце были такие слова: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались *отчаянно*»¹⁶⁴?

Источник, который в течение длительного времени атрибутировался как «Рапорт Кутузова о Бородинском сражении» и датировался по содержанию августом 1812 г., вызывает ряд вопросов, позволяющих усомниться в правомерности атрибуции и датировки. Текстуальные совпадения этого документа с другими сочинениями Толя позволяют предположить, что перед нами вариант его «Описания битвы при селе Бородине», отражающий один из этапов работы автора над версией бородинских событий, существенно отличающийся от показаний других источников, включая рапорты самого Кутузова от 23, 25, 27 августа.

---

¹⁶² Бородино. С. 136–137.

¹⁶³ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 100.

¹⁶⁴ Бородино. С. 141.

2. Версии военачальников: М. Б. Барклай де Толли и Л. Л. Беннигсен и их роль в последующей историографии Бородинского сражения

Зачем Толю, авторство которого не вызывает сомнения, понадобилось прибегать к подобной «делопроизводственной» мистификации и когда именно возникло сочинение, составленное от лица Кутузова? Думается, что объяснение этому явлению, как и его датировке, следует искать в эпистолярной активности М. Б. Барклая де Толли.

А. Г. Тартаковскому в монографии «Неразгаданный Барклай» удалось не только определить точную датировку «Оправдательных писем» полководца, но и проследить судьбу каждого письма, сопоставив различные редакции. Ученый полагал, что первым из этих посланий, направленных на самореабилитацию, было «Примечание» Барклая де Толли на «Рапорт Главнокомандующего армии генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова», помещенный в газете «Северная почта» (№ 75), адресованное 8 октября министру внутренних дел О. П. Козодавлеву. В нем генерал отвергал какую-либо связь между оставлением Москвы и потерей Смоленска. Однако Тартаковский не упомянул еще один документ, созданный Барклаем в это же время, – «Замечания на “Официальные известия из армии от 27 августа”», авторство которых было установлено В. И. Харкевичем еще в начале XX века¹⁶⁵. В бывшем фонде ВУА историк обнаружил письмо Барклая де Толли к К. В. Нессельроде, датированное также 8 октября и отправленное из Владимира (таким образом мы можем заодно установить и место, откуда было отправлено вышеупомянутое «Примечание»). К этому письму Барклай приложил «quelques observations sur le nouvelle de l'armée du 27 aout» (несколько замечаний на известия от 27 августа. – *фр.*). «Замечания» текстуально почти полностью совпадают с другими сочинениями Барклая о Бородинской битве, включая рапорт, поданный им Кутузову¹⁶⁶.

«Замечания» являются первым по времени документом, где подробно изложен ход сражения, хотя Барклай ставил перед собой ограниченную задачу – отразить участие в бою войск, сражавшихся в центре. В отличие от рапортов Кутузова повествование Барклая носит пространственный характер. В «Замечаниях» он сделал то, на что не хватило времени у Кутузова, пока им, по его собственному выражению, «водили обстоятельства» военного времени. Барклай же с октября по декабрь 1812 г. находился

¹⁶⁵ Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 12. С. 11.

¹⁶⁶ Бородино. С. 173–177.

L. de St. Aubin del.

J. J. Vandremin sculpt.

Барклаи де Толли
Генерал от Инфантерии

Barclay de Tolly
Général d'Infanterie

Михаил Богданович Барклай де Толли (1757–1818),
при Бородине генерал от инфантерии,
Главкомандующий 1-й Западной армии.
В 1814 г. за взятие Парижа произведен в чин фельдмаршала,
с 1815 г. – князь. Автор «Оправдательных писем»

в отставке и располагал своим временем более свободно. У официальной, пусть очень краткой версии, созданной штабом Кутузова, появился серьезный оппонент, отстаивавший, в противовес версии о значимости событий на левом фланге, главную роль всего, происходившего в центре. «Замечания», так же как и «Примечание», носили остро полемический характер, были направлены против Кутузова и затрагивали все аспекты минувшего сражения. Барклай разобрал каждый абзац «Официальных известий», составив свой параллельный текст¹⁶⁷.

<p>«Официальные известия» «Князь Кутузов, как только прибыл на позиции, собрал генералов и приветствовал войска»</p>	<p>«Замечания» «В армии через сию статью узнали только, что генералы были собраны и войска приветствованы 26-го числа»</p>
--	--

И другие замечания носят очевидную направленность против Кутузова, что легко объясняется раздраженным состоянием Барклая после смещения с поста военного министра, отрешением от командования армиями и вынужденной отставкой. К себе Барклай явно не критичен, что снижает впечатление от «Замечаний» в целом, но заставляет прислушаться к приводимым в них фактам. Особое внимание Барклая привлек в «Официальных известиях» абзац, относящийся к выбору позиции и возведению Шевардинского редута.

Он писал: «Редут, о котором здесь идет дело, был назначен к прикрытию левого фланга, поставленного сначала весьма невыгодно в прямой линии с центром, не имеющим никакой подпоры. После сего сделалась сия ошибка очевидною, и левое крыло направилось на село Семеновское, где построены были довольно сильные укрепления. В рассуждении же сего редута, не оконченного и удаленного от армии, по крайней мере на расстояние 1 и 1/2 версты, он остался занятым 27-ю дивизиею и 3-мя пушками. Неприятель напал на редут; с нашей стороны его защищали, и, таким образом, 2 армия вступила *без всякой причины в сражение довольно бесполезное*, стоившее нам многих тысяч человек»¹⁶⁸. В «Замечаниях» Барклая впервые появилось мнение о неудачно избранной позиции левого фланга, где Шевардинский редут первоначально считался главным опорным пунктом.

Все в «Официальных известиях» вызвало протест Барклая де Толли и нуждалось, с его точки зрения, в исправлении. Первое нападение

¹⁶⁷ Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 220.

¹⁶⁸ Там же. С. 218–219.

«исполнилось» не на левый фланг, а на «центр правого крыла к деревне Бородино», занимаемого его войсками. Но то был отвлекающий удар, так как «легко было предвидеть, что левое крыло будет главным предметом действий неприятеля»¹⁶⁹. В этих словах – упрек Кутузову, который, по мнению Барклая, слишком растянул правый фланг, обрекая армию Багратиона на сопротивление без поддержки. Барклая задело повествование о героической обороне войск 2-й армии; поэтому он посчитал нужным сообщить, что Багратион в самом начале сражения потребовал подкрепления и ему отправили весь 2-й корпус 1-й армии, «который присоединился к войскам, состоящим под начальством генерала Тучкова (также из 1-й армии). Вскоре после того князь Багратион был подкреплен тремя гвардейскими полками, тремя полками 1-й кирасирской дивизии, и несколькими ротами артиллерии из 1 армии»¹⁷⁰. Из текста явствует, что Кутузов допустил промах, разместив основную массу войск слишком далеко от места нанесения главного удара, да и Багратион в «Замечаниях» выглядит не лучшим образом, так как Барклай не упомянул о трудностях «Второго Главнокомандующего». Напротив, Барклай, сообщая о сильных укреплениях на левом фланге, не знал или делал вид, что не знал о том, о чем ведали в армии все, от генералов до нижних чинов: левый фланг был значительно слабее правого. Не упоминая об огромном численном превосходстве неприятеля против левого крыла, Барклай сообщил о посланных им Багратиону подкреплениях. Из текста следует, что все они прибыли разом. Но «в 10 часов утра вся вторая армия была уже опрокинута, все редуты и несколько артиллерии взяты неприятелем». Барклай повествовал о подвигах вверенных ему войск в центре, по-прежнему не церемонясь в отношении многострадальной 2-й армии: «24 дивизия [1-й армии] приступом взяла у неприятеля укрепленную высоту, с коей сбил он 26 дивизию». Речь идет о батарее Раевского, о которой лишь к вечеру 25 августа стало известно, что она тоже включена в линию обороны 2-й армии, что явилось, очевидно, полной неожиданностью для Багратиона. 2-й армии, по численности более чем вдвое уступавшей армии Барклая, надлежало защищать оба ключевых пункта позиции – и Семеновское, и центральную высоту. О том, что это решение было принято внезапно, свидетельствует «Диспозиция»¹⁷¹, где говорилось, что за оборону центра отвечают войска Дохтурова. Предполагалось, что в центре будут находиться войска 1-й армии. Барклай прошел мимо этого обстоятельства, истолковав ситуацию в свою пользу.

---

¹⁶⁹ Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 219.

¹⁷⁰ Там же. С. 220.

¹⁷¹ Бородино. С. 83.

Далее Барклай, красноречиво описывавший разгром 2-й армии, ни словом не обмолвился, что редут был в четвертом часу занят неприятелем. Напротив, он полон оптимизма в отношении войск своей армии: «Таким образом, позиция была удержана до самой ночи. Из сего очевидно, что сильнейшие нападения направлялись на центр, по разбитии левого крыла». На наш взгляд, к концу сражения левое крыло и центр, находившиеся в неразрывной связи, были в одинаковом положении, то есть пребывали в руках французов, оттеснивших русские войска на этом участке фронта примерно на версту, что и подтверждается последующими документами. Хотя Барклай утверждал, что замечания составлены им лишь «с целью выяснить участие в бою войск, сражавшихся в центре», слишком прозрачным является его намерение подчеркнуть свою распорядительность и компетентность в ущерб действиям всех других военачальников. Зачастую показаниям Барклая не хватает логики. Так, показывая 2-ю армию «совершенно расстроенной», он в то же время в качестве доказательства успеха своих войск приводит понесенные ими потери – «более чем 18 000 человек».

Впоследствии почти каждый военачальник отметит свои предвидения в отношении центральной высоты. Барклай же, описывая общий ход событий в центре, ни словом не упомянул о ней. В начинающей складываться легенде о Бородинской битве пока еще не нашлось места для этого важного пункта оборонительной линии, с которым было связано так много событий. Барклай не упоминал о действиях войск по защите деревни Семеновское, полностью «выпал» сюжет с рейдом кавалерии Уварова и Платова, который также предоставлял возможности для толкования его целесообразности.

«Замечания», попавшие в поле зрения Толя, могли заставить последнего взяться за перо, приняв на себя защиту Кутузова, да еще от его собственного лица, что, кстати, не противоречило существовавшей в то время литературной традиции.

А. Г. Тартаковский в монографии «Неразгаданный Барклай» тщательным образом проследил за всеми этапами борьбы Барклая за восстановление чести своего имени. Нельзя не согласиться с мнением ученого, что борьба эта была «беспрецедентной». На наш взгляд, дело здесь было даже не в том, что Барклай апеллировал к «прогрессивным кругам обществу», публикуя многочисленные редакции своих апологий «не от имени своего», и широко распространял свои сочинения, «презревшие печать». Акцент следует сделать на том, что любой современник гонимого полководца, сочувствовал он ему или нет, осознавал, что ударная сила «оправдательных» писем кроется не столько в их содержании, сколько в

том, что их адресатом является император, вернувший в армию «своего человека», Барклая, после непродолжительной отставки. Книга Тартаковского имеет неоспоримое достоинство, которое не сразу бросается в глаза: она позволяет определить благодарную аудиторию, восприимчивую к откровениям друга императора. Это, безусловно, военная молодежь (Тартаковский часто использует термин «прогрессивная молодежь»). Для нее Александр I, несмотря ни на что, «обожаемый ангел», получающий от своего генерала необычные по форме и содержанию письма, волновавшие умы тех, кто был далек от командования армиями в начале кампании 1812 г. Старшие соратники Барклая смотрели на эти письма более трезво. В частности, Н. И. Лавров высказался по поводу одного из писем Барклая: «К нам циркулярно написал письма (корпусным), на кои трудно отвечать, ибо так мало славы приобрели с ним мы, что назовут нас еще и льстецами, если мы что в похвалу его напишем»¹⁷². Но для человека непосвященного все, написанное Барклаем, воспринималось как безусловная истина, учитываемая высокий пост сочинителя, используемый им в целях самозащиты.

В книге Тартаковского перечислен ряд публикаций и названы имена авторов, прибегнувших к скрытому и, можно сказать, сплошному цитированию «оправдательных» писем в публицистических сочинениях¹⁷³. Самым значительным явлением среди сочинений с «пробарклаевской концепцией» (выражение Тартаковского) стала книга полковника Д. И. Ахшарумова «Историческое описание Отечественной войны 1812 года». К сбору материалов для нее автор приступил еще в начале 1813 г., как утверждал Михайловский-Данилевский, «по воле князя Кутузова»¹⁷⁴. Основная же работа была проделана сочинителем уже после смерти Кутузова; большая часть этой книги была создана Ахшарумовым во время Плейсвицкого перемирия в Рейхенбахе, где находилась Главная квартира возвратившегося к армии Барклая де Толли. Там военачальник передал Ахшарумову свое «Оправдание», составленное для царя в декабре 1812 г. Текстуальный анализ, проведенный А. Г. Тартаковским, позволяет утверждать, что в руки сочинителя попал «документ личной и далеко не беспристрастной защиты», содержащий резкие выпады в адрес Кутузова, затрагивавший в том числе и события Бородинской битвы¹⁷⁵.

Знал ли обо всем происходившем любимый ученик и сподвижник Кутузова генерал-майор Толь, назначенный генерал-квартирмейстером в штаб армии австрийского фельдмаршала Шварценберга? Думаем, что

---

¹⁷² Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 212.

¹⁷³ Тартаковский А. Г. Незагаданный Барклай. М., 1996. С. 137–239.

¹⁷⁴ Там же. С. 207.

¹⁷⁵ Там же. С. 302.

да. В курсе исторических трудов Ахшарумова был весь так называемый «Рейхенбахский кружок литераторов», или «прогрессивно настроенные военные литераторы», имена которых А. Г. Тартаковский называет в своей монографии: А. И. Михайловский-Данилевский, братья А. А. и М. А. Щербинины, М. Х. и П. Х. Габбе¹⁷⁶. Обратившись к запискам А. А. Щербинина, мы встретим уже знакомые нам фамилии: «В феврале 1813 года, во время бытности Главной квартиры в Калише, Карл Федорович (Толь. – Л. И.) пил... чай в своей канцелярии, как с особенным ударением любил называть ее, и которую составляли квартирмейстерские офицеры: ...Габбе, брат мой и я»¹⁷⁷. Из этого источника видим: трое «рейхенбахцев» – это бывшие офицеры «канцелярии Толя», которого А. А. Щербинин, в частности, просто боготворил, с годами решившись создать его жизнеописание. Если вспомнить, что среди «прогрессивно настроенных военных литераторов» был и Михайловский-Данилевский, которого Ахшарумов держал в курсе своей работы, то можно предположить, что Толь недолго оставался в неведении по поводу того, каким «эсклюзивным» материалом располагал Ахшарумов и куда именно клонилась работа последнего. Однако, создавая исторический труд, особенно в части, касающейся Бородина, обойтись без лиц, приближенных к Кутузову, было невозможно. В числе тех, к кому обратился Ахшарумов с просьбой предоставить материалы, был, как установлено А. Г. Тартаковским, Толь. О высокой степени доверия фельдмаршала своему бывшему ученику и, соответственно, столь же высокой степени его осведомленности обо всех планах и распоряжениях Кутузова могли поведать Ахшарумову те же братья Щербинины и Михайловский-Данилевский.

По-видимому, именно в этот же период Плейсвицкого перемирия, продолжавшегося с 23 мая фактически до 1 августа 1813 г., Толь, используя тексты рапортов военачальников и ставшие к тому времени известными немногочисленные источники противной стороны, создал первый вариант «Описания Бородинского сражения»¹⁷⁸ в виде черновика рапорта Кутузова. Однако первое издание книги Ахшарумова не содержит подробного описания Бородинской битвы: события ограничиваются приездом Кутузова к армии и рассуждениями о ходе военных операций, что наводит на мысль, что Толь или сразу не отозвался на просьбу Ахшарумова, или, что более вероятно, передал сочинителю материал слишком поздно. Вторая версия кажется предпочтительнее, так как в более позднем сочинении Ахшарумова этот вариант «Описания» Толя появился.

¹⁷⁶ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. С. 214.

¹⁷⁷ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 16–17.

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3561. Л. 52–58.

Тогда же в руки Толя могло попасть и другое, прямо-таки одиозное сочинение Барклая, составленное также в форме письма Александру I и являвшееся по существу «первым мемуарным источником о войне 1812 года». Там содержался подробнейший разбор всех событий Бородинского сражения. Это было «Изображение военных действий 1-й армии», составленное в ноябре 1812 г. Копия с него неосторожно была передана в декабре 1812 г. вместе с сопроводительным письмом Александром I Э. Ф. де Сен-При, бывшему начальнику Главного штаба армии Багратиона. Документ возмутил пылкого француза, и он передал его другому, не менее преданному сподвижнику Багратиона, также «рейхенбахцу» Н. А. Старынкевичу. Так секретный документ пошел гулять по рукам. Тартаковский констатировал: «Совершенно исключительный размах приняло рукописное распространение “Изображения военных действий 1-й армии в 1812 году” – самой “закрытой” из оправдательных записок Барклая»¹⁷⁹. Он насчитал 15 выявленных им копий 1810-х гг. и полагал, что эти копии являлись лишь верхушкой айсберга. Историк делает вывод: «Изучение в этом плане Барклаевской записки находится ныне у самых своих истоков»¹⁸⁰. (Среди первых владельцев был и сослуживец Толя Д. П. Бутурлин.)

У самых истоков находится и степень изученности влияния этого документа на мемуаристику и отечественную историографию Бородинского сражения; кроме скрытого цитирования в те же 1810-е гг. наблюдалась уже и скрытая полемика с известным каждому, но не называемым по имени автором. Происходило это по причине, объясненной Ермоловым в письме А. А. Закревскому от 17 апреля 1818 г.: «Ты уведомляешь меня об описании военных 1812 года действий, составленном Барклаем, и не прежде соглашаешься доставить оное ко мне, как взяв прежде от меня слово, что я не пущусь в дружескую с ним переписку. Если сочинение сие не печатное и не выпущенное в публику... то я и не смею тебя выдавать нескромностию моею»¹⁸¹. Ермолов полагал, что возражать можно лишь на сочинения, появившиеся в печати за подписью автора, чего с письмами Барклая не случилось.

Толь, интересовавшийся всем, относящимся к кампании 1812 г. и, по свидетельству Клаузевица, пользовавшийся в армии репутацией самого начитанного офицера, не мог пропустить мимо себя такие брошюры, как «Рассуждения о войне 1812 года» П. А. Чуйкевича (СПб., 1813), «Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 года» А. И. Барклая де Толли, племянника полководца (СПб., 1813),

¹⁷⁹ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. С. 294.

¹⁸⁰ Там же. С. 295.

¹⁸¹ Сборник РИО. Т. 73. С. 275.

книгу Д. И. Ахшарумова «Историческое описание войны 1812 года» (СПб., 1813). В начале 1814 г. в журнале «Сын отечества», присылаемом в действующую армию, под названием «Народная война 1812, 1813, 1814 годов. Отрывок первый. О первой эпохе войны 1812 года» было анонимно опубликовано не что иное, как вторая редакция «Оправдания» Барклая, которую он передал в рукописном варианте для работы Ахшарумову. Толь понял все происходящее: когда кампания 1812 г. шла к победоносному завершению, Барклай де Толли избрал беспроязвительную линию защиты. Он предложил императору представить начальный ход войны в качестве тщательно спланированной операции, где Александру I отводилась главная роль, а самому Барклаю – исполнителя. Какая же роль отводилась Кутузову Барклаем, покинувшему армию вскоре после Бородина, где он, по его собственным словам, «спас армию и государство»¹⁸²? Сдав власть Кутузову, Барклай писал: «Здесь оканчивается первая эпоха сей войны. Все, что произвела она далее, до начатия 1813 года, есть следствие распоряжения и действия Главного полководца нашего князя Кутузова-Смоленского, который очень благоразумно держался в точности первоначального, с благотворительною заботливостью Государем утвержденного плана кампании»¹⁸³. Барклай лукавил: утвержденного плана не существовало. Написанного Барклаю показалось недостаточно: «...Я давал бы сражения, я засыпан был бы наградами и милостями, тем более, если бы, следуя примерам своих товарищей, тешил бы Вас и публику блестящими реляциями... Когда я дошел до конца этого плана и готов был дать решительный бой, князь Кутузов принял командование армией... Впрочем, пусть князь Кутузов наслаждается своими трофеями, пусть он утешается мыслью, что обратил в ничтожество того, кто подготвил ему их, ибо он только слепо и, надо сказать, вяло следовал за нитью событий, вытекающих из предшествовавших действий»¹⁸⁴.

Таким образом, Барклай предлагал «Бородино без Кутузова», давая понять, что преждевременный приезд последнего помешал ему, Барклаю, одержать победу при Царевом Займище. Более того, Кутузов при Бородине своей нерешительностью все испортил: «Там 26-го августа показали мы врагу нашему и целому свету, как можем мы защищать себя!.. Известно, что он, отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерей, удалился с места сего, можно сказать, беспримерного сражения. Одному только высшему начальству известны причины отступления победоносных наших

¹⁸² Барклай де Толли М. Б. – Румянцеву Н. П. 25 октября 1812 г. // *Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников*. С. 294–295.

¹⁸³ РГВИА. Ф. 846. Д. 3465. Ч. IV. Л. 80–93 об.

¹⁸⁴ Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2. С. 13–14.

армий при Бородине... Какие предстояли нам над ним выгоды с удержанием места сего!»¹⁸⁵ (от себя заметим, что более оптимистичного отзыва об итоге Бородинского сражения среди участников битвы, пожалуй, не существует. Жаль, что Барклай де Толли оборвал свою мысль восклицательным знаком, так и недосказав, какие именно выгоды нас ожидали «с удержанием места сего» без подкреплений, перед лицом неприятеля, в действительности и не думавшего «удаляться с места сего»).

Сообщая сведения об «удалившемся неприятеле», Барклай использовал все тот же текст «Официальных известий», которые он подверг едкой критике. В данном же случае генерала, похоже, не интересовало, насколько правдоподобна эта информация. В целом все, написанное Барклаем, вызвало одобрение Александра I. Репутация царя в то время нуждалась в поддержке. Не случайно сестра императора великая княгиня Екатерина Павловна обратилась к нему со словами: «...я Вам предоставляю возможность самому судить о положении вещей в стране, где презирают вождя»¹⁸⁶. Однако царь дал понять своему генералу, «задним числом предельно рационализировавшему свои действия»¹⁸⁷, чтобы он не слишком увлекался самооправданием: «Так как в ваши планы входило дать неприятелю рано или поздно генеральное сражение, то не все ли было равно, дать его у Смоленска или у Царева-Займища?»¹⁸⁸ Поверить в возможность «Бородина без Кутузова», а главное, без подкреплений, которые присоединились к армии накануне Бородинской битвы, Александр I отказался. Он так и не дал разрешения на обнародование в печати писем Барклая. И не потому (как считал А. Г. Тартаковский), что он его предал, а потому, что в армии еще оставалось достаточное число людей, которые могли аргументированно возразить и по поводу «скифского плана», и по поводу Бородина. Поэтому Барклай, «неразгаданный, потаенный», с его рукописями, «презревшими печать», в этой ситуации был гораздо полезнее и безопаснее для Александра I по причинам, указанным Ермоловым: нет публикаций – некому и возражать.

В числе людей, которые и могли, и знали, как следует возразить, был и Толь. Роль доверенного лица Кутузова заслоняет собой то обстоятельство, что ту же самую, и не менее важную роль Толь играл и при Барклае, так как он в период отступления 1-й армии от Немана и до Царева-Займища

---

¹⁸⁵ Тр. ИРВИО. СПб. Т. VI. Кн. 2.. С. 4.

¹⁸⁶ *Вел. кн. Николай Михайлович*. Переписка Императора Александра с сестрой... С. 83.

¹⁸⁷ *Монахов А. Л.* Барклай де Толли, Александр I и скифский план // Материалы научной конференции «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 1999. С. 104.

¹⁸⁸ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 475.

был генерал-квартирмейстером армии Барклая. Через его руки шла вся оперативная документация. Более того, пользуясь авторитетом и доверием императора, Толь был приглашаем на все военные совещания, поэтому он как никто другой знал и про «скифские планы», и про «согласованные действия». Барклай де Толли, помянув недобрым словом в «Изображении» окружение Кутузова, почему-то воздержался от замечаний в адрес Толя, от самоуправства которого он более всего и пострадал при Бородине. По-видимому, Барклай не стал задевать Толя сознательно: его бывший подчиненный был для Барклая неудобным свидетелем, к тому же еще и дерзким в поступках. Толь же предстояло сделать выбор, кого из своих бывших начальников поддержать в общественном мнении – покойного Кутузова или же вновь восходящего по служебной лестнице Барклая.

Толь был человеком, по отзывам, честолюбивым, амбициозным, резким, грубым, упрямым; но искательным и неблагодарным он не был. Если у Барклая уже существовала версия событий 1812 г., включая битву при Бородине, то Толь следовало ее создать, причем в отсутствие того, ради кого Толь и взялся за перо, – умершего Кутузова. И главный документ, на который в связи с этим Толь обратил внимание, было, конечно же, «Изображение»¹⁸⁹.

Если «Замечания» Барклая носили общий характер и личностное начало в них отсутствовало, то в «Изображении» Барклай писал от первого лица, оценив события именно со своей точки зрения. Ярко выраженная цель этого документа – не только показать свою безусловно положительную роль при Бородине, но и выказать в максимально невыгодном свете своих соперников – Кутузова, Беннигсена и Багратиона. Таким образом, первая подробная версия Бородинского сражения, как это ни странно, была «антикутузовской», и версия эта, как мы выше отметили, получила широкое распространение, принимая во внимание высокий служебный статус сочинителя. Поведение Барклая, вольно или невольно, спровоцировало ответную реакцию – защита Кутузова его сторонниками должна была стать столь же безапелляционной.

В «Изображении» Барклай акцентирует внимание на неудачно избранной позиции, отличавшейся в худшую сторону от той, что была избрана им самим при Цареве-Займище, где он намеревался разбить Наполеона до приезда Кутузова: «Они [Кудашев и Кайсаров] условились заметить престарелому и слабому князю, что по разбитии неприятеля в Цареве-Займище, слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1 Западной армии в 1812 году // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2. С. 41–67.

¹⁹⁰ Барклай де Толли М. Б. Там же. С. 41.

(Кутузов тоже охотно прислушивался к сплетням среди офицеров в армии, но он не сообщал о них императору). Заметим также, что в отличие от Кутузова Барклай на этот раз не только решил дать сражение, но и выиграть его непременно. О позиции при Бородине он отозвался отрицательно: «Она [позиция] была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось»¹⁹¹. В выборе этой позиции Барклай обвинял Беннигсена, якобы имевшего неограниченное влияние на Кутузова и действовавшего с ним заодно. «Все, что не от него происходило или не им было предлагаемо, подвергалось осуждению», – заметил Барклай по поводу Беннигсена¹⁹², не видя подобной слабости в себе самом. Барклай, державшийся на Бородинском поле особняком, был не в курсе «междоусобной войны» между Кутузовым и Беннигсеном, которая пока не проявила себя явно. Обрушив свой гнев на зятя Кутузова Н. Д. Кудашева и дежурного генерала П. С. Кайсарова, Барклай ни словом не упомянул об участии в выборе позиции Толя.

Так же как и в «Замечаниях», в «Изображении» Барклай сообщает о бесполезном с его точки зрения сражении при Шевардине 24 августа: «Вероятно, потому, что генерал Беннигсен не желал себя порочить: он выбрал позицию и посему следовало пожертвовать 24-го от 6 до 7 тысяч храбрых воинов и 3 орудия»¹⁹³.

В параграфе, озаглавленном «Князю Кутузову предлагается предупредить неприятеля», Барклай сообщил об альтернативном варианте сражения: «Князю Кутузову предложено было под вечер при наступлении темноты исполнить с армиею движение так, чтобы правой фланг 1-й армии отправился на высоту Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находился тогда 3-й корпус. Сие движение не переменило бы боевого порядка, каждый генерал имел бы при себе собранные свои войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть сбережены до последнего времени, не будучи рассеяны и, может быть, решились бы сражение. Князь Багратион, не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правой фланг неприятеля. Для прикрытия же нашего правого фланга, защищаемого уже местоположением, достаточно было: построенных укреплений, 8 или 10 батальонов пехоты, 1-го кавалерийского корпуса и казачьих полков 1-й армии. Князь одобрял по-видимому сию мысль, но она не была приведена в действие»¹⁹⁴. В этом случае заслуживает внимания реакция Кутузова, так как и его рапорты и свидетельства Барклай указывают на то,

---

¹⁹¹ Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий... С. 42–43.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. С. 44.

что Кутузов накануне битвы не сомневался, что нападению подвергнется именно его левый фланг, однако он по-прежнему уделял главное внимание участку позиции на правом крыле, что указывает на то, что Новая Смоленская дорога занимала особое место в планах главнокомандующего.

Параграф «Сражение 26 августа» содержит описание основных фаз битвы, в которой Барклай отводит главную роль войскам 1-й армии, подробно описывая боевые действия на правом фланге и в центре. В отличие от Кутузова и Багратиона он начинает описание событий с нападения неприятеля не на левый фланг, а на село Бородино, что имело бы самые пагубные последствия, если бы Барклай не «приказал полковнику Вуичу немедленно ударить в штыки на неприятеля с егерской своей бригадой». Только Барклаю удалось выправить положение на этом участке фронта, как «между тем на левом фланге 2-й армии открылся сильный ружейный огонь; князь Багратион потребовал подкрепление»¹⁹⁵. Перечисляя последовательность направляемых на левый фланг войск, вопреки рапортам «гвардейцев», генерал утверждает, что первым к Багратиону «отправлен был весь 2-й пехотный корпус и вскоре потом по вторичной просьбе гвардейские полки: Измайловский, Литовский и Финляндский»¹⁹⁶.

Здесь Барклай противоречит даже собственному рапорту от 26 сентября, где сказано: «Князь Багратион требовал подкрепление и остальная часть резервов 1-й армии то есть гвардейская пехотная дивизия на то обращена была. Вслед за оною посланы были туда же весь 2-й пехотный корпус»¹⁹⁷. В чем тут дело? А. Г. Тартаковский высказал предположение, что Барклай составлял «Изображение» по памяти, не имея под рукой рапортов. Но из текста рапорта, отправленного Кутузову из Калуги, и из «Изображения», очевидно, что бывшего главнокомандующего 1-й армией особенно привлекало подробное описание боевых действий в центре, свершавшееся на его глазах. Подробности, сообщаемые им и в «Замечаниях», и в рапорте, и в «Изображении» указывают на то, что у него остались под рукой документы, связанные именно с ходом боя в центре позиции, касающиеся 4-й пехотной дивизии Евг. Вюртембергского и 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. Евг. Вюртембергский поражался впоследствии отсутствию своего рапорта в делах канцелярии¹⁹⁸. В РГВИА сохранились также только наградные списки 4-го пехотного корпуса за подписью Остермана, но

---

¹⁹⁵ Барклай де Толли. Изображение военных действий... С. 42.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Евг. Вюртембергский. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 69.

¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 288–300 об.

сам рапорт также отсутствует¹⁹⁹. Можно сделать вывод, что именно эти документы являлись источниками, по которым Барклай описывал ход сражения в центре. По-видимому, генерал все-таки прихватил их с собой «в свои лифляндские гаки», как выразился о его отъезде в имение современник.

События на левом фланге, где, по словам Барклая, с утра 2-я армия находилась уже «в совершенном разбитии», представлены Барклаем сумбурно, о действиях гвардии он также не имеет четкого представления. В одиннадцатом часу, как сообщает Барклай, «2-я армия в отсутствии раненого князя Багратиона и многих генералов была опрокинута и в величайшем расстройстве»²⁰⁰. Военачальнику и здесь удалось, как он пишет, исправить положение своей распорядительностью: «Войска исполнили мое ожидание».

В «Изображении» впервые возникает оценка кавалерийского рейда: «Князь Кутузов отрядил 1-й кавалерийский корпус к Москве реке для нападения на левый фланг неприятеля с помощью казаков генерала Платова, естли б сие нападение исполнилось с большей твердостью... то последствия онога были бы блистательны»²⁰¹. Барклай полагал, что ответственность за рейд несет особенно не любимый им Беннигсен.

Беннигсен, с точки зрения Барклая, представлял для его репутации большую опасность, нежели сам Кутузов, который, по отзывам, был ленив «до составления бумаг». Упуская из виду личность Беннигсена, трудно объяснить эпистолярную активность бывшего военного министра. Барклай, оказавшись не у дел и опасаясь лишиться поддержки царя, лихорадочно искал выход из создавшегося положения, которое было сходно с ситуацией, в которой оказался Беннигсен, потерпевший поражение под Фридландом. Тогда «последний кондотьер» прибегнул к эффективному действию, чтобы оправдаться в глазах общества и императора. Он стал писать записки о кампании 1806–1807 гг.²⁰² Причем писал он их в форме писем своему приятелю генерал-лейтенанту А. Б. Фоку, находившемуся в Петербурге. Для Беннигсена это была не частная переписка. «Льшу себя надеждою, – доверительно обращался он в письме к Фоку от 15 марта 1811 г., – что Император прочтет мое сочинение с интересом. Не упоминаю о Его Высочестве Великом князе; само собой разумеется, что вы ему представите мой труд»²⁰³. В письме от 23 марта 1811 г. Беннигсен сообщал: «Даже и теперь я даю читать всем желающим свои записки,

²⁰⁰ Барклай де Толли. Изображение военных действий... С. 43.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Беннигсен Л. Л. Записки о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900.

²⁰³ Там же. С. 7.

по мере их составления, и все находят их весьма любопытными и поучительными»²⁰⁴. В период подготовки к очередной войне с Наполеоном царь почти наверняка отдал свой экземпляр этих записок на прочтение военному министру Барклаю. Кстати, именно в этом «занимательном труде» можно было позаимствовать идею «скифского плана»²⁰⁵.

Вполне вероятно, что, ища способов оправдать свои действия, Барклай пошел по пути, проложенному его предшественником, с той разницей, что у него не было ни связей, ни доверенных лиц при дворе, которые могли бы довести его сочинения до государя. Тогда он, выражаясь языком Ермолова, «пустился в дружескую переписку» с царем без посредников. Зная склонность Беннигсена к сочинительству, Барклай опасался быть представленным в очередных письмах Беннигсена к Фоку (следовательно, к царю) в невыгодном для себя свете. Основания для опасений были: Беннигсен обходился с Барклаем свысока, обыкновенно не замечая Барклая вовсе, но однажды в районе Красной Пахры начальник Главного штаба вдруг вышел из себя и при всех обругал бывшего военного министра, как мальчишку. Воспоминание об этом случае содержится в записках Д. П. Бутурлина²⁰⁶. Барклай не щадил Беннигсена в своих письмах к царю из опасения, что тот, в свою очередь, не пощадит его. На этот раз Барклай обогнал своего «совместника»: Беннигсен действительно составил записки о войне 1812 г. в форме писем все к тому же А. Б. Фоку, но произошло это не ранее 1815–1816 г., и досталось в них не Барклаю, которого он по-прежнему не замечал, а в основном Толю. Из текста записок Беннигсена явствует, что он так же, как и его адресат Фок, уже знали о письмах Барклая: не называя имен, Беннигсен явно оппонирует своему недоброжелателю: «Я не говорил о Бородино как о выгодной позиции, но полковник Толь... избрал ее для сражения»²⁰⁷.

Записки Барклая и Беннигсена имеют много сходных мест. Но Беннигсен, в отличие от Барклая, полагал, что «полковник Толь овладел умом Кутузова»²⁰⁸. В ряде положений его записки почти буквально совпадают со всем, что написано Барклаем, почти полностью воспроизводя все упреки в адрес Кутузова по поводу выбора позиции, размещения войск на ней, кроме одного существенного отличия: все разумные речи, произнесенные до сражения, и решительные действия в ходе битвы Беннигсен,

²⁰⁴ Беннигсен Л. Л. Записки о войне с Наполеоном...

²⁰⁵ Там же. С. 151–152.

²⁰⁶ Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика // РС. 1890. № 7. С. 213–216.

²⁰⁷ Беннигсен Л. Л. Записки графа Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. Т. 9. С. 494.

²⁰⁸ Там же.

**Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826),
при Бородине генерал от кавалерии,
исполняющий обязанности начальника Главного штаба.
С 1813 г. – граф. Автор «Писем о войне 1812 года»**

естественно, приписывает себе. Однако в его сочинении есть некоторые особенности. Он первый подробно изложил, в чем заключались «невыгоды местоположения» русской армии при Бородине. «Взгляните на план этого сражения, – обращался Беннигсен к Фоку (подразумевая, что его текст прочтет император). – Обратите прежде всего внимание на огромное пространство, которое занимали наши войска (в этом заключалась величайшая ошибка, какую можно было сделать в ожидании атаки со стороны Наполеона, система действий коего хорошо известна и против которого можно было, следовательно, принять более действенные меры, как я это доказал во время кампании 1806–1807 годов). От последней батареи на нашем правом фланге до крайней батареи на левом фланге, или до 3-го корпуса, находившегося под командою генерал-лейтенанта Тучкова, который стоял на Старой Смоленской дороге, было более 10 верст, так что войска или резервы, находившиеся на одном фланге, или хотя бы даже в центре, не могли подойти своевременно, чтобы поддержать другое крыло, – что и случилось 26 августа, несмотря на то, что неприятель еще 24 августа выказал намерение атаковать наш левый фланг. Я высказал свое мнение князю Кутузову, но все осталось по-старому»²⁰⁹. По словам Беннигсена, именно он предложил Кутузову сократить фронт русской армии, расположив ее между двумя дорогами. Оба они – и Беннигсен, и Барклай – полагали, что это передвижение гарантировало «верный успех». Но у обоих же есть общий существенный недостаток, о котором подчас забывают специалисты: Беннигсен и Барклай писали свои сочинения задним числом, когда исход сражения и последующие события были известны. Только в этом случае им можно было даже не поднимать такую скользкую тему, как отсутствие подкрепления. Перед глазами у обоих был ослепляющий их успех Кутузова в конце кампании, который им, как «совместникам», было трудно пережить.

Иначе расценил Беннигсен события при Шевардине: «После полудня неприятель с довольно значительными силами произвел рекогносцировку на нашем левом фланге»²¹⁰. Он не сообщил об изменениях, внесенных накануне в расположение левого крыла. Главные же боевые действия, по мнению Беннигсена, развернулись на левом фланге, куда он включает и центральный редут. Именно туда, по словам Беннигсена, был направлен главный удар сил Наполеона. Хронометрия событий его не особенно волновала, но он подтвердил факт раннего вступления в дело гвардии. В отличие от Барклая Беннигсен более пессимистично оценивал исход

---

²⁰⁹ Беннигсен Л. Л. Записки графа Беннигсена... С. 494–495.

²¹⁰ Там же. С. 495.

сражения. Барклай и Беннигсен представляли как бы две крайности во взглядах на ход сражения и действия русского командования: Беннигсен считал, что ошибка, допущенная в размещении войск, необратимо повлияла на ход битвы, поставив русские войска на грань разгрома и вызвав неизбежность отступления. Барклай же полагал, что положение дел в целом было исправлено в ходе боевых действий его удачными распоряжениями.

Таким образом, первая подробная версия Бородинского сражения была создана бывшим главнокомандующим 1-й Западной армией М. Б. Барклаем де Толли в форме острой полемики с документами Главного штаба М. И. Кутузова. Замечания Барклая распространялись на все аспекты битвы. Им высказан ряд замечаний по поводу избранной позиции, впервые отмечена «ошибка», допущенная в первоначальном размещении левого крыла, последствием чего и явилось, по мнению военачальника, Шевардинское сражение, стоившее бесполезных жертв. Осуждая замысел Кутузова в расположении войск, Барклай высказал альтернативную версию их размещения с перенесением «центра тяжести» на Старую Смоленскую дорогу, где он предлагал поставить всю 2-ю Западную армию. Сокращение фронта до линии Горки-Утицы, по его словам, гарантировало успех в сражении, который, впрочем, и без того был достигнут благодаря его распорядительности и усилиям войск 1-й армии.

В качестве негативного последствия решения Кутузова в размещении войск Барклай назвал полное расстройство 2-й Западной армии и ранение Багратиона, что произошло, по его словам, уже в 10.00 утра. Подчеркивая заслугу своих войск в сражении, Барклай непомерно продлил в своем повествовании оборонительные действия 1-й армии в центре, повторив ошибку Ермолова, утверждавшего, что атака на батарею Раевского была предпринята неприятелем около полудня; это явно не увязывалось с рассказом Барклая о раннем разгроме левого крыла. Барклай безоговорочно признавал победу русских войск при Бородине, причем не только моральную, но и тактическую. Версия Барклая нашла отражение в более поздних по времени «Записках» начальника Главного штаба Л. Л. Беннигсена, ставшего вторым серьезным оппонентом Кутузова. Беннигсен умалчал об инциденте, связанном с перемещением левого крыла, обошел молчанием и «Шевардинское дело». Он также указал на ошибочное, с его точки зрения, расположение русских армий на позиции. Непомерное усиление правого фланга явилось, по его мнению, причиной «неудачного дела» на левом фланге, фронтальный натиск на который главных сил Наполеона, по его словам, можно было предвидеть заранее.

В результате усилий экс-главнокомандующих была создана сильная «антикутузовская» версия сражения, которой в первой половине XIX в. активно противостояла версия, созданная К. Ф. Толем.

3. Бородинское сражение в сочинениях К. Ф. Толя

Если сочинения Баркляя были формально направлены против Кутузова, то Беннигсен задевал в своих «Записках» репутацию самого Толя. С этого времени бывший ученик Кутузова почувствовал необходимость защищать не только его репутацию, но и свою собственную. Толь, на наш взгляд, избрал не самый лучший способ: он защищал Кутузова и себя, отвергая самую возможность какой бы то ни было критики или даже полемики по поводу распоряжений фельдмаршала, а следовательно, и своих собственных. Но, как известно, тот, кто все отрицает, не отрицает ничего... Благодаря волевым усилиям Толя многие спорные вопросы «битвы гигантов» на долгие годы оказались вне дискуссии, что в конечном счете должно было разрешиться не в пользу Кутузова.

В 1816 г. судьба благоприятствовала Толю в создании того, что теперь принято называть «официальной» историографией Бородинского сражения. В 1813 г. на русскую службу перешел А. Г. В. Жomini, служивший в 1812 г. в чине бригадного генерала в армии Наполеона. По словам К. Клаузевица, Толь являлся последовательным сторонником военно-теоретических взглядов знаменитого швейцарца, чьи труды были изданы в России еще до нашествия Наполеона²¹¹. В 1816 г. Толь, служивший при Главном штабе, был официально прикомандирован к Жomini, занимавшемуся по повелению Александра I составлением подробного описания войн между Россией и Францией. Толь взял на себя весь труд по сбору материалов, касающихся событий 1812 г.²¹²

Теперь у него были явные преимущества перед оппонентами: Барклай де Толли, произведенный в фельдмаршалы за взятие Парижа и вновь заступивший на должность военного министра, утратил интерес к восстановлению истины посредством исторических сочинений. Беннигсен трудился над своими «Записками», давая читать их ближайшему окружению и не претендуя на официальное признание. Он понимал, что новое возвышение Баркляя не давало ему такой возможности. На закате своих

---

²¹¹ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 41.

²¹² *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года (опыт реконструкции) // ИЗ. Т. 85. М., 1970. С. 368–429.

дней «длинный Кассиус» (как назвал его Гете за причастность к убийству Павла I 11 марта 1801 г.) работал для потомства.

Толь взялся за дело энергично. Он подобрал себе надежных помощников в лице Д. П. Бутурлина и бывшего сослуживца по квартирмейстерской части полковника М. Н. Гартинга. Первого Толь рекомендовал Жомини в качестве переводчика, настаивая на том, чтобы именно Бутурлин переводил его бумаги, «дабы они не были искажены кем-либо, не вполне усвоившим себе всего того, что я хотел бы сказать»²¹³. Гартинга Толь известил об ответственной миссии тем же тоном, каким отдавал ему распоряжения при Бородине, что с 14 мая «он привлекается для сочиняемой ныне под надзором моим военной истории кампании 1812 года»²¹⁴. Михайловский-Данилевский содействовал трудам Толя в качестве директора библиотеки Главного штаба. К концу 1816 г. «Военная история кампании 1812 года» была закончена. Жомини, признав приоритет своего помощника, предложил напечатать это сочинение «под общим именем». Но авторские амбиции Толя в этом случае заключались совсем в ином: представить в печать свою концепцию всех событий Отечественной войны 1812 г., в том числе и Бородинского сражения, «освященную» именем знаменитого Жомини. Однако в таком варианте этот труд так и не появился в печати. Собранные Толем документы были обнаружены в бывшем фонде ВУА Тартаковским. Здесь же находится и «Описание сражения при селе Бородине», составленное от лица Кутузова, содержащее правку рукою Толя и датированное сентябрем 1812 г., что, как мы ранее показали, маловероятно, принимая во внимание динамику поступления всех рапортов. Анализируя мемуары той эпохи, Тартаковский высказал соображения, относящиеся к целому ряду мемуарных источников: «Мы не всегда можем судить о конкретных целях их создания – авторы об этом часто умалчивают. Неясно, в частности, предназначались ли они для текущей печати или были обращены к потомкам, писались ли для себя и детей или для чтения в узком дружеском кругу»²¹⁵. В отношении сочинений Толя все выглядит определенно – они предназначались для печати и были обращены к потомкам.

В чем заключалась особенность первой версии Толя, изложенной в «Описании сражения при селе Бородине» (так называемый «Рапорт Кутузова»)? В этом документе ни словом не упоминается о достоинствах или недостатках Бородинской позиции, зато предлагается новое видение собы-

²¹³ Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне... С. 381.

²¹⁴ Там же. 384–385.

²¹⁵ Тартаковский А. Г. Великие воспоминания 1812 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 15.

тый при Шевардине, отличающееся от рапортов Кутузова от 25 и 27 августа и тем более от «Замечаний» и «Изображения» Барклая. В частности, по-новому объясняется причина нападения противника на Шевардинский редут: «Неприятель, перейдя реку Колочу выше села Бородина, направил главные свои силы на устроенный нами пред сим редут, чрезвычайно беспокойший наступательное его на наш левый фланг движение»²¹⁶. Исход схватки за укрепление также не соответствует ни рапортам Кутузова, ни «Официальным известиям», ни описаниям Барклая. Это указывает на то, что этот вариант «Описания» составлен значительно позже, когда его автор уже успел забыть о содержании предыдущих документов, либо вообще не знал о них. Рапорты Кутузова могли быть составлены кем-либо из лиц Главного штаба (Михайловский-Данилевский, Кайсаров) под диктовку Кутузова и пройти мимо Толя. По-видимому, их не было у него под рукой в момент работы над текстом «Описания», где в частности говорится: «Все покушения неприятеля, отражаемого с большим уроном, соделались тщетными, и наконец, был он совершенно отбит. В сие время кирасирские полки 2-й дивизии... быстрою атакою довершили его поражение»²¹⁷. Ни о каких перемещениях левого фланга здесь уже не содержится и намека; автор сразу же переходит к толкованию замыслов неприятеля и расположению русских войск 26 августа: «Намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска»²¹⁸. Толь расходится с Барклаем в сведениях, когда именно на Старую Смоленскую дорогу были передвинуты войска 3-го пехотного корпуса Тучкова 1-го: Толь и Беннигсен считают, что 25 августа, по мнению Барклая – 24²¹⁹. Этот вопрос не разрешен в историографии до сих пор из-за отсутствия сведений в источниках.

В «Описании» возникает наконец упоминание о «кургане, в середине армии находящемся» (батарея Раевского); она впервые обрела здесь статус центра позиции²²⁰.

Вопреки рапорту Кутузова от 27 августа и «Официальным известиям» Толь вслед за Барклаем утверждал, что первой атаке подвергся не левый фланг, а село Бородино! Лейб-егеря, по словам Толя, оборонялись более часу, в то время как Барклай, напротив, утверждал, что полк этот был выбит из села внезапной и стремительной атакой.

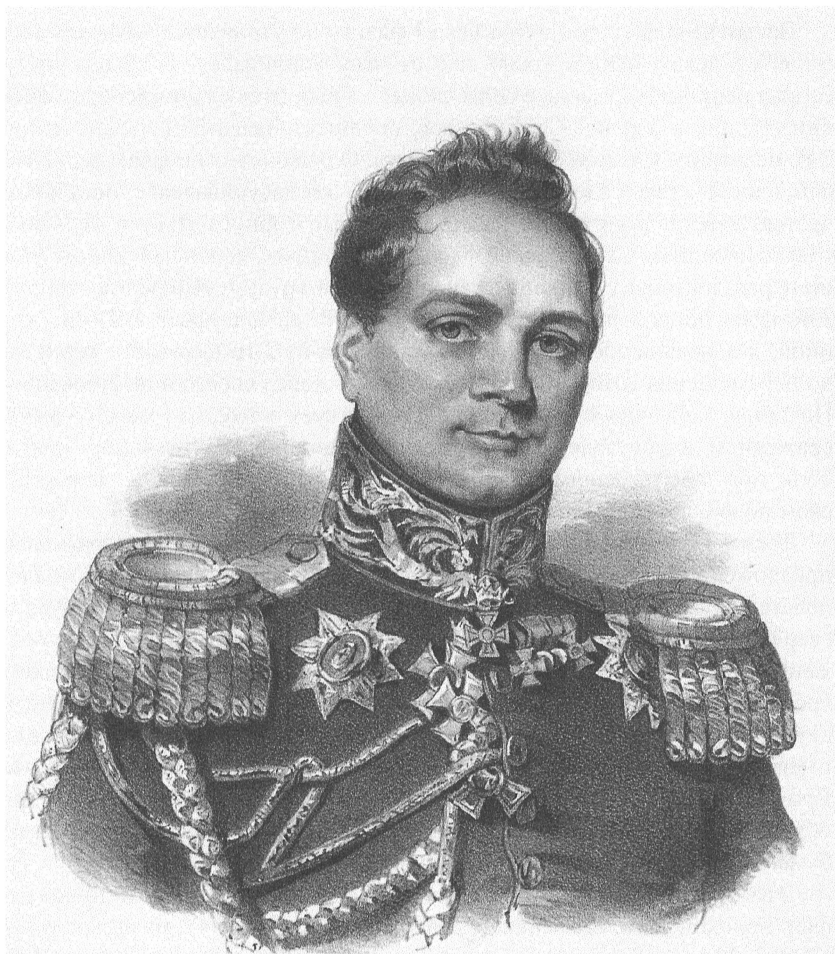
²¹⁶ Бородино. С. 134–135.

²¹⁷ Там же. С. 135.

²¹⁸ Там же. С. 136.

²¹⁹ Там же. С. 135; *Беннигсен Л. Л.* Записки графа Беннигсена... С. 494; *Барклай де Толли.* Изображение военных действий... С. 42.

²²⁰ Бородино. С. 135.

**Карл Федорович Толь (1777–1842),
при Бородине полковник, генерал-квартирмейстер Главного штаба.
В 1826 г. – генерал от инфантерии, с 1829 г. граф.
Автор «Описания битвы при селе Бородине 24 и 26 августа»**

Время начала сражения на левом фланге не уточняется: «Между тем огонь на левом нашем крыле час от часу усиливался. К сему пункту собрал неприятель главные силы свои»²²¹. Говорится о раннем перемещении гвардии к деревне Семеновское, предшествовавшем передвижению 2-го пехотного корпуса с правого фланга. Однако в этом первом варианте «Описания» уже содержится ошибка, не согласующаяся с остальной частью текста: в то время как соединенные корпуса Даву и Нея еще только напали на Семеновские флеши, на Старой Смоленской дороге уже «генерал-лейтенант Тучков... ранен пулею в грудь и генерал-лейтенант Алсуфьев принял по нем команду»²²². Но З. Д. Олсуфьев 1-й – не кто иной, как начальник 17-й пехотной дивизии из 2-го пехотного корпуса, до перемещения которого Толь пока еще не довел своего повествования. Подобная забывчивость также свидетельствует о том, что между самим сражением и составлением «Описания» прошло значительное время: Толь мог забыть, каким именно соединением командовал на Бородинском поле Олсуфьев 1-й.

Таким образом, первое уязвимое место в хронометрии сражения, предложенной Толем, – это путаница в определении времени и последовательности передвижений на левый фланг 2-го пехотного корпуса и гвардии, вступление в бой которой относится к более поздней фазе сражения. Но особое значение бывший генерал-квартирмейстер придавал времени и месту ранения Багратиона. По словам Толя, «сей несчастный случай весьма расстроил удачные действия левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над неприятелем»²²³. Используя ошибку в рапорте Ермолова и сочинениях Барклая, сообщавших о том, что около полудня неприятель впервые атаковал батарею Раевского, Толь продлевает на бумаге бой за Семеновские реданты до полудня.

Этот документ впоследствии лег в основу отечественной историографии Бородинского сражения. Однако при жизни Толя так называемый «Рапорт Кутузова» обнародован не был, а сам Толь не оставил сочинительскую деятельность на этом варианте «Описания», так как с расширением круга источников он убедился в несостоятельности первого «детичца».

В 1822 г. в журнале «Отечественные записки» Толь опубликовал «Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов гг. корпусных командиров российской армии, из официальных документов неприятельских, перехваченных во время преследования французской армии в 1812 году, и из иностранных

---

²²¹ Бородино. С. 136.

²²² Там же. С. 137.

²²³ Там же. С. 138.

описаний сей достопамятной войны, изданных по окончании оной». В названии по сути дела перечислялись все достоинства сочинения, а имя автора не могло не вызвать почтительного к себе отношения. Кто бы мог отрицать роль Толя в выборе позиции при селе Бородине, в размещении войск, в их передвижениях во время битвы? Кто бы взялся оспаривать значение Толя при Кутузове? В то время уже знали, что Кутузов особенно доверял автору сочинения и дорожил его мнением. Этому сочинению самой логикой вещей было уготовано стать главным источником в описании битвы.

При сравнении с уже рассмотренным текстом «Описания» от лица Кутузова новая версия имела существенное отличие. Появилось совершенно невероятное объяснение причин, принудивших неприятеля к нападению на Шевардинский редут. В тексте сообщалось: «Построенный нами 24-го числа редут..., а также егери, засевшие в рвах и кустарниках на правом берегу реки Колочи и занимавшие деревню Фомкину, Алексинку и Доронину, весьма затрудняли приближение неприятеля по большой дороге. Вследствие чего Наполеон приказал 1-го корпуса дивизии генерала Компан[а], переправясь через речку Колочу вытеснить егерей и овладеть вышеупомянутым редутом»²²⁴. Современный исследователь А. А. Смирнов справедливо по этому поводу заметил: «...Шевардинский редут был удален от Новой Смоленской дороги почти на 1700 м... Практическая же дальность стрельбы из самых крупнокалиберных полевых орудий – 12-ти фунтовых пушек средней пропорции – не превышала 1200 м. Дальность наиболее эффективного огня была вдвое меньше»²²⁵. По этой же причине малоэффективна была стрельба егерей, «засевших в рвах и кустарниках». Толь, разбиравшийся в подобных вопросах, сознательно допускал в описании неточность, объясняя события 24 августа.

Построение редута и продолжительность сражения при Шевардине Толь объяснял неизвестностью намерений противника, которые выяснились только поздним вечером: «Главный предмет Главнокомандующего князя Голенищева-Кутузова при построении сего редута состоял в том, чтобы открыть настоящее направление неприятельских сил и, если возможно, главное намерение Императора Наполеона»²²⁶. Толь вновь подтверждал, что первое нападение неприятель произвел на село Бородино, но численность атакующей группировки в этой версии он уменьшил с

---

²²⁴ Бородино. С. 318.

²²⁵ Смирнов А. А. Артиллерия Шевардинского редута // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всерос. науч. конференции. Бородино, 2002. С. 182–183.

²²⁶ Бородино. С. 318.

8000 до 7000. Последствием боя на правом фланге явилось, по мнению Толя, то, что «французы в течение целого дня не осмелились сделать вновь покушения к переправе на сем пункте»²²⁷. Отметим, что противник к этому и не стремился, как по причине неприступности русской позиции на высоком обрывистом берегу Колочи, так и вследствие распоряжений Наполеона.

Бой на левом фланге, начавшийся нападением на Семеновские флешы, по мнению Толя, начался в 7.00, то есть с того времени, когда Даву и Ней соединили свои наступательные усилия; отдельным действиям корпуса Даву в изложении Толя не отводится значительного места. Толь, опираясь не только на русские, но и на иностранные источники, приводил уже более четкую хронометрию событий в описании перемещения как русских, так и неприятельских войск накануне и во время боевых действий на флешах, завершившихся почти полным истреблением 2-й сводно-гренадерской дивизии Воронцова и 27-й пехотной дивизии Неверовского (то есть примерно с 7.30 до 8.00).

Затем в описании сражения вновь происходит сбой. Бой за флешы еще только набирал силу, а на Старой Смоленской дороге уже «генерал-лейтенант Тучков 1-й, будучи смертельно ранен, должен был сдать команду генерал-лейтенанту Олсуфьеву», что означало, что войска 2-го пехотного корпуса уже вступили в сражение на Старой Смоленской дороге; это не соответствовало действительности. Толь старался убедить читателей в том, что армейские полки с правого фланга вступали в дело раньше, чем гвардейский резерв, находившийся за центром.

Толь сообщил, что «в 9 часов неприятель, усилясь 2-ю дивизиею генерала Фриан[а] против укреплений, пред деревню Семеновской расположенных, решился вновь атаковать оныя»²²⁸. Время вступления дивизии Фриана в сражение указано Толем в соответствии с неприятельскими источниками, однако в них имеется существенный нюанс: Фриан атаковал саму деревню Семеновское, а не флешы. Таким образом, поздние события боя за Семеновское после ранения Багратиона вплетены в рассказе в канву повествования боя за флешы. В связи с этим совершенно невозможным с точки зрения хронометрии является указание на то, что многократные атаки Фриана были с успехом отражены кавалерийской бригадой генерал-майора Дорохова. Возникает вопрос: если в 9.00 в бой за Семеновские флешы уже вступила дивизия Фриана, то у кого же отбили эти укрепления в 10.00 полки 2-й гренадерской дивизии Карла

---

²²⁷ Бородино. С. 321.

²²⁸ Там же. С. 323.

Мекленбургского? Затем в «Описании» приводятся абсолютно неправдоподобные сведения. Толь утверждает, что и после атаки Фриана флеша благополучно удерживались русскими войсками; подоспевшая к этому времени во главе с Евг. Вюртембергским 4-я пехотная дивизия «атаковала голову сих (неприятельских колонн) и, рассеяв оные, прогнала обратно в лес»²²⁹. Потерпев неудачу, Наполеон, по утверждению Толя, приказал атаковать батарею Раевского, отбитую у неприятеля генералом Ермоловым. В это же время Кутузов приказал Уварову и Платову произвести рейд на левый фланг неприятельской армии. Естественно задаться вопросом, где, когда и при каких обстоятельствах, согласно этой версии Толя, был ранен Багратион? Здесь в рассказе Толя содержится новый поворот событий, которого не было в «Описании», составленном от лица Кутузова: «Войски наши, дав подойти неприятелю, открыли по нем наихлещайший картечный и ружейный огонь. Несмотря на сие, он подвигался вперед. Тогда весь фронт наших колонн левого крыла... двинулся в штыки, отчего произошел кровопролитнейший ручной бой. Почти невозможно было различить своих: конный, пеший, артиллерист – все в жару сражения смешались. Одни только резервы с обеих сторон оставались в некотором отдалении неподвижны, дабы на всякой случай иметь готовые войски в порядке. В сию ужасную минуту были тяжело ранены: генерал от инфантерии князь Багратион, начальник штаба его генерал-майор граф Сен-При и многие другие генералы, штаб- и обер-офицеры»²³⁰. Толь избегает уточнения, какие именно войска смешались «в жару сражения» и какие именно резервы «оставались в некотором отдалении». Ранение Багратиона с флешей переносится к деревне Семеновское на значительно более позднее время.

* * *

Таким образом, Толь предложил две хронометрические версии Бородинского сражения, причем в обеих полностью оправдывались все распоряжения и действия русского командования в лице Кутузова. Первый вариант, изложенный в так называемом «Репорте Кутузова», очевидно, был создан не ранее 1813 г. и, вероятно, был связан с периодом Плейсвицкого перемирия и деятельностью «рейхенбахского кружка» военных писателей, состоявшего в основном из сподвижников Толя, бывших в 1812 г. в его подчинении. Появление «Оправдательных писем» Барклая де Толли,

---

²²⁹ Бородино. С. 324.

²³⁰ Там же. С. 325–326.

по-видимому, и заставило Толя изложить свою версию Бородинского сражения в противовес версии Баркляя и в виде апологии Кутузова.

Особенности этой версии состояли в том, что «Шевардинское дело» истолковывалось как частная схватка за редут, «беспокоивший наступательное движение» неприятеля на левый фланг, без уточнения места нахождения последнего; главной целью неприятеля признавался обход русской армии по Старой Смоленской дороге. Нападение противника на Бородино утром 26 августа Толь представил как отвлекающую демонстрацию. Передвижение гвардии к Семеновскому предшествовало перемещению войск 2-го пехотного корпуса. Если же исходить из последовательности событий, изложенных в этой версии, то в 11.00 войска Багратиона успешно отразили очередную атаку на флешу, а атака на батарею Раевского была предпринята после захвата флешей.

Во второй версии, созданной в 1816 и опубликованной в 1822 г., содержалась иная интерпретация событий. «Дело при Шевардине» объяснялось тем, что русские войска «препятствовали приближению неприятеля к большой дороге», то есть вели себя очень активно. Намерения противника «выяснились поздним вечером» в ходе боя за редут, который именно для этого, по словам Толя, и был возведен. Особенно заметна разница двух версий в описании хода сражения: войска 2-го пехотного корпуса прибыли к Семеновскому, опередив гвардию, и даже приняли участие в бою за флешу. Основательно «перепутаны моменты», относящиеся к обороне Семеновских флешей с событиями боя за Семеновское; отсюда возникало представление о значительной продолжительности боя за Семеновские реданты. Наконец, в этом варианте «Описания» разведены по времени на три часа два события – ранение Багратиона и атака на батарею Раевского, которые Толь сознательно поменял местами. В этой версии атака на батарею предшествовала ранению Багратиона. Попутно возникла еще одна «версия-легенда»: Багратиона стали полагать раненым около полудня и не во время боя за флешу, а за Семеновское. Некоторое время обе версии существовали параллельно, но к концу XIX столетия они уже прочно переплелись между собой. Толь установил смысловую значимость ранения Багратиона как факта, повлекшего отступление левого крыла, в силу чего все остальные события также сместились во времени.

В «поединке мнений» между двумя экс-главнокомандующими, Беннигсеном и Баркляем де Толли, и их бывшим подчиненным, победу одержал их младший сослуживец, проявивший недюжинную силу характера и изобретательность в утверждении своих взглядов. Толь создал свой жесткий «канонический» каркас описания битвы отнюдь не в русле официальных правительственных указаний, а, напротив, вопреки им. Следо-

вательно, у историков нет оснований связывать предпринятые им акции по защите имени Кутузова (и своего собственного, конечно) с правительственным «официозом», как это по сей день пытаются делать специалисты. В этом случае идеологический фактор явно уступает личному.

По-видимому, Толь стремился оградить главное командование русской армии в лице Кутузова от нареканий по поводу расположения войск накануне битвы, сосредоточенных в основном на правом крыле, не подвергшемся, как известно, серьезному нападению. Тем более что и сам Толь чувствовал свою личную ответственность за то, что Кутузов, вопреки мнению Беннигсена и Барклая, не решался перегруппировать войска, сделав это лишь тогда, когда преимущество неприятеля против левого крыла сделалось очевидным.

4. Развитие версии К. Ф. Толя в трудах русских военных историков XIX в. (Д. И. Ахшарумов, Д. П. Бутурлин, К. Клаузевиц, А. И. Михайловский-Данилевский, Ф. Н. Глинка, Н. Д. Неелов)

В 1819 г. вторично вышло в свет сочинение Ахшарумова «Описание войны 1812 года», где Бородинскому сражению было отведено значительное место. Достаточно беглого взгляда, чтобы безошибочно признать в рассказе автора первый вариант «Описания» Толя. Выше отмечалось, что взгляды Толя на хронометрию битвы претерпели к тому времени существенные изменения, в которые он не стал посвящать Ахшарумова.

Ахшарумов, создав картину Бородинского сражения по первой версии Толя, уточнил от себя два существенных момента, касающихся «Шевардинского дела 24-го августа» и времени и места ранения Багратиона. По поводу первого обстоятельства сочинитель, явно не без влияния «Оправдательных писем», а возможно, и личного общения с Барклаем де Толли, указал, что противник неожиданно атаковал именно левое крыло русской армии, что могло иметь самые печальные последствия: «... нечувствительно открыли неприятелю всю армию Российскую»²³¹.

Касательно ранения Багратиона автор сделал акцент на том, что этот «несчастный случай» произошел до первого нападения французов на батарею Раевского, а главнокомандующий 2-й армией был ранен именно в бою за Семеновские флеши. Следуя почти слово в слово за описанием событий у флешей за Толем, Ахшарумов, после рассказа о контратаке

²³¹ Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 97.

²³² Там же. С. 112.

этих укреплений 2-й гренадерской дивизией, перебил повествование собственным замечанием: «В сие время лишились мы князя Багратиона»²³², что наводит на мысль, что у Ахшарумова, кроме Баркляя де Толли и Толя, были и другие источники. Один из них также назван в работе А. Г. Тартаковского: генерал Ермолов²³³. Именно он, ссылаясь на своих надежных осведомителей, указал в записках на конкретные обстоятельства ранения Багратиона: «Приспевший с 2-й гренадерскою дивизиею принц Карл Мекленбургский в помощь к войскам, ослабевающим в защите укреплений, остановил успехи неприятеля, но вскоре ранен... Полковник князь Кантакузин убит... Князь Багратион, боготворимый войсками, указуя путь бригаде полковника князя Кантакузина... получает тяжелую рану»²³⁴.

Книга Ахшарумова вышла незначительным тиражом и широкого распространения не получила. Достигнув чина генерал-майора, Ахшарумов скончался в возрасте всего лишь 45 лет. Тартаковский справедливо отметил, что о нем «в 20–30-е годы мало уже кто помнил, а его исторические труды об Отечественной войне были настолько прочно забыты, что... в появившемся в “Северной пчеле” некрологе было сказано на сей счет вообще нечто невразумительное: “Ахшарумов был хороший офицер в деле военном и занимался литературою. В 1819 г. он издал книгу: “Известия о военных действиях Российской армии против французов в 1812, 1813 и 1814”. Приписав, таким образом, Ахшарумову это издание... к которому он не имел никакого отношения, автор некролога о действительно принадлежавших ему исторических сочинениях, не упомянул вовсе»²³⁵. Работа Ахшарумова осталась не замеченной в отечественной историографии Бородинского сражения.

* * *

Настоящим событием, и не только в России, стал выход в свет двухтомного сочинения генерал-майора графа Д. П. Бутурлина «История нашествия Императора Наполеона на Россию в 1812 году» (СПБ., 1823–1824. Ч. 1–2), изданная годом ранее на французском языке в Париже. Бывший в 1812 г. подпоручик квартирмейстерской части стал автором одного из серьезнейших трудов, посвященных достопамятной кампании. Сочинение Бутурлина, написанное по горячим следам, с широким использованием как русских, так и иностранных источников, с одной стороны, отразило эмоции, переживания и пристрастия

²³³ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. С. 208.

²³⁴ Ермолов А. П. Записки. С. 189.

²³⁵ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. С. 266–267.

человека, лично участвовавшего в описываемых событиях, с другой стороны, эта книга до сих пор не утратила для специалистов научного значения. В основу труда Бутурлина, как доказано А. Г. Тартаковским, легли материалы, собранные Толем, при котором прежде Бутурлин состоял в качестве переводчика²³⁶. Как и Жомини, Бутурлин работал по указанию Александра I. Для Толя выход в свет этой книги, в которой он принял пусть не слишком заметное, но значительное участие, явилось авторским триумфом. События Бородинского сражения, от избрания позиции, толкования намерений русского командования, хронометрии боевых действий и до оценки итогов битвы, были заимствованы из второй версии «Описания» Толя. При сопоставлении сочинения Толя с текстом главы, посвященной Бутурлиным Бородинскому сражению, становится заметной вероятная причина, по которой Толь избегал авторства значительных по объему трудов: «самый образованный офицер» был начисто лишен литературного таланта, главная ценность его сочинений о Бородине состояла в том, что они являлись источником, созданным авторитетным участником событий. Дополнительный вес его трудам придавали карты, вычерченные по его же наметкам. Именно Толь давал указания, как расположить на карте местности войска обеих армий, полковнику А. И. Хатову, подготовившему карты и для сочинения Бутурлина.

В сочинении Бутурлина высоко оценивался факт назначения Кутузова главнокомандующим; при этом автор был прекрасно осведомлен об отношении к нему императора. Автор подробно перечислил приоритетные качества полководца в той ситуации, когда «бесперывные отступления, доселе производимые, отчасти уменьшили доверенность армии к своим начальникам»²³⁷. Упоминание о неблагополучии морального духа армии в начальный период войны было смелым и откровенным поступком со стороны автора, принимая во внимание, что книга Бутурлина создавалась по повелению Александра I. Панегирик полководцу Бутурлин закончил словами, указывающими на наличие в армии лиц, недовольных назначением: «...Малое число тех, которые по личной вражде были противниками великого мужа, не осмелились обнаружить своего мнения в сей торжественный час, когда, облеченный несомненными знаками доверенности Отечества, он готовился вступить на бессмертное поприще, для его старости Провидением предначиненное»²³⁸. Бутурлин, именуемый

---

²³⁶ Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года. С. 368–429.

²³⁷ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1823–1824. С. 244.

²³⁸ Там же. С. 245–246.

в советской историографии дворянским историком (с отрицательным значением этого слова), указал на то, что Кутузов был облечен знаками доверенности Отечества, опустив при этом первую часть формулировки – «Государя и Отечества».

Историк считал сомнительными шансы Кутузова защитить Москву, основательно полагая при этом, что и дальнейшее продолжение отступления было так же невозможно по ряду причин: «...угасло бы и потерялось драгоценное чувство восторга, которое прибытие нового Главнокомандующего воспламенило во всех сердцах. Впрочем, надлежало еще принять в уважение и то, что если армия была не столь многочисленна, чтобы могла надеяться на верную победу, то была достаточна к тому, чтобы сильно оспаривать оную и причинить неприятелю значительный урон, тем для него чувствительнейший, что, быв удален от средоточия могущества своего, он не имел средства заменить потерь»²³⁹. Рассуждение, весьма сходное с этим отрывком из книги Бутурлина, в 1839 г. появилось и в переиздании «Описания» Толя²⁴⁰.

Бутурлин подчеркнул, что, решившись на генеральное сражение, Кутузов «привел в действо намерение генерала Барклая де Толли», чем отверг версию о наличии у последнего «скифского плана», предусматривающего последовательное отступление чуть ли не «до берегов Волги».

Описывая позицию при Бородине, Бутурлин явно преувеличил масштаб фортификационных работ на левом фланге, вовсе не упоминая о перемене позиции этого участка фронта. Батарея Раевского («большая батарея в виде люнета»), так же как и Семеновские флеши, представлены у него значительно укрепленными. Время начала и окончания инженерных работ при этом не оговаривалось. Назначение Шевардинского редута объяснено строго по Толю: «...дабы удобнее было наблюдать движение неприятеля против левого фланга и затруднить наступление колонн, то в 900 саженьях перед фронтом построен был редут на кургане»²⁴¹. Автор почти вдвое уменьшил расстояние, отделяющее редут от основного расположения русской армии. Причина нападения неприятеля на Шевардино у Бутурлина та же самая, что и у Толя: «Огонь, производимый из редута... равно и российскими стрелками, засевшими в оврагах и кустарниках правого берега речки Колочи... весьма обеспокоивал прохождение неприятельских колонн по большой дороге»²⁴². Бутурлин даже

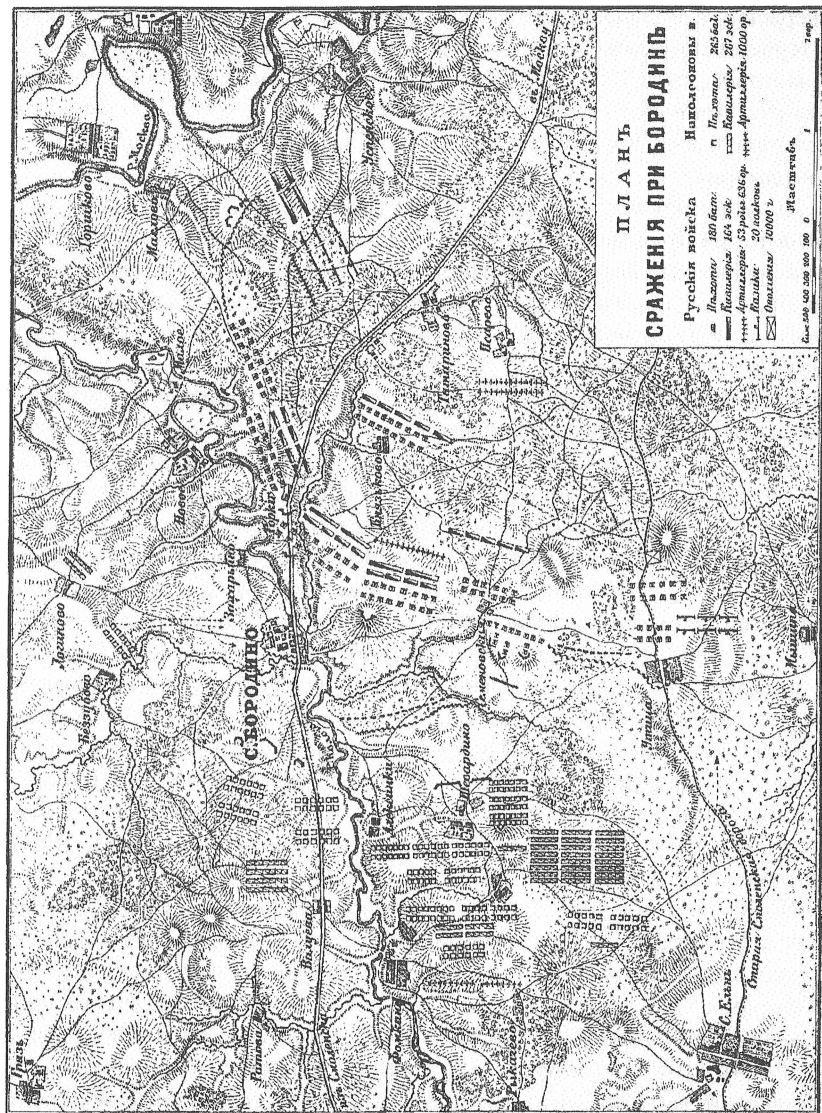
²³⁹ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона... С. 246.

²⁴⁰ Толь К. Ф. Описание сражения при селе Бородине... СПб., 1839. С. 48–49.

²⁴¹ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона... С. 254.

²⁴² Там же. С. 251.

²⁴³ Там же.

**ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ БОРОДИНѢ**

Русскія войска Нискоговомъ в.
 в Лязони 150 бат: п Пехоты 262 бат,
 в Кавалеріи 164 эск: п Кавалеріи 217 эск,
 в Артиллеріи 53 рота 53 бат: в Артиллеріи 1010 ор
 в Пашити: 29 пашити,
 в Опашити: 10800 в.

Масштабъ: 1
 1000 500 300 100 0
 7 вер.

План позиции при селе Бородине,
 составленный полковником А. И. Хатовым (1820-е гг.)

утверждал, что Наполеон приказал атаковать укрепление, «выведенный из терпения потерями, еще до сражения понесенными его войсками»²⁴³.

Историк, как и Толь, не стал давать каких-либо пояснений расположению русских войск перед битвой 26 августа; таким образом, скопление значительных сил русских на правом фланге по-прежнему оставалось без комментария.

Хронометрия битвы выдержана Бутурлиным в соответствии со второй версией Толя, включая последовательность двух важных событий: атаки на батарею Раевского и ранения Багратиона. Вслед за Толем Бутурлин приписал дивизии Фриана участие во второй атаке на флешу задолго до их окончательного захвата неприятелем. Полки 2-го пехотного корпуса Багговута, согласно Бутурлину, вступили в бой за эти же укрепления задолго до ранения «Второго Главнокомандующего» и прибытия 3-й пехотной дивизии Коновницына.

Обстоятельства ранения Багратиона в сочинении предварялись фразой: «Битва продолжалась уже близ шести часов.... Сражение при деревне Семеновское опять возобновилось с беспримерным ожесточением»²⁴⁴. Где именно был ранен Багратион – при защите ли флешей или же самой деревни – из текста неясно, какими войсками он предводительствовал после шести часов кровопролитной схватки, также не уточнялось. В рассказе нет места подвигу дивизии Коновницына, отбившей флешу в последний раз четвертой атакой. По словам Бутурлина, заслуга Коновницына заключалась лишь в том, что он «принял тотчас начальство, упраздненное отсутствием князя Багратиона» и сразу же отвел войска за овраг. По версии Бутурлина, ранению Багратиона предшествовали: атака на батарею Раевского и ее отражение Ермоловым, распоряжение Кутузова о рейде Уварова и Платова, сделанное с целью оттянуть войска неприятеля от флешей.

После выхода в свет сочинения Бутурлина роль Кутузова упрочивалась, его влиянию на ход событий при Бородине придавался исключительно положительный смысл. Н. А. Троицкий справедливо заметил: «Категорические суждения, будто концепция Бутурлина “всячески приносила и затушевывала роль Кутузова”, неосновательны»²⁴⁵. Картина же самого сражения вследствие введения деталей, заимствованных из документов и сочинений иностранных авторов, становилась все более запутанной. Искаженная хронометрия битвы, смещение в последовательности событий практически исключали возможность разобраться в

---

²⁴⁴ Бутурлин Д. П. История нашего императора Наполеона... С. 277–278.

²⁴⁵ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991. С. 15.

логике боевых действий и соотнести их с распоряжениями как русского, так и французского командования.

* * *

В главе, посвященной отечественной историографии, естественно и необходимо обратиться к работе известного ученого К. Клаузевица; эта работа носила не только историко-описательный, но и военно-теоретический характер²⁴⁶. Хотя этот труд был опубликован в Германии и его автор «природный» немец, в течение короткого времени в 1812 г. находившийся на русской службе, работа имела прямое отношение к русской историографии. С 1-й армией Клаузевиц прошел путь от Немана до Бородине. Он состоял при советнике Александра I К. Фуле, затем перешел на службу во 2-й кавалерийский корпус генерала Палена (Корфа), при Бородине состоял при принце Гессенском и участвовал в кавалерийском рейде Уварова и Платова. Клаузевиц не владел русским языком, что ограничивало его общение со своими временными сослуживцами, за исключением тех, кто говорил по-немецки. Сюда относились: Толь, Барклай де Толли, Беннигсен, Вольцоген, П. П. Пален, Евг. Вюртембергский. Именно на беседах с ними строились многие выводы и умозаключения офицера – теоретика военного дела. Находясь в положении «глухонемого», который больше видел, нежели слышал, Клаузевиц составил интересные «натурные» зарисовки Бородинского сражения, существенно отличавшиеся от тех, которые были сделаны людьми более погруженными в деятельность, чем в созерцание. Как ученый, он вникал во многие детали, искал ответы на вопросы, не особенно интересовавшие отечественных историков.

Несмотря на дружеские отношения с Толем, Клаузевиц был не менее амбициозен в самооценке, что проявилось в высказанном им мнении по поводу позиции, избранной при Бородине. Он оценил ее довольно оригинально, признав, что она «являлась парадной в том смысле, в котором этот термин применяется к лошадям, которые на первый взгляд обещают больше, чем могут дать»²⁴⁷. Автор признавал, что Россия вообще «бедна позициями», вследствие чего «полковник Толь не был в состоянии найти лучшей позиции, чем при Бородине»²⁴⁸. При явной симпатии к Толю Клаузевиц беспристрастно признал факт первоначального неудачного

---

²⁴⁶ Clausewitz K. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1834. Далее цит. по: Клаузевиц К. 1812 год. М., 1998.

²⁴⁷ Клаузевиц К. 1812 год. С. 68.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. С. 69.

расположения левого крыла, почти параллельного движению противника и, соответственно, «не перпендикулярного пути отступления»²⁴⁹. Наличие крупных сил на правом фланге представлено им как «бесполезное распыление сил», так как «положение в целом слишком привлекало французов к левому флангу». Инженерное оснащение позиции левого крыла получило объективную оценку: «Ни одно из этих укреплений не могло выдержать серьезного штурма... Все же надо сказать, что укрепления внесли свою долю в сильное и мужественное сопротивление, оказанное русскими»²⁵⁰.

В работе Клаузевица содержится свидетельство, подкрепленное теоретическими рассуждениями, о чрезвычайной плотности боевых порядков на левом фланге, что идет вразрез с традиционной критикой в адрес Кутузова, согласно которой не удавалось во время перебрасывать войска к угрожаемому пункту на левом фланге. Согласно Клаузевицу, реализация предложений Барклая и Беннигсена о сокращении фронта еще больше усугубила бы тесноту среди войск, размещенных, по выражению автора, «в затылок друг другу». Клаузевиц сообщал: «...русская армия дралась в тот день в беспрецедентном по глубине и тесноте построению. Столь же тесно, а, следовательно, так же глубоко построилась и французская армия»²⁵¹. Именно этим Клаузевиц объяснял значительные потери обеих сторон, одновременно полагая невозможность прорыва русского фронта, потесненного «от 1500 до 2000 шагов».

В оценке значения боя за Шевардинский редут Клаузевиц согласился с «русской» версией, очевидно, потому, что мог судить обо всем, там происшедшем, только со слов Толя, версия которого наложила отпечаток и на это сочинение. Автор считал для себя необходимым время от времени делать следующие оговорки: «Автор не раз беседовал на эту тему с полковником Толем» и т.д. С точки зрения хронометрии битвы работа Клаузевица малоинформативна, так как он мог судить лишь о том, что делалось у него на глазах, но о боевых действиях у деревни Семеновское, очевидцем которых он не был, у него сложилось довольно четкое общее представление, которого, пожалуй, недоставало отечественным историкам: «Весь ход сражения был чрезвычайно прост. Ввиду того, что Тучков помешал охвату левого крыла, французы стали наступать перпендикулярно на центр и левый фланг всей тяжестью своих масс»²⁵².

Клаузевиц выстроил интересную схему последовательности событий, которые он логически увязал с результатами обороны левого крыла. Приводимые им сведения неоднократно ставили в тупик отечественных

---

²⁵⁰ Клаузевиц К. 1812 год.

²⁵¹ Там же. С. 70.

²⁵² Там же. С. 77.

историков, придерживающихся традиционной версии. Так, о замысле флангового рейда кавалерии Уварова и Платова сообщалось следующее: «Автор... находился в свите своего генерала как раз у Кутузова, когда подъехал полковник Толь. Последний только что вернулся с левого фланга и сделал доклад Кутузову, что дело обстоит превосходно, и что князь Багратион отбил все атаки. (В первые два часа боя иначе и быть не могло.) В этот же момент пришло донесение, что Мюрат взят в плен в центральном укреплении... Это вызвало взрыв энтузиазма и под радостным впечатлением благоприятного оборота, которое принимало сражение, полковник Толь доложил Кутузову предложение принца Гессенского... Решение относительно этой диверсии было принято между 8 и 9 часами утра»²⁵³. Клаузевиц мог не понять, что в этот момент Багратион был уже ранен и флешы были отбиты Коновницыным, но время отражения первой атаки на батарею Раевского он указал довольно раннее.

Книга Клаузевица, по праву считающаяся одним из серьезных исследований о событиях 1812 г., также не оказала существенного влияния на отечественную историографию первой половины XIX в., хотя ее содержание могло существенно повлиять на уточнение многих эпизодов Бородинской битвы.

* * *

В 1837 г. к 25-летию Бородинского сражения был переиздан труд Бутурлина, но уже тогда стала очевидной необходимость создания нового описания кампании 1812 г., основанного на более широком привлечении источников. Это касалось и такого значительного события, как Бородинское сражение. К этому времени за границей были опубликованы сочинения Жomini, Пеле, Клаузевица, Н. А. Окунева, пользовавшиеся достаточной известностью в России. Пеле и Клаузевиц высказали серьезные замечания в адрес Бутурлина, поставив под сомнение многие положения русской версии Бородинского сражения: роль Кутузова при Бородине, его влияние на избрание позиции, расположение и перемещение войск, ход боевых действий. Сомнению подвергался результат битвы: требовались новые доводы для доказательства победы русской армии, так как рапорт Кутузова от 27 августа даже в купированном виде не содержал достаточно сильных аргументов по сравнению с 18-м бюллетенем Наполеона. Пеле поставил создателей русской версии в затруднительное положение, проявив осведомленность в отношении рапортов

---

²⁵³ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 73–74.

Кутузова, не упоминаемых ни Толем, ни Бутурлиным. В своей статье Пеле опубликовал распоряжения Наполеона маршалам накануне битвы, из которых уже можно было понять логику действий атакующей стороны и связать ее с ответными действиями русских войск. Публикация им же рапорта генерала Фриана, вкуче с другими документами, указывала на необъяснимые хронометрические смещения «русской» версии. Все это надлежало принять к сведению автору, которому предстояло создать очередное масштабное сочинение о битве при селе Бородине.

В 1839 г. версия Толя, опубликованная в «Отечественных записках», была вновь переиздана отдельной брошюрой на русском, немецком и французском языках²⁵⁴. В статье А. И. Сапожникова «Бородинский футляр “из библиотеки генерала Ф. Ф. Шуберта”» высказано, на наш взгляд, убедительное предположение, что это переиздание было предпринято в преддверии Бородинских торжеств специально для гостей, приглашенных на празднование. Сапожников обратил внимание на то, что эта брошюра не имеет отметки «Печатано по Высочайшему повелению». Далее автор сообщает: «Более того, на ней нет и обязательного для того времени цензурного разрешения, что позволяет делать самые различные предположения об обстоятельствах ее выхода в свет»²⁵⁵.

Если в книге Бутурлина описание сражения по объему почти в пять раз превосходило этот же сюжет в сочинении Ахшарумова, то две главы, посвященные Бородину в труде «русского Гомера» Михайловского-Данилевского, смело можно назвать «летописью величайшего побоища». Его четырехтомное «Описание Отечественной войны 1812 года», составленное по повелению императора Николая I, увидело свет в 1839 г., когда в России торжественно отмечалось 25-летие взятия Парижа. Именно эта дата, по мысли русского правительства, подвела окончательный итог военному столкновению между Россией и наполеоновской Францией. Сознавая ответственность за исполнение полученного в 1836 г. заказа, Михайловский-Данилевский провел огромную подготовку для написания этого труда. Выбор императора не только льстил ему как историку и литератору, но эта работа отражала его собственные интересы и пристрастия. В 1812 г. Михайловский-Данилевский уже чувствовал значи-

---

²⁵⁴ *Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленное на основании Рапортов гг. корпусных командиров Российской армии... СПб., 1839.

²⁵⁵ Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. Москва, 2003. С. 77.

²⁵⁶ *Мальшикин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году» // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2002. С. 36.

мость всего происходившего; потому тогда же у него зародилась мысль «создать описание событий тех дней от приезда М. И. Кутузова к армии в августе 1812 г. до остановки войск в Тарутинском лагере»²⁵⁶. Тогда же будущий историк стал создавать собственный архив, где накапливались документы по теме, которой он посвятил всю жизнь. Существующее в историографии разделение историков на дворянских, буржуазных, советских, быть может, не лишено некоторой логики, но препятствует воздать должное усилиям Михайловского-Данилевского, затраченным на создание сочинения, которое, по словам современников, «являлось самым любимым произведением ученого»²⁵⁷.

Особый интерес для нас представляют главы, посвященные Бородинскому сражению. Михайловский-Данилевский был первым, кто широко использовал в своей работе кроме официальных документов (рапорты, переписка) воспоминания участников битвы, составленные по его просьбе. Среди тех, кто поделился с сочинителем своими памятливыми впечатлениями, были А. И. Горчаков и М. С. Воронцов, П. А. Козен и И. Ф. Паскевич, М. С. Вистицкий и А. А. Щербинин, А. П. Никитин и Н. И. Лодыгин, К. А. Крейц и П. П. Коновницын, Д. Н. Болговский и И. Т. Родожницкий, а также В. И. Тимофеев²⁵⁸. В коллекции ВУА сохранились и ранние записки Раевского, адресованные Жомини, дневник Сен-При, погибшего в 1814 г., список «Изображения» Баркляя де Толли²⁵⁹. Дневниковые записи Михайловского-Данилевского позволяют сделать вывод, что он был также в курсе мемуарного творчества Беннигсена и Ермолова²⁶⁰. Если бы не усилия историка, круг мемуарных источников, связанных с Бородином, оказался бы очень ограниченным. О том, что в поле зрения Михайловского-Данилевского находились все основные

²⁵⁷ *Мальшикин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским...

²⁵⁸ *Горчаков А. И.* Письмо А. И. Михайловскому-Данилевскому от 13 мая 1837 г. // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 196–198; *Воронцов М. С.* Из воспоминаний графа Воронцова // Там же. С. 200–204; *Козен П. А.* Воспоминания // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 91; *Паскевич И. Ф.* Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1997. С. 72–105; *Вистицкий М. С.* Из записок Вистицкого // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 182–195; *Щербинин А. А.* Записки // Там же. С. 2–53; *Никитин А. П.* Воспоминания // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 144; *Лодыгин Н. И.* Воспоминания // Там же. С. 67; *Крейц К. А.* Записки // Там же. Вып. 1. С. 75–81; *Коновницын П. П.* Воспоминания // Там же. С. 122–133; *Болговский Д. Н.* Из воспоминаний Болговского // Там же. С. 227–243; *Родожницкий И. Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 1–4; *Тимофеев В. И.* Из записок // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 177–179.

²⁵⁹ *Раевский Н. Н.* Из записок Н. Н. Раевского // Бородино. С. 380–382; *Сен-При Э. Ф.* Дневник // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 136–167; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3465. Ч. IV. Л. 388–393 об.

²⁶⁰ *Михайловский-Данилевский А. И.* Из воспоминаний // РС. 1900. № 6. С. 169–170.

документы по сражению, включая и рапорты военачальников, позволяет утверждать документ, обнаруженный С. А. Малышкиным: «Подробная выписка из каталога секретного архива», где сам ученый назвал «лучшие материалы для описания Бородинского сражения»²⁶¹ – рапорты Баркляя де Толли, Коновницына, Дохтурова, Раевского, Багговута, Сиверса. История создания «Описания Отечественной войны 1812 года» позволяет утверждать, что историк использовал в своей работе сочинения Толя и длительное время пользовался его консультациями²⁶². Именно у него Михайловский-Данилевский, вопреки известным ему источникам, позаимствовал хронометрическую схему событий²⁶³.

Есть основания полагать, что «Русский Геродот» сделал это сознательно: сам он был знающим, внимательным, преданным теме человеком и историком. Он не мог не обратить внимания на выстраивающуюся по собранным им же документам картину событий. Из них следовало, что войска 8-го пехотного корпуса вступили в сражение раньше, чем дивизия Коновницына; Коновницын прибыл к месту боя после ранения Багратиона, а генерал Раевский, согласно его рапорту и воспоминаниям, был также атакован позже, чем был ранен Багратион²⁶⁴. Это же следует из «Изображения» Баркляя де Толли, на которое Михайловский-Данилевский по указанию Николая I составлял отзыв, где он объяснил причины, по которым этот документ, возникший гораздо раньше многих мемуарных источников, так и не попал на страницы официальных изданий. Историк писал императору: «Ничтожные слабости, мелкие сплетни оттеняются желчною насмешкою, и ругательства и поносительные слова на всех неприязненных Барклаю людей... Как радостно воспользовался бы историк... запиской Баркляя де Толли, если бы при высоком самоотвержении человека стоящего выше мелких расчетов оскорбленного самолюбия, беспристрастно изложил он свои ошибки, указывал на свои заслуги и отдал справедливость делам своих соперников. Можно ли верить беспристрастности Баркляя де Толли при его явно односторонних описаниях, если при том в его записке не видим ни порядка в идеях, ни полноты в изложении, пропущено важное, говорится о неважном, и все дополняется бранью, недостойною высокого назначения, ни того о ком писано, ни того, кто писал, ни того великого дела, к которому были они призваны»²⁶⁵. У Михайловского-Данилевского так же, как и у Толя, была своя логика. «Голос страстей не может

²⁶¹ *Малышкин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским... С. 38.

²⁶² Генералквартирмейстер К. Ф. Толь в Отечественную войну 1812 года. СПб., 1912.

²⁶³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. II. С. 214–266.

²⁶⁴ Из записок Н. Н. Раевского... С. 380–382.

²⁶⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. IV. Л. 388–393 об.

²⁶⁶ Там же. Л. 380.

**Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790–1848),
при Бородине прапорщик, адъютант М. И. Кутузова.
Впоследствии генерал-лейтенант, военный историк,
автор «Описания Отечественной войны 1812 г.»**

быть допущен в историю», – считал историк, а в отношении Кутузова со стороны его бывших соратников «страсти» были слишком очевидны²⁶⁶.

Среди русских военачальников были те, кто знал о сложившемся предвзятом отношении к событиям на левом крыле. Двое вообще отказались в 1830-е гг. писать воспоминания по просьбе Михайловского-Данилевского: Д. В. Голицын 5-й и А. И. Остерман-Толстой. Голицын прямо заявил в письме историку: «О Бородинском сражении ничего не помню. Никаких воспоминаний писать не буду»²⁶⁷. Возможно, Голицын был оскорблен тем, что при несомненных заслугах в сражении он оказался в числе генералов, обойденных наградой за Бородино, что произошло из-за досадной оплошности Кутузова²⁶⁸. Воронцов ответил на письмо историка вежливой отговоркой, что за давностью лет «события перепутались в памяти, и он легко может впасть в погрешность». Он знал, как развивались события на флешах, что явствует из его письма сестре, леди Пемброк, в котором он перечислил три атаки на флешу и указывал, что сам он был ранен при неудачной попытке отбить левое укрепление²⁶⁹, захваченное французами около 8.00, в то время как в сочинениях Толя эта атака завершилась успехом. Под рукой у Воронцова находился еще один важный документ: дневник графа Сен-При, который вместе с другими бумагами достался Воронцову по завещанию после смерти его боевого друга, получившего смертельную рану под Реймсом в 1814 г. В нем Сен-При подробно описал события на левом фланге²⁷⁰.

В целом работа Михайловского-Данилевского получила высокую оценку у современников и самого Николая I, что особенно волновало ученого. Но касательно той части книги, где описывалось сражение, император повел себя неожиданно для главы государства, включившись в «научный» спор. В июле, накануне торжеств на Бородинском поле, он вдруг затребовал от историка выписку, «относящуюся единственно к сражению 24 августа и потом генеральному сражению 26 августа при Бородине, со всеми теми подробностями, которые описаны в самом сочинении насчет действий сих двух дней»²⁷¹. Поначалу дело представлялось так, что император задумал раздать почетным гостям, среди которых были и герои Бородина, отдельно изданную брошюру с описанием

---

²⁶⁷ *Малышкин С. А.* Д. В. Голицын и создание «Истории Отечественной войны 1812 года» // Материалы VII Голицынских чтений. Большие Вяземы, 2000. С. 3.

²⁶⁸ *Ивченко Л. Л.* Награждение за Бородино князя Голицына 5-го // Материалы II Голицынских чтений. Большие Вяземы, 1995. С. 21–26.

²⁶⁹ Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814. М., 1992. С. 277–278.

²⁷⁰ *Сен-При Э. Ф.* Дневник... С.154.

²⁷¹ Цит. по: *Малышкин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским... С. 42.

событий. По мнению С. А. Малышкина, вышла заминка с изданием брошюры на французском языке, однако А. И. Сапожников обнаружил экземпляр брошюры именно на этом языке в коллекции книг Шуберта²⁷². Можно предположить, что все участники Бородинских торжеств все же получили экземпляр брошюры на приемлемом для них языке, очевидно, высказав императору свои замечания.

Николай I задумал исправить во время маневров то, что, по его мнению, не удалось в день сражения, и даже лично возглавил фланговый «рейд кавалерии Уварова и Платова». Император потребовал от Михайловского-Данилевского, чтобы он внес в сочинение исправления, касающиеся главным образом действий на левом фланге. Историк же совершил поступок, который трудно было ожидать при его верноподданических чувствах: он не только не стал вносить требуемые изменения, но вступил в спор с императором, и до этого называвшим его «адыютантом Кутузова»²⁷³.

Принципиальное упорство Михайловского-Данилевского, проявившееся в категорическом отказе изменить в своем сочинении хронометрию и последовательность боевых действий в сражении, засвидетельствовал позже в своей работе Липранди: «Он на многое соглашался, и просил перебрать его книгу для исправления при третьем издании, что я вначале было и делал: но он никак не соглашался обозначить корпус, батальоны, которые имели славу что-либо сделать при Бородине. Обыкновенный его ответ был: “Какое дело для истории, тот или другой батальон совершил такое-то дело в мировом событии?”»²⁷⁴ На наш взгляд, это была знаменательная отговорка для историка вообще и Михайловского-Данилевского в частности. Слухи о придирчивости императора не могли не распространиться среди ветеранов, судя по свидетельству того же Липранди, знавших о сочинениях Барклая де Толли, Беннигсена, Ермолова. Доказательством тому, что у самого историка, решившего придерживаться в своем труде версии Толя, было неспокойно на сердце, служит запись в его воспоминаниях, опубликованных в конце XIX столетия, но, увы, не замеченных специалистами: «По сему никто не может быть лучшим судьей о сем сражении, как Дохтуров. Я поставил долгом сохранить то, что он мне об оном однажды рассказывал. Вот слова его: “Меня отрядили на левое крыло в одиннадцатом часу. По прибытии туда

---

²⁷² Сапожников С. А. «Бородинский футляр» из библиотеки генерала Ф. Ф. Шуберта // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений... М., 2003. С. 77.

²⁷³ Шильдер Н. К. Император Николай I и Михайловский-Данилевский // РС. 1900. № 6. С. 586.

²⁷⁴ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. Собрание статей. СПб., 1867. С. 115.

²⁷⁵ Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского // РС. 1897. Ч. III. С. 456.

нашел я все в большом смятении. Генералы не знали, от кого им надлежало получать приказания»²⁷⁵.

Мнение, высказываемое специалистами как прежде, так и теперь о том, что Михайловский-Данилевский создал по указке царя «официальную версию событий Отечественной войны 1812 года», в отношении Бородинского сражения не соответствует действительности. Он так же, как ранее Бутурлин, не получал правительственных указаний ни на восхваление Кутузова, ни на создание особой хронометрии битвы, оправдывавшей все распоряжения при Бородине. Оба историка в этом вопросе были явно самостоятельны, взяв за основу версию Толя, не пожелав от нее отступить. Михайловского-Данилевского даже не смутил нажим со стороны императора, заинтересовавшегося событиями при Бородине. Самостоятельная позиция историка, на наш взгляд, обнаружилась в его отзыве на сочинения Барклая де Толли. Ни А. Г. Тартаковский, ни Н. А. Троицкий, ни В. Н. Земцов в «демократической» оценке личности Барклая не учитывают определенный конъюнктурный интерес, существовавший в правительственных кругах: «Заинтересованность правительства в возвышении памяти Барклая и одновременной критики Кутузова очевидна... Обе тенденции были тесно связаны: заслуги Барклая прославлялись только для того, чтобы унижить Кутузова и тем самым расчистить почву для возвеличения царя»²⁷⁶. Именно Барклая, с точки зрения «официоза», и следовало сделать героем достопамятной кампании и Бородинского сражения, защищая реноме Александра I. Михайловский-Данилевский занес в дневник 21 февраля 1838 г. отзыв Николая I на его сочинение: «...чувствуется адъютант Кутузова. Данилевский часто хвалит Кутузова там, где надобно было бы его критиковать», а далее автор воспроизвел упрек Николая I, заключавшийся в том, что сочинитель «нападал на Барклая»²⁷⁷. Однако Николай I не стал настаивать на своем. Находясь в Петербурге, он не явился к Казанскому собору на церемонию открытия памятников фельдмаршалам Кутузову и Барклаю, запланированной в рамках торжественных мероприятий, посвященных годовщине Бородина.

Чего добивался император? Справедливости для другого героя Бородина, о котором как-то позабылось в заочном споре Кутузова (Толя), Беннигсена и Барклая, а именно – для Багратиона, чья армия приняла и выдержала главный удар в сражении на левом фланге, где сам генерал получил смертельную рану. Император защищал память военачальника, переселившегося в мир иной, не успев сказать последнего слова, и кото-

²⁷⁶ Кока Г. Пушкин и полководцы двенадцатого года // Прометей. М., 1969. № 7. С. 25.

²⁷⁷ Шильдер Н. К. Император Николай I и Михайловский-Данилевский... С. 587.

рый посмертно подвергался нападкам со стороны Александра I. Николай I был верным сыном своей матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, после гибели Павла I вверившей жизнь своих детей, в числе которых оказался и будущий император Николай I, бессменному коменданту Павловска кн. Багратиону. По свидетельству Д. В. Давыдова, великие князья Николай и Михаил всегда восторженно относились к Багратиону²⁷⁸. Николай I был первым, кто открыл дорогу критическим замечаниям в адрес версии Толя. Император был знаком не только с сочинениями Барклая де Толли, но и Беннигсена, памятник которому он запретил возводить у Казанского собора. Николаю I претила лояльность старшего брата к участнику заговора 11 марта 1801 г. После смерти Беннигсена император приказал выкупить все мемуарное наследие Беннигсена, в том числе и относящееся к событиям 1812 г.²⁷⁹ Николай I пришел к выводу: под Бородином армия Багратиона подверглась жесточайшему натиску противника, понесла огромные потери, а сам главнокомандующий лишился жизни из-за неудачного расположения войск. Именно об этом император заявил на торжественном военном совете в 1839 г., происходившем на Бородинском поле, куда он прибыл, не считаясь со своим временем, чтобы почтить своим присутствием церемонию перезахоронения праха Багратиона²⁸⁰.

Намерение Николая I посетить поле битвы и даже реконструировать ее ход, по-видимому, застало врасплох и Толя, находившегося среди почетных гостей, и Михайловского-Данилевского. В этом случае становились заметными искажения и явные ошибки, допущенные в созданных ими описаниях битвы. «Неформальный» подход императора к празднованию годовщины битвы сделал очевидным, что 2-й пехотный корпус не мог обогнать, продвигаясь к левому флангу, гвардейские полки и 3-ю пехотную дивизию Коновницына; гвардейская бригада могла оказаться у Семеновского уже через полчаса, а 3-я пехотная дивизия не позднее чем через час после того, как Багратион обратился за помощью. Император лично возглавил «рейд кавалерии Уварова и Платова»; это свидетельствует о том, что, не ограничившись описаниями, он выяснил место нахождения бродов, которыми воспользовались Уваров и Платов в 1812 г.²⁸¹ Вникая в детали, император не мог не обратить внимания на сильные оборонительные возможности правого фланга, убедившись в его непреступности.

---

²⁷⁸ Давыдов Д. В. Сочинения. Т. II. С. 97.

²⁷⁹ Эйдельман Н. Я. Записки Беннигсена // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 285–315.

²⁸⁰ Генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь... С. 27.

²⁸¹ Кухарук А. Некруглая дата // Родина. 2002. № 8. С. 134–136; Веригин И. А. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 году // РС. 1885. Т. 46. С. 126–127.

Вывод напрашивается сам собой: если со временем версия Толя, подкрепленная трудами Бутурлина и Михайловского-Данилевского, превратилась в «официальную» версию, как и теперь утверждают историки, это произошло помимо воли Николая I, чуждого в этом вопросе «казенного патриотизма». Очевидно, первое поколение отечественных историков, не только изучавшее документы, но и опиравшееся на личные воспоминания или рассказы очевидцев о Бородине, сознательно допускало неточности в описании битвы. Эти люди были слишком близки к событию и его участникам, чтобы судить беспристрастно. Они были не столько историками, сколько действующими лицами.

* * *

В том же 1839 г. вышли из печати «Очерки Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки и «Опыт описания Бородинского сражения» Н. Д. Неелова. Как и труды признанных историков, эти работы отражали важные тенденции в развитии «русской» версии и, несмотря на популярный характер, по сей день используются исследователями.

Ф. Н. Глинка, в 1812 г. вступивший в ряды русской армии под Смоленском в чине прапорщика и состоявший адъютантом М. А. Милорадовича, проявлял особый интерес к изучению Бородинского сражения. Эта тема нашла отражение в «Письмах русского офицера», которые А. Г. Тартаковский справедливо назвал «ретроспективно обработанным дневником». «Письма» появились в печати в 1814–1815 гг. и, естественно, не содержали определенных сведений о «битве гигантов», что объясняется как невысоким служебным положением автора, так и малой степенью осведомленности. Это сочинение, доработанное, а может быть, и созданное в 1813 г. все в том же Рейхенбахе, не позволяет делать выводы о том, что было известно автору в ходе событий на Бородинском поле, а что домысливалось задним числом. Фрагмент «Писем», содержащий оценку деятельности Барклая в начальный период войны, явно более позднего происхождения; это доказывает знакомство Глинки с эпистолярным наследием полководца, что проявилось и в «Очерках Бородинского сражения», изданных в юбилейный год²⁸². Правда, в «Очерки» не попали некоторые подробности, содержащиеся в «Письмах», в частности рассуждения русских военачальников, услышанные, по словам автора, накануне битвы: «Я почти целый день просидел на колокольне в селе

---

²⁸² Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. 1814–1815 г. Ч. 1–2. Далее цит. по: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 158.

Ф. Н. Глинка.

Федор Николаевич Глинка (1786–1880),
при Бородине поручик, адъютант М. А. Милорадовича.
Поэт, прозаик, публицист, автор «Очерков Бородинского сражения»

Бородине... Но не один я задержан был любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Общее мнение было, что неприятель для того огораживает левое крыло свое, чтобы свести все войска на правое и с сугубым усилием ударить на наше левое. На середину также ожидали нападения»²⁸³. Было ли так на самом деле или у автора произошла «абберрация сознания» – теперь трудно судить.

В августе 1839 г. из первой экспедиции III отделения Собственной его императорского величества канцелярии по повелению А. Х. Бенкендорфа рукопись «Очерков Бородинского сражения», названная «литтературною статьею», была направлена «для рассмотрения и дозволения напечатать оную г. генерал-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому», председателю комитета военной цензуры²⁸⁴. 14 августа того же года историк известил Л. В. Дубельта о «статье г. Глинки»: «Военно-цензурный комитет не находит препятствий к напечатанию ея, с тем, однако, чтобы выпущены были означенные красными чернилами места, которые или не согласны с официальными сведениями, или заключают в себе суждения несправедливые»²⁸⁵.

Хотя произведение Глинки приравнялось к литературной статье – и это отчасти справедливо – и над ним серьезно поработала цензура в лице знаменитого ученого, все же «Очерки» содержат детали, существенно дополняющие научные труды Бутурина и Михайловского-Данилевского. Не все «неофициальные сведения» были вычеркнуты красными чернилами, в связи с чем события битвы изложены иначе, чем у упомянутых авторов. Особенностью сочинения Глинки являются многочисленные повторы: рассказ сочинителя в этом случае только выиграл, так как цензоры, не разобравшись, пропустили в печать важные подробности. По этой причине сочинение Глинки, невзирая на скромное общественное положение автора, вызвало огромный интерес у читателей вообще и у историков в частности, формируя представление о «знаменитом побоище».

Автор высоко оценил заслуги главнокомандующего: «Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе Высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание Главнокомандующего армии. Самовидцы рассказывали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем, как старцы кланялись седыми головами в

---

²⁸³ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера.

²⁸⁴ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шуклиным. М., 1903. Ч. VII. С. 247.

²⁸⁵ Там же. С. 247.

²⁸⁶ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения // В кн.: Письма русского офицера. М., 1985. С. 28–29.

²⁸⁷ Там же. С. 85–86.

землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного Воеводы»²⁸⁶. В то же время Глинка не менее высоко отзывался и о Барклае де Толли²⁸⁷.

Автор подробно, даже поэтично, описал позицию при Бородине. Последнее обстоятельство дополнительно привлекало внимание к работе Глинки, так как в трудах Толя, Бутурлина, Михайловского-Данилевского эти описания не вызывали при чтении особого интереса и, невзирая на прилагаемую карту, зачастую оставались неясными для читателя. «Сказав, что высоты правого русского фланга были лесистые, мы добавим, что они были и утесистые, а потому и составляли оборону прочную», – живописал местность правого крыла Глинка, создавая зримый образ его неприступности. Правда, автор положительно отозвался и о позиции левого фланга, преувеличив его инженерную подготовку: «Левое крыло наше также довольно щедро защищено природою... Искусство поспешило придать то, чего недодала природа для защиты линии»²⁸⁸. Автор, пользуясь жанром повествования, прибегнул к явному компромиссу: «Знатоки находят недостатки в этих скороспелых окопах... Но стойкая русская храбрость все дополнит, исправит!»²⁸⁹ У читателей возникал вопрос, отчего окопы «скороспелые», если, по рассказу Глинки, армия с 22 августа стояла на Бородинском поле?

Избрание позиции Глинка приписал Беннигсену, что указывает на «непечатный» источник в лице Барклая де Толли: «Тогда же промчалась молва в войске, что Кутузов нарочно посылал вперед Беннигсена отыскать крепкое место, где бы можно было стать и отстоять Москву»²⁹⁰. Ни Толь, ни Бутурлин, ни Михайловский-Данилевский не приписывали Кутузову подобной определенности намерений. Глинка «прикрыл» свои высказывания неопределенной ссылкой на «молву в войсках».

Назначение Шевардинского редута в «Очерках» объяснялось предвидением Кутузова в отношении левого фланга: «Чтобы удержать неприятеля в почтительном расстоянии от нашего левого крыла, куда он нацеливал все удары, насыпали большой редут на большом и высоком холме»²⁹¹. По мнению Глинки, еще до появления французов было ясно, куда Наполеон направит свои главные силы. Упоминание об ошибке в выборе позиции отсутствует. Причина нападения на редут указана та же, что у Толя, Бутурлина, Михайловского-Данилевского: «С прискорбием

---

²⁸⁸ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. С. 30.

²⁸⁹ Там же. С. 35.

²⁹⁰ Там же. С. 33.

²⁹¹ Там же. С. 38.

²⁹² Там же.

видя напрасную потерю людей, Наполеон приказал Мюрату перейти с конницей Колычу»²⁹². В «Очерках» возникает компромисс в описании действий русских войск 24 августа: «Но все эти великодушные усилия не могли устоять и не устояли против превосходных сил наступающих»²⁹³. Наблюдается явное противоречие и с рапортами Кутузова от 25 и 27 августа, и с «Официальными известиями», и с версией Толя. Глинка сообщает подробность, отсутствующую в других сочинениях: «В это время князь Багратион, схватя 2-ю гренадерскую дивизию, выехал сам на бой и велел отнять редут... Но Кутузов, зная, что надо было делать, велел покинуть редут неприятеля»²⁹⁴. Необходимость защиты укрепления от противника, готового ворваться в Семеновское, подменилась в рассказе волеизъявлением Багратиона, решившего овладеть Шевардинским редутом, от чего его удержал Кутузов. Глинка уверенно сообщал, что накануне битвы «русские боялись за свое, а французы за свое левое крыло»²⁹⁵. Для чего тогда Кутузов «удерживал большую часть войск на правом фланге»? Этот вопрос вновь остался без ответа.

«Литературная статья» Глинка не заслуживала бы подробного разбора, если бы не усилия автора беспристрастно объединить в сочинении все существующие версии в описании хронометрии сражения, о которых не принято было упоминать в более серьезных сочинениях. Глинка же собрал воедино отголоски самых различных мнений, включая иностранцев (18-й бюллетень Великой армии, сочинения Лабома, Шамбрэ, Сегюра, Раппа, Пеле), которым в русской историографии изначально было принято не особенно доверять. Глинка попытался описать действия противника, впервые прибегнув к параллельному изложению событий, увиденных глазами воинов обеих армий. К описанию одних и тех же эпизодов битвы он возвращался по несколько раз, сбивая с толку военную цензуру. Так, события при Шевардине он описывал в разделах I части: «Картина позиции», «24 августа», «Приближение французской армии к Бородину», «Взятие редута», и каждый раз он сообщает об одном и том же обстоятельстве что-нибудь новое. Во II части, озаглавленной им «Вступление к описанию Бородинского сражения», он снова разъяснял особенности позиции при Бородине, но уже делал иное замечание по поводу предусмотрительности Кутузова: «Ночные распоряжения неприятеля открылись, когда ободняло [рассветло. — Л. И.]. Кутузов... увидел огромные массы пехоты и кавалерии,

---

²⁹³ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. С. 40.

²⁹⁴ Там же. С. 41.

²⁹⁵ Там же. С. 43.

²⁹⁶ Там же. С. 63.

расставленные против редантов Семеновских»²⁹⁶. Глинка противоречил прежнему заявлению о том, что Кутузов заранее предвидел опасность, которой подвергался левый фланг.

События 26 августа Глинка также не стал объединять в одной главе, разделив описание на разделы: «Беглый панорамический взгляд на местность и некоторые моменты Бородинского сражения», «Вступление к описанию Бородинского сражения», «Первое нападение маршалов», «Второе нападение маршалов на реданты», «Третье нападение маршалов». После «приготовительных статей» следовали сами «очерки сражения», где автор снова возвращался к событиям, описанным прежде, и «экспериментировал» с разными версиями. Так, пересказав ход событий у Семеновских укреплений и деревни Семеновское согласно версии Толя, даже цитируя его, он поведал о нападении дивизии Фриана на флешу задолго до боя за деревню Семеновское. Глинка даже поместил на страницах своего труда «выписку», где он попытался расписать ход сражения по времени, указав, что Багратион был ранен в полдень, до боя у Семеновского, а первую атаку на батарею Раевского сдвинул на «два часа пополудни». После этого он обратился к читателям: «Итак, вот рассказ краткий неполный о битвах за реданы Семеновские. Скрепим его некоторыми подробностями и еще раз (не пеняйте за повторение) поговорим о делах на этом важном пункте так, как говорят о них французы. Более всего я хотел бы избежать упрека в односторонности»²⁹⁷. В описании битвы неожиданно появилось сообщение о ранении генерала Монбрена после первой атаки на батарею Раевского²⁹⁸. Глинка перечислил воинские части, направленные Кутузовым к Семеновскому, и в числе первых назвал кирасирские полки 1-й дивизии и Гвардейскую конную артиллерию. По словам Глинки, «прозорливый Главнокомандующий» направил в помощь «страждущему левому крылу» Литовский и Измайловский гвардейские полки, сводную гренадерскую бригаду и артиллерийские батарейные роты Лейб-гвардии артиллерийской бригады, а только затем – 2-й пехотный корпус Багговута²⁹⁹. Тем самым Глинка дал понять, что, кроме сочинений Толя, он нашел возможность ознакомиться с источниками – рапортами русских и иностранных военачальников и работой Пеле, составленной в виде полемики с Бутурлиным. Глинка знал, где действовали обе батарейные роты лейб-гвардии артиллерийской бригады. По его словам, они «были пущены влево, где крутились дымные

---

²⁹⁷ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. С. 87.

²⁹⁸ Там же. С. 83.

²⁹⁹ Там же. С. 87.

³⁰⁰ Там же.

вихри сражения»³⁰⁰. Создается впечатление, что он добыл сведения, ставшие известными после публикации Г. М. Ратча, а именно: сведения о потерях во 2-й батарее роты и наградное представление командира 1-й роты штабс-капитана А. И. Базилевича³⁰¹. Атаку 2-й пехотной дивизии генерала Фриана Глинка поместил после ранения Багратиона, сославшись на 18-й бюллетень и диспозицию маршала Даву, где говорилось, что эта дивизия должна вступить в сражение «коль скоро реданты при Семеновском будут взяты»³⁰². С храбростью, свойственной дилетанту, скромный автор вступил в борьбу с мнением авторитетных историков, поведав читателю сведения, содержащиеся в приложениях к сочинениям генерала Пеле: «Генерал Дюфур, с 15-м легким полком... перемчался за овраг, принял налево, захватил Семеновское (которое, впрочем, наши готовы были уступить) и стал на этой прожженной почве твердою ногою, поддерживаемый остальными войсками дивизии в колоннах по бригадам»³⁰³. Глинка указал на то, что атака эта была предпринята между 9.00 и 10.00 часами. К числу достоинств этого «дилетантского» труда следует причислить описание действий кавалерии под командованием Голицына, что до сих пор представляет проблему для специалистов. В «Очерках» прозвучала альтернативная версия событий на левом фланге, связанных логически со всем ходом Бородинского сражения, которую признанные «жрецы науки» предпочитали не замечать.

В том же 1839 г. вышла из печати брошюра поручика Генерального штаба Н. Д. Неелова «Опыт описания Бородинского сражения». Название сочинения указывало на генетическую связь с работой Толя, тем более что она была посвящена его соратнику полковнику квартирмейстерской части А. Д. Нейдгардту.

Неелов, не являясь участником битвы, в рассказе о ней строго следовал схеме, очерченной его предшественниками, что доказывает, что версия Толя уже обрела статус традиции. Причиной сражения Неелов назвал «неблагоприятное впечатление от оставления Смоленска»³⁰⁴. Автор вслед за Толем повторил доводы, побудившие русскую сторону вступить в сражение при Шевардине, но в изложении Неелова обстоятельство «адского дела» еще заметнее противоречили рапорту Кутузова. По словам Неелова, боевые действия разгорелись не вследствие внезапного нападения противника, как указывалось в рапорте Кутузова от 25 августа, а из-за

---

³⁰¹ Ратч Г. М. Публичные чтения, читанные господам офицерам гвардейской артиллерии // АЖ. 1861. № 11. С. 841.

³⁰² Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. С. 100.

³⁰³ Там же. С. 101.

³⁰⁴ Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839. С. 4.

намерений главнокомандующего «не дать неприятелю возможности овладеть этим пунктом, обозреть все расположение Российских войск и иметь вместе с тем возможность действовать во фланг наступающим по большой дороге к селу Бородину колоннам»³⁰⁵. Причины, побудившие Наполеона атаковать Шевардинский редут, в работе Неелова представлены также в русле традиции: «Огонь, открытый цепью стрелков по неприятельской кавалерии, и... довольно значительные от того потери, заставили Наполеона перебросить часть кавалерии Мюрата и дивизию Компана на правый берег Колочи»³⁰⁶.

В отечественной историографии стала утверждаться версия, что русский главнокомандующий сам привлек внимание противника к левому флангу, чтобы предотвратить возможность нападения на правое крыло, используемое в качестве резерва.

В брошюре Неелова воспроизведена хронометрия событий 26 августа в том виде, как она была представлена Толем, но с еще большим числом «запутанных и темных мест». Бригада генерала Дюфура из дивизии Фриана будто бы вступила вместе с Неем за Семеновским оврагом в бой с 27-й пехотной дивизией Неверовского, но потерпела поражение от дивизии Коновницына и гренадер Карла Мекленбургского, после чего бой за флешу разгорелся с новой силой до полудня. В действительности же дивизия Неверовского с самого начала находилась у флешей во второй линии за гренадерами Воронцова. Обе дивизии понесли огромные потери в начале битвы, следовательно, Неверовский уже не мог сражаться во главе своей дивизии за оврагом, тем более с бригадой Дюфура, ворвавшейся в деревню после окончательного захвата французами флешей. Два сюжета – бой за флешу и за Семеновское – окончательно перепутались между собой. Главным рубежом обороны становились именно флешу. Неелов в рассказе об их защите поведал новую подробность: именно по повелению Толя 4-я пехотная дивизия Евг. Вюртембергского атаковала неприятеля во фланг³⁰⁷. Вероятно, кроме печатных трудов Толя, автор мог использовать и устные предания. Неелов пришел к оптимистическому выводу в отношении событий на левом фланге и в центре: «Таким образом в 11-ть часов, д. Семеновское, люнет (Раевского), все было в руках Наполеона; а в 12-ть часов, неприятель был отражен, и наши войска удержали за собой прежнюю позицию»³⁰⁸. Неелов полагал, что оборона

---

³⁰⁵ Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. С. 17.

³⁰⁶ Там же. С. 18.

³⁰⁷ Там же. С. 51.

³⁰⁸ Там же. С. 60.

³⁰⁹ Там же. С. 64.

флешей длилась и после полудня: по его мнению, неприятель в 12 часов «противу флешей перед Семеновским поставил 400 орудий и сильные колонны двинулись в атаку на флешу»³⁰⁹. Заметим, что местность, «прилежащая» к флешам, составляла по фронту около версты, следовательно, расположить на таком пространстве 400 орудий было невозможно, но автора это не смущало. Неелов сообщал: «Левый фланг бросился на французов». По его мнению, это была третья атака.

Неелов не принадлежал к числу «самовидцев» и участников битвы. В его сочинении представления о ходе битвы уже не ограничивались ни рапортами обеих сторон, ни «Официальными известиями», ни 18-м бюллетенем. Наименования воинских частей, как русских, так и наполеоновских, как оборонявшихся, так и нападавших, не соответствовали хронометрии событий и численности войск. При жизни Толя был создан, говоря языком Кутузова, «сколок» с его версии, где все допущенные им ошибки усугублялись, а расхождение с рапортами и воспоминаниями очевидцев становилось все ощутимее.

После переиздания книги Бутурлина и выхода сочинения Михайловского-Данилевского наступил двадцатилетний спад в исследовании темы Бородинского сражения. В последующие годы не вышло ни одного значительного издания, посвященного Бородине. Таким образом, остались открытыми вопросы: какой смысл вкладывало русское командование в понятие «левый фланг» и почему Кутузова так заботила оборона неприступного правого крыла? Сколько раз французы атаковали знаменитые Багратионовы флешы и как долго оборонялись их защитники? В котором часу был ранен князь Багратион, отбита первая атака батареи Раевского и какое из этих событий произошло раньше? Когда французы атаковали деревню Семеновское, какова была продолжительность боя на рубеже Семеновского оврага? Кто первым вступил в бой на левом фланге – армейские части или же последний резерв Кутузова – гвардия? Какие цели преследовало русское командование при Бородине и насколько удалось реализовать замыслы?

5. Элементы критики версии К. Ф. Толя в сочинениях М. И. Богдановича и И. П. Липранди

Полувековой юбилей «битвы гигантов» вновь привлек общее внимание к славному событию в военной истории России. Новая веха в исследовании Бородинского сражения ознаменовалась выходом в свет трехтомного сочинения профессора Военной академии полковника

М. И. Богдановича, озаглавившего свой труд «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» (СПб., 1859–1860). Само название этого труда, созданного, как и сочинения предшественников, «по Высочайшему повелению» и удостоенного Демидовской премии, по мысли автора указывало на то, что прежние работы, хотя и носили сходное название, базировались на источниках недостаточно достоверных. Вероятно, автор имел в виду не только ограниченный «охват» его предшественниками изданных и неизданных материалов, но и интерпретацию самих событий, «омраченную пристрастием».

Появление обобщающего исследования об Отечественной войне 1812 г., в котором Бородинской битве отводилось целых четыре главы, было связано не только с публикацией большого числа ранее неизвестных источников, но и с изменением социально-политической обстановки внутри страны. Признавая труд Богдановича «вершиной дворянской историографии», специалисты упрекали автора за классовую ограниченность воззрений; однако либеральные веяния пореформенного периода, выразившиеся в критическом отношении к минувшему царствованию, в значительной мере сказались в работе ученого. Впервые за перо взялся профессиональный военный историк, которого отделяло от минувшего события более половины столетия. Автор смотрел на себя как на «жреца науки», ему были чужды страсти и переживания его предшественников – «самовидцев», их взволнованные интонации в повествовании о событиях, в которых они принимали деятельное участие.

Богданович располагал обширным материалом, позволявшим заново выстроить версию событий, связанных с «битвой гигантов». К тому времени в печати уже появилось запретное «Изображение» Баркляя де Толли, которое, спустя два царствования, поражало новизной взгляда на известные события и открывало возможность критики устоявшихся мнений о Бородине. Настроения, навеянные пушкинским «Полководцем», казалось, обрели конкретную форму в виде документального подтверждения. Об истории возникновения этого документа мало уже кто знал. Критическое восприятие взглядов ушедшего поколения историков напрашивалось само собой. К тому же Богданович был осведомлен, что труд его предшественника, Михайловского-Данилевского, «курировал» бывший военный министр А. И. Чернышев, с именем которого связывались неудачи в Крымской кампании 1853–1856 гг. Порицания в адрес Михайловского-Данилевского теперь воспринимались как критические замечания и в адрес его покровителя.

В 1842 г. скончался «всемогущий» Толь. После его смерти стало ясно, что усилия, употребленные им в защиту Кутузова, оказали не лучшую

услугу репутации фельдмаршала как полководца. Толь переусердствовал, доказывая свою исключительную роль при Кутузове: личность полководца стала теряться в тени его ученика. Доказательством может служить не только работа Клаузевица, но и появившееся в Германии сочинение Теодора фон Бернгарди, посвященное Толю³¹⁰. Ловкий авантюрист, ссылаясь на близкое знакомство, не постеснялся назвать свое сочинение подлинными записками графа Толя. Автор, проживая некоторое время в России, занимался воспитанием детей Толя и, очевидно, записывал его рассказы о военных событиях, вследствие чего и возник замысел создать подобную фальсификацию. Объединив рассказы своего хозяина с историческими сочинениями, вышедшими на Западе, Бернгарди приписал Толю все успехи русской армии при Бородине. У автора была своя концепция – он полагал, что решающая роль в Бородинском сражении принадлежала немцам, находившимся на русской службе. В 1825 г. Толю уже доводилось писать оправдательное письмо на имя Бутурлина, опровергающее его собственную «исключительную» роль в 1812 г., приписанную ему французским генералом Водонкуром, побывавшим в русском плену, где он мог услышать интересные подробности о влиятельном ученике Кутузова³¹¹.

Книга Бернгарди пользовалась огромной популярностью в Германии. Ее использовали в своих статьях по истории России К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1853 г. Энгельс опубликовал в «Новейшей американской энциклопедии» статью «Бородино», отличавшуюся откровенной русофобией; такова же, статья Маркса и Энгельса «Барклай де Толли», напечатанная там же³¹².

Помимо печатных изданий, Богданович широко использовал в своем труде архивные материалы. Он получил доступ к «бумагам», собранным Михайловским-Данилевским, который избирательно пользовался своими архивными сокровищами. О методах работы Богдановича с источниками в отечественной историографии отсутствует единое мнение. Так, П. А. Жилин, подсчитав количество источников, использованных им, получил цифру 1901, из них 831 – иностранные. На этом основании историк пришел к выводу, что сочинение Богдановича не может быть признано научным вкладом в русскую военную историографию³¹³. В этом же ключе высказался Л. Г. Бескровный, утверждая, что Богданович «построил свое

---

³¹⁰ [Bernhardi T.] Denkwürdigkeiten des Kaiserl.-russ Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardt. Leipzig, 1856–1858. Bd. 1–4.

³¹¹ Письмо К. Ф. Толя // РА. 1873. № 3. С. 411.

³¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1962. Т. 14. С. 92–94, 256–267.

³¹³ Жилин П. А. Контраступление Кутузова в 1812 году. М., 1950. С. 18.

³¹⁴ Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 194.

исследование главным образом на иностранных источниках»³¹⁴. Н. А. Троицкий, на наш взгляд, пришел к объективному выводу, что Богданович «обогастил свое исследование элементами научной критики, опираясь на колоссальный научный аппарат почти из двух тысяч источников – русских и зарубежных»³¹⁵. В. Н. Земцов работу ученого над описанием Бородинского сражения оценил следующим образом: «Отказавшись от велеречивости слога, Богданович обратился к беспристрастному изложению фактов, при этом отдавая предпочтение русским источникам»³¹⁶.

Кто из исследователей прав? Обратимся к сочинению самого Богдановича, к главам, посвященным битве при Бородине. Из справочного аппарата явствует, что источником, на который чаще всего ссылается автор, являются «Подлинные записки графа Толя» Бернгарди; затем – «Изображение военных действий» Барклая де Толли, сочинение Клаузевица, записки Беннигсена, Вольцогена, сочинения Шамбрэ, Сегюра, Пеле. В качестве приложения к XXI главе Богданович привел рапорты русских военачальников, нуждавшиеся, однако, в серьезных пояснениях и комментариях, а также в сопоставлении друг с другом и с другими, теперь уже известными, источниками. В чем же тогда заключались «элементы критики», «беспристрастное изложение» и «предпочтение русских источников»? Приведенный перечень источников, использованных в описании Бородинского сражения, скорее указывает на наличие у автора критического настроения по отношению к существовавшим версиям и их источникам, но не говорит о какой-либо системности.

В числе причин, побудивших Кутузова отступить от Царева Займища к Бородину, Богданович указал на «влияние людей, пользовавшихся доверием Светлейшего», сославшись на мнение Барклая, и пришел к выводу и о «значительном превосходстве в числе неприятельских войск», но эта причина была названа в числе последних³¹⁷.

Богданович сообщил сведения о позиции при Бородине, будто бы «избранной генералом Вистицким (а, по свидетельству Бернгарди, подполковником Генерального штаба Гартингом), и одобренной Беннигсеном»³¹⁸. В ссылке на источник он указал одного Бернгарди, не разъяснив, чем ему не понравились свидетельства Барклая, Беннигсена или Клау-

---

³¹⁵ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991. С. 19–20.

³¹⁶ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 77.

³¹⁷ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 126.

³¹⁸ Там же. С. 135.

зевица (Барклай считал, что позицию избрал Беннигсен, а Беннигсен и Клаузевиц утверждали, что Толь).

Трудно разобраться в приоритетах, установленных Богдановичем для того или иного источника. Даже из приведенного нами примера явствует, что историк оказался беспомощным в потоке изученных им документов, книг и воспоминаний. Не вчитываясь внимательно в их содержание, не сопоставив их, не подвергнув перекрестной проверке, он составлял картину сражения по методу складывания мозаики, прилаживая друг к другу понравившиеся ему фрагменты мемуаров, рапортов или отрывков из книг. Ссылки на заимствования зачастую отсутствовали. Например, Богданович дословно перенес в свой труд рассуждение Клаузевица об отсутствии в России хороших оборонительных позиций. Описание позиции при Бородине он воспроизвел частично по Михайловскому-Данилевскому, частично по Клаузевицу (без ссылок). У Барклая он позаимствовал мнение о том, что фронт следовало протянуть «по прямой черте от Горок до Утиц», приписав это соображение себе³¹⁹. Автор почему-то пренебрег сведениями об ошибке, изначально допущенной в размещении левого крыла, хотя вот уж где был простор для критики. Слабость инженерных укреплений левого фланга ученый приписал исключительно отсутствию инструмента и т.д.³²⁰

Воспроизведя текст «Диспозиции» по Толю, Богданович не стал комментировать исчезновение участка «кор де баталь» с левого фланга, а сразу же заговорил о войсках, «вверенных Горчакову для обороны позиции при Шевардине» с целью выявления намерений неприятеля³²¹. Богданович «скороговоркой» повторил версию Толя, прочно укоренившуюся после сочинений Бутурлина и Михайловского-Данилевского.

Последний из сведущих ветеранов, И. П. Липранди, характеризуя методы работы Богдановича, назвал главный недостаток его труда: «Указание цитатой на источник, которым автор хочет утвердить описываемый эпизод, а между тем, в называемом источнике, или вовсе нет того, о чем говорится, или то, да не так; или, наконец, цитата оказывается ненужной и вовсе не поясняющей предмета»³²².

Подтверждая это высказывание, можно привести ряд фрагментов сочинений Богдановича, до сих пор сбивающих с толку историков. Так, в начале повествования о бое за флешу историк утверждал, что Наполеон приказал дивизии Компана атаковать русские реданты, и воспроизвел

---

³¹⁹ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года... С. 135–136.

³²⁰ Там же. С. 141.

³²¹ Там же. С. 146.

³²² Липранди И. П. Еще об истории Отечественной войны // Материалы для Отечественной войны 1812 года. Собрание статей. СПб., 1867. С. 151.

диалог между этим генералом и императором. Компан опасался быть обойденным справа через Утицкий лес. Для избежания этой опасности Наполеон направил в лес западнее дивизии Компана дивизию Дессе. Страницей позже Богданович сообщает, что Компан должен был овладеть одним («первым»?) укреплением. В ходе же атаки, по Богдановичу, Компан уже покушался на все реданты с фронта, а дивизия Дессе поддерживала его «несколько левее» (южнее), но почему-то «вдоль опушки леса». Историк, процитировав все имеющиеся у него под рукой документы, запутался настолько, что поменял дивизии местами, «вывел» дивизию Дессе из лесу, куда ее направил, по его же рассказу, Наполеон, и в итоге довел свой рассказ до абсурда³²³.

Сбои в хронометрии, другие ошибки, допущенные из-за невнимательного прочтения источника, создавали невообразимую путаницу в представлении о событиях на левом фланге. Яркий пример неудачного использования иностранного источника – цитирование рапорта маршала Нея, где говорится о взятии левой флешы. Маршал докладывал начальнику штаба Великой армии Бертье: «Этот редут был тогда же атакован войсками 1-го корпуса, в результате чего 24-й (полк) легкой пехоты и 57-й линейный (полк) вступили внутрь него, перемешавшись между собой»³²⁴. Так же повествовал об этом событии генерал Пеле: войска дивизий Компана и Ледрю перемешались между собой в левой флешы. Богданович же «отдал» французам сразу два русских укрепления: 57-й линейный полк, по его мнению, «овладел крайнею (левою) флешью; другие полки дивизии Ледрю ворвались в правую нашу флешь»³²⁵. Не будем указывать на неправомерность названия левой флешы «крайней», так как каждое из трех укреплений могло явиться крайним в зависимости от того, с какой стороны на него смотреть. Неясно, почему историк считал, что гвардейцы могли поспеть к Семеновскому не ранее чем через 1,5–2 часа. Их отделяли от левого фланга не более 1–1,5 версты сравнительно ровной местности. Непонятно, почему столько же времени отвел Богданович дивизии Коновницына для прибытия со Старой Смоленской дороги.

Историк желал восстановить истину, но, опираясь на документы, ушел по ложному следу, проложенному его предшественниками, дальше, чем они, сделав это не с умыслом, а из чистых побуждений. Изучив документы из фонда Михайловского-Данилевского, он обратил внимание, что тот неверно указал последовательность двух событий – ранения Багратиона и атаки

³²³ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года... С. 166–167.

³²⁴ *Pieces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812 (Extrait du Journal officiel).* Paris. S.a. [1813]. P. 325–327.

³²⁵ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года... С. 167.

на батарею Раевского и наконец-то поменял их местами. Теперь ранение Багратиона предшествовало событиям у батареи Раевского. Но, опираясь на версию Жомини, подкрепленную свидетельством Ермолова, которого Богданович назвал «главным виновником события», историк сдвинул время атаки на центральное укрепление к полудню³²⁶. Это заблуждение было фатальным, так как историк должен был объяснить причину, по которой в большинстве источников русской армии и во всех источниках неприятельской армии сообщалось об атаке на батарею около 8.00–9.00. Он нашел этому факту невероятное объяснение, предположив, что между 9.00 и 10.00 неприятель предпринял на батарею другую атаку силами дивизии Брусье, никак не связанную с той, что отразил Ермолов. Эта вымышленная атака, по его мнению, совпала по времени с боем на флешах и была без труда отбита Раевским своими силами³²⁷. Так возникла лишняя атака на центр русской позиции, о которой мы можем прочесть в исторических трудах прошлого столетия. Однако, уверившись в том, что Ермолов все же ликвидировал угрозу прорыва центра между 9.00 и 10.00, историки впоследствии «передвинули» эту вымышленную атаку на 8.00. Неудивительно, что французы, как явствует из их описаний, ничего о ней не знали.

Соответственно, возникла путаница с определением времени рейда Уварова и Платова. Опровергая воспоминания Клаузевица, Богданович писал: «Генерал Клаузевиц полагает, что нападение, совершенное Уваровым, было предпринято под влиянием преувеличенного понятия об успехах, одержанных нашими войсками при обратном взятии нами батареи Раевского. Но в таком случае, Уваров не мог бы переправиться через Колочучу ранее 2 часов пополудни»³²⁸. Историк, уверившись в том, что события у батареи происходили в полдень, не заметил, что Клаузевиц назвал другое время – между 8.00 и 9.00³²⁹.

Вместе с тем Богданович заметил, что войска 2-го корпуса Багговута пришли на левый фланг позже, чем это традиционно считалось. В этом историка убеждали записки Евг. Вюртембергского. Правомерно было задать вопрос: кто тогда сражался у Семеновского до полудня? Но историк считал, что Багратион только в 9.00 ввел в сражение 27-ю дивизию Неверовского, от которой к тому времени оставалось не более батальона. Богданович был уверен, что 2-я гренадерская дивизия, составлявшая частный резерв левого крыла, вступила в бой после ранения Багратиона. Получалось, что атаки корпусов Даву, Нея, Жюно и Мюрата

³²⁶ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года... С. 196–198.

³²⁷ Там же. С. 195.

³²⁸ Там же. С. 543.

³²⁹ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 111.

³³⁰ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года... С. 200–201.

до полудня, то есть в течение пяти часов, удерживали из пехотных частей 2-я сводно-гренадерская, 27-я пехотная дивизия и четыре батальона 12-й пехотной дивизии³³⁰.

Таким образом, «обилие источников и элементы критики», безусловно, наличествуют в главах, посвященных Бородину. По количеству ошибок и неточностей в хронометрической версии сочинение Богдановича было шагом назад по сравнению с его предшественниками. В разъяснении «неточности и перепутанности моментов» битвы лауреат Демидовской премии был Толю не соперник. Богданович, правда, поменял последовательность двух главных событий – ранение Багратиона и первую атаку на центральное укрепление, во время «перебросил» на левый фланг войска 2-го корпуса, но продолжительность боя за флешу и смена командования войсками левого крыла остались существовать в отечественной историографии согласно традиционной версии, невзирая на многочисленные источники, позволявшие изменить привычный стереотип.

* * *

Анализ источников и исторических сочинений, связанных с Бородинским сражением, благодаря которым складывалась «русская» версия события, был бы неполным без упоминания критических статей И. П. Липранди. При Бородине будущий автор ряда исследований состоял в чине поручика в должности квартирмейстера 6-го пехотного корпуса Дохтурова, оборонявшего центр позиции. Вследствие этого Липранди упорно называл в своих сочинениях батарею Раевского «батарею полковника Шульмана». Именно Липранди было доверено сопровождать к Кутузову генерала Бонами, взятого в плен в центральном редуте. Наделенный критическим умом, пронизательностью и колкой язвительностью в речах, Липранди оказался сущим наказанием для Михайловского-Данилевского и особенно для Богдановича, избрав их труды для «критических разборов». Если с Михайловским-Данилевским его связывало общее боевое прошлое, то к Богдановичу Липранди относился отчужденно – не как к соратнику, а как к «компилятору», извратившему многие важные события.

Михайловский-Данилевский, по словам Липранди, «сам просил перебрать его книгу для исправления»³³¹. В ответ на его просьбу Липранди успел составить замечания на первые два тома его сочинения, когда историк скончался. В адрес «почтенного Александра Ивановича» бывший

---

³³⁰ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. СПб., 1867. С. 115.

соратник сделал несколько существенных замечаний. Он подверг сомнению намерение Кутузова защищать Москву. Липранди недоумевал по поводу высказывания фельдмаршала, приведенного в сочинении Михайловского-Данилевского. Липранди иронизировал: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России». Но через несколько дней Москва оставлена без выстрела! Следовательно, и это подкрепление, что действовали без соображения»³³². Далее он продолжал свои рассуждения: «Главкомандующий мог иметь план, предначертанный и основанный на верном расчете, о котором он мог никому не объявлять»³³³. Липранди высказал убедительное предположение, что главнокомандующий осознал невозможность отстоять Москву. Автор высказал историку свои сомнения и в отношении батареи Раевского, как «ключа позиции», основываясь на фактах, свидетелем которых он являлся³³⁴.

В отношении же событий у Семеновского Липранди вдруг впал в погрешность. Так, он утверждал, что «Измайловский и Литовский полки пришли, когда уже Дохтуров был на левом фланге»³³⁵. Но это утверждение никак не согласовалось с ходом событий, отраженным в других документах: до приезда Дохтурова генерал Коновницын перевел уцелевшие войска левого фланга за Семеновский овраг, где они примкнули к гвардейским полкам, совместно отражая атаки французской и саксонской кавалерии. Липранди допустил и другую необъяснимую неточность. Сообщив об отражении атаки Бонами на центральное укрепление в 9.00, он указал: «Дохтуров поехал для принятия начальства над левым флангом, по случаю раны Багратиона, несколько прежде, чем Шульманская батарея была взята генералом Бонами. Он уже шел на нее»³³⁶. Эта неточность граничит с нелепостью – как мог Дохтуров поехать в 9.00 на смену Багратиону, раненному в полдень? Здесь Липранди почему-то придерживался версии Толя. Рассудительный критик так близко подошел к разгадке этой хронометрической путаницы, что стоило ему сделать один шаг, чтобы разрешить многочисленные противоречия, но он остановился, не сделав вывода из им же самим написанных слов.

Замечаниями Липранди воспользовался Богданович; он дословно воспроизвел в своем труде рассказ об укреплении позиции в центре, поведав об обстоятельствах спора между Толем и Беннигсеном в отношении «вооружения» батареи Раевского. При этом сочинитель не счел

---

³³² Липранди И. П. Замечания на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 16.

³³³ Там же. С. 17–18.

³³⁴ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны... С. 18–21.

³³⁵ Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 23.

³³⁶ Там же. С. 29.

нужным даже упомянуть об источнике ценных сведений. Липранди сам о себе напомнил Богдановичу: если его замечания на труд Михайловского-Данилевского так и остались лежать в архиве, то замечания в адрес Богдановича были опубликованы в печати под названием «Бородинское сражение, заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочиненную г.-м. Богдановичем».

Ветеран вступился за честь своего боевого товарища, упрекаемого Богдановичем за недостоверные сведения. Липранди, на наш взгляд, точно охарактеризовал проблемы, сопутствовавшие трудам Михайловского-Данилевского, обратив критику на Богдановича: «Покойный Александр Иванович, как сам участник в этой борьбе, может быть, не мог всегда говорить того, что видел. Он составлял описание войны, в которой сам был деятелем, а потому и подвергается более строгой критике за не всегда достаточную самостоятельность своего мнения. Историк же более простора потому, что он сам не может ничего свидетельствовать. Он будет говорить только то, что говорят другие, и если он очистит разногласия критикою, то обязанность его выполнена»³³⁷.

В статье «Еще об истории Отечественной войны» критик развил мысль об «обязанностях» Богдановича: «На обертке сочинения г. Богдановича значится: История Отечественной войны по достоверным источникам; в конце же третьего тома приложено подробное исчисление источников, а из исчисления этого оказывается, что большая часть далеко не достоверна»³³⁸. Что касается «большой части», то это явное преувеличение. Однако замечание Липранди может быть отнесено к работе К. Вентурини, который не был военным, а занимался изучением истории религии в Брауншвейге, где составил описание битвы, основываясь на газетных статьях и официальных бюллетенях³³⁹. Особые нарекания вызвало использование Богдановичем сочинения Т. Бернгарди, на которые потомки Толя опубликовали опровержение, использовав письмо своего родственника к Д. П. Бутурлину³⁴⁰. Справедливым был и другой упрек Липранди в адрес Богдановича: «Частые употребление слов: говорили; говорят; полагают; уверяют; по другим сведениям; вероятно; другие; будто бы и т.п., не называя, кто эти “другие”»³⁴¹.

³³⁷ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны... С. 118.

³³⁸ Там же. С. 148–149.

³³⁹ Venturini C. Russlands und Deutschlands Befreiungskriege... Т. 1–4. Leipzig, 1816–1819; подробнее об этом см.: Попов А. И. «Засадный отряд» Н. А. Тучкова (сомнение в очевидном, или апология Беннигсена) // Материалы VII Всеросс. науч. конференции. Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 138.

³⁴⁰ Загробное опровержение. Письмо графа Толя к Бутурлину // РА. 1873. № 3. С. 411.

³⁴¹ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны... С. 151.

Историк-критик высказал ряд основательных суждений по поводу особенностей русской позиции в центре и на правом фланге, попытавшись найти логическое объяснение замыслу Кутузова, сосредоточившего главные силы на правом крыле: «Некоторые, а в их числе и г.-м. Богданович, находят, что позиция наша при Бородине была слишком растянута; что правый фланг ее должен был начинаться от Горок... В свое время никто и не думал, что неприятель атакует наш правый фланг; все знали, что Наполеон великий мастер своего дела, чтобы придумать такую нелепость... Трудно допустить себя думать, чтобы Кутузов имел в виду на неприступном нашем правом фланге поставить 22-го августа и оставлять до утра 26-го четыре корпуса и Платова с казаками в том предположении, что неприятель избрет этот фланг для главного своего напора»³⁴². Липранди призывал «исследовать причины», побудившие Кутузова к подобному размещению войск, не ограничиваясь однозначными выводами об ошибке, допущенной полководцем, основываясь на свидетельствах Барклая и Беннигсена. При этом он не отрицал и возможности ошибки.

В целом Липранди скептически относился к перспективам отечественной историографии, полагая, что историю кампании 1812 г. и Бородинского сражения сможет достоверно описать лишь очевидец и участник события, опираясь на помощь целого коллектива авторов. Он выразил сомнения в адрес историков, не принимавших участия в битве: «Пройдет время, и сказания иностранцев вместе с молвою у нас, насчет наших военачальников, соделаются достойным истории и, может быть, несправедливо передадут потомству истинные причины наших неудач, при явном ожидании совершенно противоположного результата»³⁴³.

Замечания, справедливо указывающие на промахи в сочинениях известных историков, даже собственные ошибки Липранди, позволяли выделить целый ряд нерешенных проблем, связанных с описанием Бородинского сражения. В первую очередь это касалось планов русского командования, расположения войск на позиции и, конечно же, хронометрии битвы.

6. Русская историография и «французское» Бородино

Становление «французской» историографической версии событий при Бородине, включая хронометрию сражения, изначально существенно отличалось от русской. Это касалось причин, побудивших француз-

---

³⁴² Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны... С. 178–179.

³⁴³ Там же. С. 12.

ское командование стремиться к генеральной «битве при Москве-реке». Для этой версии был неактуален вопрос о положении главнокомандующего во главе армии, определявший тем, что эту функцию выполнял император Наполеон I, которому подчинялись не только французские, но и иностранные контингенты войск («сателлиты»). Причины сражения для него были продиктованы не столько военными, сколько политическими соображениями. Это проявилось как в период подготовки, так и в ходе сражения, победа в котором приравнивалась к занятию Москвы и окончанию войны. Вступление французов в «древнюю столицу Российских царей» расценивалось как неоспоримое доказательство победы в сражении, под этот факт «подгонялись» оценки замыслов Наполеона, хода боевых действий и результатов битвы.

Представляется справедливым мнение В. Н. Земцова об особенностях французской историографии: «Нередко картина этого сражения приобрела освященный традицией набор образов и суждений, которые, будучи односторонними, искажали подлинную историческую реальность»³⁴⁴. Особенностью французской историографии является устойчивый интерес к таким проблемам, как степень влияния Наполеона на ход событий при Бородине; роль, которую сыграл его отказ ввести в сражение гвардию, а с 1820 г. прибавился еще «историографический» спор между французами и немцами, чьим войскам удалось внести решающий вклад в захват Семеновского и овладеть Большим редутом (батареей Раевского). Непреходящее значение в русской и французской историографии имеет извечный вопрос: чья победа?

Проблема хронометрии событий не является для специалистов, изучающих действия Великой армии при Бородине, такой же «темной и запутанной», как для тех, кто изучает участие в битве русских войск. Это можно объяснить более обширной источниковой базой, дающей относительно непротиворечивую картину военного столкновения. В отличие от русской стороны события на южном фланге у деревни Семеновское подробно отражены во французских, немецких и польских источниках, что дает возможность при сопоставлении с русскими источниками отчасти восполнить пробелы, существующие в отечественной историографии. В связи с этим актуален вопрос влияния «французской» версии на отечественную и наоборот. Отметим, что российские историки в большей степени были осведомлены как обо всех французских источниках, так и о трудах французских и немецких историков, появляющихся в печати, в то время как зарубежные авторы

³⁴⁴ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 7.

в основном игнорировали сочинения своих русских коллег, что можно объяснить незнанием языка. Отечественные авторы часто прибегали к использованию иностранных описаний в реконструкции отдельных эпизодов битвы, при этом сохраняя свою версию в интерпретации событий.

Сам Толь в 1839 г. не преминул в названии своего труда уточнить, что «Описание» составлено не только на основании «Рапортов гг. корпусных командиров Российской армии», но и «официальных документов неприятельских, перехваченных во время преследования французской армии в 1812 году, и из иностранных описаний сей достопамятной войны, изданных по окончании оной». Указание на трофейные источники и обстоятельства их захвата являлось весомым аргументом в неизбежной полемике при издании работы Толя на французском и немецком языках. Какими же трофейными источниками мог пользоваться основоположник «русской» версии Бородинского сражения? Круг этих источников был довольно ограничен, а сами эти источники вряд ли могли существенно повлиять на выяснение хронометрии Бородинского сражения. В числе трофеев, имеющих прямое отношение к «битве гигантов», следует назвать «План поля сражения 5 и 7 сентября 1812 г., снятый геометрически французскими инженерами-географами Пресса, Шеврие и Реньо»³⁴⁵. Не исключено, что Толь пользовался этим планом для изготовления карт местности, прилагаемых к его сочинению. Ценным для прояснения обстоятельств боя за батарею Раевского является «Рапорт генерала Жерара о сражении при Можайске», опубликованный на русском языке с комментариями А. А. Васильева³⁴⁶.

В 1813 г. Толь мог познакомиться с 18-м бюллетенем Великой армии, рапортами Нея, Мюрата, Евг. Богарне, переизданными в 1821 г.³⁴⁷ В частности, время атаки бригады Бонами на центральное русское укрепление, которое сложно определить по русским источникам из-за ошибки в рапорте «героя дня» Ермолова, в версии Толя выправлено явно по французским источникам. 18-й бюллетень Великой армии, составленный 18 сентября, об атаке на батарею Раевского сообщал: «...у противника оставались его правофланговые редуты, генерал граф Моран двинулся вперед и захватил их, но в девять часов утра, атакованный со всех сторон, не смог там удержаться»³⁴⁸.

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3803. Л. 1–3.

³⁴⁶ Военно-исторический альманах «Орел». СПб., 1991. Б.н. С. 15–17.

³⁴⁷ Bulletins officiels de la Grand Armée. Campagne de Russie et de Saxe. Paris, 1821. P. 99–104.

³⁴⁸ Ibid. P. 86–87.

Наряду с этими источниками Толь (как и Ахшарумов и Бутурлин) использовал работы Э. Лабома и Ф. де Водонкура, выходящие за рамки мемуарных повествований. Кроме личных воспоминаний эти авторы основывались на той же документальной базе, что и русские авторы, т.е. на 18-м бюллетене и рапортах французских военачальников³⁴⁹. Лабом при Бородине был капитаном-географом штаба 4-го корпуса, а Водонкур в чине бригадного генерала начальствовал 2-й бригадой 15-й пехотной дивизии того же корпуса.

Очевидно, именно у Лабома первые российские историки позаимствовали описание нападения на деревню Семеновское 2-й пехотной дивизии генерала Фриана, включив ее, однако, в соответствии с русской хронометрической версией в число участников боя за флешу (вторая атака). Бессистемность в рассказе Лабома о ходе битвы, сходная с «Очерками Бородинского сражения» Глинки, ошибки в описании событий, показывающие ограниченность источниковой базы, еще более способствовали торжеству «русской версии». Так, описывая последнюю (вторую) атаку французов на батарею Раевского, автор, вероятно, для большей художественности изложения поведал о смерти командира 2-го кавалерийского корпуса: «Только что генерал Монбрен во главе своей кавалерии закончил свою доблестную жизнь»³⁵⁰. В действительности же эти события произошли на 4–5 часов ранее. Ввернувшись в повествовании к событиям, предшествовавшим смертельному ранению Монбрена, к бою за флешу, Лабом писал: «... Багратион стойко выдерживал наш напор»³⁵¹. С точки зрения автора, «русский князь сначала нанес большой урон полякам» на Старой Смоленской дороге, и только после окончательного захвата центрального редута Коленкуром (!) маршалы Даву и Ней снова обратились против Багратиона. Так, французский сочинитель «превозмог» в хронометрии событий русских авторов, перепутав последовательность двух атак на центральный люнет. Используя по своему произволу рапорт Ней, он, не вникая в последовательность событий, объединил в одно целое бой за Старую Смоленскую дорогу, флешу, Семеновское и батарею Раевского: «Соединив дивизию Ледрю с дивизиями Морана и Жерара, этот маршал действовал одновременно с принцем Евгением»³⁵². Заметим, что дивизи-

---

³⁴⁹ *Laboume E. Relation circonscance de compagne de Russie en 1812. Paris, 1814; Vaudoncourt F.-F. G. Memoires pour servir a l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. London, 1815. Т. 1–2. Далее цит.: Лабом Э. Из воспоминаний // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.*

³⁵⁰ Лабом Э. Из воспоминаний. С. 272.

³⁵¹ Там же. С. 273.

³⁵² Там же.

зия Ледрю сражалась за левую флешь, а дивизии Морана и Жерара – на Новой Смоленской дороге и подчинялись Евгению Богарне. В этом случае Толь, Ахшарумов и Бутурлин могли служить образцом точности. Ссылки на Лабому присутствовали в сочинениях Глинки, Богдановича, Липранди и т.д.

В основе этого описания битвы, получившего широкое распространение в России, чувствуется влияние 18-го бюллетеня, где особенно подчеркивались заслуги в сражении маршалов Мюрата и Нея, получившего после Бородина почетный титул князя Москворецкого (даже утвержденный за ним в 1814 г. рескриптом Александра I). Высокая оценка действий французского военачальника обоими враждующими императорами отразилась не только на «французской», но и на «русской» версии. Романтическое восприятие личности «храбрейшего из храбрых», трагически закончившего свои дни после битвы при Ватерлоо, мешало соотнести результаты его действий в сражении с распоряжениями Наполеона накануне битвы. Русским авторам в этом препятствовал недостаток источниковой базы. Лабом поделился с читателями своими собственными воспоминаниями. Основываясь на 18 бюллетене, он сообщал, что русская армия к восьми часам была окончательно разбита, но далее в сочинении говорится: «Окрыленный достигнутыми успехами, Кутузов приказал двинуть резерв, чтобы попытаться в последний раз счастье... Собрал все вспомогательные войска, он атаковал наш центр, на который опирался наш правый фланг; был момент, когда мы боялись, что будем опрокинуты в этом месте и потеряем захваченный третьего дня редут»³⁵³. Эти подробности выглядят странно после сообщения об окончательном разгроме русской армии. Речь здесь идет, очевидно, о контракте русскими войсками батареи Раевского и дивизией Коновницына Семеновских флешей. Признавая победу французов, Лабом сообщал о затяжном характере битвы, жестокости военных столкновений, стоивших обеим сторонам огромных жертв. Одного этого было достаточно, чтобы Наполеон, находящийся тогда в ссылке на острове Эльба, назвал это сочинение «пасквилем».

Параллельно с выходом в свет работы Бутурлина в Париже был напечатан труд Ж. де Шамбрэ, где использовались материалы архива военного министерства Франции³⁵⁴. В 1812 г. автор служил капитаном в гвардейской артиллерии. Главное внимание Шамбрэ уделял документам: диспозиции, бюллетеням, рапортам, которых для воссоздания полной

---

³⁵³ Лабом Э. Из воспоминаний. С. 270–271.

³⁵⁴ *Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1823. T. 1–2.*

картины битвы было недостаточно. Шамбрэ особенно волновал вопрос о численности и потерях Великой армии, а силы обеих сторон он признавал примерно равными, обратив внимание на значительное число новобранцев в русской армии. Автор довольно высоко оценил значение флангового рейда кавалерии Уварова и Платова.

В 1823 г. в печати появился «Мемориал святой Елены», воспоминания «узника Европы», записанные под диктовку бывшего императора Франции его секретарями³⁵⁵. Победу своей армии при Бородине Наполеон, естественно, не подвергал сомнению. К сожалению, его «устные мемуары» заключали в себе сведения настолько тенденциозные, что их не представляло особого труда опровергнуть самим французским историком, отчего «русская» версия только укреплялась, как более достоверная. Бывший император утверждал, что атаковал русскую армию численностью в 250 000, полностью ее разгромив. Потери противника он исчислял в 70 000, то есть их уже стало на 20 000 больше, чем в его собственном 18-м бюллетене³⁵⁶.

В том же 1823 г. в Лондоне были опубликованы одни из самых ранних мемуаров участников битвы – адъютанта Наполеона генерала Ж. Раппа, сообщившего интересные подробности о бое за Семеновские флеши и деревню Семеновское. Так, Рапп поведал о четырех атаках на «русские реданты»³⁵⁷. Правда, он счел нужным сначала упомянуть об успехе Нея, «отважным ударом решившем судьбу дня», а затем уже поделился трудностями, подстерегавшими наполеоновские войска на южном фланге. Не подвергая сомнению победу французов в сражении, Рапп сделал знаменательное признание: «Мы слишком усилили свой правый фланг, и король Неаполитанский один подвергался губительному огню батарей Семеновского. У него были лишь конные войска, глубокий овраг отделял его от деревни, и овладеть ею было нелегко; тем не менее это было необходимо, чтоб не быть в конце концов разгромленным картечным огнем»³⁵⁸. Рапп признал факт смещения французской пехоты на окончность южного фланга, указав, что дивизия Фриана была введена в бой для поддержки кавалерии после захвата флешей при нападении на Семеновское.

Вероятно, нет ни одного исследования, где бы ни приводился ночной разговор Наполеона с Раппом перед битвой, когда император сказал,

---

³⁵⁵ *Las Cases A. E. D. M. Mémoires de Sainte-Hélène par le Comte de Las Cases suivi de Napoléon dans l'exile par M. O'Méara et Antomarchi. Paris, s.a. V. 1–14.*

³⁵⁶ *Ibid.* V. 2. P. 698.

³⁵⁷ *Rapp J. Mémoires. London, 1823.*

³⁵⁸ *Ibid.* P. 199–200.

что «счастье – самая настоящая куртизанка» (и другие занимательные подробности). Однако самый важный, с нашей точки зрения, фрагмент этих воспоминаний, где сообщалось о непомерном усилении южного фланга Великой армии и бездействии кавалерии в центре, почему-то не привлекал внимания специалистов, как иностранных, так и русских, хотя этот факт и позволяет судить об упорной обороне русских войск на левом фланге.

Ни одна работа не имела такого успеха у российских читателей, как книга бывшего главного квартирьера Главной квартиры Наполеона бригадного генерала графа Ф. де Сегюра «История Наполеона и Великой армии в 1812 году»³⁵⁹. Высокий чин, близость к императору, предполагавшая высокую степень осведомленности, аристократическое происхождение – все это привлекало внимание к сочинению, написанному живым художественным языком. К тому же русский читатель помнил о том, что граф Сегюр – племянник посла в России, который сопровождал Екатерину II в путешествии по Тавриде. Философское восприятие действительности позволяло автору взглянуть на события Бородинского сражения не только глазами солдата Великой армии, чье сердце «было безнадежно ранено французским орлом», но и соотнести последствия битвы с крахом всей «русской кампании» и дальнейшим крушением Первой империи. Бородинское сражение представлялось Сегюру как грандиозный рыцарский поединок, где обе стороны, выказав себя «мучениками чести», явили высокие примеры доблести и геройства.

Именно Сегюр был первым автором, использовавшим в своей книге рассказы русских офицеров, с которыми он общался по окончании кампании 1812–1814 гг., сочинения Бутурлина³⁶⁰, а также и другие работы, повествующие о русской армии и, в частности, о Кутузове. Он создал психологический портрет русского полководца без обычного для французов высокомерного пренебрежения: «Наполеону захотелось получить предварительные сведения о своем новом противнике. Ему изобразили Кутузова стариком, получившим когда-то странную рану, которая положила начало его известности. С тех пор он научился ловко пользоваться обстоятельствами. Даже сражение при Аустерлице, которое он проиграл, способствовало его славе. Его недавние походы против турок лишь увеличили ее еще больше. Его значение было неоспоримо... Устрашающий

---

³⁵⁹ *Segur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812*. Paris, 1824. Далее цит. по: *Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году*. М., 1911.

³⁶⁰ В. Н. Земцов считает, что впервые к труду Бутурлина обратился Фэн (*Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении*. С. 15–16).

³⁶¹ *Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году*. С. 19–20.

своей славой и умением ее увеличивать, он вызывал и в других желание состязаться с ним»³⁶¹.

Сегюр попытался без предвзятости воссоздать картину событий 24–26 августа. Подробно изложив ход боя при Шевардине, он не стал вдаваться в его причины, сообщив лишь о значительных потерях с обеих сторон. Сегюр указал на важность обладания главной коммуникацией – Новой Смоленской дорогой: «Русские появлялись в возрастающем количестве в центре и на правом фланге своей армии, грозя занять Московскую дорогу»³⁶². Это обстоятельство заставило Наполеона перебросить на Новую Смоленскую дорогу две дивизии из 1-го пехотного корпуса (Морана и Жерара) и кавалерийский корпус маршала Груши. Эти распоряжения ослабили численность 1-го корпуса Даву, что проявилось в неудаче первого нападения на флешу. Так, Сегюр указал на то, что Кутузову все же удалось демонстрацией силы правого фланга ослабить группировку французов у Семеновского. Критики фельдмаршала не придают этому факту ни малейшего значения.

Самое замечательное в этом сочинении, на наш взгляд, заключалось в том, что Сегюр в описании битвы предпочел русскую хронометрическую версию Бутурлина, которую не смогли поколебать в его глазах ни 18-й бюллетень, ни рапорты маршалов. Он начал описание сражения с «демонстрации» на северном фланге у села Бородина, затем перешел к описанию боя за флешу, продлив их оборону до полудня и согласившись с Бутурлиным, что именно ранение Багратиона («несчастный случай») явилось причиной успехов Нея и Даву у Семеновского. Сегюр считал, что русские «упустили момент заместить раненного Багратиона»³⁶³. Автор указал на непрочность положения самих маршалов, воспроизведя слова Нея, требовавшего ввести в бой за Семеновское гвардию.

Сегюр признал распоряжения Наполеона в ходе битвы неудовлетворительными в связи с болезнями императора, обострившимися в пору осеннего равноденствия. Этим он объяснил сомнительный исход битвы: «... время было упущено. Нечего было думать о захвате всей русской армии и, быть может, целой России; оставалось лишь удержать за собой поле битвы»³⁶⁴. Говоря о потерях Великой армии, Сегюр восклицал: «Какой траур в Париже! Какое торжество для его врагов!»³⁶⁵

От себя отметим: каким торжеством для Толя была книга Сегюра! По-видимому, французского автора увлек драматизм событий и образ-

---

³⁶² Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году. С. 23.

³⁶³ Там же. С. 33.

³⁶⁴ Там же. С. 37.

³⁶⁵ Там же. С. 41.

ность повествования, а временные рамки происходившего его не особенно интересовали. У романтически настроенного сочинителя была своя логика: чем дольше длилось сражение за обладание флешами, тем больше там было совершено героических дел. Но относительно вступления в бой дивизии Фриана автор не позволил себя запутать: 2-я пехотная дивизия устремилась к Семеновскому после ранения Багратиона и захвата флешей, но время этого события Сегюр указал по Бутурлину. У французского автора теперь возникла та же проблема, что и у его русских собратьев по перу: ему надо было заполнить войсками и боевыми действиями приличный отрезок времени с 10.00 до полудня. Если в нашей историографии эта проблема решалась на бумаге за счет раннего перемещения войск 2-го корпуса, то Сегюр, не меняя расписание войск, нашел более оригинальное решение. Он заполнил паузы фразами: «среди французов царил беспорядок победы – изумленные, они отступили», «сильный огонь обрушивался на Нея и Мюрата, задерживая победу», «победители первые почувствовали утомление»; последнее обстоятельство без конца заставляло Нея и Даву останавливаться, обращаться к Наполеону с просьбами прислать гвардию, а их повелитель, лишенный былой энергии, слишком долго размышлял. Рассказ о бое за флешу, таким образом, оказался наполнен драматическим ожиданием гвардии, диалогами между маршалами и императором, которые велись посредством «героических посылных»³⁶⁶.

Так Сегюр, весьма кстати для «русской» версии, до полудня продлил оборону флешей русскими войсками. «Французская» версия от этого тоже не проигрывала: согласно ей дивизия Фриана, направленная «для поправления ошибок», прибыла на поле боя не к 10.00, а к полудню. Но Сегюр все-таки попал в затруднительное положение: согласно распоряжениям Наполеона, французы атаковали центральный редут именно после взятия флешей, а не наоборот, как утверждалось русской версией. Для Сегюра, находившегося в сражении при штабе Наполеона, это было совершенно очевидно, потому что вытекало из логики событий и доказывалось рапортами маршалов. Тогда он сдвинул атаку центра также на полдень, хотя и после захвата флешей. Эта версия нашла отражение в русской историографии, несмотря на то что вскоре после книги Сегюра появились более основательные труды о Бородинском сражении.

В 1827 г. была опубликована работа бывшего секретаря кабинета Наполеона барона А. Фэна, которому был чужд романтизм его предшественника³⁶⁷. В описании Бородинского сражения он, как и Шамбрэ, опирался на 18-й бюллетень, считая, что флешу были захвачены в 8.00, а

³⁶⁶ Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году. С. 29–37.

³⁶⁷ Fain A. J. F. Manuscript de 1812. Paris, 1827. V. 1–2.

атака дивизии Морана (бригада Бонами) произошла около 9.00. В отличие от Сегюра Фэн полагал, что Наполеон от начала до конца энергично распоряжался войсками, обеспечив победу.

В том же году появилось сочинение «Политическая и военная жизнь Наполеона» А. Жомини, высоко почитавшегося Толем³⁶⁸. Знаменитый швейцарец, работавший вместе с Толем над историей Наполеоновских войн, избрал за основу хронометрии сражения объединенный вариант версии Толя-Сегюра, но насчитал три атаки на флешу. С его точки зрения с 11.00 до полудня корпус Нея, «поддержанный остатками войск Даву и вестфальцами, занимает высоты и флешу левого крыла русских. Багратион устремляется на него, но получает смертельную рану; русские отбиты»³⁶⁹. Выше отмечалось, что, согласно версии Толя, «исчезла» контратака дивизии Коновницына. Но Жомини сообщил, что именно после ранения Багратиона «дивизия Фриана направлена Наполеоном на Семёновское» за овраг³⁷⁰. Атаку на батарею Раевского историк так же, как и Сегюр, ошибочно перенес на полдень: «Немного позже вице-король, перешедший Колочу, атакует центральный редут дивизией Морана»³⁷¹. Видный историк-теоретик «освятил» своим авторитетом третью по счету версию, повлиявшую на русскую историографию. Эта версия существенно отличалась от предложенной Толем, но также основывалась на традиционной путанице в хронометрии событий.

Самым удачным и основательным, на наш взгляд, описанием Бородинского сражения следует признать сочинение генерала Ж. Пеле-Клозо, состоявшего при штабе помощника начальника Генерального штаба по пехоте. Его «Битва под Москвой» – это первая и, по сути дела, единственная попытка аргументированной дискуссии с «русской» версией, изложенной Бутурлиным³⁷². Пеле попытался соотнести планы сражения обеих сторон с боевыми действиями, направленными на их реализацию. Этому способствовала осведомленность автора обо всех важнейших событиях 24–26 августа, записи о которых он заносил в свой дневник. Сам генерал сообщил о себе: «Вечером 6 сентября я... расставлял войска 1-го и 3-го корпусов в порядке, предназначенном для атаки на следую-

³⁶⁸ *Jomini A. H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. Paris, 1827. V. 1–4.* Далее цит. по: *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1844. Изд. 3-е. Ч. 2.

³⁶⁹ Там же. С. 47.

³⁷⁰ Там же. С. 47–48.

³⁷¹ Там же. С. 48.

³⁷² *Pélet J. J. Bataille de la Moskova // Spectateur militaire. VIII. 1829–1830; Пеле Ж.* Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. М., 1872. Далее цит. по: *Пеле Ж. Ж.* Московская битва // Бородино в воспоминаниях современников. С. 319–356.

³⁷³ *Пеле Ж.* Бородинское сражение. С. 319.

щий день... Я сопровождал Наполеона во всех обозрениях, произведенных им 6 числа... Около 8 часов утра я был на северном крае Утицкого леса»³⁷³. Во время сражения Пеле находился как раз в том месте, о котором существуют самые противоречивые сведения, – на южном фланге.

Пеле заметил по поводу книги Бутурлина: «Полковник Бутурлин, под покровом великого беспристрастия, в своей “Campagne de Russie” очень искусно извратил главнейшие обстоятельства этого сражения в войну 1812 г.»³⁷⁴. Он критически отозвался об источниках, которые в то время использовались как русскими, так и французскими авторами: «Французские бюллетени, написанные в пылу действия, представляют поразительную картину этого сражения, но в них нет необходимых подробностей. Русский Главный штаб, осмелившийся присвоить себе победу, обнаружил только то, чем можно было прикрыть его поражение... Историки нуждались в пояснении, но никто из них не был прилично поставлен для узнавания истины»³⁷⁵. Пеле принял на себя непростую задачу дать необходимые, с его точки зрения, «пояснения». Он сдержанно, без излишней патетики, как это было у Лабома или Сегюра, изложил причины сражения так, как они ему представлялись: «Французам для вступления в неприятельскую столицу нужна была громкая победа... Русские генералы были доведены до необходимости или оставить Москву, или спасти ее сражением»³⁷⁶.

Пеле сделал меткое замечание в адрес русского историка по поводу назначения Шевардинского редута: «Бутурлин полагает, что Шевардинский редут был возведен “для наблюдения наших движений и замедления наших колонн”. Наблюдают с помощью кавалерии, а не редутов... Вероятно, что этот редут, который фланкировался деревнями Шевардиной и Доронино, должен был быть связан промежуточным укреплением»³⁷⁷. Пеле «угадал» причину первоначального расположения левого фланга при Шевардине: «На карте, гравированной в Париже в военном депо с большого русского атласа, течение Колочи выше Бородина представляет большое уклонение к востоку... Вероятно, что Император, введенный в заблуждение картами, не угадал позади арьергарда странного расположения Кутузова»³⁷⁸. Свидетельство Пеле служит доказательством того, что в момент атаки русские войска действительно находились позади редута, не успев переместиться к Семеновскому. Автор писал об «отряде» Гор-

---

³⁷⁴ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 320.

³⁷⁵ Там же. С. 321.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же. С. 329–330.

³⁷⁸ Там же. С. 322–323.

чакова как о «левом фланге неприятельской армии» и полагал, что Наполеон не предпринял бы атаки на Шевардино, если бы знал местность. «Тогда сражение могло бы повести к весьма губительным последствиям», – рассуждал Пеле, полагая, что нападение на Шевардинский редут «спугнуло» русскую армию, принудив к отходу на новую позицию. В доказательство того, что первоначально левое крыло русской армии находилось у Шевардина, дотошный штабист привел самые убедительные факты, какие только можно было привести: «Я противопоставляю их утверждениям кутузовские бюллетени от 5, 6 и 8 сентября. Они объявляют, что французская армия произвела 5 числа “движение на левом фланге, находящемся под командою Багратиона”»³⁷⁹. Можно гадать, как французский историк узнал о ранних рапортах Кутузова, которые отсутствуют в сочинении Бутурлина. Далее Пеле развивал мысль так: «...Бороздин с 8-м корпусом, усиленным дивизией Неверовского, был на левом фланге, должно быть примыкавшем первоначально к Шевардинскому редуту и Доронинскому оврагу»³⁸⁰. К этому заключению Пеле мог прийти двумя путями: посредством логических выводов или же в результате общения с кем-то из русских штабных офицеров, располагавших информацией. Более четкой аргументации в отношении позиции левого фланга не содержалось даже в трудах русских историков, впоследствии пытавшихся вникнуть в этот вопрос. Критик Бутурлина обратился к другой, не менее важной, проблеме Бородинского сражения: «Если предположение относительно первоначального построения Кутузова не покажется достаточно доказанным, то, по крайней мере, должны будут признать верность замечаний, сделанных по поводу правого фланга. Желая дать оборонительное сражение, русский генерал должен был построить свои войска в несколько линий между двумя дорогами, по которым могла идти французская армия, дабы перенести свои силы на ту часть фронта, которая будет атакована. А он растянул их в одну линию, длиною в 7 верст, и с утра у него не было другого резерва, кроме гвардии, которая была введена в бой немного спустя после начала сражения»³⁸¹. Пеле лукавил, сообщив, что Наполеон располагал этими сведениями уже в ходе битвы. Эту информацию французский полководец мог, конечно, получить при опросе пленных, выяснив их принадлежность по полкам. Однако нам представляется, что Пеле изучил русские источники, «презревшие печать» (в частности, оригиналы «Оправданий», которые писались Барклаем по-французски). Повлияла на его оценку событий

---

³⁷⁹ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 329.

³⁸⁰ Там же. С. 330–331.

³⁸¹ Там же. С. 332.

при Бородине и упомянутая работа Н. А. Окунева, изданная на французском языке.

Пеле указывал на существенное обстоятельство, которое можно расценивать и в пользу русской армии: «Дивизии Фриана и Клапареда были назначены для исправления ошибок, сделанных во время сражения, и на случай неожиданных происшествий»³⁸². Обе эти дивизии оказались задействованы, как и русская гвардия, в первой же половине дня. Автор подчеркнул объективные трудности русского главнокомандующего в определении места нанесения главного удара (вопреки заверениям Баркляя и Беннигсена): «Наши силы представлялись этому генералу в двух колоннах, направленных на центр его линии. Подобное расположение достаточно ясно указывало на то, что Наполеон переведет французскую армию на тот или другой берег Колочи»³⁸³. Пеле свидетельствовал, что и у Наполеона существовали те же самые опасения за свой северный фланг, расположенный в районе Новой Смоленской дороги: «Он должен был следить за всеми движениями, которые мог произвести против этого пункта неприятель... Император не мог протянуть свой правый фланг, не отделив его совершенно от дороги». Эти же упреки раздавались в адрес Кутузова, не пожелавшего перед сражением ослабить правофланговую группировку войск в районе Новой Смоленской дороги.

Пеле изложил смысл распоряжений Наполеона, отданных каждому маршалу, а затем подверг анализу соответствие замыслов достигнутым результатам. Указав, что в задачу корпуса Даву входило «атаковать боковые реданты, действуя на одной высоте» с 5-м корпусом Понятовского на Старой Смоленской дороге, автор признал, что эта первая фаза сражения закончилась неудачей. В качестве причин он назвал «чрезвычайно трудную местность», занятую русскими егерями, «жестокий артиллерийский огонь с русских батарей», «страшные потери», в том числе среди французских военачальников. Пеле утверждал, что Понятовский не смог оказать содействие войскам Даву. Важно, что французский автор подтвердил тот факт, что в начале сражения из двух группировок войск Наполеона (Понятовский и Даву) ни одна не исполнила возложенных на них обязанностей.

Пеле отметил, что маршал Ней, «центр сражения», существенно изменил данные ему предписания: «Указанное ему направление вело его к северу от Семеновского... Но... неукротимый воин кидается вправо, куда призывает его сильная пальба, где он замечает некоторое колебание

---

³⁸² Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 333.

³⁸³ Там же. С. 334.

³⁸⁴ Там же. С. 336–337.

в войсках 1-го корпуса»³⁸⁴. Пеле указал, что нападение Нея на «реданты» служило сигналом для вступления в дело левого фланга Великой армии, и корпус вице-короля Италии Евгения Богарне в соответствии с этим планом атаковал Бородино. Установленная логическая связь противоречила русской версии: нападение противника на Бородино вовсе не являлось отвлекающей демонстрацией, а было составляющей частью замысла Наполеона, пошелонно вводившего в бой войска. Со слов Пеле явствовало, что левофланговая группировка Богарне ориентировалась на результаты боевых действий у Семеновского. Продвижение вперед войск Нея (центр сражения) вызывало активность войск Богарне (ось сражения). Как только Нею и Даву удавалось продвинуться к Семеновскому, в бой вступали войска Богарне; пока русские войска владели флешами и деревней, атаки Богарне неизбежно захлебывались. Анализируя ситуацию на направлении главного удара у Семеновского («ключ позиции»), Пеле снова обнаружил знание русских источников: «Около семи часов русский Главнокомандующий увидел себя вынужденным отправить на помощь левому флангу кирасир, половину гвардии, сводных гренадер и артиллерию 5-го корпуса; таким образом, с первых минут сражения большая часть его резервов уже была введена в дело. Несколько позднее он велел послать приказы Багговуту»³⁸⁵.

Уличая в недобросовестности русских авторов, Пеле представил не менее объективный анализ положения Великой армии в кризисный момент битвы: «Было 9 часов. На главных пунктах неприятельская армия была потеснена. Семеновские реданы, северная часть оврага и его устье были в нашей власти.... Бородинский пост взят. Левый фланг, центр, даже резерв русских сильно потерпели. Судьба сражения должна была, кажется, решиться в это время. Но Понятовский был еще очень удален от нашего правого фланга. Даву и Ней соединили головы своих колонн против реданов левого крыла.... Вследствие этого между Ледрю и Мораном образовался огромный промежуток, занятый лесом, наполненным русскими егерями. Наконец, вице-король не сдержал войск Дельзона и не подкрепил Морана. Эти ошибки замедлили победу и подвергли ее сомнениям»³⁸⁶.

Пеле указал на ряд обстоятельств, расхившихся со сведениями 18-го бюллетеня, отметив, что к 9.00 ни одно из предназначений Наполеона не было реализовано. Более того, именно в это время во французских боевых порядках фактически обнаружился разрыв, заполненный русскими егерями. Пеле поведал, что Наполеон вынужден был ввести

³⁸⁵ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 337.

³⁸⁶ Там же. С. 339–340.

в бой войска, назначенные «для исправления ошибок», то есть дивизии Фриана и Клапареда «для занятия отчасти пространства, образовавшегося в центре»³⁸⁷. Пеле сообщал, что в 11.00 Наполеон знал, что «большая часть неприятельской армии еще не сражалась; он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов»³⁸⁸.

Остается только удивляться тому, что явное доказательство неудач Великой армии, свидетельствующее об успехе русской обороны, не привлекло внимания отечественных историков, предпочитавших изображать несуществующие атаки, двигать на бумаге войска туда, где их на самом деле не было, менять последовательность событий без логики и смысла, от чего в первую очередь страдала репутация русского командования. Хотя Пеле критически отнесся к многим распоряжениям Кутузова в битве, он заметил в адрес русского главнокомандующего: «Если Кутузов первоначально дурно расположился; если он не сразу увидел, что ему следовало сделать, то в продолжение дня он обнаружил тот характер, который составляет одно из драгоценнейших качеств Главнокомандующего. Его стойкость уравнесила и отчасти расстроила высокие соображения Императора. Император мог бы погибнуть, если бы сделал хотя одну ошибку в присутствии таких неприятелей... На берегах Москвы-реки русский генерал был осмотрительнее [чем под Аустерлицем в 1805 г. – *Л. И.*]: здесь Наполеон тщетно ожидал, чтобы он произвел какое-либо рискованное действие»³⁸⁹.

Сочинение Пеле не сыграло заметной роли в историографии обеих сторон, где предпочитали труд Сегюра, выдержавшего только во Франции 30 изданий. На наш взгляд, именно работа Пеле явилась высшим достижением западной историографии, посвященной Бородинскому сражению³⁹⁰. Сам автор был скромнен, он предлагал свои материалы и Сегюру, и Гурго, однако вопросы хронометрии не особенно волновали его предшественников: первого интересовал драматизм событий, а второго неизбежность авторитета Наполеона. Ссылки на работу Пеле присутствовали в трудах Михайловского-Данилевского, Липранди, Богдановича, однако существенное влияние на их работы это сочинение не оказало, хотя в нем присутствовали и объективный анализ, и сопоставление источников обеих сторон – словом, все то, чего так не хватало для того, чтобы выбраться из тенет «русской» версии.

---

³⁸⁷ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 340.

³⁸⁸ Там же. С. 343–344.

³⁸⁹ Там же. С. 351.

³⁹⁰ Хорвард Д. Полковник Пеле в России: 1812 год // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной науч. конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 251–260.

Июльская монархия, пришедшая на смену недолгому режиму Реставрации, вернула французскую историографию в русло культа Наполеона, в адрес которого подчас раздавались критические замечания. В 1830-е гг. расширилась источниковая база для изучения Бородинского сражения. Вскоре после работы Пеле были опубликованы записки бывшего обер-шталмейстера императорского двора А. де Коленкура³⁹¹. Для бывшего посланника в России, которого Наполеон образно назвал «старым куртизаном двора Александра I», было характерно критическое отношение и к идее «русского похода» вообще, и к результатам Бородинского сражения в частности, которые он считал «прискорбными»³⁹². Выбор позиции, хронометрия – все эти проблемы являлись второстепенными для Коленкура, понесшего в битве личную утрату: его брат, О. де Коленкур, погиб в Роковом редуте, как называли французы батарею Раевского, по мнению старшего брата (и 18-го бюллетеня), «решив судьбу сражения». Коленкур признавал, что главная цель Наполеона – захват Москвы – теряла смысл после того, как не удалось, разгромив русскую армию, заключить почетный мир.

В то же время был опубликован ряд работ, где тема Бородина также нашла отражение. Авторы в основном приводили в сочинениях аргументы в пользу или против распоряжений Наполеона в сражении, высказывали предположения о том, как отразилось на ходе битвы и ее результатах состояние здоровья Наполеона, размышляли над тем, следовало ли вводить в бой гвардию. Главный интендант Великой армии М. Дюма полагал, что великий полководец в тот день утратил былую активность, а бывший инспектор смотров кабинета начальника Генерального штаба П. Денье считал, что император в сражении, напротив, был «как в самые лучшие дни своей славы»³⁹³. Денье волновали сведения о наличии войск и потерях в сражении. Если в работах Лабома, Водонкура, Шамбрэ, Сегюра, Фэна, Пеле силы обеих сторон оценивались примерно как равные, то к 1850-м гг. во французской историографии обнаружилась устойчивая тенденция преувеличивать численность русской армии. Так, Денье считал, что 140 тысячам французов противостояли не менее чем 162 тысячи русских. Особое внимание Денье уделял подсчетам потерь Великой армии, увеличив их с 20 тысяч примерно до 28 тысяч.

---

³⁹¹ *Caulaincourt A. A. L. Souvenirs du duc Vicence. Bruxelles, 1838. V. 1–2.* Далее цит. по: *Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.*

³⁹² Там же. С. 133.

³⁹³ *Dumas M. Souvenirs. Paris, 1839. T. 3; Dennée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris, 1842.*

В 1840 г. А. Дюма, сын наполеоновского генерала, издал биографию Наполеона, где ряд страниц был посвящен великой битве. Путешествие французского писателя по России и посещение Бородинского поля привели к тому, что в его описании французские легенды оказались перемешаны с русскими, способствуя романтическому восприятию события³⁹⁴. В духе наполеоновской легенды создавались описания Бородина в книгах М. де Сент-Элера, Ф. Шапюи и даже Л. А. Тьера, основанных на известных источниках и трудах предшественников, за исключением, пожалуй, работы Пеле. Особый интерес представляла работа А. дю Касса, опубликовавшего корреспонденцию Евг. Богарне, снабженную комментариями. Для русской историографии значительными представляются выводы автора об участии корпуса Богарне в Бородинской битве. Дю Касс полагал, что вице-король вынужден был, оказавшись в изоляции, противостоять значительным силам русских в центре, подвергаясь нападению русской кавалерии. Частично прояснить ход событий на левом фланге позволяли воспоминания полковника П. Пельпора, в 1812 г. командира 18-го линейного полка в корпусе Нея. Полезные сведения содержались в биографии генерала Л. Фриана, написанной и изданной его сыном Ж. Фрианом, который так же, как и его отец, принимал участие в бою за деревню Семеновское³⁹⁵.

Поражение Франции в войне с Пруссией вызвало всплеск интереса к наполеоновской эпохе. Пережив крах Второй империи, французы искали нравственную опору в героических свершениях Первой. В 1870-е гг. в печати появились многочисленные воспоминания воинов Великой армии, содержавшие детали и подробности, прежде ускользавшие из поля зрения историков, описывавших в основном деяния Наполеона и его маршалов. Были изданы воспоминания бывшего адъютанта генерала Ж. Дессе капитана Жиро де л'Эна, капитана гвардейской артиллерии А. О. Пьон де Лоша, старшего вахмистра 2-го кирасирского полка А. Тириона, начальника артиллерии 2-го кавалерийского корпуса полковника Т. Серюрье; лейтенанта Н. Л. Плана де ла Файе и многих других³⁹⁶.

Активно велась публикация источников, связанных с «битвой гигантов», в начале XX столетия. Увидели свет мемуары командира бригады

---

³⁹⁴ Дюма А. Путевые впечатления в России // Собр. соч. М., 1933. Т. 3. С. 63–82.

³⁹⁵ *Saint-Hillaire E.-M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. Paris, 1846; Chapuis F. Bataille de la Moskowa // Bibliothèque historique et militaire. Paris, 1853. Т. 7; Thiers L.-A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1856; Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. Paris, 1857. Т. 2; Friant J. F. La vie militaire du Lieutenant-général comte Friant. Paris, 1857.*

³⁹⁶ *Girot de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires. Paris, 1873; Pion des Loches A. A. Mes campagnes. Paris, 1899; Thirion A. Souvenirs militaires 1807–1818. Paris, 1892; Seruzier T. J. J. Mémoires militaires. Paris, 1894; Planat de la Faye N. L. Vie de Planat de la Faye. Paris, 1895.*

2-й пехотной дивизии А. Дедема ван Гельдера, адъютанта генерала Пажоля лейтенанта Ю. Ф. Био. Ценные сведения сообщались в журнале капитана 1-го батальона 30-го линейного полка Ш. Франсуа, воспоминаниях командующего артиллерией 4-го корпуса генерала Ш. Н. д'Антуара де Врэнкура, начальника артиллерии 3-го кавалерийского корпуса полковника Л. Гриуа, бригадного генерала Ф. А. Теста, журнале капитана 18-го линейного полка Г. Боннэ, дневнике младшего лейтенанта, старшего адъютанта полка королевских велитов Итальянской гвардии Ц. Ложье де Белькура, дневнике сержанта 111-го полка А. Фоссена и других³⁹⁷.

Эти источники создавали возможность при сопоставлении их друг с другом и с русскими источниками воссоздать более полную картину сражения. Однако в начале XX в. во Франции не было опубликовано ни одной обобщающей работы, посвященной Бородинскому сражению. Как справедливо заметил В. Н. Земцов, «как и ранее поразительно было то, что несмотря на такой объем ставших доступными источников, французская историческая наука даже не попыталась ими воспользоваться»³⁹⁸.

Подобные попытки предпринимались в отдельных трудах только в середине XX в. В 1963 г. появилась книга К. Грюнвальда «Русская кампания. 1812», где впервые были использованы источники, представляющие противоборствующую сторону: воспоминания Толя (Бернгарди), сочинения Клаузевица, записки Левенштерна, Вольцогена и других авторов, изданных на иностранном языке. Это была вторая попытка после Пеле обратиться к свидетельствам неприятельской армии, оказавшаяся несравненно более поверхностной и слабой³⁹⁹. Объемный труд Ж. Тирри, корреспондента Института Наполеона, страдает отсутствием достоверности из-за некритического подхода к источникам, а работу Т. Транье и Ж. Карминьяни скорее можно причислить к художественным альбомам, нежели к серьезному научному изданию⁴⁰⁰.

---

³⁹⁷ *Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. Paris, 1900; Biot H. F. Souvenirs anecdotiques et militaires. Paris, 1901; Francois C. Journal du capitaine Francois. Paris, 1904. T. 2; D'Antoird. Notes et documents... // Carnet de la sabretache. 1906. № 162; Teste F.-A. Souvenirs // Carnet de la sabretache. 1911; Journal du capitaine Bonnet du 18-e de ligne // Carnet de la sabretache. 1912. № 239. Цит. по: Васильев А. А. Французский офицер Гийом Боннэ — участник Бородинского сражения. С. 64–71; Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912.*

³⁹⁸ *Земцов В. Н. Великая армия в Бородинском сражении. С. 28.*

³⁹⁹ *Grunwald C. La campagne de Russie. 1812. Paris, 1963.*

⁴⁰⁰ *Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969; Tranie J., Carmigniani J.-C. La campagne de Russie Napoléon — 1812. Paris, 1981.*

⁴⁰¹ *Dictionnaire Napoléon. Paris, 1989. P. 269–270.*

О современном состоянии французской историографии Бородинского сражения говорит тот факт, что к написанию статьи «Бородино» в «Словаре Наполеона» под редакцией профессора Ж. Тюлара был привлечен Ж. Гарнье, «виноградарь из Брюшона, Жевре-Шамбертен»⁴⁰¹. Именно так он с гордостью отрекомендовался в статье «Бургундия. Исторические и гастрономические аспекты», где предложил российским читателям ряд бесценных советов по выбору вин к столу и поделился рецептом приготовления блюда «Петух в Шамбертене»⁴⁰². Историк-любитель добросовестно ознакомился с французскими источниками, определившись с хронометрией событий. Его статья убеждает, что во французской историографии традиционно существовало иное, чем в отечественной историографии, разделение русской позиции на участки. Так, в понятие русского центра французы объединяли батарею Раевского – деревню Семеновское, под левым флангом подразумевали местность от флешей Багратиона до Старой Смоленской дороги, правый фланг, в понятии французов – участок фронта севернее Новой Смоленской дороги. Без учета этих особенностей наши историки подчас сталкивались с трудностями и впадали в ошибки, определяя, какое именно укрепление в районе Семеновского атаковали французы. Если принять во внимание, что средняя флешь (юго-восточная) вообще не упоминалась в диспозиции Наполеона, то под средним укреплением во французских источниках подразумевается правая (северная) флешь, а, скажем, батарея Раевского в рапорте Нея вообще значится как «правое укрепление левого крыла».

Сравнительно недавно вышел труд Б. Ж. ле Сеньера и Э. Лакомба, где на примере Бородинского сражения авторы попытались с помощью количественных методов разрешить традиционную для французской историографии проблему: выявить степень воздействия Наполеона на ход сражения. Исследователи обратились к трудам Шамбрэ, Сегюра, Жомини, Бутурлина и пришли к выводу, что состояние здоровья французского императора, безусловно, сказалось на координации действий войск и результатах сражения. В работе отмечены сбои в первоначальных замыслах Наполеона в сражении: в бой за флешь, кроме войск Даву, вынуждены были вступить пехотные корпуса Нея и Жюно, резервная кавалерия Мюрата⁴⁰³.

Существует и значительная группа источников немецкого происхождения. В рядах Великой армии Наполеона сражались баварцы, вюртембергцы, вестфальцы и саксонцы. Они честно выполнили солдатский

⁴⁰² Журнал: Империя истории. СПб., 2001. Июль–август. С. 116–118.

⁴⁰³ *La Seigneur B. J., Lacombe E. La valeur du commandement: l'exemple de la Moskowa // Revue historique des armées. 1990. V. 181. P. 64–72.*

долг, и, естественно, им было что поведать о своем участии в великой битве. Гибельные последствия «русского похода» не обошли стороной и немецких союзников Наполеона; те, кто уцелел среди боевых действий, голода и сурового климата, вскоре сделались союзниками России. Память о «жертвах, принесенных немецкими сыновьями чужому Государю в 1812 году» способствовала возникновению «немецкой» версии сражения, хотя и существовавшей как бы внутри «французской», но существенно дополнявшей и даже опровергавшей ее.

Значительная часть немецких источников введена в оборот отечественной историографии Бородина в работах А. И. Попова⁴⁰⁴. Это позволило существенно обогатить источниковую базу описания сражения. В частности, саксонцы уверенно оспаривали у французов честь взятия центрального русского укрепления – батареи Раевского. К. Церрини, в 1812 г. капитан Генерального штаба 7-го (саксонского) корпуса, ссылаясь на документы, утверждал, что центральный редут был захвачен не французскими кирасирами Коленкура, а саксонцами бригады генерала Тильмана, которые отличились и при взятии деревни Семеновское. Интерес представляют воспоминания вестфальцев, сражавшихся в составе 6-го корпуса Жюно южнее Семеновских флешей и в Утицком лесу. Ценность в реконструкции событий на левом фланге русской позиции представляют воспоминания саксонцев – командира саксонского полка «Гар дю Кор» полковника фон А. Лейссера, 1-го лейтенанта саксонского кирасирского полка «Цастров» фон Минквица, 2-го лейтенанта саксонского кирасирского полка «Цастров» барона Рот фон Шрекенштайна. Несомненной удачей для исследователей является большая «плотность» саксонских источников, где на одну дивизию, бригаду, а то и полк приходится сразу по несколько участников одного и того же события, что позволяет с достаточной полнотой восстановить картину боя за Семеновское после захвата флешей, скупо представленную в отечественной историографии. Сопоставление с русскими источниками позволяет выверить хронологию событий, установить со значительной долей достоверности ход боя за Семеновским врагом в заключительной фазе сражения на левом фланге⁴⁰⁵.

---

⁴⁰⁴ Попов А. И. Вюртембержцы в походе на Россию // Тезисы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992. С. 51–55; *Он же*. Немецкие войска в бою за Багратионовы флешы // Проблемы истории и историографии зарубежного мира: Межвузовский сб. науч. статей. Самара, 1994. С. 42–51; *Он же*. Действия вестфальцев в Бородинском сражении. Бородино, 1994. С. 64–73; *Он же*. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997.

⁴⁰⁵ *Cerrini di Monte Varchi C. F. X.* Die Feldzuge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821; *Minkwitz A.* Die Brigade Thielmann in dem Feldzuge von 1812. Dresden, 1879; *Roth von Schreckenstein.* Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Munster, 1858.

Претензии прежних «братьев по оружию» на особую роль в Бородинской битве не получили признания во французской историографии, не пожелавшей выйти за рамки привычных сюжетов и образов, «освященных» 18-м бюллетенем. Можно согласиться с точкой зрения В. Н. Земцова, отметившего, что «французская историческая наука так и не смогла реализовать своих возможностей, фактически отказавшись от попыток создания исторически достоверной картины Бородинского сражения»⁴⁰⁶. К числу традиционных особенностей французской историографии следует отнести ее «самодостаточность», отказ от использования иностранных, особенно русских источников, что, безусловно, ведет к односторонним суждениям и оценкам. Отдельные попытки Сегюра и Пеле соотнести «французское» видение событий с «русской» версией скорее усугубили путаницу в русской историографии, хотя со второй половины XIX столетия отечественные историки широко использовали как источники, так и труды французских, немецких, польских и итальянских авторов. Под их влиянием частично произошел пересмотр ряда положений отечественной историографии. Подверглись сомнению сведения, содержащиеся в работах Толя, Бутурлина, Михайловского-Данилевского в отношении избрания позиции, расположения войск на ней, замыслов Кутузова и способов их реализации. Были внесены коррективы и в последовательность перемещения войск на поле боя и даже высказаны скептические отзывы по поводу результатов сражения. Но, несмотря на широкое использование зарубежных источников, в хронометрию битвы не только не были внесены уточнения и исправления, которые позволили бы избавиться от «темных и запутанных мест». Напротив, в сочинениях историков стали возникать новые ошибки и неточности.

7. Бородино в сочинениях русских историков начала XX в.

100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. вызвал новый всплеск научного интереса к давним событиям. Современный исследователь справедливо отмечает: «До начала XX столетия научное изучение истории 1812 года традиционно проводилось генералами и офицерами российской армии»⁴⁰⁷. Историк указал на ряд причин этого закономерного

---

⁴⁰⁶ Земцов В. Н. Великая армия в Бородинском сражении. С. 33.

⁴⁰⁷ Шеин И. А. 1812 год в военной историографии в канун 100-летней годовщины Отечественной войны // Тр. ГИМ. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 132. М., 2002. С. 269.

⁴⁰⁸ Там же. С. 270.

го явления в отечественной науке: «Ведь основной массив документации долгое время оставался несистематизированным и частично засекреченным. Поэтому для вневедомственных ученых доступ в военные архивы фактически оказался закрытым»⁴⁰⁸. Потому необходимо отметить деятельное участие правительственных учреждений в обеспечении мер для дальнейшего изучения темы.

С конца XIX в. в Военном министерстве началась активная разработка архивных материалов по войне 1812 г. Можно без преувеличения сказать, что к 1912 г. был опубликован основной массив документов и воспоминаний, хранящийся в Лефортовском архиве. В числе изданий, имеющих непреходящее значение, был двадцатисемитомник материалов ВУА под редакцией А. З. Мышлаевского, сборники под редакцией В. И. Харкевича и К. А. Военского⁴⁰⁹. Огромное значение имело издание коллекционных документов, собранных П. И. Щукиным⁴¹⁰. Обилие введенных в научный оборот источников открывало перспективы для изучения многих аспектов Отечественной войны 1812 г. и для корректировки, даже пересмотра многих старых положений. Однако, несмотря на предложения Главного штаба и энтузиастов-ревнителей, создать обобщающий труд, учитывающий новые источники, не удалось, так как поток многообразной информации подлежал еще и осмыслить, сделав принципиально новые выводы. В это время вышел ряд статей, посвященных Бородинскому сражению, учитывающих «отчасти изменившиеся взгляды на метод, приемы и конечные цели военно-исторических исследований»⁴¹¹, позволившие взять под сомнение некоторые устоявшиеся в отечественной историографии положения.

Критический метод, связываемый современными исследователями с именем Богдановича (применившим его, на наш взгляд, не совсем удачно), в 1912 г. проявился в статье его ученика, профессора Академии Генерального штаба генерал-майора А. Н. Витмера. Он прославился ранее как оппонент романа Л. Н. Толстого «Война и мир»⁴¹². Историк был уверен, что созданию полной картины Бородинского сражения

---

⁴⁰⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Изд. Главного управления Генерального штаба. Т. I–XXI. СПб., 1900–1914; Харкевич В. И. 1812 год в дневниках...; Военский К. А. Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911.

⁴¹⁰ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным. Ч. 1–10. М., 1897–1910.

⁴¹¹ Шейн И. А. 1812 год в военной историографии... С. 7.

⁴¹² Витмер А. Н. 1812 год в «Войне и мире». По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого // ВИЖ. 1913. № 1. С. 47–54.

главным образом препятствует отсутствие уважительного отношения к «борцам враждебного лагеря». Потому он особенно заострил внимание в своей работе на самочувствии Наполеона в день битвы, отметив «психическое состояние великого вождя, явившееся, быть может, результатом физического недомогания»⁴¹³. Русского главнокомандующего Витмер подверг суровой критике. Он полагал, что сражение при Бородине было крайне невыгодным для русских при равном соотношении сил и Кутузову следовало его избегать. С этой целью историк «рекомендовал» Кутузову отступление от Можайска сразу на Калугу, полагая, что Наполеон последовал бы за русской армией и Москва осталась бы в стороне от театра боевых действий. «Отступление нашей армии до генерального сражения от Можайска на Калугу могло защитить Москву лучше, чем заслон грудью наших войск», — с апломбом заявлял ученый⁴¹⁴. Увлечшись теоретическими рассуждениями, он упустил из виду им же сформулированные мотивы поступков Наполеона, действовавшего не только как полководец, но и как император. А как император, согласно мемуарам сподвижников, Наполеон в большей степени был заинтересован вступить в Москву, чем разгромить русскую армию, которую он упустил, заняв столицу. Витмер не учитывал данных, опубликованных его коллегой М. П. Поликарповым, о «неотвязном», по словам Багратиона, преследовании русской армии неприятелем⁴¹⁵, следствием чего были почти каждодневные арьергардные бои. Следовательно, перед Кутузовым стояла опасность быть атакованным вообще без позиции на марше. И главное: Витмер, увлекшись критикой Кутузова, забыл о том, что для отступления на Калугу следовало иметь соответствующую коммуникацию. Проблема, поднятая в статье, была не нова. Так, Клаузевиц писал: «Направление от Можайска на Москву, которое Кутузов избрал, также ставится ему в укор. Ему будто бы следовало двигаться по дороге через Верею на Тулу. Но на этой дороге он не нашел бы ни единого куска хлеба; все, что необходимо для армии в ее тылу, все эти силы, движущиеся взад и вперед и обслуживающие ее жизнь, находились на Московской дороге. К тому же этот отход на Калугу едва ли привел бы к осуществлению основной задачи. Оставалось до Москвы всего лишь 14 миль; Наполеон не затруднился бы отрядить туда корпус в 30 000

---

⁴¹³ Витмер А. Н. Бородинский бой: опыт критического исследования // ВИЖ. 1912. № 2. С. 99–174.

⁴¹⁴ Там же. С. 103–104.

⁴¹⁵ Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедневник // Тр. Моск. отдела Росс. воен.-ист. об-ва. Материалы по истории Отечественной войны. Сражения при Бородине. М., 1913. Т. IV. Ч. 1. С. 501–523.

человек, что при наличных обстоятельствах он мог бы сделать без малейшего риска; Москва все равно оказалась бы потерянной, а недалевидные русские еще, пожалуй, бы обвинили Кутузова в том, что своим искусственным маршем он без нужды отдал Москву неприятелю. И так, Кутузов остался на самом правильном пути отступления...»⁴¹⁶ Витмер, ценивший Барклая де Толли больше, чем Кутузова, не принял во внимание, что почитаемый им военачальник в рапорте Кутузову от 18 августа, объясняя причину, побудившую его двигаться от Витебска к Смоленску и далее к Москве, назвал ту же самую: отсутствие времени для закладывания коммуникации⁴¹⁷.

Витмер считал, что французы по праву полагают Бородино своей победой на том основании, что русские были выбиты со всех позиций, отступили, сдали столицу и т.д.; притом он никак не соотносил итоги сражения с планами и намерениями обоих полководцев. Витмер подверг критике «Диспозицию», которая показалась ему непродуманной и расплывчатой, в чем он обвинил Толя, хотя, как мы отмечали, оригинал этого документа подписан Беннигсеном, а в публикации Богдановича – Кутузовым. Ученый считал, что при Бородине более 200 орудий не приняли участие в битве опять же из-за просчетов Кутузова, хотя «Ведомости о потерях» русской армии содержат иные сведения⁴¹⁸. Пытаясь уточнить хронометрию битвы, Витмер направил критические замечания не по адресу. Историк писал: «...видный участник борьбы за курган, Липранди, бывший квартирмейстером 6-го корпуса Дохтурова, часть которого после разгрома корпуса Раевского, обороняла Курганную батарею, говорит, что бригада Бонами была уничтожена и курган взят обратно Ермоловым в 9 часов утра, а герой этого подвига Ермолов, свидетельствует, что день клонился к полудню, когда он выехал из Горок. Следовательно, уничтожение бригады Бонами и обратный захват кургана могли быть не ранее полудня – разница на три часа огромная. Здесь явно ошибается Липранди»⁴¹⁹. Если бы ошибался только один Липранди! Ни рапорты французских маршалов, ни 18-й бюллетень Наполеона, ни мемуары воинов Великой армии, за правильное отношение к которым Витмер боролся и ратовал, не привлекли внимание историка, отстаивающего версию, запечатленную в труде Богдановича.

Блеснув в статье богатством критических идей, Витмер, к сожалению, не смог подкрепить их ссылками на источники, нуждавшиеся к

---

⁴¹⁶ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 81.

⁴¹⁷ М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 86.

⁴¹⁸ Бородино. С. 202–212.

⁴¹⁹ *Витмер А. Н.* Бородинский бой... С. 93.

тому же еще и в проверке, и в сопоставлении. На наш взгляд, сильно препятствовало автору в создании по-настоящему критической работы, посвященной битве гигантов, стремление явно преувеличить успехи неприятеля, что выдавалось им за объективность.

Болезненную страсть к самобичеванию, свойственную интеллигенции на грани XIX–XX столетий, можно обнаружить не только в работе Витмера. Н. П. Поликарпов, блестящий знаток архивного дела, начальник Лефортовского архива, осенью 1910 г. сделал нетрадиционный доклад в Московском отделении ИРВИО. Объектом его критики сделался М. И. Кутузов. Основываясь на документах, Поликарпов попытался опровергнуть устоявшуюся версию о Кутузове как организаторе первого партизанского отряда под командованием Д. В. Давыдова, создав версию о том, что этот отряд был создан Барклаем де Толли под командованием Ф. Ф. Винценгероде. В ходе этого доклада, на наш взгляд, историк обнаружил глубокое знание малоизвестных документов наряду с нехваткой общих знаний об известных событиях, военных понятиях и терминах начала XIX в. Незнание классических определений терминов – «партизанский отряд», «малая война» – можно сравнить лишь с незнанием им термина «кор де баталь», повлекшим грубейшие ошибки при составлении историком-архивистом комментариев к «Диспозиции»⁴²⁰. Невнимательное прочтение Поликарповым приказа генерала Ермолова от 25 августа привело к тому, что при составлении «Расписания соединенных армий при Бородине» он поместил в резерв Главной квартиры 5-й гвардейский корпус Лаврова, где специалисты числят его и поныне. Кульминация в докладе Поликарпова наступила там, где ее не должно было ожидать. Историк, прочитав рапорт Кутузова от 27 августа, сличил его с текстом, появившимся в печати, обнаружил изъяты при публикации строки и пришел к пессимистическому выводу, что при Бородине «русское войско не победило, а было побеждено». Трудно объяснить, почему потрясло историка чтение документа, который дважды публиковался без купюр. И. А. Шейн справедливо указал на то, что «в середине 70-х годов А. Н. Попов в своем сочинении “Москва в 1812 году” уже обращал внимание на подобные несоответствия между оригиналом реляции М. И. Кутузова и ее опубликованной копией»⁴²¹. Отметим со своей стороны, что в полном виде рапорт Кутузова был опубликован ранее в

---

⁴²⁰ *Полковник Валентини. Малая война.* СПб., 1809; *Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедневник...* С. 505–523.

⁴²¹ *Шейн И. А. 1812 год в военной историографии...* С. 276.

⁴²² *Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам.* Т. 1–3. С. 283–285.

сочинении Богдановича с соответствующими пояснениями к документу⁴²². Полицарпов судил об итогах битвы не на основании реализации планов обеих сторон в сражении, проявившихся в ходе боевых действий, понесенных потерях, а на основании изъятых из текста рапорта строк, безусловно, очень важных, но, на наш взгляд, не дающих полного представления ни о сражении, ни о его результатах.

Существенный вклад в изучение Бородинского сражения внесли статьи военных историков, предпочитавших, прежде чем судить Наполеона или Кутузова или давать ответы на вопрос, чья победа, разобраться в обстоятельствах, предшествующих сражению, в ходе самой битвы, уявzав замыслы полководцев с результатами боевых действий.

Серьезным исследователем проблем, связанных с Бородинским сражением, был профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Б. М. Коллюбакин⁴²³. Он внимательно изучил не только труды своих предшественников, но и был в курсе вновь опубликованных источников, подвергнутых им анализу. Автор отмечал, что общее стремление к генеральному сражению пытался реализовать Барклай де Толли, начиная от Смоленска и кончая Царевом Займищем. Следовательно, и Кутузов не мог сдать Москву, избежав генеральной битвы. Коллюбакин полагал, что полководец рассчитывал разгромить армию Наполеона наличными силами⁴²⁴. Он указал на первоначальное «неправильное, как бы несколько фланговое расположение» левого крыла, обвинив в этом наряду с Толем и Баркляя, не имевшего к этому никакого отношения⁴²⁵. Историк отметил неравномерное укрепление фронта позиции, обусловленное перемещением левого крыла, вновь без причины обвинив Баркляя де Толли, чрезмерно, на его взгляд, укрепившего правый фланг⁴²⁶. В отношении Шевардинского редута историк признал, что «определить доподлинно цель этого передового перед левым флангом расположения представляется затруднительным». Объяснение, данное Толем, – «наблюдать за неприятелем» с редутов – ученый назвал «не выдерживающим критики»⁴²⁷.

Особого внимания заслуживает составленное Коллюбакиным описание хода сражения. Он указал направление первых двух атак неприятеля

---

⁴²³ Коллюбакин Б. М. 1812 год: Избрание Кутузова Главнокомандующим над всеми армиями // РС. 1912. № 7. С. 1–32; *Он же*. 1812 год: Бородинское сражение 26 августа // РС. 1912. № 8. С. 258–281. Далее цит. по: Коллюбакин Б. М. Бородинское сражение. М., 1999.

⁴²⁴ Там же. С. 4–5.

⁴²⁵ Там же. С. 9.

⁴²⁶ Там же. С. 17.

⁴²⁷ Там же. С. 20.

⁴²⁸ Там же. С. 38.

на флешу, исходя из распоряжений Наполеона и обратив внимание на значительный факт: «Неудача атаки Компана вызвала Нея, нарушив направление на Семеновское, свернуть вправо с дивизией Ледрю и атаковать ту же флешу с фронта и другого фланга»⁴²⁸. Колюбакин дал, на наш взгляд, наиболее согласующуюся с источниками картину боя за флешу. Он отметил, что Багратион был ранен во время контратаки 2-й гренадерской дивизии до прихода 3-й пехотной дивизии Коновницына со Старой Смоленской дороги. Ученому, так же как и в свое время Липранди, оставалось сделать всего один шаг до вывода о времени ранения Багратиона и соотношения с этим событием первой атаки на батарею Раевского. Он отметил в примечании: «Источники вообще расходятся во времени: французские – время первого захвата определяют в 8–9 и не позже 10 часов, наши – разноречивы, а Ермолов указывает полдень, что совершенно не отвечает ходу боя»⁴²⁹. После этих слов автор вернулся к описанию битвы, почему-то сообщив, что Ермолов и Кутайсов проезжали мимо батареи Раевского на помощь здравствующему Багратиону. С этого «рокового» места в отечественной историографии у Колюбакина тоже начались необъяснимые смещения в хронометрии: атака дивизии Фриана на Семеновское «передвинулась» на 14.00, решение о рейде Уварова и Платова было принято Кутузовым около 11.00, в это же время, по мнению Колюбакина, Кутузов принял решение и о перемещении в центр 4-го пехотного корпуса и т.д. Несмотря на перечисленные неточности, хронометрическую схему битвы, созданную ученым, следует признать наиболее удачной, так как в ней сделана основная попытка соотнести данные русских и иностранных источников.

В числе особо значимых работ следует назвать статью А. В. Геруа⁴³⁰. Как в советский период, так и в настоящее время автор подвергается критике за приверженность модели «дворянской» историографии, проявившейся в том, что Геруа видел в лице Наполеона агрессора, а события Отечественной войны воспринимал как крестовый поход Запада против России⁴³¹. Однако «ограниченность классовых воззрений» не помешала исследователю создать одну из самых содержательных работ, посвященных подготовке и проведению Бородинского сражения.

Консерватизм убеждений не препятствовал Геруа критически взглянуть на существующие описания битвы, противоречащие сведениям как русских, так и зарубежных источников. В отношении складывания

---

⁴²⁹ Колюбакин Б. М. Бородинское сражение. С. 42.

⁴³⁰ Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912.

⁴³¹ Шейн И. А. 1812 год в военной историографии... С. 281; Земцов В. Н. Великая армия в Бородинском сражении. С. 84.

«русской» версии Бородинской битвы он высказал, на наш взгляд, прощательные суждения, считая неправомерным приписывать ошибки в описании событий одновременно Кутузову и его ученику Толю, действовавшему зачастую от своего лица. Геруа отметил, что взгляд на сражение самого Кутузова восстановить довольно сложно, так же как и Багратиона, и многих других военачальников, постольку поскольку эти «лучшие дети войны» ушли из жизни, не оставив мемуарного наследия. «У них у всех, начиная с Кутузова, был один общий недостаток. Их золотой опыт остался не записанным и не оцененным философской военной литературой, почему и был безвозвратно утерян для грядущих поколений. Того, что сделала военная литература для Наполеоновского опыта, которым поэтому мы и питаемся и поныне, она не сделала для опыта Екатерининской боевой школы», – справедливо резюмировал исследователь⁴³². Действительно, можно лишь предполагать, по какому пути двинулась бы историография Бородинского сражения, если бы мы имели возможность услышать полную версию событий, вышедшую из-под пера Кутузова или же рассказанную «главным героем дня» Багратионом, если бы у них были время и возможности к тому, как у Баркляя или Беннигсена.

В отношении влияния Толя на отечественную историографию Геруа пришел к определенному выводу: «Эти искажения, ведущие начало от самого Толя, главного виновника ошибок в развертывании русских войск, были хотя и не извинительны, но объяснимы у лица, пекшегося о нерушимости своего собственного авторитета. Неизвестны побуждения двух главных историков (Михайловский-Данилевский и Богданович. – Л. И.), поддерживавших эти искажения; одно можно сказать – работали они отнюдь “не во славу русского оружия”»⁴³³.

Геруа был первым исследователем, который, помимо общего описания инженерных укреплений на Бородинском поле, задался целью разъяснить принцип их сооружения и назначения в бою. Он пришел к убеждению, что Семеновские флеши «совершенно неверно показаны на плане Толя, где игнорировался принцип «взаимоперекрестной обороны». Историк попытался разобраться в хронометрии боя на левом фланге и у батареи Раевского и... запутался. Толь, несмотря на основательные подозрения Геруа в его адрес как недостоверного источника повествования о Бородинской битве, снова оказался сильнее. Геруа, правда, полагал, что Багратион был ранен не в полдень, а около 11.00, во время пятой атаки во главе 2-й гренадерской дивизии. Историк не смог объяснить, каким образом главнокомандующему 2-й армией удалось продержаться

---

⁴³² Геруа А. В. Бородино (по новым данным). С. 11.

⁴³³ Там же. С. 16.

с двумя пехотными дивизиями и одним кавалерийским корпусом против трех дивизий корпуса Даву, трех дивизий корпуса Нея, корпуса Жоюно и резервной кавалерии Мюрата. Вслед за Богдановичем Геруа ошибочно полагал, что дивизии Компана и Ледрю атаковали разные флешы, а дивизия Дессе двигалась левее Компана. Заметим, что подобное представление о ходе боя за флешы показывало в невыгодном свете оборонительные усилия русских войск. Первая атака на батарею Раевского, по мнению историка, произошла в 10.00, а вторая была отбита Ермоловым в одиннадцатом часу до ранения Багратиона⁴³⁴.

Несмотря на ряд оригинальных суждений и справедливых оценок событий при Бородине, Геруа не удалось разрубить гордиев узел отечественной историографии – избежать «перепутанности моментов» в битве.

Бородинскому сражению был посвящен ряд статей, авторы которых, очевидно, в первую очередь стремились успеть создать свои печатные труды к славному юбилею и не утруждали себя внимательным изучением источников. В работах они использовали опубликованные сочинения Толя, Бутурлина, Михайловского-Данилевского, Глинки, Неелова, Богдановича, Жомини, прошедшие, с их точки зрения, проверку временем. Здесь мы можем назвать имена Н. М. Михневича, С. И. Михеева, полковника Оболенева, В. А. Афанасьева, А. Балтийского, чьи работы, несмотря на указанные несовершенства, оказали сильное влияние на последующую историографию.

«С возвышенно-патриотических позиций», как удачно выразился современный исследователь, подошел к описанию Бородинской битвы начальник Главного штаба генерал-майор Н. М. Михневич⁴³⁵. Его не интересовали спорные вопросы, связанные с оценкой позиции или расположением войск. Он обошел молчанием планы обеих сторон и их реализацию в ходе битвы. Сбои в хронометрии боевых действий автора статьи, по-видимому, также не волновали⁴³⁶. Действия Кутузова в сочинении Михневича заслужили исключительно положительную оценку. Он же по одному ему известным причинам причислил Кутузова к «старым ученикам Суворова»⁴³⁷. Нападение неприятеля на Шевардино он охарактеризовал как «столкновение с нами из-за Шевардинского редута»⁴³⁸.

---

⁴³⁴ Геруа А. В. Бородино (по новым данным). С. 24–37.

⁴³⁵ Шейн И. А. 1812 год в военной историографии... С. 282.

⁴³⁶ Михневич М. Н. Сто лет назад. 26 августа 1812 год. Великий день Бородина. СПб., 1912.

⁴³⁷ Там же. С. 13–14.

⁴³⁸ Там же. С. 19.

⁴³⁹ Там же. С. 22–23.

В статье повторены основные ошибки «русской» версии в хронометрии боевых действий на левом фланге, где Багратион, по мнению Михневича, был ранен во время четвертой атаки около 11.00, и лишь после этого около полудня «Ермолов выбил противника с батареи» в центре⁴³⁹. События на флешах сочинитель снабдил определением «главный бой», ни словом не упомянув о защите Семеновского. Последнее обстоятельство стало приобретать характер устойчивой традиции. Все понятия об обороне левого фланга отныне сводились к защите трех укреплений, схватка вокруг которых приобретала в историографии все более грандиозное и решающее для всей битвы значение.

Традиционные ошибки «русской» версии повторил в своей статье С. И. Михеев, добавив к ним еще и собственные⁴⁴⁰. Значение «Шевардинского дела» он определил, на наш взгляд, двусмысленной фразой: «усиленная разведка, выяснившая французам слабость нашего левого крыла»⁴⁴¹. Автор предложил своеобразное разделение битвы на периоды, что не способствовало внесению ясности в хронометрию:

1-й период – от 6.00 до 12.00;

2-й период – две атаки на батарею Раевского: около 10.00 первая атака и около 11.00 вторая атака, которая, по мнению автора, могла бы иметь необратимые последствия, но «случайно в это время здесь проезжал начальник штаба 1-й армии Ермолов»;

3-й период – появление в тылу у неприятеля около 14.00 Уварова и Платова.

Без каких-либо разъяснений Михеев насчитал пять атак на флешу, сообщив, что «во время подготовки четвертой атаки был ранен осколком в бедро князь Багратион», но в следующем абзаце говорилось о том, что военачальник «был ранен в берцовую кость»⁴⁴².

В статье подполковника Оболенева признавался факт частичной перемены расположения войск вследствие «боя за обладание редутом»⁴⁴³. Автор писал: «Шевардинский бой, обнаружив намерение французского военачальника обойти по Старой Смоленской дороге, ведшей прямо в тыл русской армии, заставил нас несколько видоизменить первоначальное расположение войск на позиции»⁴⁴⁴. К числу достоинств статьи следует отнести цитирование «Диспозиции» Наполеона, позволяющей определить задачи, поставленные полководцем перед маршалами⁴⁴⁵. К опи-

⁴⁴⁰ Михеев С. И. Отечественная война 1812–1912. Бородинское сражение. М., 1911.

⁴⁴¹ Там же. С. 25.

⁴⁴² Там же. С. 30.

⁴⁴³ Подполковник Оболенев. Бородинский бой и его памятники. М., 1903. С. 35.

⁴⁴⁴ Там же. С. 38–39.

⁴⁴⁵ Там же. С. 45.

санию хода боя за флешу, кроме традиционных ошибок (время ранения Багратиона и вступления в бой дивизии Фриана), добавились новые «огрехи». Автор решил, что генерал-майор Тучков 4-й из 3-й пехотной дивизии Коновницына был ранен во время второй атаки раньше, чем Воронцов, чья дивизия первой вступила в бой за флешу. В остальном же описание Бородинской битвы целиком совпадало с версией Толя.

Следует признать полезной статью А. В. Нефедовича, посвященную инженерной подготовке Бородинского поля. Хотя автор не сообщил в статье ничего нового, однако он дал определение всем типам укреплений, возведенных на Бородинском поле. Актуальность этой работы заключалась в том, что современники, так же как и историки, зачастую неверно употребляли названия инженерных укреплений. Так, люнет в центре поля очень часто называют редутом, две флешы у деревни Семеновское на самом деле являлись реданами. Историк описал принципы возведения укреплений, обозначив их параметры⁴⁴⁶.

Ни одна из перечисленных выше работ не оказала такого влияния на последующую отечественную историографию, как путеводитель по Бородинскому полю А. Балтийского, содержащий не столько описание достопримечательностей этого места, сколько подробное изложение хода боевых действий в той последовательности и с тем толкованием различных фаз сражения, как они представлялись автору. К изданию были приложены карты и схемы, указывающие направление атак⁴⁴⁷.

Автор разобрал причины и следствия «Шевардинского дела», признав неудачным первоначальное расположение левого крыла. «Начавшийся бой за Шевардинский редут является, таким образом, следствием сдерживания натиска противника», – рассуждал Балтийский⁴⁴⁸. Автор не упомянул о распоряжении Кутузова переместить левый фланг к деревне Семеновское. «Шевардино – не только пролог, но и первый акт Бородинского сражения», – делал вывод автор путеводителя, полагая, что смещение войск 2-й армии произошло вследствие натиска противника⁴⁴⁹. В этом случае Балтийский явно находился под впечатлением романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Ни одному из перечисленных авторов, начиная с Толя, не удалось нагромоздить такого количества ошибок в описании хода битвы, «обогатив» ими отечественную историографическую версию. Именно Бал-

---

⁴⁴⁶ Нефедович А. В. Подготовка Бородинского поля к сражению в инженерном отношении // ИЖ. 1912. № 8. С. 57–77.

⁴⁴⁷ Балтийский А. 1812–1912. Бородино. Путеводитель. Б.м., 1912.

⁴⁴⁸ Там же. С. 12.

⁴⁴⁹ Там же. С. 15.

тийскому принадлежала мысль увеличить число атак на Семеновские (Багратионовы) флеши до восьми. По мнению автора, первую атаку корпуса Даву отразила не 2-я сводно-гренадерская дивизия Воронцова, а 27-я пехотная – Неверовского. Во время третьей атаки, считал автор, дивизия Воронцова выбила из обеих флешей и дивизию Компана, и дивизию Ледрю. Дивизия Фриана вступила в бой за укрепления во время четвертой атаки, но была отбита гренадерами Карла Мекленбургского. Во время пятой атаки на флеши напали кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Нансути, но их контратаковала пехота Коновницына. Когда же неприятелю удалось потеснить 2-ю гренадерскую дивизию, ее вновь сменила 27-я пехотная дивизия Неверовского. К этому времени, по мнению Балтийского, началась вторая атака батареи Раевского. Седьмую атаку на флеши, полагал автор, отбила 4-я пехотная дивизия Евг. Вюртембергского. В этом случае Балтийский ссылался на рапорт Багговута, хотя в нем речь шла о событиях на Старой Смоленской дороге. Если, согласно версии Толя, перед последней атакой три флеши обстреливались 400 орудиями с обеих сторон, то по версии Балтийского только французы сосредоточили на пространстве около полутора верст «700 огнедышащих жерл»⁴⁵⁰. Багратион, по этой версии, получил рану после полудня и даже после отражения второй атаки на батарее Раевского и рейда Уварова и Платова⁴⁵¹.

Путаница в последовательности и продолжительности событий на левом фланге была так велика, что историк А. П. Скугаревский счел нужным заметить в своей работе: «Русские писатели делают попытки определить количество атак французов числом 4–5; один писатель (Геруа) считает 6 атак на флеши, а один даже 8 (А. Балтийский). Французы ограничиваются упоминанием только о 2-х–3-х атаках, не больше»⁴⁵². Историк, использовавший труды Бутурлина, Неелова, Богдановича, Жомини, не обратил внимания, что причиной подобного расхождения является то, что в русской историографии перепутаны события, происходившие на флешах и у деревни Семеновское. Скугаревский высказал недоумение по поводу метода определения времени того или иного события в трудах отечественных историков: «Сведения о выступлении от д. Утицы и о прибытии к флешам дивизии Коновницына в русских сочинениях довольно сбивчивы. Сам Коновницын в своих “Воспоминаниях”... говорит, что он был переведен к Багратиону “весьма рано”. Действительно, когда Понятовский появился против Утицы, дивизии Коновницына уже

⁴⁵⁰ *Балтийский А.* 1812–1912. Бородино. С. 57.

⁴⁵¹ Там же. С. 61.

⁴⁵² *Скугаревский А. П.* Бородино. СПб., 1912. С. 50–51.

там не было; следовательно, она выступила до 8 ч. утра. Между тем, Богданович и за ним другие писатели говорят, что Коновницын подошел к флешам “около 10 часов”. Между Утицами и флешами 1,5 версты. Не мог Коновницын на проход такого расстояния употребить 2-х часов, да еще идя на помощь. Очевидно, он подошел к флешам до 9 ч. утра)⁴⁵³. Заметим, что в цитируемых автором воспоминаниях Коновницына говорилось о том, что генерал застал Багратиона уже раненым. Что мешало Скугаревскому усомниться и в определении времени ранения «второго Главнокомандующего»? Но и этот историк полагал, что Багратион был ранен в полдень, а дивизия Морана «надвинулась на батарею Раевского» в одиннадцатом часу утра⁴⁵⁴.

Среди изданий, вышедших накануне празднования 100-летней годовщины Бородинского сражения, необходимо упомянуть о сочинениях, часто упускаемых из виду в исследованиях историографии темы. Это – полковые истории, написанные, как правило, по поручению начальства офицерами-энтузиастами. К энтузиазму часто примешивалась служебная исполнительность. Авторы полковых историй добросовестно изучали все доступные им труды и источники по теме Бородинской битвы. Кроме того, написание полковых историй имело и прикладной характер: в 1912 г. на поле планировалось установить памятники, отметив места, где сражались воинские соединения в 1812 г. Помимо поиска материальных средств на осуществление этой идеи, полки-потомки должны были определиться в отношении местонахождения полков-предков во время битвы. Авторы полковых историй анализировали документы и сочинения историков с целью выявить участие воинских частей в «грандиозном побоище». Их вклад в историографию Бородина не подлежит сомнению: конкретизация действий отдельного полка на поле брани позволяла внести уточнения и дополнения в описание хода всей битвы. На наш взгляд, в большей степени это удалось авторам историй лейб-гвардии Литовского, Измайловского, Семеновского, лейб-егерского и особенно Финляндского полков. Время и место последнего в битве сложно установить по документам⁴⁵⁵. Капитан С. А. Гулевич убедительно доказал, что полк, в котором он служил спустя столетие, в 1812 г. был отправлен на левый фланг в деревню Семеновское в составе бригады Храповицкого вместе с

---

⁴⁵³ Скугаревский А. П. Бородино. С. 49–50.

⁴⁵⁴ Там же. С. 54.

⁴⁵⁵ История лейб-гвардии Егерского полка. СПб., 1896; Пестриков Н. С. История лейб-гвардии Московского (Литовского) полка. СПб., 1900; Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1906; Аглаимов С. П. Отечественная война 1812 года. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912.

⁴⁵⁶ Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка. С. 216.

литовцами и измайловцами и уже с 9.00 сражался на оконечности левого крыла⁴⁵⁶.

Начало XX столетия открыло новые возможности для изучения Бородинского сражения: исследователи получили широкий доступ к источникам, которые долгие годы находились под спудом. Эти источники не утратили своей актуальности до сегодняшнего дня. 100-летний юбилей «битвы гигантов» сопровождался выходом в свет большого числа статей, посвященных этому событию. Некоторые авторы (А. Н. Витмер, Б. М. Колюбакин, А. В. Геруа, А. П. Скугаревский), преодолев сложившийся в историографии «традиционный набор суждений и образов», существенно расширили привычные представления о событиях при Бородине 22–26 августа. Внимание историков сосредоточилось на действиях Кутузова как главнокомандующего, подвергалась сомнению целесообразность его решения о принятии генерального сражения, раздавались критические замечания по поводу деятельности Главного штаба при Бородине и управления войсками. Дискуссионным явился вопрос о выборе позиции и расположении войск на ней: некоторые историки признали факт первоначального ошибочного размещения левого фланга, следствием чего явилось «Шевардинское дело».

Расширение аспектов изучения битвы позволяло усомниться в правильности основных положений версии Толя. Но у этого же историографического явления была и отрицательная сторона: Кутузов и Толь существовали в историографической версии нераздельно, хотя Толь, приняв на себя роль толкователя намерений главнокомандующего, в ряде случаев противоречил документам. Кроме Геруа, мало кто из специалистов учитывал это обстоятельство. Так, критика в адрес Толя оборачивалась критикой в адрес Кутузова. В описании самой битвы по-прежнему безраздельно господствовала версия Толя, невзирая на негативные отзывы в адрес ее создателя.

В историографии закреплялось ошибочное представление о левом фланге русской позиции как о трех флешах. Главные события боя у Семеновского связывались с обороной этих укреплений. В рамках хронометрической версии Толя, продлившего их защиту до полудня, историки начала XX столетия «насытили» этот отрезок времени новыми событиями, смешав их между собой, а именно: восьмью атаками на флешу, с которыми благополучно «сосуществовали» три атаки на батарею Раевского (первая из них была «сочинена» Богдановичем). Описание боя за деревню Семеновское почти исчезло со страниц исторических трудов;

происходившим там событиям не придавалось особого значения, хотя по документам именно там и решилась судьба битвы.

8. Советская историография Бородинского сражения: идеология, историческая концепция, отношение к историографическому наследию

Революционные события XX в. в России – смена общественного строя, идеологии, пересмотр с марксистских позиций всемирной и отечественной истории – выводили историографию Бородинского сражения в иную плоскость и на иной уровень. События и явления прошлого, включая и Отечественную войну 1812 г., и битву при Бородине, подлежали осмыслению с точки зрения теории общественно-экономических формаций и классовой борьбы; с конца 1930-х гг. эту точку зрения пришлось совмещать еще и с историко-патриотическим взглядом. В этой новой реальности не сразу нашлось место Бородинскому сражению как объекту изучения в свете новой методологии, а когда это место все же определилось, то выяснилось, что проблематика темы претерпела сильные изменения.

Достоверность источников, даже факт их наличия, были неактуальны в первые два десятилетия советской власти, что проявилось в трудах М. Н. Покровского, еще до революции эпатировавшего научную общественность «классовым» подходом к событиям Отечественной войны 1812 г.⁴⁵⁷ Само слово «отечественная» применительно к войне 1812 г. ученый считал недопустимым и подчеркнуто заключал его в кавычки, доказывая, что война эта велась исключительно в интересах русских дворян во главе с царем, явившихся главными зачинщиками конфликта с буржуазной Францией. Проблемы выбора позиции, хода битвы – все это не интересовало Покровского, уверенного в том, что «помещики-крепостники» с их классовой ограниченностью вряд ли могли избрать пристойную позицию и добиться успеха на ней. Поэтому и Кутузов при Бородине «достиг только того, что не был разбит наголову»⁴⁵⁸. Так все свершения царской армии на ближайшие двадцать лет превратились в «наследие проклятого прошлого». Именно эти слова были выбиты в начале 1930-х гг. на стене Спасо-Бородинского монастыря, возведенного на Семеновских флешах. Тогда же был взорван главный монумент на батарее Раевского и осквернена могила П. И. Багратиона. Странно было

---

⁴⁵⁷ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Изд. 3-е. М., 1920.

⁴⁵⁸ Он же. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 55.

бы ожидать, что в этот период кто-либо начал серьезно изучать проблемы, связанные с Бородинской битвой.

Правда, с несколько иных позиций были написаны работы о Бородине военными специалистами, перешедшими на службу в Красную армию и преподававшими военные науки комсоставу в военно-учебных заведениях Советской России. Их усилия были направлены в основном на популяризацию военных знаний и опыта, что не исключало критического настроя. Так, А. И. Верховский критиковал деятельность Главного штаба при Бородине, повторив миф о «забытом» артиллерийском резерве у Псарева, численность которого он довел с 200 до 300 орудий⁴⁵⁹. А. А. Свечин являлся автором книги о К. Клаузевице (высоко ценимом Марксом, Энгельсом, Лениным), в которой он подчеркнул высокие оценки немецким генералом боевого духа русского солдата⁴⁶⁰.

К концу 1930-х гг. Европа вновь оказалась на пороге мировой войны, когда стало очевидным, что «пролетарии всех стран» вряд ли соединятся в ближайшем будущем. В этой ситуации славное военное прошлое России приобретало значение могучего морального фактора. 125-летие Отечественной войны (пришедшее на время после Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и на разгар работы над советскими учебниками истории) продемонстрировало рост интереса к военным событиям «народной эпопеи», включая Бородинское сражение. Преподаватель кафедры истории военного искусства Военной академии им. М. В. Фрунзе комбриг М. С. Свечников посвятил событиям при Бородине значительную часть своей монографии. «Русская армия дала противнику сильный отпор и непобежденная отошла через Москву в направлении своих источников пополнения», — писал автор, считавший Бородино поворотным пунктом войны 1812 г.⁴⁶¹ Свечников чрезвычайно высоко оценивал роль Кутузова при Бородине, хотя и полагал, что сражение «явилось вынужденным, и Кутузов дал его больше в силу политических, нежели стратегических причин»⁴⁶². В эти же годы появился ряд статей, посвященных «битве гигантов», не содержавших, однако, ничего нового в эволюции «русской» версии, кроме переоценки фактов с точки зрения идеологии⁴⁶³.

---

⁴⁵⁹ *Верховский А. И.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922. С. 170.

⁴⁶⁰ *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М.—Л., 1927. С. 335.

⁴⁶¹ *Свечников М. С.* Война 1812 года: Бородино. М., 1937. С. 94.

⁴⁶² Там же. С. 108.

⁴⁶³ *Предтеченский А.* Бородинский бой и русское общественное мнение // УЗ ЛГУ. Серия ист. наук. Вып. 1. № 19. Л., 1938.

Следующая дата, существенно повлиявшая на становление «советской» версии Бородинского сражения, – 125-летие со дня смерти М. И. Кутузова. «Эти знаменательные и глубоко символические для всех советских людей годовщины были широко отмечены общественностью нашей страны», – писал о советской науке той поры Б. С. Абалихин⁴⁶⁴. В это время вышла в свет монография Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год», где содержались ссылки на труды дореволюционных историков и иностранные источники и литературу, что по тем временам было смелым шагом. Бородинскому сражению в книге было отведено всего несколько абзацев. Тарле полагал, что Кутузов смотрел на эту битву как на «неизбежное зло», при этом ученый признавал за русским полководцем «громадный стратегический талант»⁴⁶⁵. Профессор Академии Генштаба РККА комбриг Н. А. Левицкий в книге, посвященной полководческому искусству Наполеона, утверждал, что при Бородине великий полководец не проявил присущей ему предприимчивости, предпочитая маневру фронтальные атаки⁴⁶⁶. Тема Бородинского сражения нашла отражение в работе С. Б. Окуня, содержавшей разъяснения по поводу «двойственной оценки результатов битвы»⁴⁶⁷.

Сражению при Бородине были посвящены статьи, появившиеся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Главная их тема – стратегия и тактика Кутузова, которые всегда признавались безукоризненными почти без ссылок на источники и без намеков на дискуссию. Если ссылки и наличествовали, то обнаруживалось, что специалисты допускали произвольное толкование источников. Б. Кац, например, считал, что Бородинская битва была не только нравственной («моральной»), но и вообще полной победой русских войск «над лучшей армией Европы»⁴⁶⁸. Н. Г. Павленко полагал, что Бородино являлось стратегической победой русских войск⁴⁶⁹. Такое же суждение высказал М. Г. Брагин, а Б. Соколов утверждал, что Бородино – это не только стратегическая, но и тактическая победа русской армии⁴⁷⁰. В это же время была опубликована

---

⁴⁶⁴ Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987 гг. М., 1990. С. 83.

⁴⁶⁵ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. М., 1937. С. 118.

⁴⁶⁶ Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 205.

⁴⁶⁷ Окунь С. Б. История СССР: годы 1796–1856: курс лекций. Л., 1939. С. 193–194.

⁴⁶⁸ Кац Б. О замысле Наполеона в Бородинском сражении // ИЖ. 1941. № 3. С. 114.

⁴⁶⁹ Павленко Н. Г. Некоторые вопросы Бородинского сражения, 1812 г. // ВИЖ. 1941. № 5. С. 45.

⁴⁷⁰ Брагин М. Г. Разгром Наполеона русской армией // ВИЖ. 1941. № 6–7; Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения // ИЖ. 1943. № 2. С. 71.

⁴⁷¹ Нечкина М. В. Стратегическое и тактическое значение Бородинского сражения // ИЖ. 1943. № 1.

статья о Бородинском сражении М. В. Нечкиной, где стратегия и тактика Кутузова при Бородине также получили наивысшую оценку⁴⁷¹. Оптимистические выводы советских историков, навеянные идеологической и патриотической направленностью работ, не подтверждались документально. Эти статьи отражали общественное настроение, не имея ничего общего с научным подходом к изучению проблем.

1943–1945 годы включали в себя сразу две памятные даты – 125-летие со дня смерти М. И. Кутузова и 200-летие со дня его рождения, совпавшее с окончанием Великой Отечественной войны. Обе годовщины сопровождалась безмерной идеализацией образа полководца. «Авторы изображали его надклассовым феноменом, который якобы отражал настроения и интересы русского крестьянства»⁴⁷². Невиданный рост популярности военачальника отражен в названиях публикаций, появившихся в год празднования 200-летнего юбилея М. И. Кутузова, превратившегося во всенародное торжество: «Кутузов – стратег», «Артиллерия в эпоху Кутузова», «Кутузов и военно-инженерное дело», «Кутузов и русская армия» и т.д. В рамках чествования полководца были переизданы материалы, «ставшие библиографической редкостью», то есть документы, письма, воспоминания, опубликованные еще до революции⁴⁷³.

На этом почитание памяти полководца не закончилось. 30 января 1946 г. военный историк профессор Е. А. Разин обратился к И. В. Сталину с письмом, касающимся оценки сочинений Клаузевица, почитавшихся В. И. Лениным, но содержащих негативную оценку действий Кутузова, в том числе в Бородинском сражении. 23 февраля 1947 г. в № 2 журнала «Большевик» появился ответ Сталина, позволившего себе критику в адрес Энгельса, высоко оценившего Баркляя де Толли в противовес Кутузову (статья о Барклае была написана не одним Энгельсом, но в соавторстве с Марксом). О Кутузове Сталин заявил: «Полководец был бесспорно двумя головами выше Баркляя де Толли».

Всемерное возвеличивание русского полководца не имело ничего общего с научной оценкой его заслуг. «Его образ в свете очевидных исторических аналогий более всего подходил советскому генералиссимусу для возвеличивания собственной роли освободителя Отечества от иноземных захватчиков. Тоталитарная система управления государством и культ личности способствовали внедрению этой идеи в общественное сознание в гипертрофированных формах», – оценивает создавшуюся

---

⁴⁷² Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 90.

⁴⁷³ Фельдмаршал Кутузов: сборник документов и материалов. М., 1945; М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954–1956. Т. 1–5.

⁴⁷⁴ Шейн И. А. 1812 год в военной историографии... С. 109.

вокруг имени Кутузова ситуацию современный исследователь⁴⁷⁴. Стоит ли говорить о том, какой вред для исследования полководческой деятельности Кутузова, в том числе при Бородине, имели партийно-правительственные установки, в свете которых положительные отзывы в адрес военачальника до сих пор воспринимаются отдельными историками как «пережиток эпохи культа личности». Высказывание Сталина имело и другие последствия, о которых говорится в работе советских исследователей: «Негативное влияние на историографию оказало противопоставление Кутузова Барклаю де Толли»⁴⁷⁵. С точки зрения Б. С. Абалихина и В. А. Дунаевского, Сталин принизил достоинство Барклая де Толли. С нашей точки зрения, вред отечественной историографии, современной в том числе, был нанесен акцентированием внимания на самой антитезе «Кутузов–Барклай», оказавшейся тесно связанной с политической конъюнктурой. Не надо быть особенно проницательным, чтобы понять, в каком направлении двинется историческая мысль в отношении Кутузова после развенчания культа личности Сталина. Кутузов до сих пор подвергается ожесточенной критике, а его защитники слынут сталинистами. Дело здесь не столько в исторической объективности, сколько в политической детерминированности этой проблемы.

Последствия пресловутого ответа на письмо Разина наблюдаются в нашей историографии по сей день, сказываясь на изучении проблем Бородинского сражения, тесно связанных с взаимоотношениями Кутузова и Барклая. А. Г. Тартаковский, на наш взгляд, точно подметил определенную цикличность историографического явления: в годы демократизации, «оттепели», «перестройки» историки поднимают на щит Барклая де Толли, безоглядно доверяясь эпистолярному наследию полководца, воспетого Пушкиным. Ученый отмечал факт общественного признания Барклая с явным удовлетворением. На наш взгляд, в этом явлении нет ничего положительного: культ Барклая, так же как и культ Кутузова, отражает настроения общества, а не уровень развития исторической науки, которая в данном случае оказывается чересчур тесно связанной с политикой.

Указание Сталина содержало и еще одну особенность, оно, как отмечал Б. С. Абалихин, «нацеливало исследователей на изучение только второго этапа войны, причем, преимущественно, на область военного искусства»⁴⁷⁶. Начиная с конца 1950-х – начала 1960-х гг. внимание историков вновь обратилось к начальному периоду войны, и в частности к

---

⁴⁷⁵ Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 104.

⁴⁷⁶ Там же.

Бородинскому сражению. В эти годы появился ряд работ, позволяющих говорить о дальнейшем развитии отечественной версии. В поле зрения исследователей вновь попали дореволюционные исторические и историографические источники. Авторы использовали их в своих трудах, стремясь постигнуть степень изученности отдельных проблем Бородинского сражения. Идеологические ограничения, безусловно, сказывались на результатах их исследований. В частности, специалисты принципиально отвергали всю критическую информацию, содержащуюся в иностранных источниках и литературе.

Как ни странно, обе версии Бородинского сражения, созданные Толем, чувствовали себя весьма комфортно. В 1962 г. был издан сборник, посвященный Бородинскому сражению, включивший в себя официальную переписку, рапорты, наградные списки, ведомости о потерях, воспоминания участников сражения, включая тех, кто скептически относился к Кутузову. В издании соседствовали сразу два «Описания битвы при селе Бородине», составленные Толем: первое, написанное от лица Кутузова и атрибутированное как черновик рапорта главнокомандующего, и второе, содержащее перепечатку статьи из «Отечественных записок». «Рапорт Кутузова», трижды перепечатанный в различных изданиях, окончательно приобрел статус основного источника, благодаря комментарию⁴⁷⁷. Историки отмечали роль Толя в создании так называемого рапорта, не замечая, что созданные им документы существенно различаются между собой в хронометрической версии Бородинского сражения. В невнимании к источникам не было ничего удивительного, ибо за период существования советской историографии не предпринималось попыток внести что-либо новое в исследование хода битвы. По-видимому, этот вопрос представлялся специалистам изученным, и степень их доверия к дореволюционным историкам в этом случае была абсолютной.

Значительное внимание Бородинскому сражению уделялось в работе Е. В. Тарле⁴⁷⁸. Ученый высоко оценил роль Кутузова, очевидно, памятуя о травле и гонениях, обрушившихся на него самого в 1951 г. В работе говорилось: «Бородинское сражение является не единственным подвигом Кутузова как стратега и тактика, а лишь одним, правда, имевшим исключительное, мировое значение»⁴⁷⁹. Деятельность Кутузова накануне и в ходе битвы представлялась ученым как нечто исполинское: «Кутузов в сопровождении большой свиты осматривал позиции русских и фран-

---

⁴⁷⁷ Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1962.

⁴⁷⁸ Тарле Е. В. Бородино. М., 1962.

⁴⁷⁹ Там же. С. 8.

⁴⁸⁰ Там же. С. 9.

цузских (!) войск и распоряжался укреплением Шевардина и отдачей приказов о сражении у созданного Шевардинского редута»⁴⁸⁰. Тарле сообщал, что накануне битвы «у Кутузова оказался резерв... который был им выделен из его собственной армии, и был не меньше, если не больше, резервов Наполеона, считая даже с гвардией»⁴⁸¹. Современному историку представляется затруднительным и даже бесполезным комментировать суждения замечательного ученого, так же как и его интерпретацию событий на левом фланге: «Но Кутузовское руководство боем было таково, что после восьми одна за другой атак (а иные и по две одновременно) на Багратионовы флеши, для французов уже речи быть не могло ни о каких обходах с юга»⁴⁸².

Миф о восьми атаках и длительной обороне флешей под руководством Кутузова и его будто бы ученика Багратиона прочнее и прочнее закреплялся в советской историографии. Свидетельством тому являлась работа Л. Г. Бескровного, где оценки событий отличались большей сдержанностью и объективностью. В историографии этого периода, в том числе в работе Бескровного, проявилось в целом негативное отношение к Толю как к человеку, посягнувшему на авторитет Кутузова. Мысль о том, что великий полководец допускал «разделять свои труды» некоего Толя, выглядела в глазах советских исследователей кощунственно. Любимому ученику Кутузова отводилась роль заурядного исполнителя воли главнокомандующего. В работе содержалось подробное описание Бородинской позиции, явно заимствованное у Михайловского-Данилевского и Богдановича. Бескровный полагал, что при Бородине Кутузов намеревался «нанести наступающей группировке противника решающий удар, лишить врага стратегической инициативы» и отстоять Москву⁴⁸³ (несомненный перенос терминологии и оценок событий осени 1941 г. на иную ситуацию 1812 г.). Упоминание неведомого мощного резерва было столь характерно для советских историков, что становилось неясно, почему Кутузов при таких благоприятных условиях отступил с поля боя. Ученый полагал, что все укрепления на Бородинском поле возводились по ночам и их наличие явилось неожиданностью для Наполеона. Значение «Шевардинского дела» объяснялось как предотвращение «преждевременного выхода французов на основную позицию» без указания, на какую именно и в чем заключалась преждевременность. Хронометрия боевых действий 26 августа воспроизводилась по Толю, Бутурлину и Михайловскому-Данилевскому. Бескровный не обратил внимания на различие в двух версиях Толя и впал

---

⁴⁸¹ Тарле Е. В. Бородино. С. 13.

⁴⁸² Там же. С. 19.

⁴⁸³ Бескровный Л. Г. Бородинское сражение. М., 1962. С. 32.

в противоречие с самим собой, описывая бой за флешу. Сначала он сообщил, что в 9.30 на флешу обрушилась четвертая атака и «больше того, дивизия Фриана ворвалась в Семеновское», но двумя абзацами ниже историк, по-видимому, изменил мнение и поведал о том, как Наполеон «послал Нею для подкрепления дивизию Фриана, которая двинулась с места только в 11 часов»⁴⁸⁴. Нет смысла перечислять все ошибки, допущенные автором в описании Бородинского сражения. Вывод: последовательность событий и их временные рамки становились все более запутанными.

К 150-летию Бородинского сражения появились содержательные статьи в сборнике «1812 год». Л. П. Богданов подробно рассмотрел размещение русских войск на Бородинской позиции, отметив, что расположение левого крыла недостаточно изучено⁴⁸⁵. Автор категорически отверг версию о том, что позиция у Шевардина являлась крайним левым флангом, согласившись с версией Толя, что Шевардинский редут был передовым опорным пунктом русской позиции.

Статья А. П. Ларионова, посвященная русской артиллерии в Бородинском сражении, одновременно затрагивала проблему укрепления позиции у деревни Семеновское. О силе обороны на этом участке фронта позволяют судить заключения, сделанные Ларионовым на основании обобщенных данных из «Описания сражения» Толя, дневника Сен-При, рапорта Левенштерна. Автор статьи пришел к выводу, что, вопреки сведениям Толя, в резерве «к концу дня 25 августа в Псаревском лесу не оставалось ни одного орудия», на направлении же главного удара противника «на левом фланге позиции М. И. Кутузовым было сосредоточено 396 орудий»⁴⁸⁶. Автор не только использовал труды предшественников, но и работал в архивах, где им были обнаружены документы, позволившие опровергнуть версию о том, что половина артиллерийских орудий не была задействована в сражении⁴⁸⁷. Он подробно расписал размещение артиллерийских бригад и даже рот на позиции 26 августа. Описанию инженерных укреплений на Бородинском поле была посвящена статья Л. П. Богданова и Н. Г. Свиридова⁴⁸⁸. Вышеназванные авторы являлись сотрудниками Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, чем объясняется

⁴⁸⁴ Бескровный Л. Г. Бородинское сражение. С. 55.

⁴⁸⁵ Богданов Л. П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 97–115.

⁴⁸⁶ Там же. С. 131.

⁴⁸⁷ Ларионов А. П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // Там же. С. 116–133.

⁴⁸⁸ Богданов Л. П., Свиридов Н. Г. Багратионовы флешу и батарея Раевского // Там же. С. 290–295.

⁴⁸⁹ Лотман Ю. М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // Там же. С. 215–232.

не только научное, но и практическое содержание их статей. В этом же сборнике была опубликована статья Ю. М. Лотмана, где впервые комментировались сведения «Официальных известий»⁴⁸⁹. Этому же документу посвящена статья А. Г. Тартаковского о военной публицистике 1812 года⁴⁹⁰.

Критической направленностью выделялась статья А. Н. Кочеткова⁴⁹¹. Сославшись на сочинение Н. А. Окунева, автор подверг критике некоторые распоряжения Кутузова, указав на ошибочное, с его точки зрения, расположение войск на Бородинской позиции, приведшее к нерешительному результату сражения. Кочетков опроверг сведения о наличии мощных резервных группировок, размещенных Кутузовым на флангах, высказал сомнение в успехе кавалерийского рейда Уварова и Платова. Автор выразил по этим вопросам несогласие с работами Л. Г. Бескровного и Л. П. Богданова. Основным источником, позволявшим развить критические положения, служили сочинения М. Б. Баркляя де Толли, которому автор посвятил специальную работу⁴⁹².

В 1974 г. в Москве вышло в свет второе издание монографии П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России»⁴⁹³, подтвердившее, что в оценке событий Отечественной войны 1812 г. «старая гвардия» не намерена сдавать своих позиций, невзирая на критический тон отдельных работ. Жилин выразил уверенность, что Кутузов ставил перед собою цель обескровить противника в генеральном сражении при Бородине и не допустить его к Москве. Думается, что в концепции автора проявились исторические аналогии с обороной Москвы в 1941–1942 гг. Это видно уже из фразы историка: «С самого начала Наполеон готовился овладеть Москвой»⁴⁹⁴. В русле устоявшейся традиции автор безоговорочно положительно оценивал личность Кутузова и его деятельность при Бородине. По словам Жилина, само назначение Кутузова главнокомандующим состоялось «по требованию народа». В это замечание историк вкладывал конкретное, в духе времени, содержание. В годы перестройки историки обрушились с критикой на этот сомнительный тезис, также истолковывая его буквально. Они доказывали, что народное волеизъявление – это идеологический вымысел. Это утверждение бесспорно, но нам представляется, что проблема в данном случае надуманная: перед

---

⁴⁹⁰ Тартаковский А. Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года // 1812 г. К 150-летию Отечественной войны. С. 233–254.

⁴⁹¹ Кочетков А. Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // ВИЖ. 1963. № 12. С. 13–21.

⁴⁹² Он же. М. Б. Барклай де Толли. М., 1970. С. 57–63.

⁴⁹³ Первое издание вышло в 1973 г. и содержало ошибки и неточности, которые автор считал нужным устранить при переиздании.

⁴⁹⁴ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е. М., 1974. С. 90.

специалистами возникает цель, заключающаяся не в разоблачении мифа советской историографии, являющегося самоочевидной банальностью, а в подробном разъяснении ситуации, в которой состоялось это назначение. Объективной реальностью следует признать, что главнокомандующие регулярной армией в принципе не назначаются «по народному требованию».

При Бородине, по мнению Жилина, Кутузов отличался редкой прозорливостью. Спорные вопросы, возникающие в отношении деятельности главнокомандующего, обходились молчаливым. «Шевардинское дело» историк считал «завязкой сражения» за деревню, «где имелись важные господствующие высоты»⁴⁹⁵. Он полагал: «Бой за Шевардинский редут дал возможность русским выиграть время для завершения оборонительных работ на основной позиции, позволил более точно определить группировку сил противника, направление его главного удара»⁴⁹⁶. Это утверждение нуждалось в комментарии: почему при наличии определенных данных о противнике Кутузов счел нужным расположить войска вопреки полученным сведениям. Автор писал: «Главные события развернулись на левом крыле русской армии, в районе Багратионовых флешей. Ожесточенные бои здесь продолжались более шести часов, в течение которых противник предпринял восемь атак»⁴⁹⁷. Ученый придавал решающее значение именно Семеновским флешам, отождествив их со всей позицией левого крыла. Характерным для этой версии является упоминание о восьми атаках на флешу, заимствованное из «Путеводителя» Балтийского, не упомянутого, однако, в списке использованной литературы. Хронометрическая версия сражения была явно заимствована у Толя. Автор «пересмотрел» замысел Наполеона в сражении, полагая, что, «не добившись успеха в районе Багратионовых флешей, Наполеон, сосредоточив крупные силы, начал атаку центрального опорного пункта русских – Курганной высоты»⁴⁹⁸. По мнению историка, Наполеон сосредоточил в центре значительные силы до овладения флешами. Батарею Раевского, по убеждению Жилина, в это время оборонял не 7-й пехотный корпус Раевского, а «войска генерала Дохтурова». Об обороне деревни Семеновское, решившей судьбу сражения на левом фланге и всей битвы в целом, говорилось кратко: «Попытка прорвать боевой порядок русских на этой позиции успеха не имела»⁴⁹⁹. Таким образом, значительный отрезок событий Бородинского сражения

---

⁴⁹⁵ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. С. 150.

⁴⁹⁶ Там же. С. 151.

⁴⁹⁷ Там же. С. 153.

⁴⁹⁸ Там же. С. 155.

⁴⁹⁹ Там же. С. 157.

вообще исчез из описания. Достоинством работы Жилина явилось то, что он убедительно опроверг точку зрения Бескровного на Бородинскую битву как на переломный момент в войне. Монографии Жилина, имевшей установочный характер в советской историографии 1970-х гг., придавалось особое значение специалистами, изучающими тему Отечественной войны 1812 г. Высказанные ученым суждения по ряду проблем противостояния России и наполеоновской Франции имели статус непререкаемой истины. Вероятно, по этой причине эта работа до сих пор подвергается усиленной критике, что представляется не совсем справедливым. Идеологические передежки, выразившиеся в мифологизации событий и отдельных личностей, конкретные ошибки содержались в работах и других советских авторов, но работа Жилина, очевидно, знаменовала собой заключительный этап достижений советской историографии, и именно поэтому, думается, она и вызвала огонь критики постсоветских историков.

На рубеже двух периодов отечественной историографии особо должна быть выделена монография А. Г. Тартаковского, посвященная отражению событий 1812 г. в русской мемуаристике⁵⁰⁰. Автором был проведен тщательный историко-типологический анализ русских мемуаров. Тартаковский особо отметил значение мемуарных источников в изучении эпохи 1812 г. Им были проведены интересные текстологические изыскания, осуществлена периодизация русской мемуаристики с учетом ее динамики с 1812 по 1916 г. В духе времени автор преувеличивал влияние идейных течений русской общественно-политической мысли на появление мемуарных источников и их содержание. В монографии Б. С. Абалихина и В. А. Дунаевского указывалось на спорные вопросы в исследовании Тартаковского, к числу которых авторы относили «расширительное толкование изданий, относимых автором к жанру мемуаров»⁵⁰¹. Авторы не согласились с правомерностью введения в источниковедение такого понятия, как «Мемуары в форме деловых документов служебного назначения», и причисления к нему «Изображения» Баркляя де Толли. Тартаковский вел активный поиск неизвестных ранее источников об Отечественной войне 1812 г. Им были подготовлены к публикации дневники и воспоминания участников битвы при Бородине⁵⁰².

В год празднования 175-летия Бородинского сражения был издан труд коллектива авторов «Бородино» (М., 1987) под редакцией П. А. Жилина, содержащий подробное описание событий, предшествовавших битве, и поэтапное описание самой битвы. Ни красочное художественное оформ-

⁵⁰⁰ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

⁵⁰¹ Абалихин В. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 184.

⁵⁰² 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

ление, ни обширность текстов, акцентирующих внимание на значимости этого события в истории Отечественной войны 1812 г., не могли скрыть несостоятельности исследовательской мысли, обозначившейся в полной мере в этом парадном издании. Неоднозначные свидетельства источников, «разномыслие» дореволюционных историков были полностью исключены из концепции авторов, преследовавшей единственную цель – представить в выгодном свете все замыслы и распоряжения командования в лице Кутузова и их безукоризненное исполнение в битве русскими войсками, следствием чего явилась несомненная победа русской армии. Канва событий, заимствованная у Толя, теперь «отягощалась» множеством фактических ошибок, доказывающих, как далеко разошлись между собой наука и идеология. На этом этапе эволюции русская версия оказалась в тупике, представляя собой сочинение на заданную тему с использованием определенного набора фактов и выводов.

Значительным событием в отечественной историографии стала монография Н. А. Троицкого, в которой исследователь подверг острой критике ряд концептуальных положений советской историографии об Отечественной войне 1812 г., в том числе касающихся битвы при Бородине⁵⁰³. Работа носила остро полемический характер и была направлена прежде всего против идеологических измышлений «историков-сталинистов», пренебрегавших трудами классиков марксизма-ленинизма. Насущные задачи отечественной историографии представлялись ученому так: «Классики марксизма-ленинизма оставили нам ряд конкретных работ и основополагающих высказываний о войне 1812 г. – ее происхождении, характере, событиях и людях, итогах, последствиях и значении. Не все наши военные историки освоили это богатейшее наследие. Иные из них приписывают совместную работу К. Маркса и Ф. Энгельса о Барклае де Толли одному Энгельсу, а статью Энгельса “Бородино”... – Марксу»⁵⁰⁴. В качестве положительного примера Н. А. Троицкий указал на Покровского, «который талантливо разоблачал предвзятость дворянских и буржуазных схем», но и этот историк, по мнению исследователя, не смог избежать досадных ошибок: он «оправдывал агрессию Наполеона как спровоцированный “акт необходимой обороны” и отрицал народный характер войны со стороны России»⁵⁰⁵. Ученый продолжил свою мысль: «Советские исследователи – авторы монографий о войне 1812 г. – рассматривали тему, как правило, под специальным военно-историческим углом зрения, с акцентом на таких вопросах, как вооружение сторон, их

⁵⁰³ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

⁵⁰⁴ Там же. С. 5.

⁵⁰⁵ Там же. С. 6.

стратегия и тактика, оперативное искусство, и с меньшим, явно недостаточным вниманием к вопросам классовой борьбы, внутренней политики, идеологии, культуры, личных судеб»⁵⁰⁶. Несмотря на широкое привлечение зарубежных и дореволюционных отечественных источников и литературы, автор сам ограничил себя в возможности их использования, выдвинув жесткую идеологическую схему. «Досталось» в свете новых требований Кутузову, «помещику-крепостнику», участвовавшему в подавлении народных восстаний, о чем умалчивали «историки-сталинисты». «Наиболее гармоничной книгой», по мнению Троицкого, является книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (1937). Автор решил осветить основные проблемы 1812 г. «на более широкой по сравнению с 1937 годом историографической и документальной основе»⁵⁰⁷.

За точку отсчета в отечественной историографии Троицкий избрал 1937 г., хотя многие ценные положения по теме исследования были высказаны дореволюционными историками, добившимися значительных успехов в исследовании Бородинского сражения. На новом историографическом витке им снова грозила опасность оказаться по классовым соображениям вне поля зрения исследователей. Однако в самой работе Троицкий отошел от установленных им ограничений, что проявилось и в оценке событий Бородинского сражения. Сопоставив сведения отечественных и иностранных источников, автор подробно описал особенности Бородинской позиции, остановившись на исследовании ее сильных и слабых сторон. Несмотря на предвзятость по отношению к Кутузову, ученый постарался вникнуть в суть замысла русского полководца. Он внимательно рассмотрел дискуссионный вопрос о численности обеих армий в Бородинской битве, сославшись на многочисленные источники. Особое внимание Троицкий уделил рейду Уварова и Платова, показав противоречивость оценок боевой операции участниками сражения. По справедливому мнению современного исследователя, «свои замечания Н. А. Троицкий тщательно аргументировал. Поэтому его нелицеприятные для авторов перечисленных книг выводы в должной мере объективны при определении места и роли названных трудов в развитии изучаемой проблемы»⁵⁰⁸.

В описании хода Бородинской битвы Троицкий традиционно придерживался версии Толя, так же как и критикуемый им Жилин. Хотя в сочинении Троицкого содержится немало спорных утверждений, фактических неточностей, наличествует «субъективизм отдельных логических

---

⁵⁰⁶ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 12.

⁵⁰⁷ Там же. С. 12.

⁵⁰⁸ Шенин И. А. 1812 год в военной историографии... С. 158.

построений... и некоторая зависимость от идеологических схем» советского периода, эту книгу следует признать этапным исследованием в отечественной историографии. Заслуживает восхищения смелость ученого, не побоявшегося первым открыть широкую полемику по теме 1812 года, в ходе которой он и сам неоднократно подвергается критике. Нам представляется обоснованным мнение о монографии: «“1812. Великий год России”, несомненно, знаменовал собой новый шаг в сторону возрождения прогрессивной традиции взвешенного и объективного отношения к этой исследовательской проблеме»⁵⁰⁹. Без работы Н. А. Троицкого не было бы нового поколения отечественных историков, заново обратившихся к исследованию Бородинского сражения.

Закономерным явлением начала перестройки явилась работа, посвященная историографии Отечественной войны 1812 г. советского периода, Б. С. Абалихина и В. А. Дунаевского⁵¹⁰, рассмотревших целый спектр проблем, связанных с Бородинским сражением. Отказавшись от стереотипов советского мышления, исследователи признали преувеличенной идеализацию личности Кутузова. С другой стороны, авторы высказали, на наш взгляд, справедливое опасение, что неправомерно огульно отрицать наличие полководческих дарований прославленного военачальника, основываясь лишь на негативных отзывах источников. К числу малоизученных проблем Бородинского сражения в монографии были отнесены избрание позиции, размещение войск на ней, их передвижение в ходе битвы. Ученые обратили внимание на противоречивую оценку в исторических и историографических источниках кавалерийского рейда Уварова и Платова, вступив в полемику по этому вопросу с Троицким. По мнению Абалихина и Дунаевского, исследователю из Самары не хватило объективности, и он безосновательно принизил значение этого рейда. К числу дискуссионных вопросов в книге отнесены проблемы соотношения численности и потерь русской и французской армии, признан недостаточно изученным вопрос об итогах сражения.

Советская историография Бородинского сражения претерпела простую судьбу – от полного отрицания значимости этого события как «наследия проклятого прошлого» до ревностного стремления историков во что бы то ни стало «приукрасить боевую славу русского оружия, даже если она и без того сияет достаточно ярко»⁵¹¹. В какую бы крайность в эти годы ни впадала историческая мысль, связанная с изучением событий Дня Бородина, она постоянно оказывалась в тисках строгой идеологиче-

---

⁵⁰⁹ Шейн И. А. 1812 год в военной историографии. С. 166.

⁵¹⁰ Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений...

⁵¹¹ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. С. 4.

ской заданности. Патриотические стереотипы исключали возможность научных дискуссий, широкого использования источников, как с русской, так и с французской стороны. Последние фактически находились «под сукном», за исключением тех случаев, когда цитировались общие места, истолковываемые всегда «во славу русского оружия». По этой же причине советские авторы вынуждены были относиться с предубеждением к исследованиям дореволюционных отечественных авторов. Это неприятие подчас доходило до курьеза: из трудов дореволюционных историков на страницы советских изданий целиком попадали обширные фрагменты их описаний без указания авторства. По-видимому, прибегавшие к такому способу «цитирования» специалисты были уверены, что эти сочинения уже никогда не станут достоянием широкого читателя.

В эти годы возникло сильно идеализированное представление о Кутузове как о «надклассовом феномене», «народном полководце» и «непогрешимом гении», что явно затрудняло работу исследователей, не способствуя критическому настрою. Причины, заставившие полководца решиться на Бородинское сражение, его планы и распоряжения в ходе битвы, действия русских войск – все это превратилось в набор штампов. Утверждения советских ученых подчас противоречили друг другу. Так, специалисты признавали численное превосходство французских войск при Бородине, в то же время «обнаруживая» у Кутузова значительные резервы, которые полководец якобы сохранил до конца битвы, но не пожелал ввести их в бой из стратегических соображений.

Наиболее приемлемой в этих условиях версией при описании событий при Бородине, как ни странно, оказалось первое сочинение Толя, составленное им от лица Кутузова. Именно в советский период этот источник был переатрибутирован в черновик рапорта, который до последнего времени специалисты называют просто рапортом или реляцией Кутузова, не вникая в историю происхождения документа. Документ сомнительного происхождения получил в отечественной историографии статус источника № 1. При создании хронометрической картины битвы специалисты, не вдаваясь в анализ событий, объединяли оба варианта «Описаний» Толя. В результате этого последовательность событий оказалась изложенной как во второй версии (1822 г.), то есть сначала следовала атака на батарею Раевского в 9.00, а потом ранение Багратиона в полдень. Место же ранения Багратиона указывалось по первой версии (1813 г.?) – при обороне Семеновских флешей, которые в советское время стали называть Багратионовыми. Последнее обстоятельство отражало прежнюю традицию, проявлявшую себя в преувеличении значения боя за флеш и недооценке боя за деревню Семеновское. В советское время эта особенность отече-

ственной версии получила дальнейшее развитие в трудах Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина: понятие о позиции левого крыла окончательно сузилось до трех укреплений. По мнению советских историков, Багратионовы флеши – это и был левый фланг. Неточность в этом случае переросла в невежество. В этой ситуации бой за Семеновское почти исчез из исторических описаний: его связывали с действиями гвардии, отразившей три атаки неприятельской кавалерии без уточнения, в котором часу, где и какой именно кавалерии. Так как «выпал» сам сюжет о бое за деревню Семеновское, то и место ранения Багратиона переместилось на флеши, как это было в первой версии Толя (так называемый Рапорт Кутузова). В советской историографии продолжало существовать мнение о трех атаках на батарею Раевского, ведущее свое начало от Богдановича. Особым успехом пользовались сведения из «Путеводителя» А. Балтийского о восьми атаках на Багратионовы флеши, длившихся в течение шести часов. Сомнения в победе русского оружия и признание заслуг неприятеля являлись, по словам А. П. Жилина, «грубой фальсификацией буржуазных историков».

Жесткие идеологические установки нацеливали ученых на исследование отдельных проблем, где им удалось достигнуть определенных успехов. В качестве примера можно привести работы А. Г. Тартаковского, Ю. М. Лотмана, А. П. Ларионова, Л. П. Богданова, А. Н. Кочеткова, С. В. Шведова, Б. С. Абалихина, В. А. Дунаевского. В целом же в оценке историографии советского периода, касающейся битвы при Бородине, нельзя не согласиться с мнением Н. А. Троицкого: «Бородинская битва относится к числу сюжетов истории 1812 г., наиболее засоренных в нашей литературе с начала 1940-х гг. издержками стереотипного мышления и фактическими ошибками»⁵¹². Это суждение было высказано ученым в 1991 г., после которого ученые обратились к исследованию темы с иных позиций: в историографии «битвы гигантов» главной ценностью становился источник.

9. Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии

Минувшее десятилетие убедительно показало, что Бородинское сражение как тема исследования не утратило актуальности. В этот период появились труды, позволившие по-новому осветить различные аспекты

---

⁵¹² Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. С. 77.

великой битвы, уточнить обстоятельства, представление о которых на протяжении длительного времени казалось бесспорным.

Главная задача историографии 90-х гг. заключалась не столько в выявлении новых фактов, но и в корректном прочтении и осмыслении всего того, что было в общем-то известно. Хотя и умалять того, что достигнуто в обнаружении новых источников, было бы неверным. Достаточно назвать такие фундаментальные справочные издания, подготовленные с привлечением новых данных, как «Русские соединенные армии при Бородине...» А. А. Васильева и А. А. Елисеева, «Великая армия. Состав армии при Бородино» А. А. Васильева и А. И. Попова⁵¹³, документы о Бородинском сражении, опубликованные и прокомментированные С. А. Малышкиным с указанием их происхождения, особенностей бытования и сообщением ряда исторических подробностей⁵¹⁴. А. И. Сапожников опубликовал «Записку атамана Платова о Бородинском сражении», убедительно атрибутированную как рапорт о боевых действиях⁵¹⁵.

Современная историография поставила проблемы наличия многочисленных предвзятых суждений в исторических трудах, расхождений в хронометрии битвы, в определении последовательности двух значительных событий сражения: ранения князя Багратиона и первой атаки неприятеля на батарею Раевского. Разрешению части этих противоречий посвящены работы диссертанта (одна из них в соавторстве с А. А. Васильевым)⁵¹⁶.

Из историографических исследований вытекало, что единственным участником битвы, поменявшим местами оба события, был К. Ф. Толь. Согласно хронометрии, предложенной Толем и заимствованной у него доверчивыми историками, защита Семеновских флешей велась почти до полудня и закончилась в связи с ранением Багратиона. Толь осознавал, что для шестичасового боя Багратиону явно не хватало бы сил, поэтому в своих сочинениях он сделал то, что не удалось на поле боя, – перебросил на бумаге с правого крыла на левое и ввел в бой 2-й пехотный корпус Багговута, соответственно сместив время вступления в бой у Семеновского

---

⁵¹³ *Васильев А. А., Елисеев А. А.* Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997; *Васильев А. А., Попов А. И.* Grand Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002.

⁵¹⁴ *Малышкин А. С.* Русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский и судьба его архива // Тр. РГВИА. Вып. 2. Документальные реликвии Российской истории. М., 1998. С. 104–123.

⁵¹⁵ *Сапожников А. И.* Записка атамана М. И. Платова о Бородинском сражении // Материалы VII Всероссийской науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». 1998. Бородино, 1999. С. 171–177.

⁵¹⁶ *Васильев А. А., Ивченко Л. Л.* Деять на двенадцать... // Родина. 1992. № 6–7. С. 62–67; *Ивченко Л. Л.* Кто же перевел часовую стрелку? // Родина. 2002. № 8. С. 40–46.

гвардии. Значительный временной отрезок, отведенный защите Семеновских флешей, привел в отечественной историографии к постепенному наращиванию числа атак французов (вопреки источникам) до восьми. Корпус Багговута, согласно длительно существовавшему заблуждению, подоспел к четвертой из восьми атак, опередив даже 3-ю пехотную дивизию Коновницына, прибывшую лишь к пятой. Анализ источников позволил установить раннее перемещение гвардейских полков к Семеновскому – около 7.00 утра⁵¹⁷. Этот факт не ускользнул от внимания французов (Рапп и Пеле). Войска на левом фланге вступали в бой не в том порядке, как предполагалось, сомнительным становилось утверждение оппонентов Кутузова о нехватке войск у Семеновского. Необычайную плотность построения обеих армий отметил еще Клаузевиц⁵¹⁸.

Сочинениям Толя, озаглавленным «Описание сражения при селе Бородине» (1822–1839), предшествовал так называемый рапорт, или реляция, или донесение М. И. Кутузова Александру I о Бородинском сражении⁵¹⁹. Эти названия были даны источнику в советской историографии, прежде же он публиковался с названием, которое он имеет в архивном деле бывшего фонда ВУА в РГВИА: «Описание сражения при селе Бородине», не подходящим для рапорта, но совпадающим с названиями других сочинений Толя. По-видимому, Толь являлся автором этого документа, хотя повествование в нем велось от лица Кутузова. Оригинал так называемого рапорта, составленного Толем, отсутствует, поэтому при публикациях во всех изданиях содержится пометка: «копия». Специалистам, очевидно, придется свыкнуться с мыслью, что источник представляет собой рукопись, отражающую один из этапов работы Толя над описанием сражения.

Следовательно, стоит задача заново воссоздать весь ход битвы; и на сегодняшний день удалось сделать немало. В правильной комментарии нуждается и такой важный документ, как «Диспозиция соединенным армиям», подписанный Кутузовым 24 августа, следовательно, отражающий размещения русских войск именно на этот день еще до «Шевардинского дела»⁵²⁰. Характер событий 24 августа требует иной оценки, чем та, что прочно укоренилась в нашей историографии. Определение масштаба военного столкновения, в котором участвовала вся армия Наполеона, вряд ли может быть охарактеризовано словом «бой». До недавнего времени было не принято объективно излагать события, предшествующие

---

⁵¹⁷ Иваченко Л. Л. Бородино. Легенда и действительность. М., 2002. С. 45–47.

⁵¹⁸ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 71.

⁵¹⁹ Бородино. С. 134–141.

⁵²⁰ Там же. С. 80–83.

«адскому делу», как назвал Кутузов сражение у Шевардина. Историки умалчивали либо считали измышлениями, направленными против Кутузова, свидетельства Барклая, Ермолова, Сен-При, Клаузевица об ошибке, допущенной в первоначальном расположении левого крыла, вследствие чего 2-я армия вынуждена была отражать нападения неприятеля во время перемены фронта. По этой причине у Семеновского не были завершены инженерные работы.

Намерения обеих сторон при Шевардине также нуждаются в логическом объяснении: атаковал ли Наполеон русские войска потому, что принял их за арьберггард, или потому, что заметил явный промах в их расположении, сразу же открывавший ему дорогу в тыл армии Кутузова? Был ли корпус Горчакова (а то, что это был именно корпус, убедительно доказано А. М. Вальковичем⁵²¹) авангардом, или же это был участок линии «кор де баталь», не успевший переместиться к Семеновскому? События у Шевардина привлекают все более пристальное внимание специалистов. Доказательством являются основательные статьи А. А. Смирнова, посвященные численности и действию артиллерии при Шевардине⁵²².

Бородинскому сражению посвящены работы исследователя из Самары А. И. Попова. Он первым выразил согласие с предложенной нами хронометрической версией основных событий сражения; он же внес значительный вклад в уточнение боевых действий на северном фланге у села Бородина, подробнейшим образом рассмотрел спорные вопросы, касающиеся рейда кавалерии Уварова и Платова⁵²³, и опубликовал полемическую статью о замыслах русского командования на Старой Смоленской дороге⁵²⁴. Ему же принадлежит книга «Бородинское сражение. Между двух вулканов...», посвященная боевым действиям между Курганной высотой и деревней Семеновское⁵²⁵. Кроме французских, автор использовал немецкие и польские источники, что позволило существен-

---

⁵²¹ Валькович А. М. Потерянный корпус. Войска князя Горчакова в 1812 году // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 16–20.

⁵²² Смирнов А. А. Артиллерия Шевардинского редута // Материалы X Всероссийской научной конференции... М., 2002. С. 182–188; *Он же*. «Многочисленная артиллерия». О записках генерала К. И. Е. Колочковского // Материалы V Всероссийской научной конференции. «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 2002. С. 142–146.

⁵²³ Попов А. И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995.

⁵²⁴ *Он же*. «Засадный отряд» Н. А. Тучкова (сомнения в очевидном или апология Беннигсена) // Материалы VII Всероссийской научной конференции... 1998. Бородино, 1999. С. 122–142.

⁵²⁵ *Он же*. *Меж двух «вулканов»*. Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997.

но расширить и конкретизировать представления обо всем, происходившем на этом участке фронта.

Работы, посвященные Бородинскому сражению, не утратили дискуссионного характера. С одной стороны, это можно объяснить тем, что они опровергают складывавшиеся десятилетиями традиционные представления; с другой стороны, в изучении Бородинского сражения возникла еще одна неожиданная проблема, связанная именно с широким привлечением иностранных источников, которых так долго не хватало для полноты картины. Теперь они вводятся в оборот и используются в научных трудах А. А. Васильева⁵²⁶, А. И. Попова и, конечно же, В. Н. Земцова. Его книга «Битва при Москве-реке»⁵²⁷ стала событием для тех, кто изучает не только действия наполеоновской армии, но и русских войск при Бородине. Значение монографии В. Н. Земцова «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» трудно переоценить. В ней задействовано огромное количество источников, благодаря которым частично удалось закрыть белые пятна в русской историографии, где до этого времени практически не увязывались действия русских войск и войск противника.

В последние годы историков, занимающихся наполеоновской армией, стало больше, чем тех, кто посвящает себя изучению русской армии при Бородине. Этим-то и объясняются, отчасти, новые проблемы, касающиеся хронометрии и боевых действий при Бородине. Так, В. Н. Земцов полагает, что корпус маршала Даву должен был овладеть в сражении только южной флешью, а корпус Нея, в соответствии с этим, должен был атаковать именно северное укрепление, из чего следует, что русское командование также могло предвидеть небывалый по силе удар именно по Семеновским реданам. Бою за флешю изначально приписывается решающее значение в обороне левого фланга русской позиции. Но это утверждение не согласуется с русскими источниками, которые позволяют утверждать, что главный рубеж обороны проходил по восточной ветви Семеновского оврага. Именно так об этом говорится в рапортах Кутузова, Багратиона, в дневнике Сен-При, в записках Евг. Вюртембергского, Паскевича, Вистицкого, Щербинина и др. Семеновские флешли усиливали оборону этого участка позиции, а главное – служили для связи с войсками Тучкова 1-го на Старой Смоленской дороге. Документы и воспоминания участников битвы указывают на то, что бой за флешли приобрел неожиданно ожесточенный характер после резкого смещения

---

⁵²⁶ *Васильев А. А.* Французские карабинеры при Бородино // Цейхгауз. 2002. № 4–6; *Он же.* Французский офицер Гийом Бонэ – участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2001. С. 67–68.

⁵²⁷ *Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. М., 1999.

к югу центральной группировки войск Нея, включая вестфальский корпус Жюно. В работах же А. И. Попова и В. Н. Земцова не приводятся убедительных доказательств тому, что под северным укреплением, которым должны были завладеть эти войска, следует подразумевать именно северную флешь, а не батарею, находившуюся на восточном берегу Семеновского оврага на северной окраине деревни⁵²⁸. Нашему предположению о том, что именно в этом направлении Ней должен был нанести главный и сокрушительный удар, Попов противопоставил утверждение, что по мысли Наполеона главный удар неприятельские войска наносили на всем участке фронта от Бородина до Утиц⁵²⁹. Задачи, стоявшие перед корпусом Нея, он определяет в соответствии с тем, какие цели были поставлены перед его соседями Даву и Богарне, к которым он примыкал флангами. Отметим, что и мы в своих статьях шли тем же самым путем, который привел нас к выводу, содержащемуся во французских источниках: правый фланг французов оказался непомерно усилен (Рапп, Пеле, Коленкур), войска Даву и Нея ворвались в одно и то же укрепление, связь с войсками Богарне была утрачена и в центре обеих армий образовалась брешь, заполненная неподвижными корпусами кавалерии⁵³⁰. Какие еще нужны доказательства, чтобы убедиться в том, что в самом начале битвы ее сценарий претерпел изменения и Семеновские флешы приобрели неожиданное значение, притянув к себе силы обеих армий? Что касается тезиса о нанесении французами удара по всему фронту, то его нельзя подтвердить выкладками из неприятельской историографии. Напомним, что Евг. Богарне предписывалась довольно пассивная роль – быть «осью сражения», и лишь приостановка наступления у Семеновского около 9.00 заставила Наполеона отдать приказ войскам Богарне об атаке в центре. Заметим, что Пеле придавал решающее значение тому, что Ней самовольно изменил направление атаки, которое вначале вело его к развилке ручьев Каменка и Семеновское. Добавим, зная местность, что затем он должен был, прикрывшись ложиной, выйти на равнину между батареями Семеновского и Курганной высотой. В этом случае с помощью Богарне удалось бы погасить оба жерла вулканов, и велика была вероятность рассечь боевой порядок русских войск, которых в это время явно не хватало в центре.

В решении многих вопросов тактического характера особое значение имеет научно-исследовательская работа по изучению ландшафта,

---

⁵²⁸ Попов А. И. Меж двух «вулканов»... С. 8.

⁵²⁹ Там же. С. 8.

⁵³⁰ Ивченко Л. Л. Планы русского командования в Бородинском сражении и их реализация // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 7–31.

проводимая заместителем директора Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника А. В. Горбуновым, отраженная в ряде научных публикаций⁵³¹. Благодаря его изысканиям многие спорные вопросы, связанные с местонахождением войск и их передвижениями по полю битвы, получили наглядное разрешение⁵³². Без них невозможно было бы реконструировать картину боя как у Семеновского, так и на других участках позиции. Местность у Семеновского сильно препятствовала действиям Даву, Нея, Мюрата, вопреки уверениям о слабости этого участка русской позиции. Для овладения деревней Семеновское им требовалось подкрепление. Заслуга русских войск на этом ключевом участке позиции проявилась не в отражении мифических восьми атак, а в том, что они сумели сдержать неожиданный натиск с фронта. Нея же, овладев флешами ценой значительных потерь, фактически пытался реализовать новый замысел, потеснить русские войска путем обхода Семеновского с юга, сомкнувшись флангом с группировкой Понятовского, для чего был использован корпус Жюно.

При сопоставлении русских и французских источников возникает новая проблема хронометрии боя за флешу. Ссылаясь на неприятельские источники, В. Н. Земцов высказал предположение, что южная флешь в ходе первой атаки была захвачена пехотой Даву, которая не покидала этого укрепления, вопреки свидетельствам русских источников⁵³³. Действительно, в русских источниках почти не сообщается подробностей о бое за южную флешь, впрочем, как и за остальные две. В связи с этим французские и немецкие источники стали ценным подспорьем в реконструкции происходивших здесь событий. В письмах Воронцова указывается время потери этого укрепления и его ранения – около 8.00⁵³⁴. Из этого явствует, что флешь была захвачена соединенными силами войск Даву и Нея во время второй атаки. Эта версия находит подтверждение в рапортах Нея и вюртембергских начальников⁵³⁵. При этом русские и

---

⁵³¹ Горбунов А. В. Место расположения Главной квартиры М. И. Кутузова на Бородинском поле // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 3–9; *Он же*. Бородинское поле как уникальная историческая территория // Материалы науч. конференции... Бородино, 1994. С. 6–12.

⁵³² *Он же*. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999) // Воинский подвиг защитников Отечества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 135–144.

⁵³³ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона... С. 335.

⁵³⁴ Из воспоминаний графа Воронцова // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 202; Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814. Москва, 1992. С. 277–278.

⁵³⁵ Рапорт маршала Нея герцога Эльхингерского... // *Pieces officielles et bulletins de la Grand Armée. Année 1812. (Extrait du Journal officiel)*. Paris, s.a. [1812]. P. 325–327.

иностранные источники не дают однозначного ответа, сколько раз это укрепление переходило из рук в руки, во всяком случае капитан Боннэ видел в этом укреплении русских кирасир во время контратаки 2-й гренадерской дивизии (то есть примерно в 9.00)⁵³⁶.

В изучение действий неприятельской кавалерии у Семеновского много нового внесли работы А. И. Попова. Автор пытался синхронизировать их с действиями русской конницы – оказалось, что это не так-то просто⁵³⁷. Рапорты и наградные списки русских кавалерийских офицеров, как правило, лишены конкретного указания на время и место события, в них содержатся перечисления подвигов личного состава кавалерийских полков. Действиям тяжелой кавалерии посвящены статьи А. М. Рязанова, который заметил слабую изученность проблемы, хотя сам автор подчеркнул выдающуюся роль кн. Голицына, соединившего в своих руках все начальство над кавалерией левого фланга. Именно Рязанов обратил внимание на соответствующий приказ Багратиона от 22 сентября⁵³⁸. Известно высказывание Ермолова о том, что местность на левом фланге способствовала действиям именно русской конницы. В этом убеждают иностранные источники, приводимые в трудах Попова, Земцова, Васильева. Если же обратиться к опытам изучения ландшафта, предпринятым сотрудниками Бородинского музея, то становится совершенно очевидным преимущество русской конницы, атаковавшей южнее Семеновского вдоль кромки Утицкого леса, а также осязаемыми представляются те трудности местности, о которых сообщали Тильман, Лейссер, Тирион.

Сопоставление источников, созданных воинами обеих сражающихся армий, попытки увязать воспоминания участников битвы с ландшафтом позволили иначе взглянуть и на события вокруг центральной высоты, названной в русской историографии батареей Раевского, а в иностранной – Большим редутом. В. Н. Земцов считает, что это укрепление яви-

---

⁵³⁶ *Васильев А. А.* Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения. С. 67–68.

⁵³⁷ *Попов А. И.* Меж двух «вулканов»... 1997; *Он же.* Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Межвузовский сборник науч. статей. Самара, 1994. С. 42–50; *Он же.* Бой за деревню Семеновское // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 54–62.

⁵³⁸ *Рязанов А. М.* Кирасиры в Бородинском сражении // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 252–258; *Он же.* Князь Д. В. Голицын в документах и мемуарах участников Бородинского сражения // Воинский подвиг защитников Отечества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 144–151.

⁵³⁹ *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона... С. 357.

лось символом героизма обеих армий. Он показывает, как в зарубежной историографии возникли французская, немецкая, польская, итальянская версии событий⁵³⁹. На наш взгляд, очень непростой является русская версия всего происходившего на этом участке позиции. Нельзя однозначно определить роль этого укрепления в обороне русской позиции. Можно ли его было считать «ключом позиции» подобно Семеновскому? И. П. Липранди воспринимал это определение скептически. Он полагал, что меры по укреплению центральной высоты были приняты поздно и их было недостаточно⁵⁴⁰. Ермолов, прославившийся отражением атаки на батарею, ушел от ответа на вопрос, как он сам расценивал роль этого укрепления в системе обороны. В «Записках» он отметил, что ему «натвердили» о важности этой высоты и именно поэтому он бросился ее спасать. Историки отмечают, что центральное укрепление усиливало оборонительные возможности Семеновского, которое, в свою очередь, прикрывало центральный люнет. По словам инженера Д. Богданова, левый фас укрепления «падал» под выстрелы 60 батарейных орудий у Семеновского⁵⁴¹. А. И. Попов отметил, что с захватом французами Семеновского было предрешено падение Большого редута. Мы согласны с этим утверждением. Им невозможно было овладеть около 9.00, когда Е. Богарне в одиночку предпринял первую атаку в центре. В русской историографии, правда, существовала еще одна атака – около 8.00, что отражает заблуждение историка Богдановича, полагавшего Багратиона раненым в полдень и относившего к этому же времени подвиг Ермолова⁵⁴². Узнав из французских источников о нападении на центральную высоту в 9.00, Богданович не стал связывать этого происшествия с именами Ермолова и Бонами, воображив, что здесь речь идет о какой-то другой атаке. В начале XX в. была установлена истина: девятичасовую атаку окончательно связали с именем Ермолова, но «вымышленную» атаку Богдановича тоже не стали отменять, а просто сдвинули на более раннее время – на 8.00. Об этом можно и сейчас прочитать во многих исторических сочинениях⁵⁴³. Несмотря на упреки в нерешительности по адресу Богарне, следует признать, что в 9.00 он бы не смог овладеть Большим редутом, так как именно в это время через центр русской позиции передвигались на левый фланг 2-й и 4-й пехотные корпуса Багговута и Остермана. Угрозу центру преувеличил

---

⁵⁴⁰ Липранди И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. С. 18–19; См. подр.: Ивченко Л. Л. Бородино... С. 31–32.

⁵⁴¹ Бородино. С. 338.

⁵⁴² Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. II. С. 195.

⁵⁴³ См., напр.: Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е. М., 1974. С. 155.

в своем рапорте Ермолов, придав больше весу своему подвигу. Отметим, что ни в рапорте Кутузова от 27 августа, ни в «Официальных известиях» от того же числа даже не упоминается о центральной высоте. О ней заговорили после Рапортов Ермолова и Баркляя де Толли, обидевшегося на непризнание заслуг своих подчиненных и поддержавшего в своих «Замечаниях на официальные известия» версию о предотвращении Ермоловым угрозы прорыва центра. В этом же документе Барклай сообщает, что за батареей уже находился 4-й пехотный корпус, примкнувший флангом к 26-й дивизии Паскевича. Что это – ошибка? Заметим, что время передвижения 4-го пехотного корпуса Остермана по сей день представляет загадку для историков. Отсутствие точных сведений связано с контузией Остермана и ранением дивизионных начальников Бахметьевых 1-го и 2-го, так и не подавших рапортов. Непонятно, почему в движение пришел 2-й пехотный корпус, располагавшийся значительно дальше от центра и левого фланга, чем 4-й? А если свидетельство Баркляя не ошибка? И вообще, сколько войск находилось при батарее при отражении атаки Бонами? Ермолов сообщил о батальоне Уфимского пехотного полка 24-й дивизии Лихачева, явно позабыв о двух бригадах егерей и корпусе Раевского⁵⁴⁴. Левенштерн упоминает батальон Томского полка⁵⁴⁵, в то время как наградные списки показывают, что офицеры, отражавшие эту атаку, входили в основном в Ширванский и Бутырский пехотные полки⁵⁴⁶.

Русские документы отразили дух соперничества обеих армий, фронт которых смыкался как раз у батарее Раевского. Кутузова, безусловно, можно упрекнуть в том, что в начале сражения он вверил защите армии Багратиона сразу три сложных участка позиции: флеша, деревню Семеновское и батарею Раевского. Принадлежность последней приписывалась различным участкам фронта в зависимости от того, войска какой армии ее обороняли. Так, для Паскевича и Раевского батарея – это укрепление левого фланга, для Милорадовича, Ермолова, Липранди – центра. Даже если в районе центральной батареи не было недостатка в войсках – пока ее оборонял 7-й корпус Раевского из 2-й Западной армии Багратиона, вряд ли бы Барклай стал вмешиваться в распоряжения своего соперника. Это была объективная трудность в защите этого пункта, связанная с взаимоотношениями русского генералитета, которым долгое время не придавалось особого значения. Этот фактор существенно влиял на многие события Бородинского сражения⁵⁴⁷.

---

⁵⁴⁴ Бородино. С. 171.

⁵⁴⁵ Там же. С. 363.

⁵⁴⁶ Там же. С. 272–273.

⁵⁴⁷ *Ивченко Л. Л.* Бородино. С. 7–11.

Что касается последней атаки неприятеля на высоту около 14.00–15.00, то правомерно задаться вопросом: не только кто атаковал, но и кого атаковали. Существует русская версия (Митаревский), что на батарее в это время не было, да и не могло быть орудий, так же как и пехоты, которая пряталась в овраге от интенсивного огня. После захвата Семеновского судьба люнета была действительно предрешена. Но вокруг батареи в первой линии находилось более 200 артиллерийских орудий. Русская армия в это время стягивалась на позицию по линии Горки – Псареве – лес у Семеновского. Чтобы передвинуть на новый рубеж артиллерию, требовались новые усилия, которыми, на наш взгляд, и объясняются ожесточенные кавалерийские схватки в центре поля. Действия артиллерии в Бородинском сражении, на наш взгляд, также серьезная проблема для историков; в связи с этим нельзя не отметить работу А. А. Смирнова «Генерал Александр Кутайсов» (М., 2002). Кутузова, как известно, упрекают в том, что он не использовал всю имеющуюся у него под рукой артиллерию; чуть ли не половина ее весь день простояла в резерве. По легенде, Кутузов был недоволен начальником артиллерии Кутайсовым, погибшим в сражении, не оставив распоряжений. Ларионов в своей статье опроверг это ошибочное мнение, сославшись на рапорт начальника артиллерии Левенштерна. Однако существует и такой источник, как ведомости о потерях: большие или меньшие потери в Бородинском сражении понесли все артиллерийские роты⁵⁴⁸. Видимо, была причина, вынуждавшая Кутузова действовать осмотрительно. В русской армии потеря орудия приравнивалась к потере знамени; в то же время ее был явный переизбыток. Об этом сообщает Барклай де Толли в письме к Ростопчину от 12 августа⁵⁴⁹. Багратион, как явствует из его письма от 17 августа тому же Ростопчину, отправил в Москву лишнюю артиллерию («Из Вязьмы приказал я отправить к вам артиллерию: у меня слишком ее много и в тягость мне»)⁵⁵⁰. Р. Вильсон, сообщая после Бородинской битвы Александру I о недостатках русской армии, первым из них назвал переизбыток артиллерии⁵⁵¹. Участники сражения свидетельствуют, что орудийная прислуга в бою постоянно заменялась егерями, гренадерами, пехотинцами. Следовательно, проблема заключалась не столько в количестве орудий и их калибре, сколько в том, кто их обслуживал под огнем, а главное – вывозил с поля боя.

---

⁵⁴⁸ Бородино. С. 202–212.

⁵⁴⁹ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 92.

⁵⁵⁰ Там же. С. 100.

⁵⁵¹ Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 217.

Об этом же свидетельствует приказ Кутузова Барклаю и Дохтурову в конце битвы, в котором он сообщает о своем намерении продолжить на следующий день сражение именно потому, что опасается потерять при отступлении всю артиллерию⁵⁵².

Распоряжения Кутузова в этот день, так же как его планы, по-прежнему вызывают много вопросов. Стремясь быть объективными (чему доказательством монография Н. А. Троицкого⁵⁵³), не следует забывать, что многое из того, что мы узнаем о нем из мемуаров и писем его соперников, следует воспринимать критически. Записки Беннигсена и Ермолова, как и оправдательные письма Барклая, были опубликованы, когда результат Бородинской битвы был уже известен. Воспоминания современников позволяют судить о том, что в повседневной жизни Кутузов был далеко не идеален. Были у него слабости и как у полководца, но сопоставление сведений, содержащихся в источниках, дает основание утверждать, что Кутузов, безусловно, был самой авторитетной фигурой среди русских военачальников и его назначение на высокий пост не являлось случайностью. На сегодняшний день трудно предполагать, что Кутузов всерьез ожидал нападения на правом фланге; ситуация же на левом фланге была обоюдоострой. Ответить на вопрос, почему он так долго удерживал войска на правом крыле, можно, обратившись еще раз к хронометрии битвы.

Французские военачальники, мемуаристы, историки, в отличие от русских, начинают описание боя с событий на южном фланге, в силу чего атака на село Бородино выглядит не как демонстрация, а как удар по фронту, где местность наиболее этому благоприятствовала, то есть в центре. Недооценивать событий у села Бородина нельзя хотя бы по той причине, что после захвата этого пункта неприятельская артиллерия простреливала все линии войск в центре, как о том свидетельствуют русские участники сражения.

О результатах сражения нельзя говорить, забывая о целях, которые преследовали обе стороны. Состояние дел с резервами, отсутствие известий об армиях Тормасова и Чичагова делали сомнительной возможность отстоять Москву. Приняв новое назначение, Кутузов готовился вступить в командование армиями под Смоленском, где у него, пусть гипотетически, существовала возможность перенести театр военных действий в сторону от московского направления. Поняв, что в глазах Наполеона сам факт занятия Москвы уже был равен заключению мира, он мог избрать Москву как возможность оторваться от преследования.

---

⁵⁵² Бородино. С. 95–96.

⁵⁵³ *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов. Легенды и факты. М., 2002.

В этом случае Кутузов решился на сражение, уступив требованию императора и армии и сознавая, что при любом исходе битвы он обречен на отступление при отсутствии резервов⁵⁵⁴. По меткому замечанию генерала Л. Н. Энгельгардта, Кутузов, добившись решительного успеха, попал бы в затруднительное положение⁵⁵⁵, так как от него потребовали бы закрепить успех переходом в наступление, чего бы полководец не смог добиться при наличных силах. Кутузов в Бородинском сражении – это тема, открытая для дальнейшей дискуссии.

Не менее спорными остаются вопросы, связанные с численностью и потерями русской армии при Бородине, формированием ополчения. Этим проблемам посвящены работы С. В. Шведова.⁵⁵⁶

Большим событием для специалистов стал выход в Санкт-Петербурге в 2000 г. монографии О. В. Соколова «Армия Наполеона». В этой книге рассматриваются вопросы, связанные с действиями иностранных континентов Великой армии при Бородине, уделено внимание дискуссионному вопросу о значимости принятого Наполеоном решения полностью не вводить в бой гвардию, содержатся интересные рассуждения о последствиях этого волевого решения.

Изучению облика участников битвы посвящены статьи сотрудника Бородинского музея Д. Г. Целорунго, собравшего статистические сведения об офицерском корпусе русской армии⁵⁵⁷. Итогом его кропотливой работы является книга, вышедшая в свет ко дню 190-летней годовщины сражения⁵⁵⁸. Значительные пробелы, существующие в наших представлениях о героях Бородина, до известной степени

---

⁵⁵⁴ *Ивченко Л. Л.* Бородино... С. 12–15; *Она же.* Планы русского командования в Бородинском сражении // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 30; *Она же.* М. И. Кутузов в Бородинском сражении // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 10–27.

⁵⁵⁵ *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 178.

⁵⁵⁶ *Шведов С. В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // ИСССР. 1987. № 4. С. 131–132; *Он же.* Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 107–117; *Он же.* Об участии ополчения в Бородинском сражении // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 75–89.

⁵⁵⁷ *Целорунго Д. Г.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 56–74; *Он же.* Русские офицеры, награжденные за участие в Бородинском сражении: опыт статистического исследования // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 265–280; *Он же.* Русские офицеры в Бородинском сражении // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001. С. 276–283.

⁵⁵⁸ *Он же.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения. М., 2002.

восполняются содержательной статьей С. А. Малышкина «Человек в Бородинской битве. Опыт историко-культурологического исследования»⁵⁵⁹. Участникам «битвы гигантов» посвящены работы А. А. Смирнова; в частности, им был обнаружен автограф Ростислава Ивановича Захарова, погибшего при Бородине⁵⁶⁰. О своем предке К. М. Нарышкине опубликовал статью член Ученого совета музея А. К. Нарышкин⁵⁶¹. Герою Бородина принцу Евг. Вюртембергскому посвящена подробная статья А. А. Елисеева⁵⁶². После многих лет умолчания впервые вновь заговорили о духовно-религиозных аспектах, связанных с Бородинским сражением; им посвящены работы Т. В. Маркиной, Л. В. Мельниковой, Е. В. Семенищевой⁵⁶³.

Итоги современного состояния изученности темы Бородинского сражения подведены в монографии И. А. Шеина. Автор, являясь активным участником научных конференций, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г., постоянно находится в курсе полемики по всем аспектам «битвы гигантов», что позволило ему составить довольно полный перечень актуальных проблем, волнующих специалистов. И. А. Шейн пишет: «Современные исследователи этого ключевого события 1812 года сходятся во мнении о том, что, несмотря на обширную литературу, до настоящего времени еще не воспроизведена его достоверная картина. Некоторые из них считают, что этот недостаток определялся не только факторами политического свойства, но и рядом других объективных и субъективных причин. В новейших исследованиях генерального сражения подчеркивается необходимость внести существенные коррективы в некоторые традиционные суждения. В частности, это касается усто-

---

⁵⁵⁹ Материалы научн. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999. С. 105–115.

⁵⁶⁰ Смирнов А. А. Автограф Ростислава Захарова // Материалы IV Всероссийской науч. конференции «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 2001. С. 164–168.

⁵⁶¹ Нарышкин А. К. Участник Бородинского сражения Кирилл Михайлович Нарышкин // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 90–100.

⁵⁶² Елисеев А. А. Забытые герои минувших войн. Принц Евгений Вюртембергский // Материалы Всеросс. науч. конференции «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 1999. С. 58–70.

⁵⁶³ Маркина Т. В. Преосвященный Августин – «Златоуст 1812 года» // Материалы Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997. С. 43–51; Мельникова Л. В. Место и роль военного духовенства в русской армии в 1812 году // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2000. С. 161–171; Она же. Русское православное духовенство и народная война в 1812 году // Материалы IV Всеросс. науч. конференции «Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 2001. С. 182–192; Семенищева Е. В. Атрибуция крестов-мошевику князей Вадбольских // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 83–88.

явшихся мнений о расположении российских войск, об инженерном оборудовании Бородинской позиции, о замысле Наполеона (добавим – и Кутузова. – *Л. И.*) на сражение, о ходе борьбы за Семеновские флешы, курганную высоту, об итогах кавалерийского рейда Ф. П. Уварова и М. И. Платова. Часть вопросов считаем спорными, они требуют дальнейшего изучения. Так, автор монографии разделяет точку зрения, согласно которой еще нельзя считать окончательно доказанным численный перевес русской армии накануне сражения. Значительные расхождения имеются в подсчете потерь сторон. Существенное разночтение выявлено в общей хронологии Бородинского сражения»⁵⁶⁴. Части названных здесь проблем и посвящено настоящее исследование.

* * *

Подведем итоги. Конечно, историография Бородинской битвы – это не история эволюции мифа, как бы легендарны ни оказывались те или иные созданные историками элементы «модели» этого неисчерпаемого явления. Это процесс познания (с соответствующими результатами этого познания) и представления обществу разыгравшейся на Бородинском поле исторической драмы, начатый теми, кто поставил эту драму, и продолженный как в национальной идеологической, политической, литературной, публицистической, так и в научной традиции.

Историография Бородинской битвы у ее начальных истоков – не столь уж редкий пример того, как представление современников (исторический источник) «перетекает» в историческое, историко-научное представление, десятилетиями и столетиями воздействуя на проблематику, структуру, методы, лексику, суждения и выводы последующего познания. Потому историография Бородинской битвы – это, в значительной мере, проблема соотношения исторического источника и исторического познания.

Письменные источники, связанные с Бородинской битвой, можно, в частности, представить в виде двух больших комплексов. Первый составляют источники синхронные (наиболее значимое место среди них занимают документы военно-оперативного делопроизводства). Источники этого комплекса в большей мере предрасполагают исследователя к «индуктивному» построению, к взаимной проверке показаний, к критике историографических версий. Источники диахронные, созданные по прошествии того или иного, иногда довольно значительного времени – вос-

---

⁵⁶⁴ *Шейн И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 203.

поминания, записки, поздние письма, обозрения, замечания, созданные участниками битвы, или, как мы видели выше, «имитации» официальных документов – вот главное содержание второго. Именно в центре последнего комплекса, в сочинениях высших военачальников русской армии родилась основа последующей историографической традиции.

Так сложилось, что из штаба Кутузова исходили наиболее значимые источники, но источники синхронные: диспозиции, приказы, рапорты, официальные известия. Сколько-нибудь широких концептуальных версий здесь не создавалось. Первая концепция Бородинской битвы оказалась представленной в другом комплексе – в «Замечаниях на “Официальные известия из армии от 27 августа”» и, в особенности, в «Изображении военных действий 1-й армии в 1812 году» Барклая де Толли. «Оправдательные письма» Барклая – документы «личной и небиаспристрастной защиты» (А. Г. Тартаковский) – впервые излагали единую, стройную, концептуальную версию событий Отечественной войны, в том числе и Бородинского сражения, версию, существенно отличную от донесений Кутузова. Официальная и личная переписка Кутузова – синхронные источники неконцептуального характера, в то время как письма Барклая создавались «задним числом» с определенной целью и в них все точки над «і» уже расставлены.

Возникшая первой, «антикутузовская» версия Барклая проникла в историографию еще до публикации его писем. Уже в 1810-е гг. наблюдалась скрытая полемика с известным каждому, но не называемым по имени автором. «Презревшие печать» письма Барклая, а затем и письма Беннигсена широко распространились в обществе еще до «прокутузовских» сочинений К. Ф. Толя, Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского.

Составленные в резкой и вызывающей манере сочинения Барклая не могли не спровоцировать ответную реакцию. Главным оппонентом Барклая (и Беннигсена) выступил К. Ф. Толь.

Толь предложил две версии сражения; в обеих полностью оправдывались все распоряжения и действия русского командования в лице Кутузова. Первый вариант, изложенный в так называемом Рапорте Кутузова (не ранее 1813), уже обладал концептуальными чертами и представлял апологию Кутузова. Прочная репутация Кутузова, от лица которого выступил Толь, поддерживала авторитет и самого сочинителя, сыгравшего немалую роль при Бородине. Вторую версию Толя (1816, опубл. 1822), в которой была усилена «прокутузовская» направленность, отличала от первой иная интерпретация планов русского командования, соотношения событий и их хронометрии; при этом Толь сознательно продлил бой за

флеш и поменял местами первую атаку на батарею Раевского и ранение Багратиона. Некоторое время обе версии Толя существовали параллельно, но к концу XIX в. прочно переплелись между собой. Толь установил смысловую значимость ранения Багратиона как факта, повлекшего отступление левого крыла, в силу чего все остальные события также сместились во времени. Последствием этого явилась утрата логической связи событий между собой.

При всей остроте противостояния нельзя не отметить, во-первых, что Толь взял «каркас», выстроенный Барклаем, но наполнил его иным, противоположным по смыслу содержанием. Во-вторых, – и в этом одно из наиболее существенных отличий исторического источника, чем были сочинения Барклая, Беннигсена, Толя и др., от исторического исследования, – ни один из них не испытывал нужды в изучении битвы по документам. Военачальники целиком полагались на свои представления, а документы или фрагменты документов были необходимы им лишь для подтверждения собственной правоты (хотя они и называли свои сочинения составленными «на основании рапортов... и официальных документов», как Толь, и, более того, собирали документы, относящиеся к битве). Ситуация, сведенная к поединку мнений, привела к тому, что обе стороны в равной мере дорожили этими мнениями и пренебрегали источниками, сколько-нибудь не совпадающими с этими мнениями.

В поединке мнений между экс-главнокомандующими Беннигсеном и Барклаем де Толли и их бывшим подчиненным победу одержал их младший сослуживец, проявивший недюжинную силу характера и изобретательность в распространении своих знаний. Но нет оснований считать версию Толя официальной – его жесткий, «канонический» каркас описания битвы был сформирован не в русле официальных правительственных указаний, а, напротив, вопреки им; идеологический фактор явно уступал личному.

Версия Толя была поддержана военными историками 20–40-х гг. – участниками Отечественной войны 1812 г. Но это была уже не мемуаристика – историография.

Однако эта историография обладала существенными чертами, определившими не только ее собственное состояние, но и повлиявшими на последующее за нею историописание битвы. Сменились целевые установки. Если Барклай и Беннигсен – в силу напряженности отношений с Кутузовым и его окружением – все-таки предлагали иное, альтернативное видение битвы и ее частных аспектов, то поколение «историков-адъютантов» – Д. П. Бутурлин, А. И. Михайловский-Данилевский и др., – ориентируясь на победоносный исход войны и кампаний 1813–1814 гг.

и имея в основе «каркас» Толя и «монополию на Кутузова», видело свое предназначение в доказательстве единственной возможности и закономерности событий. Суть скрытой полемики состояла в отбрасывании мнений оппонентов. Но эта дорога неизбежно вела к упрощениям в их трудах решений, событий и ситуаций, к якобы заданной Кутузовым предопределенности хода войны, к «спрямлению» как логики явлений, так и межличностных отношений в среде высшего командования русской армии. Планы, решения и поступки главнокомандующего истолковывались в русле этой установки. Эти историки, с одной стороны, обогатили картину битвы за счет использования новых источников, в том числе иностранных, с другой – подчиняли толкование источников уже сложившейся версии. В результате с трудом добываемые и собираемые источники так или иначе отходили на второе место. Созданная Толем хронометрическая версия битвы не претерпела изменений. Возникла каноническая концепция, все более расходящаяся с источниковой базой и склонявшаяся к мифу.

Другим серьезным последствием такого подхода стал парадокс – «вытеснение Кутузова». Взяв на себя миссию защиты полководца от оппонентов, эти историки поняли ее как роль толкователей его намерений и решений. Они продолжили традицию Толя «говорить от имени Кутузова». Это, в свою очередь, вело к игнорированию противоречивых источников, апологетическому отношению к версии Толя. Сама же приверженность одной лишь «прокутузовской» версии не снимала сложившегося в 1813–1814 гг. противостояния. Возникал другой парадокс – подобная защита Кутузова вела к противоположному результату. Замалчивание уже высказанных альтернативных версий, отсутствие их критики и критики источников лишь ослабляло «прокутузовскую» версию. Ей остро не хватало аргументов, подкрепленных ссылками на источники. Старательно избегая полемики (Михайловский-Данилевский: «Голос страстей не может быть допущен в историю»⁵⁶⁵), «историки-адъютанты» не использовали свой шанс развить убедительную научную – на уровне своего времени – версию событий, связанных с Бородинским сражением.

На следующем этапе этим шансом попытались воспользоваться историки критического направления – М. И. Богданович, И. П. Липранди, А. П. Витмер и др. Замалчивание предшествующим поколением «антикутузовских» версий не отменяло их (версий) существования, а отсутствие критики источников порождало новые вопросы и соблазн обратиться к неканоническим версиям и не использованным прежде

---

⁵⁶⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. IV. Л. 380.

сведениям. Историки критического направления, во-первых, дали своему читателю знать, что существует не одна лишь версия Толя, развитая военными историками 30–40-х гг. XIX в., что рядом с ней существуют иные взгляды на подготовку, ход и результаты сражения. Во-вторых, они стали активней использовать иностранные источники и военно-оперативную документацию, не полагаясь на одни лишь мнения полководцев; обнаружили сведения, не согласующиеся с «каркасом» Толя. Однако одно лишь расширение источниковой базы не решало проблемы. Конечно, историки критического направления поколебали веру в непогрешимость версии Толя. Но недостаток исследовательского опыта (его в это время лишь начала приобретать «гражданская» позитивистская историография) привел к тому, что в их трудах оказались совмещенными и переплетенными различные концепции. В свою очередь, это еще более усиливало «неточность и перепутанность моментов» (И. П. Липранди).

Историография начала XX в. отмечена прежде всего тем, что в связи со 100-летним юбилеем Бородинской битвы ученые и писатели получили необычайно широкий доступ к документам (по сути дела, именно в это время была создана публикаторская основа темы, лишь пополнявшаяся в последующие годы). Но у этого явления была и обратная сторона. Письменных источников появилось столь много, что это не могло не сказаться на качестве их научной обработки и осмысления. Была нужна путеводная нить; но таких нитей оказывалось по-прежнему две – версия Толя и версия Барклая. Поскольку обе версии уже были хорошо известны, специалисты, в отличие от предшествующего периода, разделились на лагеря в соответствии с приверженностью к той или другой (с одной стороны – Б. М. Колюбакин, Н. М. Михневич, А. В. Геруа и др., с другой – А. Н. Витмер, Н. П. Поликарпов и др.; при всем этом не исключалось их переплетение в тех или иных частных оценках). Версия Толя была уже открыто поставлена под сомнение, а сам бывший генерал-квартирмейстер Кутузова был заподозрен в намеренном создании путаницы в отношении хронометрии сражения. С другой стороны, Толь по-прежнему отождествлялся с Кутузовым; лишь один А. В. Геруа был склонен отделять одного от другого. Противоречия в описании Бородинской битвы были замечены; но попытки исправить их вели лишь к усугублению «перепутанности моментов». Под сомнение был поставлен даже самый итог битвы (Н. П. Поликарпов).

Классово чуждая, дворянско-крепостническая война 1812 г. мало привлекала советскую историографию 20–30-х гг.; лишь в военных академиях ее вспоминали в курсах истории военного искусства. Ситуация переменялась кардинальным образом после выхода Постановления СНК

СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и последующих событий (деятельность комиссии А. А. Жданова, написание учебников истории для средней и высшей школы, создание исторических факультетов и научно-исследовательских структур историков в составе АН СССР и др.). Но теперь в основу взглядов на войну 1812 г. и Бородинское сражение были положены идеологические нужды партийно-государственного руководства СССР; проблема приобретала все большее государственно-патриотическое и воспитательное значение по мере приближения ко Второй мировой войне.

Несомненной заслугой историков конца 30–40-х гг. (Е. В. Тарле и др.) стало возвращение войны 1812 г., Бородинского сражения и Кутузова в историческое сознание современников. Но возвращение это оказалось весьма сложным, «слоеным» явлением. Интересы идеологии, интересы партийно-государственного руководства, с одной стороны, и интересы национального самосознания и собственно исторической науки, с другой, совпали в необходимости возвращения объекта, но не в понимании смысла его возвращения.

«Управляемой» истории нужна была «одна» война 1812 года, «одно» Бородино, «один» великий полководец (И. В. Сталин о М. И. Кутузове: «Полководец был бесспорно двумя головами выше Баркляя де Толли»⁵⁶⁶). Интересы национального самосознания и исторической науки были несколько шире (отсюда жесточайшая критика и даже травля в 40–50-е гг. за малейшую попытку отойти от культивируемой в официальной исторической литературе концепции; в частности, это произошло и с Е. В. Тарле). Удобство для «управляемой» истории предоставляла версия Толя, даже со всеми ее передержками; она и легла в основу «советской концепции»; однако с ней произошла любопытная трансформация. Если на недосягаемую высоту был поднят авторитет Кутузова, Толь, напротив, как автор версии был совершенно забыт; рядом с Кутузовым ему не оставалось места. Даже упоминавшееся выше «Описание» Толя (его первая версия) было поспешно переатрибутировано в черновик рапорта Кутузова. Оценки же деятельности самого Толя приобретали все более негативный характер. Естественно, в подобном подходе к истории Бородинского сражения было не до источников и не до содержащихся в них и в историографических версиях противоречий. Существенное воздействие на историографию Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения оказали аналогии с событиями Великой Отечественной войны и, в особенности, лета–осени 1941 г.

---

⁵⁶⁶ Большевик. 1947. № 3. С. 7–8.

«Оттепель» второй половины 50-х – начала 60-х гг. дала некоторый простор и интересам национального самосознания и науки (недаром празднование годовщин Бородинского сражения на самом Бородинском поле в советское время восходит именно к 1962 г.). В работах Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, Л. П. Богданова, А. Г. Тартаковского, Б. С. Абаляхина, В. А. Дунаевского и др. возвращалась дореволюционная историография проблемы, стали вновь широко привлекаться изданные до революции источники. Были сделаны первые шаги в сторону от безудержной «сталинской» идеализации Кутузова (А. Н. Кочетков и др.). На основе источников прояснялись отдельные эпизоды и аспекты Бородинской битвы. Одним из последствий сталинского высказывания о Кутузове и Барклае стало повышенное внимание к личности последнего. Обращаясь к деятельности Барклая, историки предпочитали не привлекать внимания к антикутузовской направленности его «Оправдательных писем» и не пересматривать концепцию и хронометрию Бородинского сражения (Барклай как источник как будто «исчезал» после описания событий при Царевом Займище, где его сменил Кутузов). В основе концепции Бородинского сражения, как и прежде, оставалась версия Толя.

На рубеже советской и новой российской историографии особняком стоит труд Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» (1988). Ценность его состоит прежде всего в том, что автор подверг острой критике ряд догматических концептуальных положений советской историографии об Отечественной войне 1812 г., в том числе касающихся битвы при Бородине. Этот труд означал новый шаг в сторону возрождения прогрессивной традиции взвешенного и объективного отношения к исследовательской проблеме (И. А. Шеин). При этом интересно и то, что в описании Бородинского сражения Н. А. Троицкий по-прежнему придерживался хронометрии К. Ф. Толя, в оценках же ему несравненно ближе был Барклай.

Ослабление воздействия идеологической составляющей и в буквальном смысле слова прорыв в изучении действий неприятельских войск в Бородинском сражении (а отсюда и представление о сражении как процессе действия двух сторон) – два наиболее заметных фактора в современной российской историографии Бородина. Разумеется, сами по себе эти факторы не могут привести к формированию сбалансированной научной концепции; но их следствием стал, так или иначе, перенос внимания историков к исследованию происхождения исторических источников, их показаний и соотношения этих показаний между собою.

Глава II

Накануне Бородинского сражения: исторические источники и спорные вопросы историографических версий

1. Положение М. И. Кутузова во главе действующих армий

В последнее время неожиданную актуальность в отечественной историографии приобрела проблема, выражаясь современным языком, соответствия Кутузова занимаемой должности. Специалисты задаются вопросами, достоин ли был полководец высокого назначения и справился ли он с ролью главнокомандующего при Бородине. Серьезный тон полемики по теме «Кутузов и Бородино» был задан интересной, но спорной по многим положениям монографией Н. А. Троицкого, отличающейся, как и все его труды, острой критической направленностью¹.

Н. А. Троицкий уже в предисловии предвещает читателей: «Истинный масштаб личности Кутузова меньше той видимости, которую он обретает (благодаря совокупным усилиям наших, в основном советских, историков и литераторов) как Главнокомандующий всеми русскими армиями в триумфальные для России дни 1812 г. Вопреки русской поговорке “Не место красит человека, а человек место”, здесь перед нами скорее классический пример того, как и место в определенной мере красило человека»².

Думается, что всплеск недовольства полководцем объясняется не столько его личностью, сколько историей вопроса. В результате мифотворчества советских историков жизнеописания Кутузова, как и многих других героев 1812 г., не отличались ни исторической достоверностью, ни объективностью: мы располагали подробным пересказом послужного списка фельдмаршала, оживляемого бытовыми деталями, допустимыми с точки зрения идеологии. Слова и поступки Кутузова,

---

¹ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002.

² Там же. С. 7.

разрушающие привычный стереотип, приводили историков в смущение и не допускались на страницы его биографий, хотя именно эти слова и поступки позволяли судить о психологии человека в контексте эпохи. В наши дни замалчивание «неудобных» эпизодов из жизни фельдмаршала сменилось другой крайностью. Но и сейчас факты из жизни Кутузова приноравливаются к современным понятиям, а не к малознакомым нормам и правилам далекого XVIII столетия. Что может быть справедливее слов П. А. Вяземского, предостерегавшего от опрометчивых выговоров прошлому: «Вообще наши убеждения, критики, порицания, наши мнения, понятия, взгляды лишены способности отречься, хотя условно, от настоящего дня, от мимотекущего часа. Мы не умеем переноситься в другое, несколько отдаленное время; мы не умеем мысленно переселяться в другую среду и в другие отжившие лица. Мы не к ним возвращаемся, как бы следовало, когда судим их. Мы насильственно притягиваем их к себе, к своему письменному столу, и тут делаем над ними расправу»³.

Личность полководца неоднозначно воспринималась современниками. Их мнения часто бывали полярны, что повлияло и на оценки исследователей. Кутузова либо идеализировали, вознося выше критики, либо считали пассивным и безвольным старцем, представлявшим «абстрактный авторитет». Такому восприятию немало способствовал образ «дедушки», созданный пером великого Толстого. Обилие документов, многие из которых регулярно переиздавались из сборника в сборник от юбилея к юбилею, не сделало Кутузова ни ближе, ни доступней пониманию. В последние годы в историографии проявился очередной всплеск симпатий к Барклаю де Толли (на цикличность этого явления обратил внимание А. Г. Тартаковский). Основываясь главным образом на «Оправдательных письмах» самого генерала и стихотворении Пушкина «Полководец» (1836), в Барклае серьезно усматривают соперника Кутузова, отводя последнему роль преемника незаслуженно отстраненного военачальника. В нашей историографии литературный образ и эмоциональное восприятие личной трагедии Барклая превалируют над фактами, а выборочное цитирование определенных источников без проверки, без сопоставления с другими источниками способствует укоренению в историографии не новой, но живучей легенды с идеологической подоплекой.

Кутузов действительно не вписывается в схемы, создаваемые историками: скрытный, но разговорчивый, внешне покладистый и внутренне упрямый, двуличный до лживости, резкий до грубости, медлительный в движениях, но быстрый в мыслях, по словам мадам де Сталь, «вельможа

---

³ Вяземский П. А. Мемуарные заметки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 389.

в Петербурге и татарин в армии»⁴. В нем удачно сочетались способности администратора, дипломата, воина. Он легко представлял себе ситуацию в целом, пренебрегая деталями, перестраиваясь на ходу. «Екатерининскому орлу» были чужды «мещанская мелочность» и «тяжелый педантизм» Барклая. Это был последний случай, когда русские войска возглавлял настоящий российский барин, из тех, кому народ, по словам Лермонтова, «простил... скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей»⁵. Соперники Кутузова часто становились жертвами его интриг. Оппоненты по-своему отомстили ему, оставив малопривлекательный портрет фельдмаршала на страницах писем, дневников, воспоминаний.

Александр I терпеть не мог своевольных людей этого поколения, осуждавших его либеральные взгляды. Но нам трудно выставлять этим людям «баллы» по поведению, «потому что в психологическом складе эпохи не все нам понятно, а многое чуждо», – пишет современный исследователь XVIII столетия⁶, к которому принадлежал поступками и суждениями «государственный вельможа и полководец» Кутузов. Александр I не смог переменить взглядов «военно-аристократических олигархов» (А. Г. Тартаковский). Он не любил вспоминать о событиях 1812 г.; в отличие от других российских монархов он ни разу не посетил Бородинское поле. Представляется недостаточно убедительным мнение В. М. Безотосного, что именно «Император... подготовил несколько вариантов политических игр среди генералитета»⁷. Нуждается в доказательстве и утверждение, что Александр I «заранее (с середины июля) искусно подталкивал кандидатуру» Кутузова на пост главнокомандующего⁸.

Уступая войска не любимому им Кутузову, император признал силу уходящего поколения, которое он неудачно и преждевременно попытался заменить «новыми людьми». Теперь о военно-политических взглядах этих людей стали говорить, наконец, с должной объективностью, не требуя от героев той эпохи, чтобы они жили и мыслили по понятиям нашего времени. «Война 1812 года сняла конфликт власти и общества. Правительство открыто воссоединилось с оппозицией, и официальными идеологиями стали радикально настроенные ее представители»⁹, – пишет

---

⁴ *Сталь А. Л. Ж. де. «Десятилетнее изгнание» // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1992. С. 158.*

⁵ *Лермонтов М. Ю. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 283.*

⁶ *Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 2002. С. 7.*

⁷ *Безотосный В. М. Борьба генеральских группировок в русской армии 1812 года // Тр. ГИМ. Вып. 132. С. 12.*

⁸ Там же. С. 23.

современный исследователь. Кстати, и «прогрессивная общественность» в лице декабристов к этому явлению относилась положительно. Вспомним красноречивое заявление М. И. Муравьева-Апостола: «Наши начальствующие генералы 1812 г. принадлежали царствованию Екатерины II; обхождением и познаниями они резко отличались от александровских генералов»¹⁰.

5 августа в Петербурге собрался Чрезвычайный комитет, «составленный по Высочайшему повелению», под председательством генерал-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова. Высшие сановники ознакомились как с официальными бумагами, так и с «партикулярными» (личными) письмами, поступавшими из армии на имя царя. «Положение нынешних обстоятельств» опытные государственные деятели объясняли отсутствием «положительной единоначальной власти», вследствие чего они приступили к обсуждению кандидатур, подходящих на пост главнокомандующего всеми российскими армиями. На вопрос Александра I: «Может ли выгодно далее продолжать команду генерал Барклай над армиею?» – ответ был отрицательный¹¹.

Самым серьезным претендентом на пост главнокомандующего оказался Л. Л. Беннигсен, сыгравший не последнюю роль в устранении Павла I, хотя и был вовлечен в заговор против воли. Беннигсен был одним из немногих участников переворота, кто остался в строю, не только избежав опалы, но и достигнув новых высот на служебном поприще. В 1806 г., самовольно приняв на себя функции главнокомандующего, он сыграл «вничью» с французами в сражении под Пултуском и был утвержден Александром I в должности. В начале 1807 г. в битве под Прейсиш-Эйлау Беннигсен вновь не дал себя разбить, заставив Наполеона «задуматься о непрочности людских деяний». «Леон Леонтич (Leon Leontitch)», как называл себя сам военачальник, не отличался ложной скромностью, как, впрочем, и большинство его соратников: тогда это было не принято. В память о Прейсиш-Эйлау он заказал за границей свой гравированный портрет, где под изображением была помещена надпись по-латыни: «Победитель непобедимого». Александр I оказывал генералу исключительные почести, постоянно вызывая недоумение у сардинского посла Жозефа де Местра: «Но все-таки мне непереносимо видеть человека, поднявшего руку на своего повелителя и пользующегося в обществе всеми правами. Император кре-

---

⁹ Вишленкова Е. А. Война и мир в контексте внешней политики России в начале XIX века // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 101.

¹⁰ Воспоминания и письма М. И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 167–168.

¹¹ Постановление Чрезвычайного комитета о назначении М. И. Кутузова Главнокомандующим армиями 5 августа 1812 года // Бородино. С. 11–13.

стил у него сына и я не встречал ни одного человека, которому пришло бы в голову подивиться сему; вот и попробуйте что-нибудь понять у них! Нет, никогда, никогда!»¹² С начала Отечественной войны Беннигсен находился при Главной квартире в качестве военного советника. Поразительно, что и войска, выказывавшие недоверие «немцу» Барклаю, при отступлении из Дорогобужа «почти взбунтовались и громогласно требовали Бенниксена»¹³, даже не имевшего русского подданства. Д. В. Давыдов объяснял это так: «Беннигсен... был также весьма замечателен по своему ласковому без кротости обращению, благородству речей и степенности, свойственной лишь вождю вождей могущественной армии»¹⁴.

В армии в ту эпоху предпочитали «старосветский дух Беннигсена» холодной сдержанности Барклая, и власть над армией не случайно вверили представителю когорты военных деятелей XVIII в. – самого «оптимистического века русской истории». «Мысленно переселясь в другую среду», оговоримся: Кутузов вряд ли бы оказался на посту главнокомандующего в 1812 г. без связей при дворе. Формула «всегда царедворец, всегда солдат» лежала в основе его карьеры. Заметное положение при дворе – почти единственный в те времена способ занять высокую должность по службе и, главное, удержаться на ней, иногда даже вопреки благоволению государя. Пример Кутузова – не исключение, а общепринятая норма. Любимец армии кн. Багратион начинал службу при штабе светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, вступил в брак с родственницей царской фамилии фрейлиной графиней Е. П. Скавронской и, как отмечал Ермолов, вовремя «сделал сильные связи у Двора» и «укрепил их обязательным обхождением»¹⁵.

Для Кутузова это был опасный соперник, традиционно недооцениваемый в отечественной историографии. Михайловский-Данилевский отметил, что Багратион пользовался «баснословной доверенностью войска и народа»¹⁶. Биография генерала, которого Толстой назвал по недоразумению «простым солдатом без связей и интриг», не имеет ничего общего с лермонтовским Максимом Максимычем. Так, французский посланник в Петербурге А. Савари сообщил в письме от 23 августа 1807 г. министру иностранных дел Франции Ш. М. Талейрану: «Князь Багратион, военный губернатор всех тех местностей, где пребывает

¹² Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 220.

¹³ Муравьев Н. Н. Записки // РС. 1893. № 12. С. 509.

¹⁴ Давыдов Д. В. Материалы для исследования современных войн (1806–1807 гг.) // Сочинения. СПб., 1895. Т. 1. С. 128–129.

¹⁵ Ермолов А. П. Записки. С. 150.

¹⁶ Мнения генерала Михайловского-Данилевского о двух записках, представленных князем Барклаем де Толли Императору Александру I // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. IV. Л. 393.

вдовствующая Императрица. Я не знаю, каким образом он достиг того, что стоит во главе армии; но он в большом почете у всех военных и его везде хвалят»¹⁷. В 1812 г. за спиной у князя – поддержка вдовствующей императрицы Марии Федоровны и герцогов Ольденбургских, взявших сторону генерала в междоусобице с Барклаем. К Багратиону благоволил Беннигсен, генерал-адъютант П. А. Шувалов решительно поддержал Багратиона, будучи направленным в армию для выяснения обстоятельств сдачи Смоленска¹⁸. Александр I враждебно и настороженно стал относиться к полководцу после того, как им серьезно увлеклась любимая сестра царя великая княгиня Екатерина Павловна. С этого времени император стал распускать слухи о невежестве Багратиона, «малосведущего в высших правилах войны». В конце XIX в. Орельский недоуменно заметил: «Князя Багратиона почему-то считают у нас человеком ограниченным, способным только ударить в штыки и разнести все предстоящее»¹⁹. Профессор Академии Генштаба М. А. Иностранцев высказался определенным образом, что военные заслуги и таланты Багратиона преуменьшаются «по причинам, не имеющим ничего общего с историей»²⁰. Кутузов, в отличие от историков, знал, чем чреват конфликт с Багратионом, возникший у него еще во времена Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Кутузова, Беннигсена и Багратиона роднила, по крайней мере, общая к ним неприязнь Александра I, чего нельзя было сказать о Барклае де Толли. За спиной этого военачальника, импонирующего многим историкам «неловкостью у Двора», постоянно угадывается фигура Александра I, назвавшего генерала своим «верным другом». «Цари не ошибаются, по крайней мере, не могут сознаться в своих ошибках так, чтобы другие замечали их ошибку»²¹. Если бы не обстоятельство, на которое указал военный историк Михайловский-Данилевский, вряд ли специалисты сравнивали бы полководческие способности Барклая и Кутузова.

Безусловно, как основательно полагают историки, аристократам Чрезвычайного комитета импонировала феодальная состоятельность Кутузова, «в отличие от худородного Барклая». К сожалению, в поле зрения защитников «демократа» Барклая не попала книга Ф. Талборга «Барклай де Толли и Балтийский край» (Рига, 2003). Из этого издания явствует, что за годы пребывания на посту военного министра «вождь несчастливый»

---

¹⁷ Сборник ИРИО. 1893. Т. 88. С. 136.

¹⁸ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 94.

¹⁹ ИВ. 1888. № 33. С. 824.

²⁰ Иностранцев М. А. Операции 2-й Западной армии князя П. И. Багратиона от Немана до Смоленска. СПб., 1910. С. 19.

²¹ Мнения генерала Михайловского-Данилевского о двух записках... Л. 393.

с успехом поправил свое материальное положение, купив имения не только в Лифляндской, но и в Могилевской губернии. Социальный же статус Кутузова импонировал не только «почтенным аристократам»: в солдатской массе, комплектуемой на основе рекрутского набора, также существовал стереотипный взгляд на личность главнокомандующего, о чем писал П. А. Вяземский: «Народ вовсе не так демократичен, как многие полагают. Обаяние высокого имени очень действует на него: он охотно верует в людей, дошедших до больших чинов постоянною, долговременною службою»²².

Высказавшись за назначение Кутузова главнокомандующим всеми российскими армиями, «аристократы» из Чрезвычайного комитета выразили не только свое мнение. Зная о нелюбви царя к полководцу, «дворянство обеих столиц» все равно «нарекло его своим защитником и Отечества»: Кутузов был одновременно избран начальником Петербургского и Московского ополчения. Трудно не согласиться с мнением биографа Баркляя де Толли А. Н. Кочеткова: «Смена Баркляя Кутузовым не была ни ошибкой, ни произволом царя. Она была исторической необходимостью, закономерным и правильным выходом из узла противоречий, в котором оказалось управление войсками в ответственный момент войны»²³.

Сведения о необычайной популярности Кутузова, согласно источникам, отнюдь не являются вымыслом «сталинистов». Авторитет полководца – не легенда. Сам Александр I, выдвинувший Баркляя на высокие посты, признал необходимость его замены: «Кутузов вообще в большом фаворе у здешнего общества и в Москве»²⁴. Этот особый «фавор» Кутузова следует принимать во внимание, чтобы судить о его планах при Бородине. Общественное признание на многое развязывало ему руки. Иронично, но верно передал Ж. де Местр ожидания «повелений Провидения, как они будут переданы князем Михаилом Ларионовичем Кутузовым»²⁵.

Гр. Ростопчин, превратившись после Бородина в злейшего врага Кутузова, 13 августа писал министру полиции генерал-адъютанту графу А. Д. Балашову: «Все состояния обрадованы поручением князю Кутузову главного начальства над всеми войсками, и единое желание, чтоб он скорее принял оное на месте»²⁶. Житель Северной столицы не скрывал восторга, узнав о даровании Кутузову титула: «Кутузова сделали светлейшим, да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы

---

²² Вяземский П. А. Мемуарные заметки. С. 466.

²³ Кочетков А. Н. М. Б. Барклай де Толли. М., 1970. С. 4.

²⁴ Фельдмаршал Кутузов. С. 164.

²⁵ Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 223.

²⁶ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 94.

желала видеть его с титулом генералиссимуса»²⁷. Эти строки написаны И. П. Оденталем к А. Я. Булгакову, когда еще не поднимался вопрос о назначении главнокомандующего армиями.

Как встретила Кутузова армия? Клаузевиц, мало расположенный к Кутузову, признавал: «В целом, Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в глубокой старости; и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором. Он знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещая повсюду близкую гибель неприятельской армии. ... Таким образом это легкомыслие и базарные выкрики хитрого старика были полезнее для дела, чем честность Барклая»²⁸. Даже немец на русской службе, чуждый приемам, которыми Кутузов наэлектризовывал войска («татарин в армии»), не видел альтернативы этому назначению.

П. С. Пущин, служивший в лейб-гвардии Семеновском полку, оставил в дневнике запись от 19 августа: «Князь Кутузов посетил наш лагерь. Нам доставило большое удовольствие это посещение. Призванный командовать действующей армией волей народа, почти против желания Государя, он пользовался всеобщим доверием»²⁹. Большая часть армии, далеко отстоявшая от интриг и неудовольствий, вызванных личным соперничеством, искренне ликовала по поводу этого назначения.

Вот что писал в дневнике Александр Чичерин, стремившийся к объективности, с максимализмом, свойственным юности: «Итак, прибыв к армии, Светлейший был встречен как спаситель. Дух армии сразу поднялся, и там, где Барклай не мог рассчитывать на свои войска, Кутузов с уверенностью полагался на храбрость солдат»³⁰. Офицер квартирмейстерской части Н. Н. Муравьев отзывался об этом назначении менее восторженно: «Сам я не могу об нем судить, но пишу о способностях его понаслышке от тех, которые его знали. Говорили, что он был упрямого нрава, неприятного и даже грубого; впрочем, что он умел в случае надобности обласкать, вселить к себе доверие и привязанность. Солдаты его действительно любили, ибо он умел обходиться с ними»³¹. «Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее

---

²⁷ И. П. Оденталь – А. Я. Булгакову. 30 июля // РС. 1912. № 8. С. 165–166.

²⁸ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 64.

²⁹ Дневник Павла Пущина 1812–1814. Л., 1987. С. 59.

³⁰ Дневник Александра Чичерина 1812–1813. М., 1966. С. 87.

³¹ Муравьев Н. Н. // РА. 1885. Ч. III. С. 244.

воскресение духа в войсках», – вспоминал участник Бородинской битвы офицер-артиллерист И. Т. Родожницкий... Одним словом, с приездом в армию князя Кутузова, во время самого критического положения России, когда Провидение навредило на нее мрачный покров гибели, обнаружилось явно, сколь сильно могло присутствие любимого полководца воскресить упавший дух русских как в войске, так и в народе. Что любовь войска к известному полководцу есть не мечта, а существенность, производящая чудеса, то показал всему свету незабвенный для славы России Суворов»³².

Своеобразие положения Кутузова при Бородине заключалось в том, что его ближайшие сподвижники относились к нему сдержанно, если не сказать враждебно, и не разделяли восторга большей части войск. Ни в дореволюционной, ни в советской историографии не принято было особенно вникать в тонкости взаимоотношений высшего генералитета при Бородине, но это обстоятельство определило всю последующую историографию события. Место этой непростой теме было отведено в работе А. Н. Попова, осветившего проблемы взаимоотношений высшего генералитета после оставления Москвы, не вдаваясь особенно в причины разногласий³³.

«Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора», – писал английский эмиссар в России полковник Р. Т. Вильсон лорду Кэткарту вскоре после Бородина³⁴, когда напряженная обстановка, вызванная наличием большого количества полных генералов, несколько разрядилась в отсутствие самого авторитетного из них князя Багратиона. Ранение последнего дало возможность Кутузову, произведенному за Бородино в генерал-фельдмаршалы, слить в одну армию все силы, находившиеся под его непосредственным командованием. Но при Бородине все отдаваемые им распоряжения исполнялись через посредников – главнокомандующих 1-й и 2-й армиями, что нередко создавало конфликтные ситуации, отразившиеся в записках Беннигсена и Ермолова, в «Оправдательных письмах» Барклая де Толли.

Противоречия между лицами, принадлежащими к высшей военной иерархии, проявлялись в критическом отношении к распоряжениям Кутузова, о чем мы можем судить по источникам. И у Беннигсена, и у Багратиона, и у Барклая де Толли, и у Ермолова были на то веские

---

³² *Родожницкий И. Т.* Из походных записок артиллериста с 1812 по 1816 год // Бородино. С. 383.

³³ *Попов А. Н.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // РС. Т. 3. 1897.

³⁴ Вильсон Р. Т. – лорду Кэткарту. 16 (8) сентября 1812 года // Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 149.

причины. Беннигсен в письме Фоку так изложил представление о собственной значимости: «Из честолюбия и отчасти из самолюбия, которое всегда должно быть присуще военному, мне было неприятно служить под начальством другого генерала после того, как я командовал войсками против Наполеона и самых искусных его маршалов»³⁵. Соратники Кутузова в большей степени являлись его соперниками или, как выражался Ермолов, «совместниками». По понятиям того времени у каждого из них была веская причина и «значущий» шанс самому возглавить соединенные армии. Нельзя забывать, что за спиной у каждого военачальника были свои приверженцы при дворе, следовательно, назначение Кутузова происходило в обстановке гораздо более сложной и вместе с тем более определенной, нежели подчинение абстрактному велению «народного гласа». Обстоятельства «конкурса главнокомандующих», где одержал победу Кутузов, став достоянием слухов, сделались известны и его сослуживцам. Багратион, в частности, ознаменовал приезд нового главнокомандующего откровенным письмом Ростопчину: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем!»³⁶

«Неразгаданный Барклай», по мнению историков, снес отстранение от командования армиями с «молчаливым достоинством». Это заблуждение опровергается письмом самого Барклая Александру I от 24 августа 1812 г., в котором он не преминул поделиться своими суждениями о «государевых» рескриптах: «В первом из этих рескриптов я настолько несчастлив, что причислен к продажным и презренным людям...»³⁷ Стоит ли объяснять, кого он имел в виду? По приезде Кутузова Барклай волновало еще одно обстоятельство. Рескрипт о смещении Барклая с поста военного министра Александр I подписал лишь 24 августа. Но Чрезвычайный комитет, приняв 5 августа решение о назначении Кутузова, в тот же день заключил, «что в обоих случаях, естли бы Военный министр Барклай де Толли согласился остаться в действующей армии или возвратился бы в С.Петербург, то все же следует уволить его от звания Военного министра»³⁸. Кутузов, уезжая из Петербурга, знал о последнем абзаце постановления Чрезвычайного комитета и, очевидно, полагал, что в рескрипте на имя Барклая Александр I сообщил своему протеже не только о назначении Кутузова, но и об отставке с поста военного министра. Однако этого не произошло. Царь медлил, желая, очевидно, иметь «противовес» не любимому им Кутузову. В результате на

---

³⁵ Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. № 9. С. 493.

³⁶ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 101.

³⁷ Бородино. Документальная хроника. С. 96.

³⁸ Фельдмаршал Кутузов. С. 163.

Бородинском поле Барклай продолжал считать себя военным министром, что явствует из его письма государю от 16 августа: «В качестве Главнокомандующего, подчиненного князю Кутузову, я знаю мои обязанности и в точности их исполняю. Однако же, мне еще неизвестно, в каких я буду находиться с ним отношениях в качестве военного министра»³⁹. В управлении войсками продолжало существовать «важное неудобство», помимо противоречий о «старшинстве», которое было устранено назначением Кутузова. Эта ситуация дополнительно травмировала и без того находившегося в раздражении Барклая. Правда, у него осталось другое преимущество – доверительные отношения с императором, которому он писал о своих «совместниках» все, что заблагорассудится, не выбирая выражений, будь то Кутузов, Багратион или Беннигсен, который, по мнению Барклая, руководил войсками, «гордясь похищенной славой»⁴⁰. Именно так «вождь несчастливый» оценил успехи Беннигсена в предыдущих войнах с Наполеоном.

Кутузов, по словам Ермолова, «неодолимый ратоборец» на поприще интриг, решил тоже «взять свои меры». Учитывая близкие отношения Барклая с государем, пожелавшим оставить его во главе 1-й армии, Кутузов решил нейтрализовать влиятельного подчиненного, всячески подчеркивая свою показную радость по поводу возвращения в армию Беннигсена, высланного Барклаем накануне назначения Кутузова. Клаузевиц по этому поводу оставил интересное свидетельство: «Одновременно с князем Кутузовым в армию прибыл генерал от кавалерии Беннигсен, с тем, чтобы занять место начальника штаба обеих армий. Надо полагать, что Беннигсен выхлопотал себе это назначение в Петербурге, так как понимал, что ни одной из двух армий ему в командование не дадут; а он хотел получить возможность при случае протиснуться на первое место, если бы здоровье старика Кутузова бы не выдержало. Мало помалу он приобрел некоторое влияние; впрочем, старый князь не особенно поощрял Беннигсена, которому, по-видимому, не доверял. В армии это удивительное назначение произвело почти комическое впечатление»⁴¹.

Кутузов возвратил в армию атамана Войска Донского генерала от кавалерии М. И. Платова, известного нескрываемой неприязнью к военному министру. Уचितность главнокомандующего вряд ли обманула Барклая, когда он вновь увидел тех, кого полагал в изгнании. Особенно неприятным для него было появление в новом качестве Беннигсена, который в начальный период войны, находясь при 1-й армии в качестве

³⁹ Тр. ИРВИО. Т. 5. С. 262.

⁴⁰ Барклай де Толли М. Б. «Изображение военных действий». С. 183.

⁴¹ Клаузевиц К. 1812 год. С. 65.

«консультанта», измучил Баркляя интригами и обвинениями в некомпетентности. Теперь это был непосредственный начальник Баркляя, которому он обязан был подчиняться. Положение Баркляя оказалось худшим, нежели у Багратиона, вышедшего наконец из подчинения младшего по чину. К тому же Багратион имел возможность сноситься с Кутузовым при посредстве Беннигсена, всегда благоволившего к Багратиону и решительно занявшего сторону последнего «в разросшемся конфликте» с Баркляем в период отступления.

В отношении Беннигсена Кутузов просчитался, недооценив его амбиций. Последний не испытывал благодарности за возвращение к армии, а, напротив, чувствовал себя уязвленным этой милостью, как явствует из его собственного выше цитированного признания. Пользуясь неограниченными правами, положенными начальнику штаба согласно Учреждению о большой действующей армии, он вмешивался во все распоряжения Кутузова, подвергал их критике, публично прекословил, поучал, советовал, одним словом, усугублял неудобства, которых и так хватало в присутствии большого количества высоких начальников. Противостояние Кутузов – Беннигсен осложнялось тем, что к последнему примыкал по давним семейным и служебным связям Ермолов, поведение которого в сложившихся условиях справедливо охарактеризовал А. Н. Попов: «Такое положение Баркляя и Беннигсена, естественно, не оставляло их одинокими соперниками и недоброжелателями князя Кутузова; но около них приютились еще многие и тем содействовали их влиянию только на войска ...самым видным лицом из числа последних был начальник штаба 1-й армии генерал Ермолов»⁴². Баркляй де Толли относился к своему начальнику штаба (пользующемуся особой симпатией у историков) враждебно. Об этом он сообщил императору: «Начальник Главного моего штаба А. П. Ермолов, человек с достоинствами, но лживый и интригант, единственно из лести к некоторым вышеназванным особам и к Его Императорскому Высочеству и князю Багратиону совершенно согласовался с общим поведением»⁴³. Толстой в романе «Война и мир» допустил серьезную ошибку: он развел Беннигсена и Багратиона с Ермоловым по разным «партиям», что не соответствовало действительности. Писатель причислил Беннигсена к «немецкой партии», в то время как Багратион и Ермолов значатся в «русской партии».

Кутузов, окруженный соратниками-соперниками, вынужден был искать для себя серьезную опору в период подготовки к генеральной битве – человека, которому он бы мог довериться и который не посягал

---

⁴² Попов А. Н. Движение русских войск... С. 93.

⁴³ Тр. ИРВИО. Т. 6. С. 183.

бы на его авторитет. Такой человек нашелся. Им был его бывший ученик по Инженерно-артиллерийскому шляхетскому корпусу – генерал-квартирмейстер 1-й армии полковник Толь, который по воле главнокомандующего стал фактически выполнять ту же должность в Главном штабе соединенных армий, хотя формально на ней числился генерал-квартирмейстер 2-й армии генерал-лейтенант М. С. Вистицкий. В приказе Кутузова от 20 августа это выглядело так: «Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майору Вистицкому принять должность генерал-квартирмейстера 1-й и 2-й Западных армий по случаю их настоящего соединения, которому явиться всем офицерам сей части. Той же части полковнику Толю находиться при мне»⁴⁴. В позднем формулярном списке Толя об этом факте его карьеры сообщалось значительнее: «По прибытии фельдмаршала князя Кутузова к армии назначен генерал-квартирмейстером всех действующих армий противу неприятеля»⁴⁵.

Толь был офицером, без сомнения, способным, но не по чину властным. Последняя черта в его характере обострилась в связи с излишним доверием Кутузова, вызванным причинами, о которых выше было сказано. Клаузевиц не сомневался в том, что при Бородине русская армия построилась по указаниям Толя на позиции, выбранной неутомимым полковником, полагавшим, что офицер квартирмейстерской части должен не менее восемнадцати часов в сутки проводить в седле, проезжая не менее 100 верст. Присутствие Толя в качестве советника Кутузова вызвало нарекания со стороны Беннигсена и Ермолова. Первый охарактеризовал свойства избранника Кутузова в письме к императору от 9 ноября 1812 г.: «...Несогласия и неприятности всякого рода, которые я испытываю, происходят от поведения полковника Толя, который считает себя оскорбленным, когда ему приходится действовать по моим указаниям. Однажды я советовал ему сообразовываться с военными законами и через меня представлять князю распоряжения о движении войск. Он осмелился мне отвечать, что в таком случае он вовсе не будет в них вмешиваться. Я жаловался фельдмаршалу; но из этого ничего не вышло... Поэтому одному ему [Толю] мы обязаны плохим успехом Бородинского сражения и теми огромными потерями, которые мы в нем понесли»⁴⁶. Беннигсену вторил Ермолов: «Полковник Толь, офицер отличных дарований, способный со временем оказать большие заслуги; но смирать надобно чрезмерное его самолюбие, и начальник его не должен быть

⁴⁴ Бородино. С. 33.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 66–66 об.

⁴⁶ Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. № 8. С. 369.

слабым, дабы он не сделался излишне сильным. Он, при полезных способностях, по роду служебных его занятий, соображение имеет быстрое, трудолюбив и деятелен; но столько привязан к своему мнению, что, иногда, вопреки здравому смыслу, не признает самых здравых возражений, отвергая возможность иметь не только превосходные способности, ниже допускает равные»⁴⁷.

Клаузевиц отмечал, что и до приезда Кутузова «Толь пользовался репутацией самого образованного офицера», а прапорщик квартирмейстерской части при Бородине А. А. Щербинин, не опасаясь преувеличений, с восторгом впоследствии сообщал: «...Карл Федорович, как талант собственно военный, совершенно равнялся самому Наполеону. Это был маятник в часах правильного хода»⁴⁸. В армии не сомневались, что «позиция при Бородине была выбрана теми же глазами, которые выбирали все позиции для Барклая, то есть глазами полковника Толя» (Клаузевиц).

Эти обстоятельства осложняли еще более взаимоотношения Кутузова не только с Беннигсеном и Барклаем, оставшимся без генерал-квартирмейстера, но и с Багратионом. С последним у Толя незадолго до назначения Кутузова было серьезное столкновение, когда выяснилось, что под Дорогобужем часть русской армии развернута на позиции спиной к неприятелю. Багратион публично пригрозил тогда Толю «белой сумой» – разжалованием в солдаты. Это явилось тяжким потрясением для дерзкого и самолюбивого полковника, сразу же подавшего прошение об отставке на имя Ермолова. Толь писал: «Чувствую себя совершенно неспособным отправлять должность Генерал-Квартирмейстера армии, прошу покорнейше Вашего Превосходительства довести до сведения Господина Главнокомандующего, чтобы определить меня обер-квартирмейстером в какой-нибудь корпус»⁴⁹. Прошению не дано было хода, и Толь сохранил свое место в штабе 1-й армии. Багратион тоже не забыл этого инцидента, о чем свидетельствует Отношение его начальника штаба Сен-При Ермолову от 14 августа, за три дня до приезда Кутузова: «Князь приказал вам сказать, что он на все согласен, и впредь не намерен вмешиваться ни в какие дела, зная по опытам, что все его предложения никогда не приводятся в исполнение. Он замечает только, что ежели мы здесь повременим и оставим приготовить нам лагерное место

---

⁴⁷ Ермолов А. П. Записки. С. 130.

⁴⁸ Записки А. А. Щербинина // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. Вильно, 1900. С. 5.

⁴⁹ Тр. ИРВИО. Т. V. Война 1812 года. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. 1. СПб., 1912. С. 131.

в Вязьме г-ну Толю с товарищами, то мы возобновим ошибки наши под Дорогобужем»⁵⁰.

Кто учитывал перечисленные нюансы в отношениях между главными начальниками русской армии? Кто из специалистов до Н. А. Троицкого цитировал высказывание Багратиона о Кутузове? Кто из историков брался повторить в своих работах то, что написано о Кутузове Баркляем? Наверное, это и ни к чему, так как «сдержанный, холодный шотландец», как назвал его А. Г. Тартаковский, перешел в своих высказываниях все нормы и приличия. Так же нелицеприятны оценки Кутузова Беннигсеном. Мы не обязаны им верить, но обязаны учитывать многообразие мнений, своеобразие обстоятельств, наконец, особенности характера Кутузова. Здесь хотелось бы привести слова Н. Я. Эйдельмана, изучавшего тайны архива Беннигсена: «Записки человека о своем времени... Они могут нравиться, не нравиться; мы можем сделать прошлому выговор, возмутиться им, но никак не можем сделать одного: отменить то, что было»⁵¹. Можно констатировать факт, что Кутузов, восторженно провожаемый в Петербурге и радостно встречаемый большинством в армии, оказался в изоляции в среде своих спожников. Не замечать этой ситуации, как поступали многие историки, нельзя. Беннигсена и Баркляя стремились представить в виде несостоятельных интриганов-неудачников, а Багратиона и Ермолова как безусловных союзников Кутузова, разделявших его взгляды и намерения. Реальная ситуация, на наш взгляд, верно охарактеризована Б. М. Коллюбакиным: «Сравнение власти и положения во главе своих армий Наполеона и Кутузова является более чем не в пользу последнего».

---

⁵⁰ Тр. ИРВИО. Т. V. Кн. 1. С. 184–185.

⁵¹ *Эйдельман Н. Я. Записки Беннигсена...* С. 314.

2. Причины, приведшие к сражению при Бородине

Современный исследователь Б. С. Абалихин, характеризуя проблемы, возникающие при изучении Бородинского сражения, высказал, на наш взгляд, справедливое суждение: «Некоторые вопросы совершенно не затрагивались или освещены недостаточно полно, например причины Бородинской битвы, выбор позиции»⁵².

Кутузов прекрасно создавал, с чем связано его определение на высокий пост, чего ожидали от него император, армия, Россия. Это было ясно изложено в рескрипте от 8 августа 1812 г. Александр I указывал Кутузову: «Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий хотя и предшествуемо было начальными успехами, но последствия оных не открывают Мне той быстрой деятельности, с каковою бы надлежало действовать на поражение неприятеля»⁵³. Император даже не намекал на «скифский план» заманивания неприятеля в глубь России. Цель перед Кутузовым поставлена конкретная: остановить продвижение торжествующего неприятеля к Москве. Император верил в такую возможность.

Поверил в нее, судя по всему, и Барклай де Толли, 10 августа он сообщал московскому генерал-губернатору графу Ростопчину: «Непременным долгом считаю уведомить Ваше сиятельство, что после отступления армий из Смоленска, нынешнее положение дел непременно требует, чтоб судьба наша решена была генеральным сражением. Я прежде сего полагал продолжать войну до окончательного составления внутренних ополчений. Все причины доселе воспретившие давать оного, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были подвержены сугубой гибели и бесчестию»⁵⁴. Когда Барклай де Толли ставил свою подпись в конце этого письма, мысль «завлечь неприятеля в недра своего Отечества» представлялась ему одинаково и кощунственной, и погубительной. Пушкин, избрав Барклая в своем стихотворении «Полководец» последовательным сторонником отступления до полного истощения неприятеля, явно переоценил готовность своего героя к подобным жертвам, коль скоро русские армии оказались у стен Москвы.

Историки до сих пор задаются вопросом: что побудило Кутузова решиться на генеральное сражение? Высказывалось предположение,

⁵² Абалихин Б. С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 13.

⁵³ Фельдмаршал Кутузов. С. 163–164.

⁵⁴ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 88–89.

что полезнее было бы его избежать в целях сохранения армии. Мотивов в пользу битвы, кроме непреложной воли императора отстоять Москву, у Кутузова могло быть несколько. Кутузов не мог пренебречь настроениями в армии, о которых писал Толь: «Почему Российская армия дала сражение при Бородине и для чего, отразив неприятеля и удержав за собою 26-го числа место сражения, предприняла потом отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, последствием коего было занятие неприятелем Москвы? Дабы разрешить сей вопрос, надлежит поставить на вид: хотя отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, предписано было уважительными обстоятельствами, однако не менее того войска наши приметным образом начали терять воинский дух, россиянам свойственный, который необходимо нужно было поддержать и возвысить»⁵⁵. Толь имел в виду, очевидно, участвовавшие факты падения дисциплины в армии, а именно – мародерство. Б. С. Абалихин цитировал рапорт Кутузова Александру I от 19 августа, который историки, обходя молчанием, не комментируют: «Не могу я также скрыть от Вас, Всемилостивейший Государь, что число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант Его Императорского Высочества Шульгин собрал их до 2000 человек»⁵⁶. Этот факт не является неожиданным, если обратиться к источникам, разрушающим идеалистические представления о составе русской армии. Так, начальник 26-й пехотной дивизии И. Ф. Паскевич вспоминал:

«В декабре 1810-го года поручено мне сформировать пехотный полк, названный Орловским. В январе 1811-го я назначен шефом полка. Формирование с самого начала представило затруднения невероятные. Общие приготовления к войне были причиною, что для состава новых полков не могли дать хороших средств. Надлежало формировать полк из четырех гарнизонных батальонов, в которых солдаты и офицеры почти все были выписаны за дурное поведение. Из других полков поступило только 3 майора и несколько обер-офицеров. К тому из дворянского корпуса прислали 20 молодых офицеров, только что умевших читать и писать.

С этими средствами надо было спешить образованием полка, ибо война была неизбежна. Нравственности в полку не было. От дурного содержания и дурного обхождения офицеров начались побеги. В первый же месяц ушло до 70 чел. Почти половину офицеров я принужден был отослать обратно в гарнизон. Я жаловался на судьбу, что, между тем как

---

⁵⁵ Толь К. Ф. Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа... СПб., 1839. С. 48–49.

⁵⁶ Бородино. С. 26.

в армии были прекраснейшие полки, мне достался самый дурной и в то самое время, когда мы готовились к борьбе с страшным Императором французов... Я настоял, чтобы вывести мой полк из города, где невозможно было навести необходимого порядка, и расположился в 60 верстах. Три месяца усиленных занятий и шесть недель в лагере дали мне возможность привести Орловский полк в такое положение, что он был уже третьим полком в дивизии. Но успех этот дорого мне стоил. От трудов и беспокойств я сделался болен страшной горячкой, едва не умер и пролежал три месяца»⁵⁷. Тем не менее при Бородине Орловский пехотный полк стойко защищал батарею Раевского, где понес значительные потери. По поводу других таких же гарнизонных батальонов император сделал замечание рижскому военному губернатору генерал-лейтенанту Эссену: «Усмотрев из рапорта вашего к Главнокомандующему в С.-Петербурге, что вы описываете совершенную неспособность состоящих под начальством вашим батальонов, то на оное должен я вам заметить, что сии батальоны никогда составом своим не разствовали с действующими двумя батальонами, и в хороших полках оные хорошие, в слабых оные слабые как и самые полки. Способность же свою действовать они доказали неоднократно и при защищении Динабурга и в армии князя Багратиона, где оных находится шесть 26-й дивизии [Паскевича. — Л. И.]»⁵⁸.

11 июня 1812 г. Ростопчин писал из Москвы министру полиции Балашову: «Прошу покорнейше разрешить меня насчет бродяг и распутных. Люди нужны в армии, а эти зараза в городе»⁵⁹. 28 июня он получил ответ: «Я представляя Его Величеству предметы, на кои в[аше] с[иятельство] испрашивать изволите разрешение и Г[осударь] И[мператор] высочайше указал: 1). Содержащихся в смиренном и рабочем московских домах за пьянство и распутство мещан и господских людей взять в рекруты с зачетом и отправить в вновь формируемые полки; 2). Не имеющих ремесла, жилища и состояния отставных офицеров и нижних классов гражданских чиновников праздно штабующихся, при первом новом со стороны их проступке, отсылать к военному начальству для обращения в военную службу нижними чинами»⁶⁰. Приведенные сведения не означают, что в армии не было дисциплинированных полков и в результате рекрутского набора в ее ряды попадал исключительно безнравственный элемент. Сам

---

⁵⁷ Паскевич И. Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 101.

⁵⁸ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 77.

⁵⁹ Там же. С. 11.

⁶⁰ Там же. С. 13.

за себя, например, говорит случай, описываемый в дневнике Пущина: «Один артиллерист, желавший служить в кавалерии, дезертировал и записался в один из наших уланских полков; здесь по стрижке волос его уличили, судили в Вильно. Попав в плен как раз по вступлении неприятеля в город этот молодец, несмотря на предстоящую ему смертную казнь дома, предпочел убежать из плена, явился к генералу Ермолову и чистосердечно ему рассказал все. За такую преданность он был прощен и зачислен в кавалерийский полк, как он того желал»⁶¹. Знаток солдатских душ И. Н. Скобелев, вероятно, неспроста утверждал: «Бывают храбрые *шалуны* но не мерзавцы».

Нельзя также и отрицать, что определенный процент нижних чинов состоял из «шалунов» не самого достойного поведения, нуждавшихся в постоянном внимании со стороны начальства, так как при неблагоприятных обстоятельствах они представляли значительную опасность. «Лишается человек воинского духу и субординации», – с тревогой отмечал Багратион⁶². Об этом же факте говорит письмо дежурного генерала штаба 2-й армии генерал-адъютанта С. Н. Марина своему другу, начальнику 2-й сводно-гренадерской дивизии М. С. Воронцову: «Любезный граф, когда ты пойдешь с твоими непобедимыми, то подмети наших оставшихся. Говорят, что их тьма и, как саранча, рассеялись по белу свету»⁶³. Кутузов, как старый солдат, реально представлял себе среду, из которой поступали в армию рекруты, и не пренебрегал такими настораживающими показателями морального состояния армии, как участвовавшие случаи мародерства. Он уловил критическую точку настроений солдатской массы на подступах к Москве, которую деморализовывало затянувшееся отступление. Зло могло предотвратить только сражение.

В числе причин, вынуждавших Кутузова принять сражение, историки называют неотступное преследование со стороны неприятеля. Н. А. Троицкий, как в свое время Е. В. Тарле, считает ее одной из главных. Преследование, безусловно, усилилось по мере приближения к Москве. Этот факт констатировал Багратион в отношении к Ростопчину от 13 августа, отправленного из села Гаврикова (между Ельнею и Вязьмой): «Неприятель наш неотвязчив: он идет по следам нашим»⁶⁴. Кутузов в донесении Александру I от 19 августа сообщал: «Токмо вчерашний день один прошел без военных действий»⁶⁵. Велика была доля вероятности,

---

⁶¹ Дневник Павла Пущина 1812–1814. С. 49.

⁶² Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 89.

⁶³ «К чести России»... С. 48.

⁶⁴ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 93.

⁶⁵ Бородино. С. 25.

что русские армии, настигнутые «на бегу» неприятелем, вынуждены будут принять бой на позиции, «какая тут случится» (Е. В. Тарле). Но представляется, что полностью согласиться с Н. А. Троицким в том, что положение Кутузова было безвыходным, нельзя. Б. С. Абалихин, придерживаясь версии П. А. Жилина и возражая Н. А. Троицкому, писал, что не Наполеон навязал сражение, а Кутузов его спланировал заранее⁶⁶. По-видимому, решение этого вопроса зависело не только от того, чья воля в конце концов возобладала, Кутузова или Наполеона, но и от того, кто и как руководил арьергардом. Популярный герой Отечественной войны Платов в 1812 г. не справлялся с этой задачей, о чем свидетельствует отстранение его Барклаем под Вязьмой.

По этому поводу Ермолов сообщал: «Главкомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова аррьергардом, уволив его от оного, позволил отправиться из армии, и он находился в Москве, когда князь Кутузов дал ему повеление возвратиться к донским казакам в армии. Аррьергард поручен генерал-лейтенанту Коновницыну, и он, отступая от Вязьмы, упорно защищался на каждом шагу... От Гжатска в аррьергарде было несколько горячих сшибок с чувствительною с обеих сторон потерей, но генерал-лейтенант Коновницын доставлял армии несравненно более спокойствия, нежели прежде атаман Платов»⁶⁷. Ермолов дал, на наш взгляд, объективное объяснение тому, что мешало Платову успешно руководить действиями арьергарда. Постоянная симпатия, которая связывала обоих военачальников, придает свидетельству Ермолова большую достоверность. «Мне причиною недейтельности его [Платова] казалось простое незнание распоряжаться разного рода регулярным войском, особенно в действиях продолжительного времени. Быть начальником казаков решительным и смелым не то, что быть генералом, от которого требуется другой род распорядительности в связи с искусством непременно»⁶⁸. Наконец, не в пользу «вихоря-атамана» и замечание в собственноручном письме Багратиона Ростопчину (без числа и месяца, но накануне приезда Кутузова): «...вдруг шельма Платов даст знать, что сила валит, а мы снимайся с позиции и беги по ночам, в жар, в зной, назад, морим людей и на пагубу несем неприятеля за собой»⁶⁹. То, что было очевидным для генералов, не укрылось и от внимания офицеров. Так, командир батальона 1-го егерского полка М. М. Петров писал не без иронии: «...Кажется, для того, чтобы ввести

---

⁶⁶ Абалихин Б. С. 1812 год: актуальные проблемы истории. С. 43.

⁶⁷ Ермолов А. П. Записки. С. 183.

⁶⁸ Там же. С. 179.

⁶⁹ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 74.

Наполеона в решительность идти прямо на Москву и завоевать Россию покорением ее в одну кампанию, поручен был арьергард наш атаману Платову, который, давая ежедневно безрасчетные сражения, отступал до села Семлева, пред которым главнокомандующий Кутузов без всякой церемонии сменил его умным, образованным героем генерал-лейтенантом Коновницыным»⁷⁰. Автор, будучи по-своему пристрастным, преувеличил степень образованности Коновницына и связал отстранение Платова от командования арьергардом с распоряжением Кутузова, а не Барклая.

Если бы Кутузов посчитал для себя возможным сдать Москву без боя, он, безусловно, с этим справился, хотя и неся потери в арьергардных боях. Но Кутузов не мог пренебречь настроениями армии, которую деморализовывало затянувшееся отступление. Да и сам «екатерининский орел» с трудом мог примириться с мыслью об оставлении Москвы.

В этом случае нельзя не задаться вопросом, на что же рассчитывала армия, жаждавшая сражения, выразителем настроений которой был князь Багратион? Что он имел в виду, когда писал 13 августа Ростопчину: «В заключение скажу одно только к утешению, что армии наши в довольно хорошем состоянии, и воины русские, горя истинною любовью к Отечеству, готовы всякий час к отмщению неприятелю за его дерзость»⁷¹. В то же время Багратион не отвергал вероятности потери Москвы: «Постарайтесь ризницы богатые выносить ради Бога и образа богатые, чтобы им не достались»⁷². Одиночество Кутузова при Бородине проявилось в той ответственности, которую он брал на себя за происходящее, вплоть до сдачи Москвы, но отнюдь не в сомнениях по поводу успехов в ее защите. Находясь на позиции при деревне Семеновское, Багратион направил Ростопчину последнее перед битвой письмо, где были пессимистические слова: «Я так крепко уповаю на милость Бога, а ежели Ему угодно, чтобы мы погибли, стало мы грешны и сожалеть уже не должно, а надо повиноваться, ибо власть Его святая»⁷³.

Письма, дневники, воспоминания участников битвы свидетельствуют, что среди русского генералитета, так же как и среди офицеров, довольно скептически оценивали возможный результат битвы (о настроениях нижних чинов мы можем судить в основном по воспоминаниям их начальников). Еще 6 августа Ермолов писал Багратиону: «Надобно противостоять

---

⁷⁰ *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку... // 1812 г. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 179.

⁷¹ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников. С. 93–94.

⁷² Там же. С. 98.

⁷³ Там же. С. 97.

до последней минуты существования каждого из нас. Одно продолжение войны есть способ вернейший восторжествовать над злодеями Отечества нашего. Боюсь, что опасность, грозя древнейшей столице, заставит прибегнуть нас к миру, но сии меры слабых и робких. Все надобно принести в жертву и радостно, когда под развалинами можно погребсти врагов, ищущих гибели Отечества нашего. Благослови Бог! Умереть Россиянин должен со славою»⁷⁴.

«26 августа незабвенное дело Бородинское, – делился воспоминаниями с Михайловским-Данилевским генерал К. А. Крейц. – Считаю оное последним в своей жизни, всякий дрался, чтобы увековечить свое имя»⁷⁵. В этих словах запечатлелись подлинные чувства большинства военачальников: объективная невозможность защитить Москву в их сознании была связана с гибелью России, а следовательно, с позором их дальнейшего существования. Коновницын в письме к жене, отправленном 27 августа, назвал Бородино «днем страшного суда»⁷⁶. «Москва должна была служить для русского воина тем же, что могила для каждого смертного, за Москвой был уже другой мир»⁷⁷ – так, спустя много лет, вспоминая о битве при Бородине, Евг. Вюртембергскому удалось выразить, на наш взгляд, невыразимое. Чувства армии запечатлены в воспоминаниях И. Р. Дрейлинга, составленных в 1820 г.: «В наших общих молитвах, в том «Отче наш», с которым я обращался к Творцу, слышалась из глубины души одна мольба – чтоб завтра же нам дали возможность сразиться с врагом, хотя бы пришлось умереть – только бы дальше не отступали! Наша гордость, гордость еще не побежденного солдата, была оскорблена и глубоко возмущена. Как! Мы отступали перед надменным врагом, а они все глубже и глубже проникали в родные поля каждого из нас, все ближе и ближе и никем не сдерживаемые подступали к самому сердцу нашего общего Отечества»⁷⁸.

М. М. Петров даже поведал в своих «Рассказах» о разнице в настроениях воинов при Бородине и взятии Парижа: «Война, зачавшаяся в 1812 году, имела два пункта, где видно было близкое равновесие рвения россиян на отличия: один на поле Бородинском, а другой при Монмартре. На первом все воины наши были храбры до озлобления, ибо

⁷⁴ Ермолов А. П. – Багратиону П. И. 6 августа 1812 г. // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. Ч. V. С. 220–221.

⁷⁵ Бородино. С. 359.

⁷⁶ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... М., 1904. Ч. 8. С. 109–110.

⁷⁷ Евг. Вюртембергский. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 50.

⁷⁸ Дрейлинг И. Р. Воспоминания участника войны 1812 г. // 1812 г. Воспоминания воинов... С. 372.

⁷⁹ Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку... С. 262–263.

не умереть, а остаться живыми в завоеванном французами Отечестве боялись. Но когда шли на укрепления Парижа... каждый из нас не хотел умереть прежде покорения Парижа»⁷⁹. Воспоминания защитников Отечества о кануне дня Бородина проникнуты чувством жертвы: «... Французы тоже готовились к решительному бою... Москва лежала перед ними – за полем битвы. Им надлежало только пройти по трупам сынов ее...» – писал И. Т. Родожицкий⁸⁰. Ближе всех находившийся к главнокомандующему Толь вспоминал: «Мысль отдать столицу неприятелю без сражения ужасала каждого русского, и потому Главнокомандующий решился остановиться на первой выгодной позиции, чтобы дать сражение неприятелю»⁸¹.

Источники подтверждают, что Кутузов решился на сражение по причинам «нематериального» характера. Как ни парадоксально, но суждения воинствующего «марксиста» М. Н. Покровского довольно объективно отражали положение Кутузова накануне «большой битвы», хотя, например, Н. А. Троицкий считает, что «сегодня его нельзя принять всерьез»⁸². Однако Кутузову в той ситуации действительно предстояло «убить двух зайцев, бегущих в разные стороны»⁸³.

Он пошел на риск, «вервясь на произвол сражения» у стен Москвы. «Опасение ответственности всегда, кажется, притупляло его способности»⁸⁴, – писал лорд Тэрконель о Барклае де Толли, несколько раз пытавшемся реализовать идею генерального сражения, но останавливавшемся перед осознанием факта нехватки сил. Таким образом, «ловкий царедворец» Кутузов, невзирая на сомнения, связанные с риском потерять армию, предстал в образе человека волевых решений.

3. Генеральное сражение в стратегическом замысле М. И. Кутузова

Многое в исследовании Бородинского сражения связано с неконкретностью, с недоговоренностью в определении планов обеих сторон. Особенно это касается замыслов русского командования, без уточнения которых трудно судить о степени их реализации. Историки разноречиво определяют конечную цель, иначе говоря, посильную задачу, которую

---

⁸⁰ Из «Походных записок артиллериста с 1812 по 1816 год» И. Т. Родожицкого // Бородино. С. 385.

⁸¹ Толь К. Ф. Описание битвы при селе Бородине. С. 48–49.

⁸² Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1987. С. 134.

⁸³ Покровский М. Н. Война 1812 года. М., 1934. С. 285.

⁸⁴ Дубовин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 164.

⁸⁵ Фельдмаршал Кутузов. С. 200.

ставило себе в этой битве командование в лице Кутузова, далеко не всегда посвящавшего в свои намерения даже тех лиц, с которыми, в силу их служебного положения, он должен был согласовывать свои действия.

Обратим внимание на факт, которому исследователи не придают особого значения: Кутузов готовился вступить в командование армиями под Смоленском. Так следует понимать его фразу из донесения Александру I от 4 сентября 1812 г., в котором он, объясняя причины оставления Москвы неприятелю, писал: «Впрочем, Ваше Императорское Величество Всемилостивейше согласится изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал»⁸⁵. Известно, как эти слова заделали самолюбие Баркляя де Толли, и он горячо протестовал в письмах Александру I, увидев их напечатанными в «Северной Почте»⁸⁶, воспринимая как «помрачение чести целой армии». Некоторые историки также склонны видеть в этом неделикатную выходку в адрес Баркляя, продиктованную стремлением Кутузова снять с себя ответственность за сдачу Москвы. Однако среди соратников главнокомандующего были люди, воспринимавшие эту фразу иначе, нежели Барклай. Клаузевиц указывал на то, что именно под Смоленском у русского командования оставалась последняя, хотя и сомнительная, возможность прибегнуть не к прямой, а к косвенной обороне Москвы. Он писал: «Если бы можно было предвидеть, с какой быстротой будет таять французская армия, то можно было бы наметить другой план, а именно: от Смоленска уже не держаться направления на Москву, а избрать какую-нибудь другую дорогу внутрь страны, например, на Калугу и Тулу, так как можно было себе сказать, что, как только исчезнет решительный перевес сил главной французской армии над русской, французы уже не будут иметь возможности выделить и направить в Москву значительные силы; еще в меньшей степени, располагая единственной коммуникационной линией, французы могли бы решиться двинуть свои главные силы на Москву мимо русской армии. Вспомнив, что под Бородино против 120 000 русских стояло всего лишь 130 000 французов, никто не может усомниться в том, что при ином направлении отступления русских, например, на Калугу, Москва осталась бы совершенно в стороне от военных действий»⁸⁷. Сомнения в благополучном исходе этой военной операции, конечно же, не уничтожаются свидетельством Клаузевица. Легко было так рассуждать, когда исход войны был уже всем известен, но нельзя отрицать, что вновь назна-

---

⁸⁵ Тр. ИРВИО. Т. VI. Ч. 2. С. 12–13.

⁸⁷ Клаузевиц К. 1812 год. С. 66.

⁸⁸ Фельдмаршал Кутузов. С. 210.

ченный Кутузов полностью отвергал идею об избрании другой коммуникации. Вопреки возмущению Барклая, не желавшего признавать связь между оставлением Смоленска и потерей Москвы, военные советники императора придерживались иного мнения, о чем сообщает в письме от 13 сентября 1812 г. секретарь императрицы Н. М. Лонгинов: «Что до Москвы, знающие положение мест и войск доказали что, отдавши Смоленск, ее удерживать было бы безрассудно»⁸⁸. По этому же поводу сокрушался Багратион. Таким образом, пресловутая фраза из донесения Кутузова Александру I выражает мнение, принадлежащее не только ему одному. В ней отразилась несбывшаяся надежда главнокомандующего, что существенно повлияло на его дальнейшие действия, вынуждая «на ходу» менять планы.

В качестве примера двуличия Кутузова современники, а впоследствии историки часто приводили слова, которыми он обнадежил императора перед отъездом из Петербурга, пообещав, что «скорее ляжет костями, чем допустит неприятеля к Москве»⁸⁹. Но нельзя забывать, что полководец произнес их, не зная ни истинного положения дел с резервами, ни местонахождения армий Барклая де Толли и Багратиона, Тормасова и Чичагова. Если на первое обстоятельство историки обращают внимание, то второе ускользает из их поля зрения. В отношении № 12 от 11 августа Милорадовичу Кутузов недвусмысленно указал, откуда он попытается реализовать свой предварительный план действий: «Высочайшим Его Императорского Величества повелением все милостивейше назначен я Главнокомандующим действующих армий, о чем извещая Ваше Высочество, предлагаю впредь о всем у Вас произойти имеющем, *относиться мне в Смоленск*, куда я сейчас отправляюсь. Вам известно, что 1-я и 2-я наши Западные армии находятся у Смоленска в виду сил неприятельских. Время и обстоятельства подвинут уповательно которую-нибудь сторону к решительным действиям. Нынешний предмет состоит в преграде пути неприятельскому в Москву, к чему, вероятно, и все меры командующими нашими армиями предприняты. Но, зная Вас с войсками, Вашему Высочеству вверенными от Москвы до Калуги, поставлено в виду войскам иметь вторичную стену противу сил неприятельских на Москву по дороге от Драгобужа»⁹⁰.

Б. С. Абаляхин цитировал этот документ почти полностью, исключая выделенные фразы, которые очень важны при рассмотрении вопроса о планах Кутузова. Ученый справедливо заметил, анализируя документ:

---

⁸⁹ РА. 1887. № 2. С. 210.

⁹⁰ Бородино. С. 14.

⁹¹ Абаляхин Б. С. 1812 год: актуальные проблемы истории. С. 14.

«Следовательно, вопреки широко распространенному в литературе мнению о том, что Кутузов вызвал войска Милорадовича на пополнение 1-й и 2-й армий, Главнокомандующий первоначально рассчитывал первоначально создать под Москвой вторую линию обороны»⁹¹. Но важно при этом не забывать, что Кутузов рассчитывал, что «вторая стена» станет под Дорогобужем, а сам он направлялся для принятия командования в Смоленск.

Впоследствии сделалось очевидным, что судьба представила Кутузову при Бородине «одну из самых блестящих ролей, какие можно встретить в истории: вести 120 000 русских против 130 000 французов, полководцем которых являлся сам Наполеон». Но думается, что ко времени приезда в армию полководец думал не столько о «блеске» своей должности, сколько о тяжелой ответственности, которую он взвалил на свои плечи. Еще в начале войны в обществе обеих столиц ходил очередной анекдот об остроумии Кутузова, о том, как некто обратился к нему с вопросом, какие, по его мнению, меры надлежит принять к защите Петербурга? На это будущий «спаситель Отечества» живо отозвался: «Как? вы требуете моего мнения для защиты Петрополя в самом Петрополе? За 500 верст должно готовить ее; но вы, верно, ошиблись; верно, вы не то хотели у меня спросить!»⁹² И вот теперь ему надлежало срочно готовить меры к защите другой столицы, находившейся гораздо ближе, чем в 500 верстах. Его почетное и высокое назначение в августовские дни 1812 г. было совсем не завидным...

В историографии укоренилось мнение о том, что Александр I подписал рескрипт о назначении Кутузова, узнав об оставлении Смоленска, чему способствовал и сам император, указав на это событие как на причину отстранения Барклая. А. Г. Тартаковский исправил эту ошибку, сопоставив даты рескрипта и оставление Смоленска⁹³. Заметим, что еще 13 августа в столице многие полагали, что старинный город-крепость по-прежнему в руках у русских. Сотрудник петербургского почтового ведомства И. П. Оденталь сообщил своему коллеге московскому почт-директору А. Я. Булгакову в этот день: «Светлейшего Кутузова, наконец, назначили Главнокомандующим... Третьего дня, поутру, около 11 часов, отправился он через Новгород в Смоленск»⁹⁴.

Ситуация осложнялась на глазах у Кутузова не по дням, а по часам: 13 августа из отношения № 17 на имя Барклая де Толли явствует, что он

---

⁹² О. П. Оденталь – А. Я. Булгакову. 17 августа 1812 год // РС. 1912. № 8. С. 166.

⁹³ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. С. 133.

⁹⁴ Фельдмаршал Кутузов. С. 166.

⁹⁵ Бородино. С. 5.

ожидал известия «где ныне армии находятся» в Торжке; 14 августа он полагал, что сможет перехватить их в Дорогобуже, затем, 15 августа, в Вязьме, и, наконец, 17 августа он ожидал их уже в Гжатске⁹⁵. 19 августа Кутузов доносил Александру I: «По прибытии моем в город Гжатск нашел я войска отступающими от Вязьмы и многие полки от частых сражений весьма в числе людей истощившимися»⁹⁶. Последними словами Кутузов подчеркнул еще одно открывшееся ему невеселое обстоятельство, с которым он должен был и соразмерять свои планы. Кутузов столкнулся с «прелестями» делопроизводства, обусловленными тем, что Барклай де Толли совмещал в своей особе пост военного министра и главное командование 1-й армии. Еще 11 августа в Петербурге Кутузов отправил запрос управляющему Военным министерством в отсутствие Барклая А. И. Горчакову 1-му, где просил сообщить сведения о резервах⁹⁷. В тот же день ему был отправлен «исчерпывающий» ответ: «...долгом поставляю донести Вам, милостивый Государь, что подробнейшее по сим предметам сведение есть у г. военного Министра, ибо многие по сей части распоряжения делаемы были прямо от него»⁹⁸. Из отношения Кутузова к Ростопчину № 27 от 27 августа из Гжатска становятся заметными его сомнения в возможности отстоять Москву: «Письмо Ваше прибыло со мною в Гжатск сейчас в одно время, и не выдавшись еще с командовавшим доселе армиями господином военным министром и не будучи еще достаточно известен о всех средствах, в них имеющихся, *не могу еще ничего сказать положительного о будущих предположениях насчет действия армии*. Не решен еще вопрос, что важнее – потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»⁹⁹. Часто цитируя последнее предложение из этого абзаца, специалисты не воспринимают его в контексте с предыдущими, хотя здесь уже содержится ясный намек на сложившуюся задолго до военного совета в Филях ситуацию: «потерять ли армию или потерять Москву». Не располагая исчерпывающими сведениями о резервах, Кутузов пока не раскрывал в полной мере своих чувств перед Ростопчиным, как он это сделал в письме к дочери А. М. Хитрово. 19 августа он писал почти сразу же по прибытии к войскам: «Я твердо верю, что помощью Бога, который никогда меня не оставлял, исправлю дела к чести России. Но я должен сказать откровенно, что ваше пребывание возле Тарусы мне

---

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 16.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Фельдмаршал Кутузов. С. 168.

¹⁰⁰ Бородино. С. 43.

совсем не нравится. Вы легко можете подвергнуться опасности, ибо что может сделать женщина одна, да еще с детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все, сказанное мною, было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите»¹⁰⁰.

20 августа Кутузов приказывает главнокомандующему 3-й Резервной армией генералу от инфантерии Торماسову: «Ваше превосходительство согласиться со мной изволите, что в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится в сердце России, в предмет действий ваших не может более входить защищение и сохранение отдаленных наших польских провинций, но совокупные силы 3-й армии и Дунайской должны обратиться на отвлечение сил неприятельских, устремленных против 1-й и 2-й армий»¹⁰¹. Кутузов, назначенный главнокомандующим всеми действующими против французов армиями, действовал согласно «Учреждению для управления большой действующей армии», считая себя вправе распоряжаться в соответствии со своими замыслами, в число которых входил фланговый удар силами войск 3-й армии. В соответствии с этим получил распоряжения и главнокомандующий Дунайской армией адмирал П. В. Чичагов.

Пристальное внимание Кутузова обратилось на внутренние формирования «депо второй линии». 19 августа он направляет Отношение к генералу от инфантерии князю Д. И. Лобанову-Ростовскому: «...покорно прошу Вас, милостивый государь мой, из Костромы, Владимира, Рязани, Тамбова, Ярославля и Воронежа, из каждого места по два полка направить к Москве с получения сего»¹⁰². В подобном же отношении на имя А. А. Клейнмихеля содержится предписание направить к Москве 9-й и 10-й, 12-й, 13-й и 14-й полки¹⁰³.

Из отношения № 12 от 11 августа Милорадовичу видно, какие надежды возлагал Кутузов на обещанную «вторую стену», которую в Гжатске он наконец увидел воочию: «пехоты 14587, конницы 1002». Главнокомандующий приказал раскассировать нижние чины по полкам для возмещения потерь, о чем известил Горчакова 1-го: «Мы обще с их высокопревосходительствами Михайлом Богдановичем [Барклаем де Толли] и князем Петром Ивановичем [Багратионом] признали укомплектовать ими 1-ю и 2-ю Западные армии»¹⁰⁴. Очевидно, его начинало настораживать и дру-

---

¹⁰¹ Там же. С. 44–45.

¹⁰² Там же. С. 30.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 31.

¹⁰⁵ Фельдмаршал Кутузов. С. 168–169.

гое. Тогда же 11 августа он писал Ростопчину: «К Вашему сиятельству обращаюсь я с тем, чтобы Вы по требованию Милорадовича усилили его всеми теми войсками, которые уже до некоторой зрелости в формировании своем достигли, дабы тем главные армии нашли себе новые источники к усилению»¹⁰⁵. Прибывшие 16 батальонов пехоты Московского ополчения под командованием генерал-лейтенанта И. И. Маркова невозможно было использовать как регулярные войска, поэтому корпусным начальникам было приказано «их не раздроблять и держать вместе».

Первая мысль главнокомандующего была та, что это далеко не все обещанные силы. Еще 17 августа, в день прибытия к армии, Кутузов писал Ростопчину из Гжатска: «Вызов восьмидесяти тысяч сверх ополчения, вооружающихся добровольно сынов Отечества, есть черта, доказывающая дух россиянина и доверенность жителей Московских к их начальнику, их оживляющего [sic]»¹⁰⁶. Сознвая, что быстрее всех успевают подойти к Можайску ратники из самой Первопрестольной (при наличии этих сил), Кутузов полагался на обещания Ростопчина выставить до 80 тысяч «московской силы». Он трижды намекал об этом московскому главнокомандующему 21 августа: «Средства, какие вы можете мне выслать из Москвы, не могут быть излишними, и для того прошу ваше сиятельство о сем»¹⁰⁷. В тот же день: «Все то, что ваше сиятельство сюда доставить можете, и вас самих примем мы с восхищением и благодарностию»¹⁰⁸. И вновь 21 августа: «Я доныне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию. Сегодняшнего числа хотя и довольно хороша, но слишком велика для нашей армии и могла бы ослабить один фланг. Как скоро я выберу самую лучшую, то при пособии войск, от вашего сиятельства доставляемых, и при личном вашем присутствии употреблю их, *хотя еще и не довольно выученных*, ко славе Отечества нашего»¹⁰⁹.

В письмах Кутузов с почтительностью вельможи XVIII столетия, но тем не менее все настойчивее и настойчивее намекает гр. Ростопчину на необходимость прибытия подкреплений, без которых позиция «слишком велика для нашей армии». Ко времени написания этих писем полководец располагал довольно точными сведениями о численности неприятеля. 18 августа к армии возвратился поручик М. Ф. Орлов, которого за неделю до прибытия Кутузова Барклай направил парламентаром в войска Наполеона «для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове». Это

---

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Бородино. С. 54.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 55.

¹¹⁰ Бородино. С. 27–28.

был хороший предлог для сбора сведений о противнике, тем более что Орлов находился в его расположении девять дней и, по его наблюдению, силы, противостоящие 1-й и 2-й армиям, исчислялись 165 тысячами. В рапорте государю от 19 августа Кутузов отнесся к этим сведениям несколько скептически: «Но по расспросам, делаемым нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько преувеличенным»¹¹⁰. Если бы Кутузов знал, как дальше развернутся события с резервами, может быть, он и не стал бы делать этой приписки, потому что именно на ее основании Александр I отказал ему в присоединении армии Торماسова, равно как и полков Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля. Кутузов получил ответ императора от 30 августа, но и ко дню сражения он сознавал, что единственная военная сила, которая успеет прибыть к полю битвы, – это так называемая 80-тысячная Московская милиция. К ней навстречу он двигался, оттягивая день сражения до тех пор, пока не усомнился в ее наличии.

Настояния Кутузова не могли быть неожиданностью для Ростопчина, к которому уже обращался с подобной просьбой 8 августа из Дорогобужа Багратион. Главнокомандующий 2-й армией тщательно подбирал слова, чтобы убедить генерал-губернатора Москвы в неотложности этой меры: «Конечно и Ваше Сиятельство, ежели не для защищения столицы, обеспеченной уже от неприятеля, то для показания врагу сил и возможностей наших наказать его и совершенно раскаяться в дерзости своей, примите со стороны Вашей меры к поспешнейшему вооружению и приведению в совершенный и свойственный обстоятельствам порядок ваших ратников»¹¹¹. Барклай же, как явствует из отношения от 9 августа, более прямолинеен: «Я признаюсь, что число храбрых солдат наших уменьшилось во время бывших почти ежедневно дел, и в генеральном сражении мы, конечно, будем иметь большую потерю в людях, почему, представляя вам, в каком положении находится армия наша, умоляю вас... спешить к приготовлениям сколь можно скорее Московской военной силы»¹¹².

Главнокомандующий, так же как и Барклай, и Багратион, неоднократно поднимавшие в переписке тему резервов, сознавал, что новобранцы явятся действенным подспорьем армии только в совокупности с обстрелянными войсками. Кутузову важно было, чтобы новые формирования успели прибыть к нему до генеральной битвы, в которой основную массу сражающихся составляли бы имеющие боевой опыт войска. После 26 августа, где русская армия потеряла до трети своего состава, были

---

¹¹¹ Там же. С. 88.

¹¹² Там же. С. 89.

¹¹³ Беннигсен Л. Л. Записки о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. С. 152.

«переранены самые нужные генералы»), введение в бой новобранцев было чревато большими и ненужными потерями. Не случайно Барклай, например, считал, что безопаснее было возобновить сражение при Бородине 27 августа с наличными силами против не менее «потрясенного» неприятеля, чем затем сражаться на Воробьевых горах, «укрепившись» подоспевшей «московской милицией».

Беннигсен в 1807 г. в сходной ситуации, отступив после битвы при Прейсиш-Эйлау, которую современники сравнивали по масштабу с Бородинским сражением, обосновывая необходимость сохранения главных сил, заметил по поводу формирований во внутренних губерниях империи: «Известно, как мало могут послужить на пользу все проявляемые в стране усилия, коль скоро армия ее уничтожена»¹¹³. Волнения по поводу времени прибытия резервов и ополчения обнаруживал и князь Багратион, прямолинейно вопрошая Ростопчина в одном из писем после оставления Смоленска: «Я не ведаю, на какой конец Лобанов собирает войска и Милорадович; пора их иметь близко к нам». Принимая во внимание крайность ситуации и ограниченность сил обеих армий, он предлагал в том же письме: «Мне кажется, иного способа уж нет, как не доходя два марша до Москвы, всем народом собраться и что войско успеет, с холодным оружием, пиками, саблями, что попало *соединиться с нами* и навалиться на них»¹¹⁴. В отношении ополченцев как отдельно взятой военной силы сразу же последовало распоряжение Кутузова от 23 августа, «дабы разместить их по корпусам *в состав третьей шеренги*». Можно согласиться с мнением Б. М. Колюбакина: «Для Кутузова вопрос – где и когда дать это всеми ожидаемое сражение – решался совершенно определенно, а именно: только соблюдением условий возможного усиления и приращения армии»¹¹⁵.

Следует сказать несколько слов о сложных взаимоотношениях между Кутузовым и Ростопчиным, деятельность которого на посту генерал-губернатора города с некоторых пор представляется в идеализированном виде. Так, исследователь М. В. Горностаев полагает, что, «в краткие сроки собрав максимальное по России количество ополченцев (ок. 25 тыс. к 26 августа)»¹¹⁶, Ростопчин фактически выполнил свои обязательства перед армией. Кутузов же безосновательно считал, что земское войско должно быть многочисленнее, требуя невозможного. Причем полководца

¹¹⁴ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 75.

¹¹⁵ Колюбакин Б. Н. Бородинское сражение. // Тр. ИРВИО. Т. V. Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение. С. VII.

¹¹⁶ Горностаев М. В. К вопросу о «вине» Ф. В. Ростопчина в оставлении Москвы русскими войсками в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы V Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 31–44.

¹¹⁷ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 4.

якобы ввел в заблуждение Александр I, назвав Кутузову завышенную цифру в 80 тысяч человек. Однако письма, направляемые Кутузовым Ростопчину, показывают, что полководец еще до получения распоряжения императора от 30 августа располагал сведениями о значительной численности «Московской силы» или «второй стены», что явствует из его отношения к Милорадовичу от 11 августа и письма к самому Ростопчину, где говорится именно о «восьмидесяти тысячах сверх ополчения». Мы не располагаем ответными посланиями Ростопчина, но их общий смысл может быть восстановлен по содержанию писем Кутузова. Судя по многократным обращениям полководца, Ростопчин его разуверять не стал. Ранее Багратиону он определенно сообщал о «100 тысячах молодцов». Кого именно подразумевал Ростопчин под этими «молодцами», не совсем понятно. Не исключено, что наделенный от природы богатым воображением, склонный к преувеличениям и театральному действу Ростопчин ввел в заблуждение императора. По-видимому, он не предполагал, что боевые действия могут в конце концов докатиться до Москвы. Получив высокий и ответственный пост накануне войны, Ростопчин был в восторге от собственной распорядительности, о чем свидетельствуют его письма, патриотические афишки и «Записки о 1812 годе». Он добился от Александра I переименования из действительных тайных советников в генералы от инфантерии, но со старшинством с 1798 г. (со дня пожалования его штатским чином действительного тайного советника, соответствующего по Табели о рангах чину полного генерала). Он сам «выговорил» себе звание главнокомандующего и эполеты с шифром (вензелем. — *Л. И.*) государя «для вящего уважения»¹¹⁷. Эти знаки монаршего благоволения, доставшиеся ему по первому требованию, вскружили голову Ростопчину, отличавшемуся и до этого крайней взбалмошностью и эксцентричностью. Неспроста Екатерина II назвала его «сумасшедшим Федькой». И вдруг посреди этого упоения безграничной властью, когда он судил, рядил, казнил и миловал по своему усмотрению, от него потребовали вежливо, но определенно не каких-нибудь аллегорических русских ратников из его патриотических листков, а вполне реальных «людей, вооруженных на защиту Отечества», число которых измерялось бы в конкретных цифрах. Более того, в своих письмах к московскому главнокомандующему Кутузов настаивал на его личном присутствии в предстоящем сражении, что не могло его не беспокоить. Ростопчин в последний раз «видел войну» в чине поручика при взятии Очакова; легко доставшийся ему чин генерала, естественно, не прибавил ему боевого опыта. Может

---

¹¹⁸ Бородино. С. 59.

быть, впервые он задумался о том, как легкомысленно он поступил, «определившись» в военную службу: согласно «Учреждению об управлении большой действующей армии» он теперь подчинялся главнокомандующему Кутузову, коль скоро тот оказался с войсками на территории вверенной Ростопчину Московской губернии. «Враждебная существенность» разрушила романтический патриотизм генерал-губернатора Москвы.

Ко времени размещения войск на Бородинской позиции главнокомандующему стало ясно, что спасти Москву может только чудо. Об одном из них Кутузов вспомнил в непростой ситуации. Его послание к Ростопчину от 22 августа написано собственноручно; сознавая необычность и секретность темы, Кутузов, по-видимому, не решился его продиктовать кому-либо другому. В письме говорилось: «Милостивый государь мой граф Федор Васильевич! Государь Император говорил мне об еростате [азростате], который тайно готовится близ Москвы. Можно ли им будет воспользоваться, прошу мне сказать, и как его употребить удобнее»¹¹⁸. Государь, по-видимому, всерьез надеялся использовать в генеральном сражении это чудо техники, конструируемое под Москвой под руководством иностранного специалиста К. Леппиха. Ростопчин в письме Александру I от 13 августа сообщил на этот счет весьма обнадеживающие сведения: «Леппих окончит свою машину только через 15 дней. Он собирает теперь куски тафты, почти окончательно сшитые. Два маленькие шара почти готовы, но, тем не менее, я у него спросил, сколько потребуется времени, чтобы все уложить и разобрать; он меня уверил, что достаточно трех дней»¹¹⁹. Хотя Кутузов сменил грустную тему резервов на более экзотическую, результата он добился не большего: опыт с «еростатом» не удался. Кутузов стал прикидывать возможные варианты выхода из создавшейся ситуации, то есть, выражаясь словами его рапорта, он стал думать, что «сможет предпринять» в условиях, когда отказаться от генерального сражения не представлялось возможным.

Полководец точно уловил настроение противника: любой ценой занять Москву. С этим событием, по аналогии с другими войнами, Наполеон связывал окончание кампании, что и сделало его, с точки зрения Кутузова, уязвимым. Это стремление французского императора давало возможность Кутузову спасти армию, избежав генерального сражения или решившись на него. То, что в планах Наполеона сформулированная им самим главная цель войны, «уничтожение массы неприятельских войск» в азарте преследования подменилась вступлением в древнюю

---

¹¹⁹ Тр. ИРВИО. Т. V. Война 1812 г. Бородинская операция... С. 149.

¹²⁰ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 3, 100.

столицу России, подметил и Багратион: «Мне кажется, что точно неприятель весьма сильно торопится в Москву, а потом и назад»¹²⁰. Поэтому Кутузов не стремился маневрировать, занимать фланговые позиции. 22 августа в письме к Ростопчину полководец не скрывал своих намерений: «...и ежели буду побежден, то пойду к Москве и там буду оборонять столицу»¹²¹. Адьютант Кутузова А. Б. Голицын, подчас очень критически воспринимавший своего начальника, вспоминал: «После выбора позиции рассуждаемо было в случае отступления, куда идти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны... но Кутузов отвечал: пусть идет на Москву»¹²². В этих словах уже проглядывает замысел Кутузова, которым он ни с кем не стал делиться. «Да и мог ли тогда Кутузов высказать другое мнение. Мнение, что с потерей Москвы вовсе не соединена потеря России, при всей своей справедливости, являлось как бы предварением отдачи Москвы», – полагал Б. М. Колюбакин, оценивая сложность обстоятельств, в которых очутился главнокомандующий¹²³.

Скрытность и без того являлась у Кутузова едва ли не главной чертой характера, а ошеломляющее известие, которое он получил вскоре по прибытии к армии, еще более усилило это природное свойство. Накануне Бородинского сражения полководец внезапно узнал, что Ростопчин «вознамерился поступать как Римлянин», а именно: в случае невозможности отстоять Москву сжечь столицу. Об этом он написал в письме князю Багратиону от 12 августа: «Народ здешний, по верности к Государю и любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если Бог не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому обычаю: не доставаясь злодею, обратит город в пепел»¹²⁴.

Багратион, направляясь к Кутузову договариваться о назначении своему бывшему адъютанту Д. В. Давыдову партии казаков и гусар для ведения партизанских действий в неприятельском тылу, прихватил с собой и это письмо. «Князь Кутузов в то время отдыхал, – рассказывал Денис Давыдов. – До пробуждения его вошли к князю Василий и Дмитрий Сергеевичи Ланские, которым он читал письмо, полученное от графа Ростопчина»¹²⁵. Естественно, что в числе слушателей оказались и офицеры Главного штаба Кутузова, возможно пересказавшие ему содержание письма, если этого не сделал сам Багратион. Можно себе представить,

---

¹²¹ Бородино. С. 59.

¹²² Из воспоминаний А. Б. Голицына // Бородино. С. 343.

¹²³ Колюбакин Б. Н. Бородинское сражение. С. VI.

¹²⁴ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 94.

¹²⁵ Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940. С. 199.

¹²⁶ Тартаковский А. Г. Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7. С. 93.

как воспринял эту новую напасть Кутузов. А. Г. Тартаковский, исследовавший этот вопрос, пришел к выводу: «...замысел Ростопчина – предать Москву пламени перед вступлением в него французов (равно как и любые меры по ее сожжению) – вопиющим образом противоречили планам Кутузова, путая все его стратегические карты. Это бы не только ставило в тяжелейшее положение русские войска, воспрепятствовав их отступлению через Москву, но могло бы подтолкнуть Наполеона на совершенно непредсказуемые действия... Думается, что такая варварская акция вообще не могла импонировать Кутузову по всему его воспитанию, складу его мыслей, чувств и темперамента»¹²⁶. М. В. Горностаев, обвинив Кутузова в аморальности, проявившейся в сокрытии от Ростопчина решения оставить Москву, явно погорячился¹²⁷.

При Бородине Кутузов знал, что при любом исходе битвы ее последствием явится отступление, если он не получит сведений о передвижении на коммуникации противника армий Тормасова и Чичагова. Напомним, что шансы одолеть французов у стен Москвы скептически оценивал Багратион, писавший в середине августа накануне назначения Кутузова тому же Ростопчину: «И, Боже сохрани, если теперь мне дадут команду, способу нет... Ежели бы неприятель был подальше тогда бы мог я распорядиться, а теперь нету времени, как идти на него»¹²⁸.

Переписка Кутузова от приезда к армии до пребывания на Бородинском поле отразила оттенки чувств от надежды до осознания, что ему не удастся решить судьбу кампании разом. Точнее, ему следовало избегать решения судьбы всей кампании в одном генеральном сражении, хотя бы даже у стен Москвы. К такому решению он пришел по мере получения сведений о состоянии резервов и отсутствия известий от Тормасова и Чичагова. Полководец готовился к сражению, основываясь на правильном предположении, что у него и у неприятеля разные цели: Наполеон полагал, что сражением он отворяет ворота Москвы, которую русские будут защищать до последнего солдата, а Кутузов, решившись «действовать с осторожностью», допускал, что город он сдаст неприятелю, сберегая армию. Ко дню битвы он уже осознал, что все войска, которые могли к нему присоединиться, прибыли. При Бородине у русских, несмотря на новые данные исследований, не оказывалось простого численного превосходства в *регулярных обстрелянных войсках*. И это в то время, когда их противником был полководец, о котором Кутузов говорил: «Мы имеем дело с Наполеоном. А таких воинов, как он, нельзя остановить без

¹²⁷ Горностаев М. В. К вопросу о «вине» Ф. В. Ростопчина. С. 31–44.

¹²⁸ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 99.

¹²⁹ Паскевич И. Ф. Походные записки. С. 99.

ужасной потери». «Если и нельзя было надеяться на верную победу, то, по крайней мере, можно было причинить неприятелю потери, для него невознаградимые» – так впоследствии, с полным пониманием замыслов Кутузова, писал фельдмаршал И. Ф. Паскевич¹²⁹. Но в те дни Кутузов был один на один со своими сомнениями. К этому следует прибавить, что, причинив неприятелю потери, следовало не допустить до разгрома собственные войска, а для этого надлежало своевременно увести их с поля боя, оторвавшись от преследования, иначе говоря «убить двух зайцев».

* * *

К какому заключению можно прийти, сопоставив источники? Личность фельдмаршала М. И. Кутузова неоднозначно воспринималась современниками: его историко-психологический портрет, возникающий благодаря этим разноречивым суждениям, существенно отличается от историографического образа полководца. На наш взгляд, это случилось потому, что авторы исторических описаний (осознанно или неосознанно) сводили показания источников к «антитезе Кутузов – Барклай». При этом предпочтение, естественно, отдавалось определенной группе источников, созданных людьми, нередко «омраченными пристрастием». В армии было немало военачальников, прежде имевших удачный опыт командования армиями и, следовательно, имевших формальное право претендовать на эту должность. Однако нельзя не признать, что именно Кутузов был самой авторитетной фигурой среди военных александровского времени и его назначение не было ошибкой или следствием интриг.

Без уточнения замыслов главнокомандующего трудно судить о степени их реализации. Кутузов сознавал, что перед ним была поставлена конкретная цель: защитить Москву. Переписка Кутузова от приезда к армии до Бородина отразила его сомнения в возможности решить судьбу кампании в генеральном сражении у стен Москвы. Следует помнить, что Кутузов готовился вступить в командование армией под Смоленском. В день его приезда к войскам город уже находился в руках французов, что не могло не повлиять на его дальнейшие действия, вынуждая «на ходу» менять планы. Письма, дневники, воспоминания участников битвы свидетельствуют, что среди русского генералитета так же, как и среди офицеров, довольно скептически оценивали возможный результат битвы, обусловленный нехваткой сил. Источники подтверждают, что Кутузов решился на сражение по причинам «нематериального» характера: затянувшееся отступление влияло на моральное состояние армии.

Полководец основывал свои расчеты на том, что у него и у неприятеля разные цели: Наполеон полагал, что сражением он отворяет ворота Москвы, принудив Россию к заключению мира; Кутузов же допускал, что город он сдаст неприятелю, сберегая армию до прибытия резервов и помощи с флангов. В целом ситуация вынуждала его продолжить отступление к Москве при любом исходе генерального сражения.

Глава III

Подготовка генерального сражения и интерпретация решений и действий М. И. Кутузова и его окружения: военно-оперативная документация, версии участников сражения, историографические концепции

1. Выбор позиции: источники и их интерпретации

В предыдущей главе рассматривались причины, по которым Кутузов решил принять генеральное сражение, сознавая, что реализация этого решения сопряжена с большими трудностями. Одна из этих трудностей заключалась в выборе позиции, подходящей для оборонительного сражения, позволявшей «привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям»¹.

В романе «Война и мир» Андрей Болконский накануне Бородинской битвы с раздражением выговаривал не имевшему опыта в военном деле Пьеру Безухову: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни от числа; а уж меньше всего от позиции»². Эта точка зрения, высказанная спустя полвека после сражения, вряд ли разделялась военачальниками, поставленными перед серьезными проблемами, от которых легко «отмахнуться» герой Толстого.

Накануне битвы придавалось огромное значение выбору позиции, так как ее отсутствие препятствовало генеральному сражению. «...По обыкновению у нас еще не решено: где и когда дать баталию? – все выбираем места, и все хуже находим»³, – писал Багратион Ростопчину, характеризуя поиск, начавшийся от Смоленска, потеря которого резко сократила возможности. К тому же у главнокомандующего были свои виды на предстоящее сражение.

---

¹ Бородино. С. 81.

² Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3–4. М., 1983. С. 182.

³ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 109.

В связи с общей ситуацией, как показывалось выше, намерения Кутузова были таковы, что он предпочитал о них умалчивать. Кому из ближайших соратников Кутузов мог сказать, что для него главная цель в сражении заключалась в том, чтобы, не дав себя разбить, вовремя увести войска с поля боя?

Клаузевиц исчерпывающе охарактеризовал причины трудностей: «Россия чрезвычайно бедна позициями. Там, где еще имеются большие болота, местность настолько покрыта лесами, что трудно найти достаточное пространство для расположения сколько-нибудь значительной массы войск; там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены, а следовательно, всюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны для обороны. К этому надо добавить, что в этих местах широкий обзор встречается лишь изредка, так как повсюду разбросаны небольшие перелески. В общем, выбор позиции очень стеснен, поэтому, если полководец, как то было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно, ему приходится мириться со многим»⁴.

Помимо «определенно выраженного рельефа» позиция должна была иметь еще одну особенность, о которой обычно не упоминают, но которая подразумевается сама собой. Об этом упомянул в дневнике А. Чичерин: «...нужно было время... чтобы подойти к Москве-реке, у истоков которой имелись выгодные позиции – условие, которое нам было очень трудно встретить раньше!»⁵ Не случайно после оставления Смоленска Багратион утверждал, что «теперь до самой Москвы мы не будем иметь *ни воды*, ни позиции»⁶. Кстати, позиция у Дорогобужа была отвергнута им из-за недостатка питьевой воды. Вместе с тем условия местности надлежало увязать с численностью русской армии, которая по числу регулярных войск уступала противнику. В день сражения в обеих русских армиях насчитывалось не более 95–110 тысяч регулярных обстрелянных войск. Их надлежало расположить на соответствующей позиции, которая стала камнем преткновения между Кутузовым и лицами из его ближайшего окружения.

Чем далее отстояло лицо от поста главнокомандующего, тем беспристрастнее оно относилось к выбору позиции, пытаюсь увидеть не только ее слабости, но и достоинства. В частности, начальник артиллерии

---

⁴ Клаузевиц К. 1812 год. С. 68.

⁵ Дневник Александра Чичерина... С. 87.

⁶ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 82.

А. И. Кутайсов, по словам Евг. Вюртембергского, утверждал, что «и перед самой Москвою мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою»⁷. Также оценивал Бородинскую позицию Клаузевиц. Он утверждал, что трудно было «найти лучшую позицию, чем при Бородино».

И Клаузевиц, и Евг. Вюртембергский отмечали «первенствующую» роль Толя в «приискании» позиции, поэтому важно знать, чем Толь руководствовался в этих поисках. Евг. Вюртембергский сообщал: «Мнение Толя я разделял вполне. Оно состояло в том, что только те позиции выгодны, которые благоприятствуют наступательным движениям резервов, и на которых резервы могут быть расположены до тех пор, скрытно. При таких условиях наступающий имеет на своей стороне ту выгоду, что может выждать, пока объяснятся виды противника»⁸. Однако последующие события позволяли внести в этот принцип существенные коррективы: войска на правом (северном) фланге располагались совершенно открыто, демонстрируя свою многочисленность. Местность на левом (южном) фланге позволяла не столько скрывать резервы, сколько маскировать их отсутствие. Эти обстоятельства действительно позволяли «выждать, пока объяснятся виды противника».

Зная ход сражения, можно утверждать, что Бородинская позиция, при оборонительном характере сражения, отвечала основным требованиям. По этой же причине достаточно высоко оценил позицию Наполеон в 18-м бюллетене Великой армии: позиция давала возможность не только отражать удары, но и наносить их самим, особенно на левом фланге. В документе сказано: «Эта позиция выглядела сильной и благоприятной. Она позволяла маневрировать и ретироваться; но это было долгом чести, и сама позиция не была настолько сильной, чтобы заставить отказаться от необходимости сражения. Было легко заметить, что редуты сооружены наскоро, рвы неглубоки, палисадов не было»⁹. Ф. Лежен утверждал: «...линия врага была защищена замечательной позицией, хорошо укрепленной, с редутами и реданами»¹⁰. Многие естественные препятствия, не открывшиеся противнику во время рекогносцировки с дальнего расстояния, обнаружили в ходе сражения. «Мы двигались, подаваясь то вправо, то влево, то вновь перестраиваясь и преодолевая многочисленные препятствия», – вспоминал Лейссер¹¹. Кстати, Кутузову, которого Барклай де Толли, Беннигсен и Ермолов упрекали в том, что он из-за

---

⁷ *Евг. Вюртембергский*. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 53.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ *Bulletin Officiels*... P. 85–86.

¹⁰ *Lejeune L.-F. Souvenirs d'un officiers de l'Empire*. P., 1850. P. 206.

¹¹ Цит. по : *Попов А. И. Меж двух «вулканов»*... С. 139.

тучности и лени не был знаком с условиями местности и слепо доверялся оценкам других, по словам генерал-квартирмейстера Вистицкого¹², эта позиция сначала не понравилась, и, лишь взвесив все ее достоинства и недостатки, он «решил отдаться на произвол сражения». Отметим, что взгляды Толя и Кутузова, по видимому, не всегда совпадали.

Барклай о позиции при Бородине отозвался отрицательно. «Она была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось»¹³. В избрании этой позиции Барклай обвинял Беннигсена, якобы имевшего неограниченное влияние на Кутузова: «Все, что не от него происходило или не им было предлагаемо, подвергалось осуждению». С точки зрения Барклая, особую опасность представляла Старая Смоленская дорога, огибавшая слева фланг 2-й армии. Беннигсен же отрицал свое участие в выборе позиции. В письме генералу Фоку от 20 сентября, предназначавшемуся для прочтения императором, он писал: «Я не говорил о Бородино, как о выгодной позиции, но полковник Толь, назначенный Главнокомандующим на должность генерал-квартирмейстера, избрал ее для сражения... При выборе позиции он удовольствовался тем, что ее фронт, был прикрыт жалкими речушками, которые везде можно было перейти вброд, оставив оба фланга без поддержки и не защитив их укреплениями»¹⁴. Тем самым Беннигсен отвергал какие-либо преимущества местности не только на левом, но и на правом фланге, подчеркивая, что оба фланга подвергались опасности обхода, что явно не соответствовало действительности. Барклай и Беннигсен ссылались на авторитетное мнение Багратиона, доносившего накануне Шевардинского боя Кутузову, что «в настоящем положении его левый фланг подвержен величайшей опасности». Ермолов вспоминал: «...не может быть сомнения, что оно [левое крыло] будет предметом атак, и уже в том направлении замечены генералом Беннигсеном главные силы неприятеля, хотя по превосходству повсюду было их достаточно»¹⁵. Вывод о «превосходстве повсюду» неприятеля являлся следствием их совместного объезда позиции накануне битвы. Выявление же скопления главных сил неприятеля он приписывает исключительно Беннигсену, к партии которого и сам принадлежал. Позже в записках Ермолова личные впечатления переплелись со сведениями из записок Беннигсена, что еще раз подтверждает, что почва для сомнений в определении направления главного удара все же

¹² Из записок Вистицкого // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 186.

¹³ Барклай де Толли М. Б. «Изображение». С. 181.

¹⁴ Беннигсен Л. Л. Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 года. С. 494.

¹⁵ Ермолов А. П. Записки. С. 186.

существовала. То, что было очевидно после битвы, накануне таковым не представлялось.

Барклай, давая негативную оценку Бородинской позиции, сравнивал ее со «своей» позицией при Царевом Займище, а Беннигсен вообще не предлагал альтернативного варианта. Позиция Барклая вызвала не меньше отрицательных отзывов, к тому же Кутузов оставил ее, двигаясь навстречу подкреплению. На наш взгляд, гораздо шире и объективнее судит о возможных «видах» Кутузова на избранную при Бородине позицию известный английский ученый Д. Чандлер: «С точки зрения русских, главным преимуществом этой местности был ее холмистый и пересеченный характер; любой силе, двигавшейся с запада, будет невозможно совершать маневры, не ломая боевые порядки, а разошедшиеся массы выступающих явятся прекрасными мишенями для артиллерии, ведущей огонь с заранее подготовленных позиций»¹⁶.

2. Русские и французские источники о назначении правого фланга русской армии

Несмотря на многочисленные описания Бородинской позиции и рассуждения о размещении войск на ней, вопрос об укреплении правого фланга как был, так и остается дискуссионным. Выводы специалистов в основном носят характер теоретических рассуждений. Источники, проливающие свет на эту проблему, привлекаются в ограниченном количестве, а их толкование не столько проясняет, сколько запутывает ситуацию. Много неясного представляют собой планы и расчеты Кутузова, которые, вслед за Барклаем и Беннигсеном, есть искушение признать ошибочными, либо, не доверяясь слепо мнениям оппонентов главнокомандующего попробовать отыскать логику в его действиях накануне битвы, анализируя источники.

Местность представляла явные преимущества обороняющимся на правом (северном) фланге, протяженность которого от деревни Маслово через деревню Горки до центрального редута (батарея Раевского) составляла около 5 верст. Условия защиты этого рубежа соответствовали теории военного искусства, когда линия сражения (фронт) и линия движения войск (директриса) пересекались в районе Горок почти под прямым углом, обеспечивая на этом участке наилучший способ взаимодействия с противником – направление его атак было перпендикулярно оборонительной линии

---

¹⁶ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2002. С. 487.

русских войск. Правый фланг, располагаясь на высоком и обрывистом правом берегу Колочи, пересекал Новую Смоленскую дорогу и надежно прикрывал основную коммуникацию на Москву. Очевидно, этим несомненным в глазах Кутузова достоинством определился выбор позиции, на которой 22 августа расположились русские войска. Особое значение Новой Смоленской дороги отмечалось и неприятелем. Полковник Пеле писал: «Большая Московская дорога, по которой следовали обе армии, будучи весьма широка, позволяла идти нескольким колоннам различных войск»¹⁷. Осуществить движение к Москве после сражения Кутузов мог только этим путем, что подтверждал Беннигсен, критиковавший многие распоряжения главнокомандующего: «Когда же мы узнали... какие силы мы могли противопоставить неприятелю, и что у нас уже не было достаточно пехоты... то было принято благоразумное решение отступить в ночь по Можайской дороге, — единственной, которой мы могли воспользоваться в этих критических обстоятельствах»¹⁸. Позиция правого фланга имела ряд других достоинств, способствовавших его устойчивости: оконечность его упиралась в Москву-реку и прикрывалась густыми лесами, уменьшая угрозу обхода. Сильно всхолмленная местность перерезалась оврагами, по дну которых бежали ручьи Воинка, Стонец, Огник. В расположение войск не вносилось изменений, поэтому с 22 по 25 августа здесь были, со слов Барклая, возведены все запланированные укрепления: Масловские флеши, 5 полевых укреплений по реке Колоче, 2 укрепления на 8 и 4 орудия у Горок (Горкинские редуты), укрепления на 8 орудий впереди села Бородина, устроены засеки в лесах и густых кустарниках. Сочетание природных и искусственных препятствий почти полностью исключало возможность нападения неприятеля на правом фланге, но и русских обрекало на пассивную оборону, что сразу заметил противник. Этот фланг «был столь же непреступен, как и неопасен», — свидетельствовали генералы Ж. Рапп, Ж. Ж. Пеле, Ф. Сегюр.

И. П. Липранди отмечал: «Не только местность, изрезанная глубокими, и в перпендикулярном направлении к нашей позиции оврагами и... длинными извилинами Колочи, затруднила бы движение неприятельских колонн и взаимное их между собою сообщение для натиска на наш правый фланг, но здесь было еще то главное, что Наполеон не имел бы простора к маневрированию, будучи для сего стеснен на своем левом крыле течениями Москвы-реки»¹⁹.

¹⁷ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 64.

¹⁸ Записки графа Л. Л. Беннигсена... С. 499.

¹⁹ Липранди И. П. Бородинское сражение, заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочиненную г.-м. Богдановичем. С. 178.

Именно на этом участке позиции Кутузов приказал сосредоточить главные силы – 70-тысячную 1-ю армию Барклая де Толли. Историки давно обратили внимание на ситуацию, охарактеризованную в работе А. И. Попова: «Насколько озабочен был русский Главнокомандующий защитой своего правого крыла, настолько же противник буквально пренебрег этим направлением»²⁰. В сочинениях Толя не содержится каких-либо пояснений этому обстоятельству, толкуемому специалистами по-разному. Так, Б. М. Колюбакин предполагал: «Вызывая противника на лобовую атаку... и рассчитывая расстроить его сильной обороной войск, исполненных “чрезвычайным духом” и огнем значительной артиллерии, Кутузов в войсках общего резерва и массах кавалерии имел орган маневра, то есть средство атаковать и самому расстроенного и истощенного противника»²¹.

Эта версия имела статус единственно правильной и в советской историографии. К ней добавилось соображение о том, что Кутузов намеренно создал численный перевес в войсках на правом фланге, чтобы вынудить неприятеля «атаковать наше левое крыло»²². Версия подверглась критике в работе А. Н. Кочеткова: «Конечно, М. И. Кутузов не собирался намеренно ослаблять левый фланг... Плохую услугу полководцу оказывают те, кто приписывает ему подобное легкомыслие»²³. На наш взгляд, справедливо мнение Н. А. Троицкого: «Просто Кутузов считал главным именно правый фланг своей позиции, так как он прикрывал “столбовую” Новую Смоленскую дорогу – кратчайший путь к Москве. Прорыв французов на эту дорогу отрезал бы русскую армию от Москвы и грозил бы ей гибелью»²⁴.

По-видимому, дело было не только в этом. Выше отмечалось, что со временем в отечественной историографии изменились представления о достоинствах и недостатках Бородинской позиции. В частности, Н. А. Троицкий пишет: «Слабость русской позиции заключалась, прежде всего, в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального удара». А сила позиции, по мнению ученого, была в следующем: «Главное же, позиция позволяла русской армии “оседлать” обе дороги, ведущие к Москве, – Старую Смоленскую и Новую Смоленскую»²⁵. Но Кутузов

---

²⁰ Попов А. И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995. С. 14.

²¹ Колюбакин Б. М. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа // РС. 1912. Кн. 3. С. 262.

²² Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году. М., 1979. С. 135.

²³ Кочетков А. Н. О некоторых ошибках... С. 40.

²⁴ Троицкий Н. А. 1812 – великий год России. С. 143.

²⁵ Там же. С. 138.

в рапорте от 23 августа сообщал Александру I о другой опасности: он боялся, что неприятель «станет маневрировать по другим дорогам», ведущим к Москве, пытаясь обойти его позицию с фланга. Именно из-за угрозы обхода по Старой Смоленской дороге «передвигали» левый фланг. Об опасности этого заброшенного к началу XIX в. тракта писал И. П. Липранди: «...Неприятель, форсируя по Старой Смоленской дороге через Утицу, мог придти в Можайск и чрезвычайно затруднить наше положение»²⁶. В этом случае Кутузов, согласно рапорту от 23 августа, намеревался покинуть Бородинскую позицию без сражения. Рапорт Кутузова позволяет утверждать, что у него не возникало сомнения в том, что нападению подвергнется левый, а не правый фланг. Вспомним высказывание И. П. Липранди о том, что от Наполеона трудно было «ожидать подобной глупости». Можно предположить, что Барклай де Толли и Беннигсен, предлагавшие сократить фронт, были правы.

Беннигсен считал необходимым «наш правый фланг... опереть на деревню Горки и двинуть все остальные войска нашего правого фланга на поддержку левого крыла»²⁷. Барклай де Толли убеждал Кутузова «при наступлении темноты, исполнить с армиею движение так, чтобы правый фланг 1-й армии отступил на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус. Сие расположение не переменяло бы боевого порядка; каждый имел при себе собранные войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть сбережены до последнего времени, не будучи рассеяны и, может быть, решились бы сражение. Князь Багратион не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля»²⁸. Барклай почти ручался за успех, от которого по необъяснимым причинам отказался Кутузов, за что его в последнее время особенно часто упрекают историки.

Можно ли реконструировать ход мыслей Кутузова в отношении плана Барклая? Думается, что источники дают такую возможность. Вспомним, что полководец опасался обходного маневра настолько, что собирался в этом случае отступить, даже не принимая сражения. В то же время, по словам Барклая де Толли, Кутузов полагал, что Старая Смоленская дорога «легко может быть защищаема нестроевыми войсками». Свидетельство Барклая не согласуется с опасением, высказанным Кутузовым в рапорте от 23 августа, и его решением отступить вечером 26 августа, как только поступили сведения о движении неприятельских войск по Старой Смоленской дороге. Именно это обстоятельство, согласно «Официальным

²⁶ Липранди И. П. Бородинское сражение... С. 178–179.

²⁷ Записки графа Л. Л. Беннигсена... С. 497.

²⁸ Барклай де Толли М. Б. «Изображение». С. 185.

известиям», послужило предлогом к отступлению. Неудивительно, на наш взгляд, что Кутузов отдал приказ отступать. Выглядело это, по рассказу А. А. Щербинина, так: Кутузов «велел Толю обозреть, в каком положении находится левый фланг... Приехав на левый фланг, Карл Федорович узнал (sic!), что старая Московская дорога ведет лесами прямее почтовой на коммуникации армии. Оттуда только слышались упомянутые выстрелы. Это обстоятельство было решительное»²⁹. В этом рассказе вызывает удивление слово «узнал». Сомнительно, что Толь не догадывался об опасениях Кутузова в отношении этой дороги. Не менее сомнительно, что Кутузов воспринял известия от своего генерал-квартирмейстера как «откровение». В этой ситуации есть что-то нарочитое. Видимо, полководец с самого начала не хотел держать там большие массы войск. В его планы не входило сражаться до последнего солдата, удерживая за собой поле битвы любой ценой и защищать Старую Смоленскую дорогу. Увести главные силы армии он мог только по Новой Смоленской дороге, где он их и держал до последней возможности. Таким образом, Кутузов расходился с Барклаем во взглядах на конечную цель сражения.

Барклай считал, что Багратион мог с успехом ударить по неприятелю в то время, как он сам с войсками 1-й армии удерживал бы позицию от Горок до Семеновского. Но так легко было рассуждать после сражения, когда стало ясно, что силы Наполеона исчислялись именно 135, а не 165–195 тысячами, как докладывала разведка. Следовательно, Кутузов, ожидая удара на левом фланге, вполне мог предполагать, что этот удар окажется комбинированным: неприятель, атаковав с фронта, одновременно мог выделить «сильный корпус» для обхода с фланга. Исключить эту вероятность заранее было нельзя. Накануне сражения Наполеон рассматривал этот вариант, предложенный маршалом Даву. Коленкур вспоминал: «Император колебался, произвести ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля и частично оставить в стороне его редуты, или же занять такие позиции... чтобы иметь возможность атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом»³⁰. В этом случае армия Багратиона столкнулась бы на «Старой Смоленке» не только с корпусом Понятовского, но и с корпусом Даву в составе пяти дивизий. Если бы 2-ю армию в лесу атаковали значительные силы, она вряд ли смогла бы, как полагал Барклай, помочь его войскам отразить фронтальный удар. Если бы линия обороны была разорвана (предполагаемый численный перевес противника заставлял опасаться этой вероятности), то 2-я армия осталась бы в лесу, а армия Барклая, вероятно,

²⁹ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 21–22.

³⁰ Коленкур А. де. Мемуары. С. 124.

была бы отрезана от Новой Смоленской дороги. Оппоненты Кутузова ни словом не обмолвились об условиях местности в Утицком лесу. Нельзя также объяснить поведение Кутузова тем, что он планировал использовать правый фланг в качестве резерва для левого, хотя так оно и вышло по ходу сражения. В этом случае расположение основной массы русских войск на правом фланге, значительно удаленном от решающего места событий, создавало опасность разгрома левого крыла до прибытия резерва.

Уместно вспомнить предположение Липранди, считавшего, что Кутузов пытался создать у неприятеля видимость угрозы перехода в наступление на нашем правом фланге, тем самым сковав левый фланг французов; поняв же, что это ему не удалось, он стал срочно перебрасывать войска на помощь Багратиону, когда намерения неприятеля обнаружились достаточно ясно. Липранди предлагал «исследовать вопрос, вдался ли Наполеон в обман». Историки, критикуя Кутузова, не обращали внимания на то, что Наполеон перебросил две дивизии из корпуса Даву (1-ю и 3-ю) в район Новой Смоленской дороги в помощь корпусу Богарне, которые не смогли участвовать в бою за флешу. Тем самым корпус Даву был сильно ослаблен. Наполеон также не захотел «оторваться» от Новой Смоленской дороги, отдав предпочтение фронтальным атакам.

Следовательно, логика Кутузова в отношении правого фланга могла быть следующей: усиление войск на Старой Смоленской дороге привлечет внимание Наполеона именно к этой дороге; сильная группировка войск в районе Новой Смоленской дороги привлечет внимание французского полководца к этому направлению, заставив искать объяснение замыслам противника. По свидетельствам Сегюра и Пеле, Наполеон не знал, «какое назначение готовил русский генерал этим войскам», и именно по этой причине не стал «отрывать» свой левый фланг от Новой Смоленской дороги. Таким образом, решение Кутузова об усилении правого крыла позиции нельзя истолковывать вслед за Баркляем и Беннигсеном только как явную оплошность.

3. Оборонительные возможности левого фланга в военно-оперативных документах, сочинениях участников сражения и в трудах историков

Оборонительные возможности левого фланга также вызывают противоречивые суждения специалистов. Кутузов назвал его «слабым местом сей позиции», которое он рассчитывал «укрепить с помощью искусства», то есть инженерными сооружениями. Полному осуществлению этих

намерений помешала ограниченность во времени. 21 августа Кутузов писал Ростопчину от стен Колоцкого монастыря: «Я доньне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию. Сегодняшнего числа хотя и довольно хороша, но слишком велика для нашей армии и могла бы ослабить один фланг»³¹. Снять угрозу «одному флангу» не удалось и в последующие дни. Можно было уменьшить степень риска для русской армии, численно уступавшей неприятелю, но ограниченность во времени отразилась на решениях квартирмейстерской части.

Первоначальная позиция 2-й армии у Шевардина удивила Багратиона. Он отметил несообразности в расположении левого крыла, которым сразу не придали значения. Офицеры квартирмейстерской части, по-видимому, не успели достаточно ознакомиться с местностью и, так же как и Наполеон, руководствовались картой, где «течение Колочи выше Бородина представляет большее уклонение к востоку». Клаузевиц писал об этом так: «...Дорога, ведущая из Смоленска на Москву, проходит, к сожалению, не перпендикулярно Колоче, а некоторое время тянется параллельно с ней... Вот почему, если расположиться параллельно речке, придется иметь путь отступления в косом направлении и тем самым с самого начала подвергнуть опасности левый фланг. Такое построение было тем более недопустимо, что на расстоянии в полумиле от большой дороги проходит другая дорога на Москву, ведущая непосредственно в тыл этой позиции... Одно лишь продвижение противника осуществляет обход»³².

Естественно, об этом промахе русского командования ничего не сообщалось ни в рапортах, ни в «Официальных известиях», ни в «Описаниях» Толя. Историки вообще редко упоминали об этом досадном происшествии. Но свидетельство Клаузевица подтвердили Ермолов, Сен-При, Барклай де Толли. Ермолов так изложил обстоятельства, связанные с изменением позиции 2-й армии: «В некотором расстоянии позади левого фланга углублялся довольно крутой ров, затруднительный для переправы и сообщений. В версте от левого фланга проходила через лес старая почтовая дорога, склоняясь в тыл позиции. Кутузов, осматривая позицию, приказал отклонить левый фланг так, чтобы ров, позади простирающийся, был впереди онаго. Конечность фланга назначил укрепить несколькими флешами»³³. Вот что сообщал Александру I по этому же поводу Барклай: «23-го сопровождал я князя Кутузова при осмотре левого фланга, то есть: места, назначенного для 2-й армии...

---

³¹ Бородино. С. 54.

³² Клаузевиц К. 1812 год. С. 68.

³³ Ермолов А. П. Записки. С. 186.

Кн. Багратион донес кн. Кутузову, что в настоящем положении левый его фланг подвергался величайшей опасности. Наконец, решено, что в случае неприятельского нападения, сей фланг отступит и станет между упомянутой высотой и деревней Семеновское. На сей предмет предписано было построение батарей и редутов. Я не постигал, почему сему движению надлежало исполняться по нападении неприятеля, а не заблаговременно»³⁴. Вероятно, оттого, что окончательное расположение левого фланга зависело от направления движения неприятеля: Наполеон, как выше отмечалось, мог предпочесть фронтальному нападению обходное движение по Старой Смоленской дороге.

Л. П. Богданов, уделив в своей статье значительное внимание выбору позиции и назначению Шевардинского редута, считал все, о чем поведал Клаузевиц, вымыслом, так же как и подробности, сообщенные Барклаем и Ермоловым. Историк полагал, что Багратион принял решение укреплять флешы и Шевардинский редут до приезда Кутузова на левый фланг и ни о какой перемене позиции речи не велось. Свою точку зрения Богданов аргументировал так: «Во-первых, рекогносцировка проводилась М. И. Кутузовым уже после того, как было принято решение о сооружении укреплений на высоте у дер. Семеновской. Об этом свидетельствует приказ П. И. Багратиона от 23 августа, в котором говорится, что все генералы 2-й Западной армии должны быть готовы “ехать с его сиятельством [М. И. Кутузовым] для рекогносцировки...” Следовательно, рекогносцировка левого фланга еще не проводилась Кутузовым, а Багратион уже отдает распоряжение о строительстве укреплений у дер. Семеновское и Шевардинского редута»³⁵. В тексте цитированного документа назван титул «его сиятельство», в то время как Кутузова величали «его светлостью». Следовательно, на рекогносцировку намеревался ехать Багратион.

Не исключено, что выезд на позицию Багратиона с генералитетом 2-й армии совпал с прибытием на левый фланг Кутузова. В приказе № 63 от 23 августа говорится: «Его сиятельство Главнокомандующий приказать изволил дать знать всем г. генералам 2-й Западной армии, чтобы они были готовы ехать с его сиятельством для рекогносцировки и чтоб могли отправиться в ту же минуту, как о сем дастся им знать»³⁶. Багратион представил Кутузову веские доводы к изменению позиции левого крыла. Его поддержал Беннигсен, заметив в адрес Толя: «Офицер виноват, если самодовольство и самолюбие настолько ослепляют его, что он не хочет следовать мудрым советам и не желает поучаться опытом других лиц; он

³⁴ Барклай де Толли М. Б. «Изображение». С. 183.

³⁵ Богданов Л. П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении. С. 98.

³⁶ Бородино. С. 72.

виновен вдвойне, если делает это из каприза, подвергая опасности судьбу армии во время тех уроков, какие ему дает неприятель и которые обыкновенно обходятся слишком дорого Монарху и государству»³⁷. В результате согласились с доводами Багратиона и признали необходимым передвинуть на восточный берег Семеновского ручья левый фланг, где он приобрел вид «облического загиба», а войска 2-й армии были прикрыты обрывистым берегом оврага. Однако, если правое крыло располагалось в малодоступной для нападения местности, на позицию левого фланга, имевшую свои сильные стороны, следовало обратить более пристальное внимание.

Э. Ф. Сен-При записал в дневнике: «... Деревня Семеновка (Семеновское. – Л. И.) была ключом выбранной позиции. Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и затем лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести перед ней несколько флешей»³⁸. Багратион распорядился возводить упомянутые укрепления и выделить для инженерных работ сначала по 25 человек из каждого полка. «Людам сиим будет производиться плата по 15 коп. в сутки», – сказано в приказе³⁹ (Кутузов, правда, потом приказал выплатил всего по 10 копеек)⁴⁰. Вскоре стало очевидно, что рабочих рук не хватает. К концу дня Багратион приказал выделить из каждой пехотной дивизии дополнительно еще по 500 человек и 400 человек ратников ополчения «для скорейшего и удобнейшего построения редутов». 600 человек из 27 пехотной дивизии Д. П. Неверовского должны были вязать фашины; им предписывалось «быть всем с топорами», чтобы рубить в лесу ветки, «рабочим же прочих дивизий быть с лопатками».

Укрепления, служившие для связи с войсками на Старой Смоленской дороге и прикрывавшие левый фланг, получили название Семеновских, или Багратионовых, флешей. Они были возведены на высотах между Каменским и Семеновским ручьями. Строго говоря, флешь – укрепление с двумя фасадами и с одним исходящим углом – была лишь одна, средняя. Ее возводили воины 2-й сводно-гренадерской дивизии Воронцова. Два других укрепления в литературе справедливо называют реданами или даже люнетами, фасады которых загибались внутрь. Северный, или правый, люнет строили нижние чины 2-й гренадерской дивизии принца

---

³⁷ Записки графа Л. Л. Беннигсена... С. 494.

³⁸ Сен-При Э. Ф. Дневник // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 150.

³⁹ Бородино. С. 72.

⁴⁰ Там же. С. 87.

К. Мекленбургского, а южный, или левый, люнет, у самого леса, был сооружен стараниями солдат 26-й пехотной дивизии Паскевича. Современники много раз отмечали уязвимость этих укреплений. «...Наскоро сооруженные... Вырытые в песчаном грунте, они сзади были открыты; не имели никаких искусственных препятствий... Ни одно из этих укреплений не могло выдержать серьезного штурма», – резюмировал все претензии к инженерным сооружениям на левом фланге Клаузевиц⁴¹.

В ходе работ не обошлось без недоразумения; сначала весь шанцевый инструмент, «включая топоры», приказом Кутузова было велено передать в распоряжение Главной квартиры. Предполагалось возводить все укрепления под общим руководством генерал-лейтенанта Трузсона силами инженерных и понтонных рот. Когда же выяснилось, что к укреплению Семеновского следует привлечь как можно больше людей из находящихся там войск, инструмент пришлось возвращать обратно, но сделать это удалось не сразу. Багратион 23 августа отдал категоричный по форме приказ: «...полкам взять свои меры, чтобы отданной ими инструмент возвращен был непременно к утру завтрашнего числа»⁴².

На наш взгляд, понятие «левый фланг» нуждается в уточнении. Документы свидетельствуют, что в планах русского командования не придавалось отдельного значения флешам, которые являлись составной частью в системе оборонительных укреплений у деревни Семеновское. В этом убеждает рапорт Багратиона Александру I от 27 августа, в котором полководец, сообщая «об ударе, нанесенном на нашем левом фланге», не упоминает о флешах, но объединяет в понятие «левый фланг» деревню Семеновское и Шевардинский редут⁴³. Именно так сообщалось о бое на левом фланге в «Официальных известиях», где флеша упоминаются в качестве укреплений, усиливающих оборону Семеновского⁴⁴. Под левым флангом русской позиции подразумевал Семеновское Сен-При⁴⁵. «Крайними укреплениями левого фланга» назвал флеша Евг. Вюртембергский⁴⁶. В записках Щербинина, разведившего войска на позиции, сказано: «Левый фланг Багратиона, упиравшийся об укрепленное село Семеновское»⁴⁷.

---

⁴¹ Клаузевиц К. 1812 год. С. 69.

⁴² Бородино. С. 70.

⁴³ Там же. С. 109.

⁴⁴ Там же. С. 111.

⁴⁵ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 150.

⁴⁶ Евг. Вюртембергский. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 48.

⁴⁷ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 17.

Прочности обороны самой деревни в описаниях битвы до сих пор не уделялось должного внимания. Не следует забывать о наличии укреплений в самом Семеновском, хотя о них упоминается глухо. Сен-При отмечал в дневнике, что ко времени Шевардинского сражения войска 2-й армии «успели лишь занять артиллерией высоты и разрушить деревню Семеновку, которую не могли укрепить за недостатком инструментов. Только три флешы левее этой деревни были окончены»⁴⁸. Отсюда следует, что после 24 августа все силы были брошены на укрепление позиций за оврагом. Не следует переоценивать этих усилий: армия Багратиона уже была измотана сражением 24 августа и нуждалась в отдыхе не менее, чем армия Барклая, о которой Липранди сообщал, что «весь день 25 августа войска 1 Западной армии отдыхали». Трудно точно определить тип укреплений и сколько их было возведено ополченцами, которым не хватало навыков. Унтер-офицер Тихонов назвал их «шанцами», французы называли «эполементами». Самое большое из них, на 24 орудия, по воспоминаниям Сен-При, находилось на северной окраине Семеновского, на высоте, господствовавшей над местностью. И. Ф. Паскевич, включавший в понятие левого фланга батарею Раевского, вероятно, потому, что вначале ее защищали войска 2-й армии, писал: «Фронт позиций, особенно на левом фланге, защищен был сильными батареями»⁴⁹. Интересную подробность сообщает в своих воспоминаниях офицер пионерных войск Д. Богданов, говоря о преимуществах обороны батареи Раевского: «Правый фас ее шел под выстрелы двух батарей у деревни Горки и артиллерии 6-го корпуса, а левый падал к фронту 7-го корпуса, обстреливался его орудиями и с открытой батареей в 60-т орудий, поставленных у деревни Семеновской»⁵⁰. Следует обратить внимание на расчеты, сделанные А. П. Ларионовым. Обобщив данные из «Описания» Толя, дневника Сен-При, рапорта Левенштерна, автор статьи пришел к выводу, что, вопреки сведениям Толя, в резерве «к концу дня 25 августа в Псаревском лесу не оставалось ни одного орудия», на направлении же главного удара противника «на левом фланге позиции, Кутузовым было сосредоточено 396 орудий»⁵¹. По расчетам Ларионова, в самом начале сражения за Семеновским оврагом было размещено около 110 орудий. Даже если признать эти сведения несколько преувеличенными, ясно, что огневой рубеж на правом берегу Семеновского оврага был создан значительный.

---

⁴⁸ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 150.

⁴⁹ Паскевич И. Ф. 1812 г. в воспоминаниях современников. С. 101.

⁵⁰ Бородино. С. 338.

⁵¹ Ларионов А. П. Использование артиллерии в Бородинском сражении. С. 116–131.

Местность за оврагом образовывала гряду высот или гребень, что давало возможность сосредоточить здесь значительное число артиллерийских орудий, вводившихся в дело без сооружения укреплений, как тогда говорили, «на откате». Естественные возвышенности и полевые укрепления использовались с таким расчетом, чтобы обеспечить интенсивный перекрестный обстрел. В самой деревне перед сражением было сто изб, которые были разобраны во избежание пожара. По словам Сен-При и Маевского, уцелело лишь две из них, которые можно было без труда разобрать с началом битвы. На это же указывал Д. Богданов. Правда, французы утверждали, что им приходилось сражаться среди домов, охваченных пламенем, и условно называли Семеновское «горелой деревней».

Русское командование сознавало, что отсутствие естественных препятствий и недостаток инженерных сооружений придется возмещать за счет плотности боевых порядков на сравнительно узком участке позиции. Из документов явствует, что оборона левого фланга с самого начала предполагала глубокое построение. Клаузевиц с полным основанием отмечал в своем сочинении: «Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, так же играли роль резервов, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспрецедентном по тесноте и глубине боевом построении. Столь же тесно, а, следовательно, примерно так же глубоко построилась и французская армия; если ее охватывающий фронт был несколько длиннее русского, то это с лихвою покрывалось большим числом ее бойцов... Этим же объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняются и огромные потери людьми»⁵². Клаузевиц полагал, что эти плотные боевые порядки возникли не стихийно, чтобы любой ценой отбить неприятеля, но из первоначального расчета русского командования. «Полковник Толь являлся решительным сторонником глубокого построения, т.е. занятия короткого фронта и сохранения сильных резервов», – свидетельствует Клаузевиц⁵³. Не один Толь был приверженцем подобного боевого порядка. Главнокомандующий 2-й армией князь Багратион 25 августа отдал приказ войскам, заканчивающийся словами: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батареиным, так и полевым»⁵⁴. Условия

---

⁵² Клаузевиц К. 1812 год. С. 70.

⁵³ Там же. С. 71.

⁵⁴ Бородино. С. 91.

позиции, занимаемой его армией, заставляли военачальника предвидеть характер боя – ожесточенные штыковые схватки, исход которых может решить вовремя подоспевший резерв. Издержек подобного боевого построения – огромных потерь от артиллерийского огня, – по-видимому, не всегда удавалось избежать.

Можно сделать вывод, что Кутузов несомненно учитывал возможность сильного нападения на левом фланге, следовательно, утверждение о чрезмерной слабости этого участка нашей позиции является преувеличением, хотя, конечно, его оборонительные возможности не идут ни в какое сравнение с позицией правого крыла. С другой стороны, следует помнить, что Кутузов, в отличие от историков, связывал уязвимость левого крыла не с ландшафтом, а с угрозой обхода фланга. К этому важно присовокупить мнение П. П. Коновницына, руководившего обороной этого участка русской позиции: «Противу французов слишком крепкие позиции невыгодны, а лутше располагаться на равнинах и открытых местах, лишь бы фланги были обеспечены... но фронт позиции должен быть сколько можно открытее, и для того надлежит разбирать все изгороди и плетни впереди находящиеся, и выжечь или скосить хлеб на немалое расстояние»⁵⁵. Суждение опытного военачальника указывает на разительное несовпадение взглядов историков и «практиков войны».

4. Батарея Раевского: «ключ позиции» или опорный пункт?

Выше отмечалось, что центральное укрепление, получившее в историографии определение «ключа позиции», ни словом не упомянуто в синхронных источниках, связанных с Бородинским сражением. Наш взгляд, это объясняется тем, что значимость Курганной высоты в генеральной битве была осознана русским командованием не сразу, а по ходу событий, когда левое крыло переменило свою позицию, то есть 24–25 августа.

Если со стороны Кутузова и последовала мера, значительно ослабившая оборону Семеновского, то, безусловно, это было распоряжение, сделанное в канун битвы в отношении 7-го пехотного корпуса Раевского. Подготовка к обороне центральной высоты послужила поводом для столкновения мнений. В диспозиции от 24 августа не отражено существенное обстоятельство. В ней сказано: «Центр из 6-го корпуса, под командою генерала от инфантерии Дохтурова. Левый фланг, из 7-го корпуса и 27-й

---

⁵⁵ Из записных книжек П. П. Коновницына // *Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 197.*

дивизии, под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го», что, как мы знаем, не соответствовало ситуации, сложившейся к 26 августа. Липранди свидетельствовал: «25-го августа, после полудня, решено было сделать некоторое изменения в расположении войск 6-го и 7-го корпусов... стоявших в прямой линии от Горок до Семеновского, имея пред интервалом своим, наполовину пушечного выстрела курганообразную высоту. Изменение это заключалось в том, чтобы 6-й пехотный корпус, оставив свой правый фланг при Горках, подал свой левый вперед и примкнул к помянутой высоте, а 7-й корпус, оставив левый фланг при Семеновском, правым примкнул бы к той же высоте, которая посему и включалась в первую линию позиции, составив таким образом входящий угол между помянутыми двумя корпусами. Движение это приказано было привести в исполнение за несколько времени до рассвета следующего дня 26 августа»⁵⁶.

25 августа офицеры и генералы дивизий, размещенных у батареи Раевского, стали свидетелями спора между Беннигсеном и Толем по поводу мер, которые следовало принять для защиты этого пункта русской позиции. Если Толь предлагал соорудить здесь люнет на 18 орудий и включить его в линию обороны 6-го и 7-го корпусов, то Беннигсен настоятельно советовал здесь «сомкнутое укрепление с амбразурами для 24-х или даже 36-ти орудий, приспособленное для круговой обороны» и «поместить здесь четыре или пять батальонов пехоты»⁵⁷. Очевидец указывал: «...Толь говорил, что неприятель, направясь на этот высунувшийся пункт и, овладев оным, будет командовать позицією 6-го и 7-го корпусов, и, сосредоточив здесь многочисленную артиллерию, собьет оные со своего места; тогда как включив это возвышение в позицию, ему придется бороться в одно время с двумя корпусами и т.д. Беннигсен возражал, что если включат этот пункт в позицию, неприятель, завладев оным, будет анфилировать линию обоих корпусов, и тем понудит их отступить в настоящую позицию уже от большой убыли неминуемо расстроенными»⁵⁸. Кутузов «не произнес ни слова, ни в пользу, ни против кого-либо из излагавших свое мнение». В конце концов главнокомандующий поддержал предложение Толя (либо Толь излагал точку зрения главнокомандующего). «Мнение Беннигсена втайне признавалось большим числом», – свидетельствовал Липранди. Присутствующие при «дискуссии» Барклай де Толли и Багратион молчали, по-видимому, сознавая ограниченность возможностей, обусловленных нехваткой времени и

---

⁵⁶ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. С. 18–19.

⁵⁷ Там же. С. 20.

⁵⁸ Там же. С. 20–21.

рабочих рук. Ополченцы к подобному «фортификационному дерзанию» были непригодны.

Однако было бы несправедливым утверждать, что со стороны русского командования не было принято мер для укрепления центра позиции. Д. И. Богданов оставил следующее свидетельство: «Батарея имела 19-ть орудий, протяжение ее кривой линии было до 60 сажень, ширина рва 3,5 сажени, глубина у контрэскарпа – до 1,5 сажень, но, чтобы дать ей более внутреннего помещения, необходимо требовалось, несмотря на краткость времени, дополнить к ней два фланга земляною насыпью бруствера со рвами, а горжу замкнуть двойным палисадом, с двумя проездами, с палисاديрованными в них притворами; лес и железо употребить от разобранных деревень. К работе приступлено было тотчас... Окончено было к 4,5 часа утра. При осмотре дополнительных работ, генерал Раевский приказал усилить внутреннее прикрытие и, возвращаясь к собравшимся генералам, он сказал: “Теперь, господа, мы будем спокойны; император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость; доступ к ней защищают более 200 орудий, рвы достаточной глубины и ширины, огласировано снаружи прочно и хорошо, увидим, как и что будет”»⁵⁹.

Положение армии Багратиона несомненно усложнилось после назначения 7-го пехотного корпуса Раевского к обороне Курганной высоты. Для защиты Семеновского, особенно с севера, войск явно не хватало, и необходимость обороны 2-й армией сразу двух ключевых участков позиции ставила ее в опасное положение. Это констатировал Липранди: «Перелом нашей линии углом вперед с целью включить в оную упомянутую высоту, был для нас неблагоприятен»⁶⁰. Из рассказа явствует, что центральная высота, которая со временем приобрела в историографии статус «ключа позиции», по-настоящему привлекла к себе внимание командования накануне битвы.

Логично задаться вопросом, почему Курганная высота, о значении которой, по словам Ермолова, «натвердили» всем и каждому, так поздно попала в поле зрения русского командования? Ответ на этот вопрос содержится на наш взгляд в «Диспозиции», где отсутствуют разъяснения в отношении корпуса Горчакова на 26 августа, в то время как 24 августа отмечалось: «Левый фланг из 7-го корпуса и 27-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Горчакова 2-го»⁶¹. Конечно, трудно себе представить, как мог Горчаков осуществлять командование кор-

⁵⁹ Богданов Д. И. «Бородино. Из войны 1812 года. Рассказ очевидца» // Бородино. С. 338.

⁶⁰ Липранди И. П. Замечание на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... 1903. Вып. 2. С. 21.

⁶¹ Там же. С. 81.

пусом Раевского в центре и 27-й пехотной дивизией, расположенной за флешами, в день генерального сражения 26 августа. Но при составлении диспозиции это не казалось невозможным, что отражало реальность того дня. Первоначально войска Горчакова именно так и располагались.

Правоммерно задаться вопросами, почему 24 августа сражалась третья линия резерва, когда существовал еще 7-й пехотный корпус, участие которого не упоминается в «Шевардинском деле». И где находился тогда этот корпус 24 августа? В «Походных записках» Паскевича читаем: «В то же время, когда 24 французы сделали атаку на Шевардине, они атаквали также и мой левый фланг. Я послал два егерских полка с 12 орудиями в кусты, около речки, сам же с остальными двумя полками моей дивизии вышел для подкрепления егерей. Они удержались до вечера, неприятель не мог опрокинуть моей егерской бригады, хотя из орудий полковника Журавского много было подбито. И по крайней мере половина лошадей потеряна, но артиллерия не отступила. Дело это стоило мне до 800 человек, и подо мною ранило лошадей»⁶². Рассказ Паскевича указывает на то, что 7-й пехотный корпус сначала примыкал левым флангом к войскам Горчакова. Следовательно, Курганная высота находилась за правым флангом корпуса Раевского. По свидетельству Липранди, приведением ее в оборонительное состояние начали заниматься войска 6-го пехотного корпуса Дохтурова, уступившего после перемены фронта место армии Багратиона. По документам и воспоминаниям центральное укрепление можно назвать «блуждающей высотой», так как участники битвы относят его то к центру, то к левому флангу, в зависимости от того, чьи войска его обороняли (например, Паскевич однозначно считает батарею опорным пунктом левого крыла).

Вывод напрашивается сам собой: Курганная высота, получившая название батареи Раевского, приобрела статус «ключа позиции» не ранее изменения в расположении войск левого крыла. Но и это традиционно приписываемое ей значение следует принять с оговоркой: до тех пор пока Семеновское находилось в руках русских войск, эта высота имела значение «тактического ключа» позиции, усиливающего оборону самой деревни. В ходе битвы выяснилось, что завладеть высотой, сильно прикрываемой батареями Семеновского, было невозможно, а после захвата Семеновского неприятелем невозможной делалась оборона самой высоты. В начале сражения она «трактовалась» в качестве опорного пункта деревни Семеновское, что вносило дополнительные трудности в ее защиту. Пока в районе Курганной высоты находился 7-й пехотный корпус

---

⁶² Паскевич И. Ф. Походные записки. С. 100.

Раевского, ответственность за оборону укрепления нес главнокомандующий 2-й армией Багратион, которому и без того хватало забот. После того как корпус Раевского уступил место войскам 6-го пехотного корпуса Дохтурова, меры по защите высоты принял на себя Барклай де Толли, что отражено в его рапорте и «Оправдательных письмах». Специалисты упускают из виду этот нюанс, хотя в нем отчасти содержится объяснение нехватки войск и снарядов на батарее ко времени первой атаки, совпавшей с ранением Багратиона.

5. «Адское дело при Шевардине»: причины и следствия в военно-оперативных документах, сочинениях участников сражения и в трудах историков

Историография Шевардинского сражения 24 августа содержит много противоречий, причина которых скрывается в игнорировании источников, определенно указывающих на то, что первоначально левое крыло располагалось не у Семеновского, а при Шевардине. Шевардинскому редуту, который сначала играл роль опорного пункта левого фланга, начиная с Толя, стали приписывать роль «обособленного сооружения», выстроенного «для узнания намерений неприятеля» (Бутурлин, Михайловский-Данилевский, Неелов, Богданович и др.).

Конечно, левый фланг мог представлять большую угрозу для неприятеля, если бы главные силы 2-й армии сразу разместились у Семеновского, подготовившись к обороне, но обстоятельства сложились иначе. Но для этого необходимо было обладать уверенностью, что неприятель откажется от обходного маневра. Как повествует Ермолов: «...неприятель появился на высотах против лагеря прежде, нежели переменили позицию левого крыла, как о том приказано было Кутузовым. Сия перемена сделалась перед лицом неприятеля и войска, оную хотя довольно поспешно производили, дали, однако же, повод атаковать их». Сен-При называл причины, по которым 2-я армия подверглась нападению, не успев переменить фронта: «Надеялись, что арьберггард может задержать атаку неприятеля еще в течение 24-го числа и даст время окончить укрепления. Но с трех часов по полудни арьберггард находился в полном отступлении, и успели лишь занять артиллерией высоты и разрушить деревню Семеновку (Семеновское. — *Л. И.*), которую не могли укрепить за недостатком инструментов. Только три флещи левее этой деревни были окончены».

Арьберггард, которым «доблестно и успешно командовал... генерал Коновницын», в течение нескольких дней сдерживал войска Наполеона,

«неотвязчиво» преследовавшего русскую армию. 22–23 августа происходило «жаркое дело под селом Гридневом, лежавшим на Новой Смоленской дороге», после чего Коновницын «отошел в ночь к Колоцкому монастырю», к той самой позиции, которую накануне приказал оставить Кутузов. С рассветом боевые действия возобновились. Участник арьергардных боев прапорщик квартирмейстерской части А. Н. Муравьев так впоследствии описывал события 24 августа: «Усиленный неприятельский авангард наступил на нас стремительно, а мы, шаг за шагом, с большим уроном, уступая свою местность, принуждены были постепенно и в порядке отступить»⁶³. Спешить с отходом к главным силам русской армии вынуждало Коновницына следующее обстоятельство: у Колоцкого сходились Новая и Старая Смоленские дороги. Ввиду численного превосходства неприятеля Коновницын не мог долго удерживать перекресток, и вскоре корпус Понятовского стал обходить по Старому Смоленскому тракту арьергард, двигавшийся по Новой Смоленской дороге, где его теснили главные силы Великой армии: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й кавалерийские корпуса под командованием Мюрата, пехотные корпуса Даву, Нея и Жюно, Старая и Молодая гвардия и резервная артиллерия. Одновременно Коновницын был извещен о том, что севернее его обходит через деревню Большие Сады по проселочной дороге 4-й корпус Евг. Богарне.

Между 15.00 и 16.00 главные силы неприятельской армии оказались перед русской позицией у деревни Шевардино, где все еще находилась часть войск 2-й армии, составлявшая, по «Диспозиции», участок «кор де баталь» под командованием Горчакова, с марша атакованного противником. «Тут Наполеон, как будто желая присвоить себе девиз Юлия Цезаря, “пошел”, не медля нисколько, на наш выставный редут...», – вспоминал М. М. Петров, офицер 1-го егерского полка, благополучно достигшего позиции 1-й армии. После того как Наполеон «отпустил» русский арьергард, он заинтересовался укреплением справа от Новой Смоленской дороги, вокруг которого в боевой готовности находились русские войска. Шевардинский редут, накануне сооруженный на высоком холме силами 12-й пехотной дивизии генерал-майора И. В. Васильчикова, был недостроен из-за твердого грунта, но, очевидно, не было и необходимости тратить силы на завершение инженерных работ. Левое крыло должно было переместиться к Семеновскому на 1,5 версты, и эта крутая возвышенность русской позиции становилась совершенно бесполезной в том случае, если бы вся армия Багратиона успела полностью покинуть Шевардино. Но в сложившихся обстоятельствах редут сохранил за

---

⁶³ *Муравьев А. Н.* Из автобиографических записок // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 77.

собой значение опорного пункта войск Горчакова, численность и состав которых он сам определил так: «Пехота – 27-я дивизия вся, 5-й егерский полк, три гренадерских полка и два сводные гренадерские батальона с достаточною артиллериею, а кавалерия – два драгунских полка и к вечеру – 2-я кирасирская дивизия»⁶⁴. К этому следует добавить, что в лесу и в кустарниках, прилегающих к позиции с флангов, находились, растянувшись цепью от Ельни до Алексинок, 6-й, 41-й, 42-й, 49-й и 50-й егерские полки. Сам редут был занят орудиями 12-й батареей роты: причем в укреплении могло находиться, по мнению А. А. Смирнова, не более трех орудий, остальные же располагались, вероятно, на прилегающих высотах⁶⁵. Правда, в подавляющем большинстве описаний «сражения 24 августа» говорится о 12 батарейных орудиях, установленных в редуте. Об этом же с уверенностью очевидца сообщал в своих сочинениях Толь. Однако доводы А. А. Смирнова, приводимые в ряде статей, представляются убедительными, тем более что автор подкрепляет свои соображения ссылкой на воспоминания Д. Богданова, «строившего редут именно на три орудия». Смирнов пишет: «...попав сегодня на воссозданный в 1912 году редут, трудно представить, как могли в нем разместиться 12 орудий с установленными для нормальной стрельбы интервалами – не менее 15 шагов между осями соседних орудий, если учесть, что размещались они вдоль двух фронтовых фасов редута [укрепление имело пятиугольную форму. – Л. И.]». В боевых порядках войск располагалось еще 24 орудия. Доронинский курган, западнее редута, был занят 8 орудиями 9-й конной роты. Кроме того, к правому флангу 27-й пехотной дивизии примыкала 26-я пехотная дивизия Паскевича. На направлении же главного удара неприятельских войск находилось, по расчетам Горчакова, около 11 тысяч человек при 36 орудиях.

Что явилось причиной нападения противника на редут? Мнения участников Бородинского сражения по этому поводу были различными, да и историкам в наши дни этот вопрос представляется спорным. Самое убедительное объяснение действиям Наполеона – необходимость как можно ближе разглядеть русскую позицию и развернуть перед сражением на местности свою армию. В обоих случаях французскому полководцу мешали русские войска, сосредоточенные у редута. Он приказал

---

⁶⁴ Бородино. С. 344.

⁶⁵ Смирнов А. А. «Многочисленная артиллерия» // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы V Всеросс. науч. конференции. М., 25 апреля 2002 г. С. 141–146; *Он же*. Артиллерия Шевардинского редута // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. Бородино. М., 2002. С. 182–188; *Он же*. Сомнительные выстрелы // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 150–154.

войскам Даву, свернув с дороги, ударить на неприятеля, начав «большую рекогносцировку». По словам Пеле, «...Император, введенный в заблуждение картами⁶⁶, не угадал позади арьергарда странного расположения Кутузова. Полагая, что корпус Горчакова поставлен впереди русской армии для поддержания Коновницына, он приказал 5-й пехотной дивизии Компана... атаковать неприятеля»⁶⁷. Пеле считал, что Наполеон отложил бы атаку, если бы сразу догадался, что перед ним не что иное, как левый фланг противника, не успевший разместиться на позиции. Преждевременное нападение могло спугнуть русских, заставить продолжить отступление, отказавшись от столь желанного для французов сражения. Думается, что деликатность императора Франции не простиралась так далеко и он остался верным своему принципу: «неприятель дважды не ловится на такой ошибке». Его войска, сломив сопротивление Горчакова, могли ворваться «на плечах» отступающих русских в расположение армии Багратиона, не успевшей встать на позицию у Семеновского. Если бы это произошло, то «пролог Бородинского сражения», как называют события 24 августа, превратился бы в страшную для русской армии развязку. Пеле противоречил самому себе, так как далее в сочинении он писал о войсках Горчакова именно как о левом фланге русской позиции: «Я всегда думал, что прежде... Кутузов установил свою боевую линию на берегах Колочи, упирая левый фланг в леса и ручей у Доронина...» Будучи в этом уверен, французский генерал живо полемизировал с русским историком: «Бутурлин полагает, что Шевардинский редут был возведен “для наблюдения наших движений и замедления наших колонн”... Наблюдают с помощью кавалерии, а не редутов».

Но самой невероятной причиной нападения французов на Шевардинский редут следует признать версию, прочно укоренившуюся в трудах отечественных историков. Так, Бутурлин сообщал: «Огонь, производимый из редута, при селе Шевардине построенного... весьма беспокоивал прохождение неприятельских колонн по большой дороге». А. А. Смирнов на это возражает: «...Шевардинский редут был удален от Новой Смоленской дороги почти на 1700 м (800 сажень). Тактическая же дальность стрельбы из самых крупнокалиберных полевых орудий – 12-фунтовых пушек средней пропорции – не превышала 1200 м. Дальность наиболее эффективного огня была вдвое меньше. Конечно, стрелять из орудий, стоявших в редуте, по Новой Смоленской дороге можно было, но такая стрельба не могла нанести “большой урон” неприятелю».

---

⁶⁶ Карты гравировались в Париже с русского «столистного» атласа, следовательно, также содержали погрешность в обозначении местности.

⁶⁷ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 323.

По сходной причине трудно предположить, что наступающие колонны Великой армии сильно страдали от ружейного огня наших егерей, которые находились в 250–300 метрах от большой дороги, «а это – предельная дальность из пехотного ружья образца 1808 г.»⁶⁸.

Первые же орудийные выстрелы, донесшиеся с левого крыла, подняли на ноги все высшее командование русской армии. В расположение войск Багратиона прибыл весь Главный штаб во главе с Беннигсеном, что указывало на важность обстоятельств. Тем временем 27-я пехотная дивизия Д. П. Неверовского, находившаяся в первой линии у редута, приняла главный удар атакующих неприятельских войск, общая численность которых составляла около 36 тысяч человек при 194 орудиях, громивших боевые порядки русских войск и артиллерию редута.

В «адакое дело на левом фланге», как назвал Шевардинское сражение Кутузов, вскоре вступила вся 2-я армия. К центру русской позиции подъехал сам Кутузов и, в ожидании известий от Толя, остановился в расположении 6-го пехотного корпуса. Сведения, полученные через адъютанта Толя, сильно взволновали Кутузова. Ф. Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» поведал, как «Михайло Ларионович, вспрыгнув с места с легкостью молодого человека, закричал: “лошадь!”, сел, почти не опираясь о скамеечку, а пока подбирал поводья, уже мчался вдоль линии на левое крыло... Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин говорили: “вот сам Кутузов поехал на левое крыло!”»⁶⁹ Это тем более указывало на значимость событий у Шевардина, что спустя сутки, в день генеральной битвы, Кутузов в течение 15 часов не покидал своего командного пункта. Слова Глинки подтверждал Н. Н. Муравьев: «Во время сражения 24-го числа Главнокомандующий находился на левом фланге в сильном огне. С ним была вся Главная квартира, в том числе и я при Вистицком». Генерал-квартирмейстер Вистицкий отличился особенно, распоряжаясь войсками первой линии, стремясь любой ценой удержать позицию левого крыла. Об этом свидетельствует его наградное представление, подписанное Беннигсеном: «24-го во время атаки неприятеля на левый фланг российского воинства, продолжавшейся во весь день, несколько раз как сам собою, так и по приказаниям моим и Главнокомандующего 2-й армией находился впереди своих стрелков для наблюдения над действиями неприятеля: был на батарее Генерал-лейтенанта Горчакова, находившейся спереди нашей позиции; собирал отступающих стрелков, и при атаки с кирасирами и овладении неприятельскими пушками оказывал примерную неустранимость»⁷⁰.

⁶⁸ Смирнов А. А. Артиллерия Шевардинского редута. С. 183.

⁶⁹ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. С. 39–40.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 179–180.

Ночная мгла прекратила это «импровизированное» сражение, и только тогда войска Горчакова смогли отступить во вновь назначенную линию у Семеновского. «Вчера на моем левом фланге было дело адское...» – признавался в письме своей супруге Екатерине Ильиничне Кутузов. В «Официальных известиях» русское командование предпочло умолчать об ошибке, допущенной при избрании позиции, а следовательно, об истинных причинах и настоящем масштабе «адского дела» в окрестностях Шевардинского редута.

По всей вероятности, главной причиной сражения явилось то, что 2-я армия подверглась нападению в момент перемены фронта. Специалисты никогда не исследовали вопрос, где находились войска Багратиона к началу Шевардинского сражения. Д. В. Душенкевич сообщал, что 2-я гренадерская дивизия К. Мекленбургского в этот день находилась «на высотах резерва», то есть за Семеновским оврагом⁷¹. Можно предположить, что 2-я сводно-гренадерская дивизия Воронцова уже преодолела «лощину», Каменский овраг, и располагалась в районе Семеновских флешей, составляя вторую линию. В этом случае на первоначальной позиции оставался лишь участок «кор де баталь» под командованием Горчакова, не успевший вступить в назначенную линию.

В Шевардинском сражении 2-я армия лишилась около 6 тысяч человек. Следует ли говорить, как несвоевременны были для нее эти боевые действия накануне генеральной битвы? «И хотя неприятель усиливался и, возобновляя колонны, старался опрокинуть наши войска, но храбростью русских везде поражаем был с сугубою и гораздо важнейшею потерею», – доносил Александру I Багратион⁷². Русские потери, по мнению историков, оказались значительнее. «Это было предопределено значительным численным превосходством, особенно в орудиях французской группировки, боровшейся за редут», – поясняет В. Н. Земцов⁷³. Так, Орденским кирасирским полком в день битвы при Бородине командовал майор. Генерал-майор Неверовский, начальник 27-й пехотной дивизии, вспоминал: «Накануне сего сражения дали мне 4000 рекрут для пополнения дивизии; я имел во фрунте 6000, а вышел с тремя»⁷⁴. «Ведомость о недостающем числе людей» от 19 августа 1812 г. показывает самые большие потери по 2-й армии в 27-й пехотной дивизии⁷⁵. Это явствует из письма Багратиона Барклаю де Толли от 5 августа 1812 г.: «Всем

---

⁷¹ Душенкевич Д. В. Из моих воспоминаний от 1812-го года до <1815-го года>. 1838 // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 113.

⁷² Бородино. С. 109.

⁷³ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 298–299.

⁷⁴ Там же. С. 379.

⁷⁵ Там же. С. 32.

известно, что корпус генерал-лейтенанта Раевского и 27-я дивизия потеряли довольно много против неприятеля. Я прошу в[аше] высокопревосходительство для усиления дать мне один корпус, иначе я весьма слаб»⁷⁶. Ненадолго потери были возмещены за счет новобранцев, приведенных Милорадовичем.

Отметим, что первые источники указывают на парадоксальное расхождение слов и поступков главнокомандующего, который постоянно указывал на «слабое место позиции», опасаясь угрозы обхода по Старой Смоленской дороге. Об этом он писал в рапорте 23 августа. Кутузов признал основательными опасения Багратиона по поводу того, что «в настоящем положении», то есть 24 августа, левый фланг позиции «подвергался величайшей опасности». Однако, по словам Барклая, он распорядился о перемещении боевых порядков 2-й армии к Семеновскому только «в случае нападения неприятеля». При этом Барклай недоумевал, почему это движение не могло быть выполнено «заблаговременно». Он же указал и на то удивительное обстоятельство, что Кутузов с Беннигсеном полагали, что Старую Смоленскую дорогу могут охранять «нестроевые войска». И это, напомним, при постоянных опасениях Кутузова быть по ней обойденным! Слова Барклая можно было бы признать сомнительными, но факты свидетельствуют о достоверности этих сведений: на Старой Смоленской дороге длительное время находились только казачьи полки Карпова и егеря. По словам В. Н. Земцова, исследовавшего планы Наполеона перед сражением, французский полководец был обескуражен отсутствием русских войск там, где, по его мнению, их должно было быть больше всего. Мы можем высказать предположение, что Кутузов, не получив известий о сближении «депотов второй линии» и армий Чичагова и Торماسова, готов был продолжить отступление до получения более полной информации о подкреплениях. Однако Наполеон отверг предложение маршала Даву о глубоком обходе левого крыла русской армии и предпочел фронтальную атаку русской позиции.

Сражение же 24 августа оказалось более ожесточенным и масштабным, нежели предполагал Кутузов. 2-я армия упорно обороняла Шевардинский редут, оставив его по повелению Кутузова. Одновременно было остановлено продвижение корпуса Понятовского по Старой Смоленской дороге, то есть основания для отступления за Можайск у Кутузова отпали. Противник не покушался на обход, ограничившись разведкой 25 августа, и Кутузов, оставив армию на Бородинской позиции, прикрыл Старую Смоленскую дорогу 3-м пехотным корпусом, добавив «для видимости»

---

⁷⁶ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 82.

около 10 000 московского ополчения. Документы, предшествовавшие генеральному сражению, позволяют предположить: в случае большей настойчивости противника русская армия продолжила бы отступление по Новой Смоленской дороге, а «Шевардинское дело» превратилось бы в арьергардный бой.

Приняв во внимание источники, предшествовавшие генеральному сражению 26 августа, включая рапорт Кутузова от 25 августа, можно сделать вывод, что «кадское дело» при Шевардине явилось следствием первоначальной ошибки, допущенной квартирмейстерской частью при избрании позиции левого фланга. Масштаб событий при Шевардине отнюдь не ограничивается локальным столкновением, войска 2-й армии участвовали в нем в полном составе, предотвратив угрозу преждевременного нападения противника. Правомерно называть столкновение при Шевардине термином «сражение», как это было принято в первых источниках.

* * *

Военно-оперативная документация, письма, дневники и воспоминания участников битвы содержат противоречивую оценку действий русского командования в период подготовки генерального сражения при Бородине. Системный анализ источников позволяет сделать вывод, что причина этих противоречий восходит к сложным взаимоотношениям высшего генералитета русской армии, среди которого по-разному определялась конечная цель сражения. В историографии почти не прослеживается связь замыслов главнокомандующего с «приисканием позиции». Источники убедительно свидетельствуют, что Кутузов намеревался дать именно оборонительное сражение, чем объясняются выбор позиции и расположение войск на ней. В планах главнокомандующего особая роль отводилась Новой Смоленской дороге. Непомерное усиление правого фланга, прикрывавшего эту дорогу, можно объяснить не только значимостью этой коммуникации, но и стремлением Кутузова отвлечь внимание противника от левого фланга. В отечественной историографии существует тенденция объяснять действия Кутузова ошибкой, но именно показная мощь правого крыла заставила Наполеона ослабить корпус Даву и также держать значительные силы в районе главной коммуникации. Не менее заметно расхождение мнений между источниками и историческими описаниями в оценке оборонительных возможностей левого фланга, понятие о котором в трудах историков сузилось до трех Багратионовых флешей. Участники битвы включают в понятие «левый фланг» деревню

Семеновское, сообщая о высотах, «занятых сильной артиллерией». Это несовпадение ведет к тому, что авторы исторических описаний, забывая об артиллерии, видят слабость левого крыла в том, что оно открыто для фронтальных нападений, а участников битвы волновала угроза с фланга. В историографии прочно укрепилось мнение о батарее Раевского как о «ключе позиции» в центре, в то время как источники указывают на то, что это было одно из укреплений, усиливающих оборону Семеновского. В поле зрения русского командования эта высота попала лишь после «Шевардинского дела» 24 августа, которое историки именуют «арьергардным боем», в то время как Кутузов в рапорте от 25 августа назвал это военное столкновение сражением. Именно этому определению соответствует значимость события и количество войск, в нем участвовавших: источники позволяют сделать вывод, что под угрозой находилась вся русская армия, левое крыло которой подверглось нападению во время перемены фронта. Последнее обстоятельство было вызвано исправлением ошибки, допущенной в первоначальном размещении левого фланга русской армии. Перемена позиции, безусловно, ограничила время и возможности ее укрепления. Однако многие участники битвы как в русской, так и в неприятельской армии в целом высоко оценивали возможности русской позиции при Бородине, в том числе на левом фланге.

Глава IV

Противоречия между военно-оперативными документами, версиями участников сражения и трудами историков в показаниях о ходе сражения

1. Перемещение войск перед сражением

В этой главе мы попытаемся оценить глубину и характер противоречий между военно-оперативными документами, версиями участников сражения и трудами историков в показаниях о ходе Бородинского сражения и на этом основании реконструировать картину событий 26 августа 1812 г. Выше не раз отмечалось, что представления о последовательности событий на поле битвы и хронометрические версии сражения в исторических источниках и исторических описаниях не совпадают. Не совпадают они и в самих синхронных источниках. Особенно это касается обстоятельств битвы на левом фланге, где, согласно сведениям источников, решилась судьба сражения. В отечественной версии, начиная с Толя, укоренилось мнение, что первое нападение было предпринято неприятелем на село Бородино на правом фланге позиции с целью отвлечь внимание русского командования от места нанесения главного удара. С этого эпизода традиционно начинается описание Бородинского сражения в трудах отечественных историков, хотя данные источников позволяют усомниться в подобной последовательности событий.

Для того чтобы разобраться в последовательности боевых действий на Бородинском поле и определить время, соответствующее тому или иному происшествию, следует, на наш взгляд, прежде всего установить логическую связь между причиной и следствием, иначе говоря, между распоряжениями русского и французского командования и мерами, направленными на их реализацию. Оборонительные действия русских войск, естественно, во многом определялись наступательными действиями противника, пытавшегося воплотить замысел своего полководца или военачальников, находившихся на отдельных участках поля битвы.

Хронометрическая путаница эпизодов битвы ведет к произвольному толкованию планов обеих сторон, препятствуя анализу на основании источников как различных фаз сражения, так и конечного результата. В советской историографии вообще принято было считать, что Кутузов «навязывал» свою волю противнику, из-за чего действия русских войск рассматривались как отдельные самостоятельные эпизоды, не связанные с «преднамерениями» Наполеона, поэтому действия обеих сторон превратились в набор хаотических случайностей. Представляется немаловажным реконструировать не только ход событий, но и их связь с замыслами главнокомандующих. Прежде всего обратимся к перемещениям войск в начале сражения.

Утром накануне битвы противник вел себя активнее, что объясняется задачами, которые ему предстояло решить в ходе сражения. Войска Наполеона концентрировались для нанесения удара по русской позиции. Французский полководец рано прибыл на командный пункт в Шевардино. Пеле вспоминал: «Он выехал во 2 часу утра, при сильной темноте и по весьма трудным дорогам, к редуту, взятому 6-го числа. Он ожидал появления дня посреди своих генералов, отдавая им последние приказания»¹. Наполеон наблюдал за передвижениями 1-го корпуса Даву, который должен был начать сражение. Между 2.00 и 4.00 на правый берег Колочи перешли части Старой и Молодой гвардии, расположившись за Шевардинским редутом. Затем перешли по мостам через реку 3-й корпус Нея и 6-й корпус Жюно, которые должны были «составить центр сражения». Севернее выстраивалась резервная кавалерия Мюрата: 1-й, 2-й, 4-й корпуса. В 4.00 в обход левого фланга русских двинулся 5-й корпус Понятовского.

План Наполеона заключался в следующем: правое крыло и центр Великой армии (Понятовский на Старой Смоленской дороге, Даву через Утицкий лес, Ней, опираясь правым флангом на корпус Даву, а левым на войска Евг. Богарне) при поддержке резервной кавалерии Мюрата должны были совершить захождение правым плечом вперед вокруг «оси сражения», роль которой играла группировка войск под командованием Евг. Богарне в районе Новой Смоленской дороги. Задача вице-короля в этом случае была довольно ограниченной: выждав начало атаки на левом фланге русских, овладеть селом Бородином, переправиться через Колочу и атаковать батарею Раевского в момент выхода войск Даву и Нея на линию деревни Семеновское². Войска наполеоновской армии должны

---

¹ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 73–74.

² Correspondance de Napoléon I. Paris, 1868. Т. 24. Р. 206–207.

были действовать «согласованно и методически»: Понятовскому предписывалось появиться на фланге у русских во время атаки Даву, войска которого, по выражению В. Н. Земцова, «должны были “зацепиться” за флешу и обеспечить упор для атаки севернее вторым эшелоном (3-м и 8-м корпусами)»³.

Сколько укреплений следовало отбить у русских войск «железному маршалу» Даву? Бытует предположение, что только одно – южное, находившееся ближе к Утицкому лесу⁴. Эта версия была высказана еще в 1825 г. генералом Г. Гурго и имела целью оправдать последующие действия Нея в ходе боя за Семеновское⁵. Гурго состоял в 1812 г. ординарцем при Наполеоне и не принимал участия в Бородинском сражении. Пеле, один из самых осведомленных авторов, находившийся в этот день при штабе Бертье, сообщал: «Правый фланг французской армии, составленный из дивизий Компана и Дессе, должен был атаковать *реданы к югу от Семеновского, составлявшие левый фланг неприятеля*»⁶. По-видимому, Наполеон переоценил возможности войск, вверенных одному из лучших маршалов Франции.

Накануне генерал Компан убедил Наполеона в том, что к южному люнету (левой флешу) лучше подойти лесом, избегая потерь от картечи. Маршал Ней был уверен, что движение через лес вызовет неизбежное расстройство войск. Компан, напротив, утверждал, что лес проходим и хорошо обследован. В результате в лес была направлена и дивизия Дессе, передвинутая правее дивизии Компана. Ожидалось, что успех этих войск должен повлечь за собой не менее успешные действия со стороны 3-го и 8-го пехотных корпусов, вверенных Нею. Ему, при поддержке кавалерии, надлежало прорвать оборону на участке севернее Семеновского, опираясь о левый фланг корпуса Даву.

В наши дни возникла и другая исследовательская проблема: назначение корпуса Нея при Бородине. Так, В. Н. Земцов пишет: «Обращает на себя внимание дискуссия в отечественной литературе, начатая недавно Л. Л. Ивченко и А. И. Поповым. Если Ивченко высказала предположение о том, что главный удар Наполеон направил в район между Курганной высотой и деревней Семеновское, то Попов пришел к выводу о главном ударе французской армии на широком пространстве от Колочи до Утицкого леса»⁷. Вряд ли можно назвать предположением то, что явствует из дей-

---

³ Земцов В. Н. Великая армия... С. 9.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Gourgaud G. Napoléon et la Grand Armée en Russie... Paris, 1825. P. 218.

⁶ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 101.

⁷ Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. С. 197; Попов А. И. Меж двух «вулканов»... С. 8.

ствий неприятельской стороны и отражено во французских источниках. Примером может служить статья Ж. Гарнье⁸. По его мнению, местность вдоль Семеновского оврага являлась центром линии, занимаемой русскими войсками. С одной стороны она ограничивалась Большим редутом, с другой – Семеновскими высотами. Французский историк полагает, что Багратионовы флешы также входили в «центр линии»: «Центром командовал Багратион (корпуса Раевского и Бороздина). Левое крыло было образовано корпусом Тучкова». В силу убеждений, вынесенных из французских источников, Гарнье полагает, что и Даву, и Ней атаковали именно центр позиции – деревню Семеновское, где предполагалось нанести главный удар, прорвав фронт. Этому способствовали войска Богарне, удерживая правое крыло русских, и Понятовский справа, который, по мнению автора статьи, не справился с задачей. С 6.00 до 10.00 битва велась вокруг деревни Семеновское, считает Гарнье. Багратион же был смертельно ранен при попытке отразить атаку Даву, Ней и Мюрата, рвавшихся к Большому редуту при поддержке войск Богарне. Каким бы причудливым ни показалось это описание событий на левом фланге, что бы ни являлось, по мысли Ж. Гарнье, центром линии русских войск, где бы ни находились, по его убеждению, флешы, но место, где планировалось нанести главный удар, во французских сочинениях обозначено довольно четко. Если А. И. Попов определяет направление атаки маршала из «учета задач, возложенных на соседей по фронту», то мы можем подтвердить свои выводы, проанализировав ситуацию в ходе сражения. «Между нами и вице-королем оставалось незанятым очень значительное пространство», – констатировал Рот фон Шрекенштейн⁹. Главное же, на наш взгляд, о чем не следует забывать специалистам, занимающимся реконструкцией бородинских событий, – это сведения штабных генералов Раппа, Сегюра, Пеле, определенно указавших направление главного удара.

Если намерения Наполеона как «зачинщика» (Глинка) были четко изложены в его распоряжениях маршалам, то распоряжения Кутузова зависели от того, насколько быстро и правильно он мог разгадать «сценарий» своего противника, основываясь на фактах первого состоявшегося нападения. Источником необходимой информации могли быть пленные, по принадлежности которых к определенным полкам и дивизиям можно было судить о концентрации войск на различных направлениях. Следует еще раз акцентировать внимание на том обстоятельстве, о котором не упоминают историки, приступая к описанию битвы 26 августа. Кутузов

---

⁸ Dictionnaire Napoléon. P. 269–270.

⁹ Roth von Shreckenstein M. Die Kavalerie in der Schlacht. S. 53.

более всего опасался обхода своей позиции по Старой Смоленской дороге, считая такие действия противника наиболее вероятными и целесообразными. Однако он не мог исключить возможности нанесения фронтального удара на участке батарея Раевского – деревня Семеновское, где местность наиболее этому способствовала. Он не исключал и возможности сочетания флангового и фронтального ударов, что доказывается перемещением 3-го пехотного корпуса из центра на Старую Смоленскую дорогу.

Главкомандующий русскими соединенными армиями прибыл на командный пункт в Горки значительно позднее, чем Наполеон. Евг. Вюртембергский вспоминал: «...сам Главкомандующий, полагаясь вполне на мужество и чувство долга в своих подчиненных, предоставил неприятелю пробудить себя»¹⁰. Кутузов ждал, на каком участке позиции неприятель «откроет бал». Следует взять под сомнение предположения о неосведомленности русского главнокомандующего о смещении правофланговой группировки Великой армии. «Мог ли Кутузов предвидеть этот ночной подход к Шевардину 120 000 массы (80-тысячной. – Л. И.) с левого берега Колочи и расположение этой массы, ночью же, в такой страшной близости к левому флангу?» – вопрошал Б. М. Колюбакин¹¹. В словах «в страшной близости» содержится ответ на вопрос. Эта масса войск оказалась сосредоточена на довольно плоской местности в тесном четырехугольнике, ограниченном Утицким лесом, Семеновским и Каменским ручьями и берегом реки Колочи, где повсюду находились сторожевые пикеты русских егерей. Даже при старании невозможно избежать лишнего шума, находясь менее чем в версте от неприятеля. Багратион был уверен, что именно его войска подвергнутся первому нападению, и ждал этого. В приказе от 25 августа он предупреждал: «...ночью быть весьма осторожно на случай нападения от неприятеля»¹². Рапорт Кутузова от 27 августа также подтверждает, что движение неприятеля было открыто уже в 4.00. В это же время было замечено движение противника к селу Бородину. Может быть, поэтому, несмотря на доводы Беннигсена, Барклая, Багратиона, Кутузов не торопился вносить изменения в расположение войск. Несправедливо утверждать, как это делают некоторые историки, что Кутузов не предпринимал никаких шагов к предотвращению этой угрозы¹³. Это заблуждение в корне противоречит источникам, разрушающим историографическую версию. Между 5.00 и 6.00 часами на левый фланг отправился начальник Главного штаба Бен-

¹⁰ *Евг. Вюртембергский*. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 57.

¹¹ *Колюбакин Б. М.* 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. С. 265.

¹² Бородино. С. 91

¹³ *Троицкий Н. А.* 1812 – великий год России. С. 179.

нигсен. В просветах между туманом, клубившимся над полем, он мог увидеть то, что не видел из-за условий местности Кутузов: скопление неприятельских войск у Шевардина и начало их движения по направлению к флешам. Беннигсен утверждал: «Я поспешил к князю Кутузову и сказал ему дословно следующее: «Если Вы не хотите, чтобы Ваш левый фланг был опрокинут с потерей 20 или 30 орудий, поспешите послать туда все войска с правого фланга; только бы они подоспели туда вовремя»¹⁴. Беннигсен исчислял возможную потерю в артиллерии пока еще только 20–30 орудиями, что показывает, что его поездка на левый фланг происходила до начала битвы. «Выслушав меня, – продолжает он, – князь Кутузов приказал, чтобы часть войск была послана для поддержки нашего левого фланга»¹⁵. Помощь армии Багратиона была оказана до того, как она подверглась решительному нападению, и произошло это, по одной версии, по ходатайству Беннигсена. Но, согласно рапорту Лаврова Дохтурову от 3 сентября, события развивались иначе. Лавров доносил: «...26 августа в 5 часов утра вся гвардейская пехотная дивизия по назначению полковника по квартирмейстерской части Толя, присланного от г. Главнокомандующего 1-ю армиею генерала от инфантерии военного министра и кавалера Барклая де Толли, заняла позицию позади правого фланга 2-й армии для подкрепления оной»¹⁶. В то же время из «Изображения», составленного Барклаем де Толли, явствует, что он ничего не знал об этом распоряжении Толя и был озадачен, не обнаружив около 9.00 половины гвардейского корпуса там, где рассчитывал¹⁷. По-видимому, у Кутузова существовали сильные опасения за судьбу левого крыла и до того, как туда прибыл Беннигсен, там побывал и полковник Толь. Оценив ситуацию, он отдал приказ именем Барклая, а через полчаса Лавров получил приказ и от Беннигсена: «Командировать... полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский и сводную гренадерскую бригаду под командою лейб-гвардии Измайловского полка полковника Храповицкого, остальные же полки лейб-гвардии Преображенский, Семеновский и Финляндский, под начальством генерал-майора Розена остающиеся, приказано было сблизить к 1-й линии 2 армии»¹⁸. Полковник Кутузов доносил в рапорте Лаврову: «Полковник Храповицкий... поутру в 6 часов приказал построиться в колонны к атаке и выступить из резерва, в котором до тех пор находились, для занятия позиции *в первой линии*»¹⁹.

¹⁴ Беннигсен Л. Л. Записки графа Л. Л. Беннигсена... С. 497.

¹⁵ Там же. С. 497.

¹⁶ Бородино. С. 144.

¹⁷ Барклай де Толли М. Б. «Изображение». С. 185.

¹⁸ Бородино. С. 144–145.

¹⁹ Там же. С. 148.

Сложнее всего определить по источникам время и место вступления в сражение лейб-гвардии Финляндского полка. С. А. Гулевич, обобщив сведения и ссылаясь на воспоминания А. Н. Марина, пришел к выводу, что полк уже в 7.00 «пошел вперед и занял место у деревни Семеновское, оставя за собою овраг»²⁰, то есть сразу же был направлен в пространство между флешами и Утицким лесом, действуя отдельно от бригады.

Вместе с гвардейской пехотой к Семеновскому были направлены 1-я и 2-я батареиные роты лейб-гвардии артиллерийской бригады. Расстояние, которое отделяло эти войска от Семеновского, и условия местности, лишенной препятствий, позволяют предположить, что самое позднее к 7.00 гвардейцы уже стояли позади 2-й гренадерской дивизии. Укоренившаяся в отечественной историографии легенда о том, что полки русской гвардии вступили в бой за деревню Семеновское около полудня, позволяла скрыть, в котором часу возникла необходимость использования «привилегированного войска»; вместе с тем возникало недоумение по поводу полной «малозаботности» Кутузова в отношении самого уязвимого участка русской позиции, что, естественно, бросало тень на его репутацию.

С рассветом в движение пришли не только полки русской гвардии. В рапорте Раевского Дохтурову от 11 сентября исследователей привлекают подробности, связанные с отражением первой атаки на Курганную батарею. Но начало этого документа ускользает из поля зрения, вследствие чего к началу боя за Семеновские укрепления полки обеих дивизий, входивших в 7-й корпус, изображают по обе стороны от батареи Раевского, впереди ручья Огник²¹. Раевский писал в рапорте: «На рассвете неприятель начал обходить мой фланг, и я получил повеление переменить фронт, опираясь правым крылом к тому же самому реду: четыре полка 26-й дивизии под командою генерал-майора Паскевича были назначены прикрытием оною, два полка пехотных 12-й дивизии занимали передо мною кустарники, левый фланг *обеих линий* примыкал к деревне, укрепленной батареями, где находился Главнокомандующий 2-й Западной армии г-н генерал от инфантерии князь Багратион, который тот час же дал мне знать, что буде понадобятся ему войска, то будет их брать из второй моей линии»²².

Из рапорта Раевского следует: Багратион пока не забрал у него второй линии войск, а только пообещал, что означало, что боевые действия

---

²⁰ Гулевич С. А. История л.-гв. Финляндского полка... С. 209; День 26 августа 1812 года. Из бумаг А. Н. Марина и материалы к его биографии // Летописи ГЛМ. Кн. 10. М., 1948. С. 453.

²¹ Напр.: Земцов В. Н. Битва при Москве-реке... С. 125.

²² Там же. С. 161.

у Семеновского еще не развернулись и с юга 7-му корпусу пока ничего не угрожало. В то же время над правым флангом Раевского уже нависла опасность. Очевидно, речь идет о движении неприятельской колонны, направлявшейся к Бородину по Новой Смоленской дороге. Генерал сообщает, что он получил приказ «переменить фронт», и стал сдвигать свои войска на юг к Семеновскому. В записках он пояснил, что означала эта «перемена фронта»: генерал свернул свои войска в колонны, *«не выводя из оврага, дабы деятельнее защищать редут помощью противу движений»*²³. Таким образом, фронт 7-го пехотного корпуса сократился. В центре линия русских войск, говоря словами Ф. Н. Глинки, «истончилась» и требовала подкрепления, потому что армии Багратиона было трудно оборонять сразу два ключа позиции – деревню Семеновское и центральный редут. Необходимость передвижения 2-го и 4-го пехотных корпусов в пространство между Горками и батареей Раевского становилась очевидной: ими следовало «залатать» центр. По-видимому, освободив пространство севернее батареи, Кутузов намеревался переместить войска, как на этом накануне настаивали, по их словам, Беннигсен и Барклай.

Итак, первому нападению, согласно распоряжению Наполеона, должно было подвергнуться не правое, а левое крыло русской армии. Для реализации этого замысла корпус Понятовского в 4.00 начал обходное движение по Старой Смоленской дороге, а войска Даву получили в 5.30 приказ атаковать флеши. С русской стороны были приняты меры для усиления обороны Семеновского: в 5.30 гвардейская бригада Храповицкого, усиленная сводно-гренадерской бригадой Кантакузена, кавалерийская бригада Бороздина 2-го и две батарейные роты лейб-гвардии артиллерийской бригады получили приказ выдвинуться для занятия позиции «в первой линии». Если эти войска выступили, как показывают рапорты начальников, в 6.00, то не позднее 7.00 они должны были прибыть к Семеновскому. Высказывания специалистов о том, что около полудня гвардейские полки уже (!) стояли за Семеновским оврагом, звучат несколько курьезно. Заметим, что в этот же промежуток времени (с 5.30 до 6.00) начал сдвигаться к Семеновскому 7-й пехотный корпус Раевского, очевидно, уступая место 6-му и 4-му пехотным корпусам. Но их перемещение почему-то замедлилось. Попытаемся найти ответ на этот вопрос, восстановив дальнейшую хронометрию событий.

---

²³ Из записок Н. Н. Раевского об Отечественной войне 1812 года // Бородино. С. 380.

2. Начало сражения: Бородино или Семеновское?

Определение времени и последовательности отдельных фаз сражения и сегодня является поводом для дискуссий. Обратимся к источникам, содержащим сведения о начале битвы. Их показания особенно важны, так как они позволяют убедиться в том, что русские и неприятельские воины ориентировались именно по «российскому» времени, а разногласия между ними, а также внутри самой отечественной версии возникают вследствие субъективных причин, а не из-за того, что воюющие стороны жили в разных координатах времени.

Когда началось сражение? В подавляющем большинстве исследований время указывается одинаково – около 6.00. Но у самих участников битвы существовало столько мнений, что их невозможно оставить без комментариев. Согласно 18-му бюллетеню Великой армии, в 5.30 был зачитан приказ Наполеона (воззвание) и сражение началось в 6.00²⁴. В рапорте Кутузова говорится: «...вчерашнего числа, пользуясь туманом, в 4 часа с рассветом направил [неприятель] все свои силы на левой фланг нашей армии»²⁵. Выше отмечалось, что в рапорте есть очевидная неточность: 4.00 – слишком рано для наступления рассвета при Бородине в это время года. В отличие от сочинений Толя рапорт Кутузова «выдерживает» версию о первом нападении на левый фланг. При солнечной погоде, а день 26 августа выдался именно таким, рассвет наступает около 6.00. В «Официальных известиях» эта оплошность устранена и внесены разъяснения: «В 4 часа утра неприятель, пользуясь густым туманом, начал свое движение к нашему левому флангу»²⁶. Сам факт соответствует действительности: перемещение войск в неприятельском лагере было связано с распоряжением Наполеона занять исходные для атаки позиции к 5.00²⁷.

У большинства русских военачальников, по-видимому, отсутствовала привычка сверять время по часам. Так, Багратион пишет в рапорте Александру I от 27 августа: «А 26-го, на самом рассвете, неприятель паки сделал нападение усильнейшее»²⁸. Барклай де Толли доносит в рапорте Кутузову от 26 сентября: «26-го числа поутру до света получено донесение... что замечено движение в неприятельской позиции противу деревни Бородина и вскорости после сего неприятель атаковал превос-

---

²⁴ Bulletins Officials... P. 89–90.

²⁵ Бородино. С. 101.

²⁶ Там же. С. 112.

²⁷ Bulletins Officials... P. 89–90.

²⁸ Бородино. С. 109–110.

ходными силами сию деревню»²⁹. Ермолову запомнилось следующее: «Скрывавшееся в тумане солнце продолжило до 6 утра обманчивое спокойствие»³⁰. Паскевич, как и Ермолов, указал определенно: «...в 6 часов утра начался тот кровавый бой»³¹. Раевский связал начало битвы с наступлением рассвета, но происходящие затем события генералу видятся по-своему: «Предвидение мое сбылось. 26-е число на рассвете неприятель начал обходить мой фланг»³². Свидетельство Сен-При также не лишено оснований: «Около 7 часов их колонны двинулись на флешы»³³. На это же время указывает ряд французских источников, где наблюдается расхождение, от 5.00 до 7.00.

Откуда прогремел первый артиллерийский выстрел? Французы были нападающей стороной, предоставим им первое слово. Капитан Ш. Франсуа вспоминал: «В 6 часов утра пушечный выстрел гвардейской артиллерии является сигналом начала боя!»³⁴ Л. Ф. Лежен сообщал: «Сигнал был дан около 7 часов, и 300 наших пушек немедленно открыли пальбу»³⁵. Большинство документов указывает на то, что первый выстрел прогремел с батареи Сорбье против Семеновских флешей. С этим согласился Ц. Ложье, находившийся на левом фланге Великой армии у Бородина: «Пушечный выстрел, понесшийся с батареи на правом фланге, дал, наконец, сигнал к сражению. Было ровно 6 часов»³⁶. Капитан Жиро де л'Эн уверял, что «бал открыла гвардейская артиллерия», но сразу же «пальбой 60-ти орудий»³⁷.

С тем, что первый выстрел грянул у Семеновского, соглашался бывший поручик 11-й батареей роты Д. П. Данилов. Эту честь он уверенно приписал... себе: «На рассвете первое русское ядро полетело с нашей батареи и выстрел этот был сделан мною. Резко раздался на заре гул выстрела по лесу и подал вестовой знак. Все смолкло, но не прошло и несколько минут, как длинная цепь французских орудий, поставленных впереди Шевардина, загрохотала в свою очередь»³⁸.

Определенно вытекатель по этому поводу и Беннигсен: «...батарея № 4 (генерал отметил ее этим номером на карте, приложенной к запи-

---

²⁹ Бородино. С. 173.

³⁰ Ермолов А. П. Записки. С. 187.

³¹ Паскевич И. Ф. Походные записки. С. 101–102.

³² Бородино. С. 161.

³³ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 154.

³⁴ Journal du capitaine Francois. Paris, 1904. Т. 2. Р. 789.

³⁵ Лежен Л. Ф. «Дорогой ценой купили мы успех...» // Родина. 1992. № 6–7. С. 53.

³⁶ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 133.

³⁷ Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires... Р. 81.

³⁸ Данилов Д. П. «Историческое сведение о Бородинском сражении» // Тихонов И. С. Об установлении автора воспоминаний... Тезисы научной конференции. Бородино, 1992. С. 17.

скам. – *Л. И.*), которую защищал генерал-лейтенант Раевский, первая открыла огонь»³⁹. Именно поэтому Беннигсен тотчас туда отправился. Мы располагаем свидетельствами адъютанта и ординарца Кутузова. Первый из них, Михайловский-Данилевский, вспоминал: «26-го августа, в четвертом часу поутру меня разбудило ядро неприятельское, раздробившее близ меня конюшню. Любопытно, и не знаю, произошло ли сие случайно или сделано было с намерением, что первое ядро, пущенное с неприятельских батарей, направлено было на дом, занимаемый князем Кутузовым»⁴⁰ (перед сражением Кутузов ночевал в деревне Горки «позади центра русских войск»). Ординарец Кутузова И. Р. фон Дрейлинг приводит в своем рассказе этот же случай: «Чуть рассвело – а неприятель уже послал свое первое ядро. Одно из первых ядер пролетело над нашими головами и попало прямо в крышу того дома, где находился Кутузов»⁴¹. Шальное ядро, конечно же, не могло прилететь с батареи Сорбье, скорее всего оно было пушено из орудия с батареи д'Антуара, расположенной в районе Новой Смоленской дороги.

На наш взгляд, эти сведения не противоречат друг другу: каждый участник битвы по-разному судил о ее начале. Одни имели в виду передвижение войск, предшествовавшее битве, другие – перестрелку на аванпостах, для третьих начало сражения – это гром артиллерии по всему фронту, для четвертых – нападение противника. Наконец, существует группа лиц, для которых начало великой битвы – это выстрел «вестовой пушки». Мы можем с уверенностью сказать, что расхождения во времени между 4.00 и 7.00 связаны с тем, что воины противоборствующих армий подразумевали разные события – от случайного артиллерийского выстрела до нападения на позицию противника.

* * *

Особенностью русской историографической традиции, основанной на версии Толя, стало представлять события у села Бородина как диверсию, отвлекающую внимание Кутузова от нападения на левый фланг. Из «Описаний» Толя явствует, будто неприятель сначала напал на село Бородино. Однако, если сравнить хронометрию боевых действий на обоих флангах, становится ясно, что к моменту нападения на Бородино боевые действия у Семеновского уже шли. Чтобы в этом убедиться, обратимся к источникам, согласно которым на левом фланге около 5.30 дивизии Дессе

³⁹ Беннигсен Л. Л. Записки графа Л. Л. Беннигсена... С. 497.

⁴⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1812 год // ИВ. 1890. № 10. С. 144.

⁴¹ Дрейлинг И. Ф. Воспоминания... С. 375.

и Компана из корпуса Даву двинулись в атаку на Семеновские флеши, к которым подступили около 6.00. В это время Евг. Богарне даже еще не получал приказа о нападении на Бородино.

Даву не хватило войск для этого предприятия: по приказу Наполеона он передал 1-ю и 3-ю дивизии в подкрепление войскам Богарне в центре, а 2-я дивизия Фриана была оставлена у Шевардино в резерве «для исправления ошибок». Войска Даву подстерегали и другие трудности тактического характера.

С рассветом Багратион с командного пункта у деревни Семеновское мог видеть сквозь редующий туман «необозримые массы» войск противника, покрывавшие местность вокруг Шевардинского редута, где располагался командный пункт Наполеона. Численный перевес противника, нависшего над левым флангом, был ощутим. Если у Кутузова все еще могли быть сомнения в отношении того, куда обрушится главный удар, то Багратион в этом не сомневался. Потребовав подкреплений у Кутузова, он выдвинул в первую линию всю имевшуюся у него под рукой артиллерию, включая резерв у деревни Псареве: около 110 орудий было расположено за Семеновским оврагом на высотах, представлявших амфитеатр по отношению к местности, где находились флеши (52 орудия). До прибытия резервов Багратион рассчитывал продержаться с помощью артиллерии⁴².

Нападение неприятеля на южную (левую) флешь показало, что прав оказался Ней. Скрытый лесом бросок дивизий Компана и Дессе к флешам имел результатом неудачу: в лесу вся дивизия Дессе и частично Компана столкнулись с егерями, которых оказалось больше, чем ожидалось. Войска увязли в длительной перестрелке. Перекатная стрельба в лесных зарослях показывала Багратиону, откуда ждать неприятеля, оторвавшегося от артиллерийского прикрытия. Картечные выстрелы с батареи генерала Сорбье не достигали русской позиции, ядра ложились на излете, а следовавшая вдоль опушки 30-я орудийная батарея Пернети отстала от своей пехоты⁴³. Внезапного и решительного нападения не получилось: Компан потерял направление атаки. Наконец генералу Ж. Л. Шарьеру с тремя батальонами 57-го линейного полка удалось обойти южную флешь. Когда неприятель появился позади укрепления на опушке, он был встречен залпами картечи. «Действие с наших батарей было ужасно», – доносил в рапорте генерал-майор Левенштерн⁴⁴. Гренадеры Воронцова

⁴² Ларионов А. П. Указ.соч. С. 116–131.

⁴³ Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Тр. ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 225–226.

⁴⁴ Бородино. С. 183–184.

«проводили французов на штыках до самого леса». Подтверждение этому факту также содержится в рапорте Левенштерна⁴⁵.

Неприятель, «грозно выказавшийся из лесу», представлял собой отличную мишень не только для орудий, расположенных на левой флешки, но и на средней, о которой он не подозревал до тех пор, пока не попал под обстрел. Русская артиллерия била с высот на левом берегу Семеновского оврага, русло которого постепенно сворачивает на юго-запад, выходя как раз к опушке Утицкого леса. Нет оснований сомневаться в том, что события между 6.00 и 7.00 разворачивались так, как их описали французы. «Наши дивизии с самого начала сражения терпят страшные потери. В четверть часа поражены Даву, Компан, Тест, Дессе, Дюпеллен, Рапп... Раны начальников не охлаждают пылкости солдат, но они расстраивают направление движения», – рассказывал Сегюр⁴⁶. Для французов эта атака – событие весьма значительное, существенно повлиявшее на успех боя: перестрелка с русскими егерями, попытка выбраться из леса, жестокий встречный огонь, ранения дивизионных и бригадных генералов и, наконец, двойная контузия самого маршала Даву, без сознания упавшего с лошади...

По русским источникам, этой атаке как бы и не было. Генералы 2-й армии Сен-При и Воронцов отмечают три атаки на флешки, начиная отсчет времени боя с 7.00. В дневнике Сен-При говорится: «Около 7 часов *их колонны* двинулись в атаку на флешки»⁴⁷. Вот что сообщает в письме сестре леди Пемброк Воронцов: «...значительнейшая часть отборной французской пехоты под командованием маршалов Даву и Нея *атаковала нас в лоб*»⁴⁸. В письме к Михайловскому-Данилевскому Воронцов скуп на подробности, но именно это позволяет исключить разночтение в хронометрии событий: «...Мы должны были выдержать *первую и жестокую атаку 5–6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта, более 200 орудий действовали против нас*»⁴⁹. В «Официальных известиях» также отмечалось: «Атака флешей была наисильнейшей и оборона самой ожесточенной. Борьба за них продолжалась с 7-и часов утра до 10-ти». Воронцов и Сен-При говорят об общих атаках на флешки, не выделяя попытки противника завладеть южным укреплением до нападения с фронта. В «Записке генерала Неверовского» сообщаются подробности о том, что Воронцов «множеством неприятеля

---

⁴⁵ Бородино. С. 183.

⁴⁶ Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году. С. 29.

⁴⁷ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 154.

⁴⁸ Записки генерала М. С. Воронцова // 1812–1814. М., 1992. С. 277–278.

⁴⁹ Из воспоминаний графа Воронцова // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 202.

был сбит... Я был с дивизиею послан подкрепить его и вошел в жестокий огонь; несколько раз дивизия и я с ней вместе ходили в штыки»⁵⁰. Этому соответствуют и строки из рапорта Багратиона: «...Неприятель... сделал нападение усильнейшее»⁵¹. Очевидно, что первоначальные действия корпуса Даву не подходят под это определение. Русские военачальники начинают описание боя за флеш с того момента, как в бой вступили значительные силы под командованием Нея, после чего войска Даву как бы обрели второе дыхание.

Однако существует письмо упомянутого генерала Шарьера с описанием атаки на южную флешь: «Мой полк предпринял атаку, чтобы захватить редут, на котором было двенадцать 12-фунтовых пушек. Тотчас же, как я прибыл на место, которое лежало перед редутом, я скомуандовал «b la redoute» и «a pas de charge» [шагом в атаку], и *полчаса спустя* я был хозяином редута»⁵². В книге В. Н. Земцова говорится: «Смогли ли солдаты Даву удержать южную “флешь”? Русские материалы, казалось бы, не оставляют никаких сомнений в том, что южная “флешь” множество раз переходила из рук в руки, по крайней мере, так их принято толковать в литературе. Однако при внимательном прочтении русские документы не позволяют утверждать с полной уверенностью, что пехота Воронцова или Неверовского отбила южную “флешь”»⁵³. Автор приводит слова из письма Воронцова к Михайловскому-Данилевскому: «...Видя, что один из редутов на моем левом фланге потерян, я взял батальон второй гренадерской дивизии и повел его в штыки, чтобы вернуть обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. *Было почти 8 часов утра*»⁵⁴. Думается, что в свидетельстве Воронцова ключевой фразой является та, где указано время его ранения. Из нее следует, что огромные потери, понесенные его дивизией, и захват южного укрепления произошли около 8.00. Ранее это укрепление не было и не могло быть захвачено Шарьером ввиду неравенства сил. Генерал Тест, сменивший Компана, утверждал, что в момент ранения его предшественника атака на южную флешь захлебнулась⁵⁵. Генерал Компан считал, что между 6.30 и 7.00 во время его ранения его войска бросились на южный редут. Правда, из его слов неясно, смогли ли они овладеть им⁵⁶. Генерал Пернети также утверждал, что Компану не удалось

⁵⁰ Бородино. С. 379.

⁵¹ Там же. С. 109–110.

⁵² Шарьер Ж. Л. Письмо. 27 сентября. Москва // *Lettres interceptées*. P. 38.

⁵³ Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. С. 86.

⁵⁴ Из воспоминаний графа Воронцова // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... С. 202–203.

⁵⁵ Test F.-A. Souvenirs // *Carnet de Sabetache*. 1911. P. 668.

⁵⁶ Ternaux-Compans. Général Compans (1769–1845). P. 1912. P. 185.

захватить «боковой редант»: «Он [редан] был взят в то самое время, когда туда подошла с нашего левого фланга Вюртембергская дивизия»⁵⁷. О том, что русские войска удержали редут, свидетельствовали Пеле и Шамбрэ⁵⁸. Четыре батальона пехоты (три – 57-го и один – 111-го линейного полка) из корпуса Даву в ходе «лесной атаки» не могли внести сильного опустошения в ряды войск 2-й армии, оборонявшей реданы, численность которой на тот момент превосходила вдвое неприятеля.

Спор между офицерами 1-го и 3-го корпусов неприятельской армии за честь обладания этим укреплением возник именно из-за того, что событие это произошло после вступления Нея в сражение. Документы, отразившие конфликт, показательны. Так, генерал Ж.-Л. Маршан заявил ординарцу Наполеона: «Сообщите императору, что укрепления, которые покинуты 57 и 72-м полками, освобождены солдатами Вюртемберга»⁵⁹. В рапорте Нея обстоятельства захвата южного укрепления представлены так: «10-я дивизия, отбросив всех стрелков и аванпосты, с величайшей отвагой подошла к левому неприятельскому редуту. Этот редут был тогда же атакован войсками 1-го корпуса, в результате чего 24-й [полк] легкой пехоты и 57-й линейный [полк] вступили внутрь его, смешавшись между собой. Противник, оправившись от своего первого удивления, вернулся, чтобы отбить назад этот редут, но 25-я дивизия пришла в тот момент на поддержку 10-й, и противник был отражен»⁶⁰. Свидетельство Нея согласуется с видением событий Воронцовым, Сен-При, Неверовским, Левенштерном.

Однако Шарьер посчитал своим долгом вступить за честь 57-го полка, который понес наибольшие потери по армии, лишившись под Бородином более 1200 человек убитыми и ранеными. Он писал в рапорте: «...Несколько человек заявляют, будто полк не захватил ни одного редута. Я... подтверждаю, как уже выше сказано, что мой полк ни разу не оставил редута»⁶¹. Как ни странно, но наибольшую степень сочувствия подвиги 57-го линейного полка вызвали именно у отечественных историков. Так, Н. А. Троицкий «продлил» время пребывания полка на поля боя до полудня. Описывая «мифическую» восьмую атаку на флешу, историк пишет: «Штурмующие дивизии Даву и Нея рвались вперед, словно по приказу: «Теперь или никогда!» Впереди колонны Даву шли гренадеры (почему гренадеры?) 57-го полка. Молча, с ружьями наперевес, не

⁵⁷ Воспоминания генерала Ж. М. Пернеги о Бородинском сражении... С. 226.

⁵⁸ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 74.; *Chambray G. Histoire de l'expédition... V. 2. P. 62.*

⁵⁹ Цит. по: *Земцов В. Н. Великая армия Наполеона... С. 336.*

⁶⁰ Рапорт маршала Нея герцога Эльхингенского... // *Pieces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812. (Extrait du Journal officiel). Paris, s.a. [1812]. P. 325–327.*

⁶¹ *Шарьер Ж. Л. Рапорт 57-го линейного полка // Ternaux-Compans. Le general Compans. P. 347.*

отстреливаясь, они бросились прямо на русские пушки. Сам Багратион, глядя на них, воскликнул: «Браво!»⁶² Легенда о том, что храбрость 57-го линейного полка вызвала восхищение у «льва русской армии», получила довольно широкое распространение среди русских офицеров⁶³. Но факты свидетельствуют, что этот полк выбыл из строя значительно раньше.

Итак, источники дают основание утверждать, что первая попытка неприятеля завладеть Семеновскими флешами закончилась неудачей. Специалисты, подсчитывая силы обеих сторон, неправомерно добавляли к войскам Даву 2-ю пехотную дивизию Фриана, находившуюся во время боя за флешу в районе Шевардина. При описании огневой мощи русской позиции у Семеновского внимание историков привлекало количество орудий, расположенных в самих укреплениях и в промежутках между ними, однако существенную угрозу для нападавших представляли артиллерийские орудия, расположенные «амфитеатром» позади флешей. Причина неудачи Даву объясняется также отсутствием поддержки со стороны Старой Смоленской дороги. В течение длительного времени две дивизии из корпуса Даву пытались «зацепиться» за флешу, подвергая жесткому артиллерийскому обстрелу. С 6.00 до 7.30 эти войска несколько раз пытались «выказаться из лесу», не имея достаточно сил захватить хотя бы одно укрепление. В отечественной историографии первая атака Даву ограничивается отрезком времени с 6.00 до 6.30, хотя французские и русские источники указывают на значительную протяженность события. Обратим внимание еще на одно обстоятельство: Даву двинулся через лес в 5.30, а Ней, согласно его рапорту, только в 7.00 получил приказ поддержать усилия 1-го корпуса. Следовательно, в районе флешей он появился не ранее 7.30, а это означает, что у Кутузова было как минимум полтора часа на оценку ситуации в районе Семеновского и передвижения к угрожаемому пункту 2-го и 4-го корпусов. Сетования историков на то, что этим войскам не хватало времени, чтобы дойти до Семеновского и вовремя поспеть к месту сражения, в этом случае вызывают сомнения. На наш взгляд, следует искать другие причины их запаздывания.

* * *

Первое нападение представлялось Багратиону в виде неотвратимой, но пока нереализованной угрозы. Между 6.30 и 8.00 он успел не раз

---

⁶² *Троицкий Н. А.* 1812 – великий год России. С. 152.

⁶³ *Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 527.

запросить подкрепления⁶⁴. Но в это время на правом фланге происходило событие, о котором Беннигсен не упомянул в записках, а Ермолов описал как нечто незначительное. Неприятель внезапно атаковал село Бородино на Новой Смоленской дороге! В «Описании» Толь сообщил: «26-го числа в 5 часов пополудни неприятель учинил первое стремление на село Бородино, атаковав оное 13-ю дивизиею генерала Дельзона корпуса вице-короля италианского, вероятно с тем, дабы обратить главное внимание наше на сей пункт»⁶⁵. В отечественной историографии постепенно укрепилось мнение о том, что эта атака носила демонстративный характер. Эту версию заимствовал у Бутурлина Пеле, воздав дополнительную похвалу предусмотрительности своего императора, хотя дело здесь было, очевидно, в другом. Наполеон накануне обратил внимание на участок русской позиции, отделенный рекой Колочей от расположения основных сил русской армии. 25 августа он не стал атаковать этот пункт, так объяснив свои действия генералу д'Антуару: «Деревня Бородино доминирует над редутом (батареей Раевского. — *Л. И.*), и он виден с тыла; эта позиция изолирована — и ею легко овладеть. Я это знаю, но лучше я воздержусь. Позиция у Бородино придает уверенность противнику и побуждает его дать сражение. Если я захвачу ее этим вечером, неприятель не устоит и ночью ретируется; более я не знаю, где я смогу его нагнать; возьмем ее завтра на рассвете»⁶⁶.

Беннигсен, Барклай де Толли, Ермолов и другие военачальники, наблюдая за тем, как неприятель «окапывает свой левый фланг», полагали, что это является несомненным доказательством намерений Наполеона атаковать южное (левое) крыло. Мотивы поведения Наполеона в отношении Бородина были им неизвестны. Нападение на Бородино застало врасплох именно потому, что полагали, что «не здесь ожидать надлежало важнейших предприятий»⁶⁷. Беннигсен, Барклай, Ермолов, Кутайсов и даже Вистицкий, настаивавший на усилении левого крыла, бросились на звук выстрелов, забыв на время о происходившем у Семеновского.

Адъютант Барклая В. И. Левенштерн подробно описал драму, привлекавшую внимание русского командования: «Туман, заволакивавший еще в то время равнину, скрывал сильные неприятельские колонны, надвигавшиеся прямо на него. Генерал Барклай... угадал, какой опасности подвергался егерский полк, и послал меня к нему с приказанием,

---

⁶⁴ *Вистицкий М. С.* Из записок Вистицкого // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 187.

⁶⁵ Бородино. С. 320–321.

⁶⁶ *D'Anthouard.* Notes et documents... // *Carnet de la sabretache.* 1906. № 162. P. 341.

⁶⁷ *Ермолов А. П.* Записки. 1911. С. 188.

чтобы он немедленно выступил из деревни и разрушил за собою мост. Я поспешил к командиру полка [полковнику Бистрому 1-му. – *Л. И.*], но колонна вице-короля итальянского под командою генерала Дельзона вступила уже в деревню с большой дороги сомкнутою колонною. Приказание бить отбой было тотчас исполнено, но отступление не могло совершиться достаточно скоро, чтобы помешать другой французской колонне пройти по берегу реки, разбросать цепь стрелков и начать стрелять в егерей в то время, как они проходили по мосту; огонь был убийственный и попадал в цель... Мы были так стеснены, что ни один ружейный выстрел не пропал даром»⁶⁸.

В изображении Ермолова события выглядели так: «В 6 часов утра замечено движение неприятельских войск против правого нашего крыла, и вскоре началась атака на село Бородино. Впереди сего гвардейского егерского полка батальон [3-й батальон полковника П. С. Макарова. – *Л. И.*], содержащий передовые посты, опрокинут и менее, нежели в полчаса, весь полк в замешательстве отброшен до моста через речку Колочу»⁶⁹. Генерал сделал многозначительную приписку: «В батальоне на аванпостах [в 3-м. – *Л. И.*] до того велика была беспечность, что многие нижние чины спали, снявши мундиры. В прочих батальонах в равной степени была неосторожность, но немного менее беспорядка. Доселе храброму полку не было упрека»⁷⁰. Последняя фраза, казалось бы, содержит разъяснение мотивов, по которым провинность лейб-егерей никак не отражена в официальных документах. В армии распространялись слухи о непростительной «оплошности» на аванпостах. Особенно много нареканий вызвало поведение командира 3-го батальона лейб-егерей, который, по слухам, был пьян и оттого не смог распоряжаться войсками⁷¹. Липранди писал: «...Гвардейские егеря, заняв Бородино, обрадовались, найдя в богатом селе этом пространные бани... В то самое время, когда французы сделали нападение, целый батальон был в банях. Вот настоящая причина потери... Многие, выскочив из бани, успели надеть только суму и схватить ружье и так вступили в бой»⁷². Митаревский сообщал: «Мне, артиллеристу, показалось, что гвардейцы слишком скоро оставили Бородино, но пехотные офицеры судили о них строже»⁷³. Излагал ли автор этих строк действительно свои впечатления как очевидец, или на

⁶⁸ Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1900. Кн. 3. С. 573–574.

⁶⁹ Ермолов А. П. Записки. 1991. С. 188.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Дурново Н. Д. Дневник. // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 107.

⁷² Замечания И. П. Липранди на «Описание Отечественной войны» // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 156.

⁷³ Митаревский Н. Е. Нашествие неприятеля на Россию. С. 61.

него повлияли слухи, распространившиеся в войсках? Митаревский считал нужным оговориться: «Не знаю, насколько была справедлива оценка, но должен заметить, что между армией и гвардией было мало ладов. Гвардию, как отборное войско, разумеется, больше берегли и доставляли ей больше удобств, но это-то и порождало зависть и недоброжелательство». На мемуаристов могли повлиять записки Ермолова, который был заинтересован в самооправдании, прочитав обличительное «Изображение» Барклая де Толли.

В рапорте командира лейб-гвардии Егерского полка Бистрома 1-го Лаврову сообщается, что именно полковник Макаров уже в 4.00 известил своего начальника о том, что «неприятель спускается по правую сторону деревни двумя колоннами, полагая глазомером в восемь тысяч»⁷⁴. Факт раннего донесения подтвердил в рапорте Кутузову от 26 сентября Барклай де Толли: «26-го числа поутру до света получено донесение... полковника Бистрома, что замечено движение в неприятельской позиции противу деревни Бородино и вскорости после сего неприятель атаковал превосходными силами сию деревню»⁷⁵. Барклай, в отличие от Ермолова, ни словом не упомянул об «оплошности» гвардейских егерей. По словам Левенштерна, он высказал соображение, что «этот отборный полк был употреблен в месте столь опасном и бесполезном для его целей вопреки его желанию. По его мнению, в этом пункте было бы достаточно иметь наблюдательный пункт. Он обвинял в этом бедствии генерала Ермолова, предложившего Беннигсену и Кутузову поставить тут этот полк»⁷⁶.

Основательность упрека косвенно подтвердил П. Х. Граббе, адъютант Ермолова. Из его слов явствует, что опасность, грозившая лейб-егерям, была очевидной до нападения войск Богарне: «На рассвете 26 августа князь Кутузов, окруженный большой свитой, стоял уже верхом на возвышении за правым флангом. Все глаза были обращены на село Бородино... Барклай де Толли находил опасным и бесполезным удерживать это село и полагал отозвать оттуда немедленно егерей. Герцог Александр Виртембергский защищал противное мнение. Кутузов безмолвно выслушивал обоих»⁷⁷.

Сопоставив рассказы «самовидцев», трудно вынести окончательный вердикт пресловутому полковнику Макарову. Сам Макаров был ранен в начале дела, более того, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Затем он был назначен командиром одного из лучших полков в армии —

---

⁷⁴ История лейб-гвардии Егерского полка. С. 47–48.

⁷⁵ Бородино. С. 173–174.

⁷⁶ Левенштерн В. И. Записки... С. 574.

⁷⁷ Граббе П. Х. 1812 год. С. 406.

Павловского гренадерского⁷⁸. Конечно, можно было оставить его без повышения из уважения к его прежней службе, но представлять к награде и повышению было неуместно, учитывая тяжесть проступка. Можно объяснить снисходительность императора (а без него не могло состояться высокое назначение) невведением, но известно, что Александр I был хорошо осведомлен обо всех случаях пьянства или пристрастия к карточной игре среди офицеров. Зная его «твердость правил», можно лишь гадать, почему было сделано исключение для полковника Макарова.

Следует задаться вопросом: каково вообще было назначение позиции в селе Бородине и нужно ли там было держать целый полк, тем более гвардейский? «Система занятия позиции, принятая русским генералом, состояла в том, чтобы занять егерскими батальонами затруднительные берега Колочи и деревни, лежащей по берегу этого ручья, и поддержать эту первую линию корпусами, эшелонированными в две линии», – писал Пеле⁷⁹. В отношении лейб-егерей этой системы придерживаться было невозможно, так как они были единственными, кто находился на левом берегу. Если в их задачу входило простое наблюдение за неприятелем, то, безусловно, прав Барклай: достаточно было ограничиться наблюдательным постом. Самым трудным для гвардейцев было отступить с занимаемой ими позиции: даже перебравшись через Колочу, они оказывались прижатými к обрывистому правому берегу, взобраться по которому было очень непросто и в обычных условиях, а под интенсивным неприятельским обстрелом сложности усугублялись. На левом берегу находилась 12-орудийная батарея и два орудия гвардейского экипажа, которые, с одной стороны, прикрывали самих егерей, с другой – создавали дополнительные трудности при отступлении. При всей опасности позиция села Бородина прикрывала с севера батарею Раевского. Тот же Барклай, вопреки свидетельству Левенштерна и согласно рапорту Бистрома, отдал приказ: «Удерживать сколько возможно занимаемое полком селение». Оставить занимаемый пункт без команды полк не мог.

Как долго продолжался неравный поединок лейб-егерей со смертью? По словам Ермолова и Левенштерна, не более 15 минут, но схваткой лейб-егерей с 92-м линейным полком инцидент не исчерпывался, хотя в этот отрезок времени полк потерял 27 офицеров и 693 нижних чина, то есть лишился почти половины состава. Толь утверждал, что «храбрые егеря в виду целой армии удерживали более часу неприятеля», что выглядит явным преувеличением. Дельзон получил приказ атаковать Бородино

---

⁷⁸ История лейб-гвардии Егерского полка. С. 49.

⁷⁹ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 69.

в 6.30⁸⁰, Толь утверждал, что атака началась в 5.00 и продолжалась до 8.00. Особенно важно соотнести время событий у села Бородина с боевыми действиями у Семеновского, на которые в этот же час надвигались войска Нея и кавалерия Мюрата. В это время, как указывают источники, столкновение на северном фланге не закончилось, приобретая все более ожесточенный характер. По словам майора 1-го егерского полка М. М. Петрова, «в восьмом часу утра неприятельская инфантерия Итальянского корпуса, усиленная новыми подкреплениями, напала решительно на с. Бородино, где... лейб-егерский полк наконец принужден был уступить селение, а потом и мосты неистребленные, перепустя по ним неприятеля на правый берег Колочи, в центр генеральной позиции наших армий»⁸¹. В это время генерал Беннигсен потребовал 1-й егерский полк, «виданный им в славных битвах войны 1806 и 1807 годов», и лично отдал приказ его командиру полковнику М. И. Карпенко вывести из огня лейб-егерей, отбросить зарвавшегося неприятеля и уничтожить мосты через Колочу. Неприятельский 106-й линейный полк в азарте преследования устремился через мост, который он должен был разрушить, и попал под обстрел русских батарей. Генерал Плезонн, пытавшийся удержать войска от неосторожного порыва храбрости, был убит, а его полк почти полностью истреблен огнем русской артиллерии с фронта и с флангов⁸². Одновременно в бой вступила бригада полковника Н. В. Вуича. Богарне ввел в сражение 92-й линейный полк, чтобы вывести из-под огня уцелевшую пехоту 106-го. Егеря Карпенко ворвались «на штыках» в Бородино, но подоспевший Ермолов приказал оставить село, «истребив дотла» оба моста через Колочу⁸³.

Ермолов отмечал: «...деревня Бородино осталась во власти французов, но с этой минуты перестала играть роль в великой драме»⁸⁴. Он явно преуменьшил значение этих событий. Эта точка зрения, поддержанная затем многими участниками битвы, оказала существенное влияние на отечественную историографию. Постепенно нападению на село Бородино стали отводить роль отвлекающего маневра, сразу же разгаданного Кутузовым и не имевшего значительных последствий на ход сражения в целом. Начало боя за село Бородино стало сдвигаться на более раннее время. Это тот редкий случай, где мнение тех, кто отстаивал авторитет Кутузова, и тех, кто порицал полководца, по разным причинам совпали.

---

⁸⁰ *Bulletins Officiels*... P. 102–103.

⁸¹ *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку... С. 182.

⁸² *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886. S. 189.

⁸³ *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку... С. 182–183.

⁸⁴ *Ермолов А. П.* Записки. 1991. С. 188.

По версии Толя, противник неудачно пытался отвлечь внимание от нашего левого фланга. По словам Беннигсена, Барклая и Ермолова, с самого начала было ясно, что эта атака – демонстративная. Эти заверения легко было делать «задним числом», но были ли все в этом так уверены, когда спешно концентрировали значительные силы, чтобы парировать удар на северном фланге или, правильнее сказать, в центре? Ведь, захватив Бородино и установив здесь батарею, войска Богарне брали под обстрел с фланга батарею Раевского, которую и Беннигсен, и Барклай, и Ермолов называли «ключом всей позиции». Под огонь неприятельских орудий попадала вся линия русских войск, примыкавших к редуту: пехотные корпуса Раевского, Дохтурова, ядра долетали даже до гвардейцев, стоявших в третьей линии. «Мы заняли широкие дистанции, чтобы давать меньше добычи неприятельским ядрам», – вспоминал Норов⁸⁵.

Какие из вышесказанного можно сделать выводы? Кутузов не знал, какие предписания имел от Наполеона Евг. Богарне, которому предназначалось стать «осью сражения», обеспечив всей французской армии захождение правым плечом вперед. Русскому главнокомандующему было ясно: чтобы атаковать нашу позицию в центре, противник должен сделать то, что он сделал: захватить Бородино и переправы через реки Войну и Колочу. Кутузов не мог знать, что 106-й полк ворвался в расположение русских войск по собственной инициативе. Он видел, что около 8.00 на правый берег Колочи переправилась 3-я пехотная дивизия Жерара, 4-й кавалерийский корпус Груши; 4-я пехотная дивизия Морана стала теснить русских егерей на правом берегу реки. Эти передвижения происходили ближе к командному пункту Кутузова и вполне могли быть различимы. Кутузов не располагал сведениями о том, в какой последовательности подвергнутся нападению боевые порядки русской армии, следовательно, он не мог предполагать, что Богарне ограничится захватом Бородина и остановится, ожидая успехов Даву, Нея и Мюрата. Безусловно, требовалось время, чтобы разобраться в происходящем. Бой на правом фланге продолжался около часа – на наш взгляд, это явилось причиной задержки в передвижении 2-го и 4-го корпусов, когда Багратион, по образному выражению очевидца, уже «стоял в крови» в яростном бою на южном фланге.

---

⁸⁵ Норов А. С. Воспоминания. С. 351.

3. Хронометрия боевых действий: проблемы реконструкции

Как развивались события в эти же часы у Семеновского? Ветер разогнал остатки тумана, и «многолюдному и блестящему сообществу» в Горках открылась впечатляющая картина: «Валуевские возвышенности были очищены от покрывавших их густых батальонов; окрестности Шевардина являлись униженные штыками и загроможденными пушками. Гул пальбы, эшелонировавшейся к Колоче, должен был рассеять сомнения русского генерала»⁸⁶. Войска Багратиона сдерживали напор неприятельских колонн, «хвосты которых были скрыты лесами». Более 400 орудий, сосредоточенных с обеих сторон на пространстве более версты, «простреливали насквозь» ряды сражающихся, продолжавших «с бешенством отчаяния» оспаривать друг у друга разбитые ядрами укрепления.

Зрелище «всеобщего истребления» потрясало каждого. Следовало немедленно перебрасывать войска 2-го и 4-го корпусов, но куда? Неприятель концентрировался в центре; это явствовало из донесения Платова, не обнаружившего противника там, где должно было находиться его левое крыло. Тучков 1-й запрашивал помощь со Старой Смоленской дороги: Багратион забрал у него 3-ю пехотную дивизию. Схватка у Семеновского говорила сама за себя.

Главнокомандующий, вероятно, пытался найти объяснение «разжижению» (Глинка) фронта именно там, где он мог ожидать сильного натиска. Французы, сбившись в колонну, ломались на самый край левого фланга, почему-то пренебрегая пространством между батареей Раевского и деревней Семеновское. Кутузов не знал, что все происходящее на южном фланге являлось не меньшей неожиданностью для Наполеона, как и для него. Ней, вступив в командование войсками после контузии Даву, пытался овладеть флешами и самой деревней Семеновское и, соединив все войска, бывшие у него под рукой, «непомерно усилил свой правый фланг»⁸⁷. Кутузов мог полагать, что неприятель стремиться выйти на Старую Смоленскую дорогу, а Наполеона настораживала брешь, образовавшаяся в его войсках в центре.

Наполеон не менее был удивлен открывшимся ему при солнечных лучах зрелищем. Его армия, по образному выражению очевидца, «наваливала» всей массой на левый фланг противника, правый фланг которого он увидел на том же самом месте, где и накануне, протянувшимся на север до линии горизонта. «Наполеон был введен в заблужде-

---

⁸⁶ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 67.

⁸⁷ Rapp J. Mémoires. P. 99.

ние этой важной ошибкой, которую ему было невозможно заметить, в особенности, отгадать», – сообщает Пеле⁸⁸. Созерцание мощи правого крыла противника обескураживало Наполеона, который всему искал логическое объяснение. По-видимому, не найдя его во время битвы, он «упер» в тексте 18-го бюллетеня правое крыло русских в центральный и Горкинский редуты, то есть представил расположение русских на бумаге таким, каким ему, по мнению Наполеона, следовало быть. Не он ли подсказал тем самым повод для критики оппонентам Кутузова? Пока же Наполеон ломал голову в догадках. «Он полагал, что дает почти фронтальное сражение.... Превосходя числом французскую армию, они [русские] ежеминутно могли перейти в наступление, обрушиться на какую-либо часть нашего фронта, направить... превосходную кавалерию или тучу казаков на нашу линию отступления. Многочисленные предосторожности были необходимы», – продолжал рассуждать Пеле⁸⁹. Сетования французского генерала на промахи русского главнокомандующего подчас выглядят несколько комично: со слов Пеле явствует, что французский император не знал, что и подумать. Пеле сообщал: «Подобно Наполеону, неприятельский генерал мог быть введен картами в обман... Но он был хозяином местности, и должен был прежде, чем укреплять позицию, приказать своему штабу осмотреть ее. Он [Наполеон. – Л. И.] знал, что гвардия, гренадеры, кирасиры с утра уже введены в дело. Но он также знал, что большая часть неприятельской армии еще не сражалась; он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов... Русские офицеры пренебрегли занять разветвление оврага, узел обороны... Мы не могли воспользоваться этой небрежностью, потому что леса скрывали от нас расположение местности. Иначе с нашей стороны было бы важной ошибкой не связать массой пехоты атак центра и левого крыла». Тем не менее ошибка была допущена, атаки центра и левого крыла русской позиции оказались не связаны между собой, в чем сам неприятель видел причину нерешительного исхода сражения. Следует отметить: если «неподвижная сила» правого крыла и произвела впечатление на Наполеона, русскому командованию не следовало долго злоупотреблять этим эффектом. Создавалась угроза прорыва центра, который удалось избежать только благодаря «экспромту» Нея.

После того как захлебнулась атака Даву на «боковые реданты», защитники этого участка позиции, сами того не ведая, уже изменили

---

⁸⁸ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 67.

⁸⁹ Там же. С. 67.

ход сражения, разрушив «изящные предначертания» диспозиции противника. Методически, как хотел Наполеон, опрокинуть левый фланг не удалось, но опасность, нависшая над 2-й армией, нарастала. Следующий удар был страшен по количеству войск. Около 7.00 маршал Ней получил приказ Наполеона двинуть войска в атаку. В 7.30 голова неприятельской колонны появилась из оврага ручья Каменка. «Дивизии 3-го корпуса двигались в следующем порядке 10-я, 25-я и 11-я, – докладывал Ней в рапорте. – 8-й корпус был развернут в две линии»⁹⁰. Пехоту поддерживала резервная кавалерия Мюрата, не спеша двинувшаяся следом. Наполеон постепенно наращивал мощь артиллерии перед Семеновским, вводя в бой до 300 орудий.

Под рукой у Багратиона к этому часу находились гвардейские пехотные полки, кавалерийская бригада Бороздина 2-го и части гвардейской артиллерии. Но вводить в бой гвардию «Второй Главногокомандующий», по-видимому, не торопился, за исключением батарейных рот. Он требовал армейских подкреплений, но их по-прежнему не было. Он, как и обещал, забрал четыре батальона из корпуса Раевского. Раевский обратился к Дохтурову с просьбой подкрепить его войсками 1-й армии, что тот немедленно исполнил. По приказу Багратиона перешла через овраг 2-я кирасирская дивизия Дуки и заняла позицию юго-восточнее флешей позади 4-го кавалерийского корпуса Сиверса. Главный удар неприятеля, полагал Багратион, обозначился полностью – это Семеновское, на что указывало необычайное скопление пехоты и кавалерии. Багратион изготовился встретить его с фронта, а корпусу Тучкова 1-го, по мнению Багратиона, надлежало немедленно ударить во фланг атакующим. Генерал С. И. Маевский, по его собственному выражению, «полетел и поплыл» на Старую Смоленскую дорогу с этим приказом.

Отбросив егерские полки бригады Гогеля 1-го, в 7.30 Ней перешел через Каменский овраг. По диспозиции «храбрейший из храбрых» должен был примкнуть правым флангом к войскам Даву, соединившись с ними для атаки Семеновского. Но те войска, с трудом удерживаясь под выстрелами в южной флешей, просили Нею о помощи, что вынудило его изменить направление. Ней, вместо того чтобы двинуться от развилки Каменского и Семеновского оврагов в указанном направлении, внезапно повернул колонны своих войск направо. Заметим: с этой минуты «прискорбные результаты битвы», как выразился Коленкур, сделались для французов необратимы. «Храбрый из храбрых» попытался в азарте поразить одним ударом двойную цель: взять флешей, с чем не

---

⁹⁰ Рапорт маршала Нея... Р. 325.

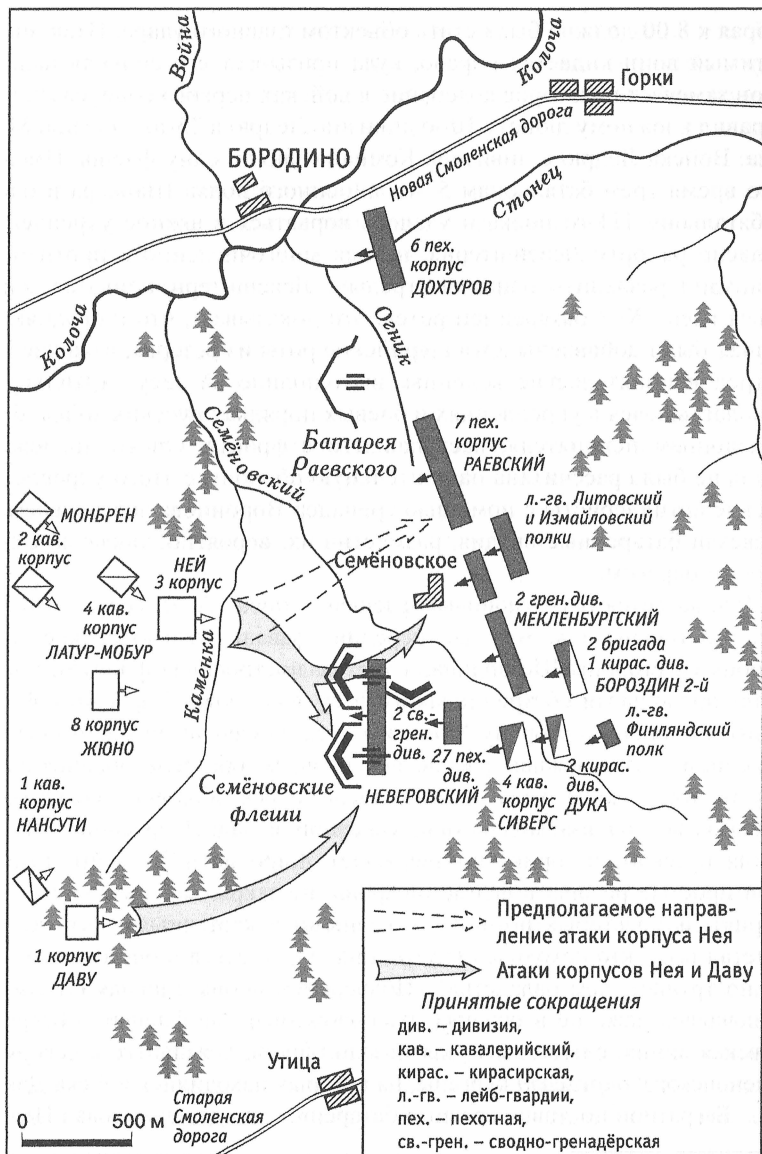

Схема расположения войск перед 2-й атакой левого фланга русской позиции (около 8.00)

справился его соперник в славе Даву, и овладеть деревней Семеновское, которая к 8.00 должна была стать объектом главного удара. Итак, «неукротимый воин кидается вправо, куда призывает его сильная пальба, где он замечает некоторое колебание в войсках первого корпуса»⁹¹. Ней направил к южному люнету 10-ю дивизию Ледрю и 25-ю дивизию Маршана. Войска Ледрю с дивизией Компана заняли одну флешь. Именно в это время трем батальонам 57-го линейного полка Шарьера и одному батальону 111-го полка и удалось ворваться в южное укрепление. Согласно рапорту Левенштерна, натиск многочисленного противника «принудил разделить наши выстрелы». Левенштерн приказал «двинуться влево № 3 батареей роте»: это доказывает, что к орудиям на флешах были добавлены артиллерийские роты из резерва, взявшие под обстрел неприятельские колонны, выходившие из лесу. Артиллерия, располагавшаяся в укреплениях и боевых порядках русских войск, была по колоннам неприятеля, наступавшего с фронта. Очевидно, южная флешь не была рассчитана на длительную оборону, с этого укрепления русские артиллеристы с помощью гренадер Воронцова заблаговременно свезли батарейные орудия, разместив их, вероятно, также за Семеновским оврагом.

«Что касается Багратионовых флешей, – писал А. В. Геруа, – то они были построены так, что две передние давали взаимоперекрестную оборону со стороны Шевардина, а третья, построенная фронтом к югу, давала продольный обстрел правому фасу левой южной флешки и фронтальную оборону в сторону Утицкого леса на случай обхода отсюда. В последнем случае южная флешь, по условиям обстрела обращенная к лесу тылом, должна была быть брошена, и вся оборона должна была основываться на взаимодействии северной и задней флешки»⁹². Точку зрения русского историка подтверждает Жиро де л'Эн: «Эти редуты были простые реданы в форме шеврона, не закрытые у входа, так что неприятель со вторых позиций ружейными и картечными выстрелами выметал всех, кто находился внутри них. Удержаться в них было значительно труднее, чем овладеть»⁹³. Подчеркнем вновь: главная опасность заключалась даже не в орудиях, расположенных на флешах. «Багратионовская линия, слегка выгнутая позади оврага, лежавшего к северу от Семеновского, *окружала* курганы, на которых находились войска Даву и Ней... Багратион поставил грозные батареи», – свидетельствовал Пеле⁹⁴.

⁹¹ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 75.

⁹² Геруа А. В. Бородино (по новым данным). С. 24.

⁹³ Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires... P. 249–250.

⁹⁴ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 75–76.

Судя по рапорту генерала Й. Шелера, 57-й линейный полк не удержал южного «люнета», в который водворились три батальона вюртембергской пехоты⁹⁵. По воспоминаниям русских участников битвы трудно определить, сколько раз они пытались отбить укрепление. Французы же впоследствии так и не выяснили между собой, уступили ли они вновь русским эту флешь или же удерживали ее за собой. Французские войска и сменившие их вюртембергцы если и добивались контроля над «люнетом», то предпочитали располагаться не в нем самом, а по внешним сторонам бруствера и во рву. Если же во время боя за флешу русские воины и появлялись в южном укреплении, то это были в основном кавалеристы, что больше напоминало лихие наезды, чем попытку отбить флешь. Подробности содержатся в рапорте генерал-майора Сиверса 1-го, назвавшего имена героев одной из кавалерийских атак: «Ахтырского гусарского полка полковник Васильчиков командировал два эскадрона одного полка, сбив кавалерию, которая окружила переднюю флешь на левом фланге и была занята уже неприятелями, а сам с двумя эскадронами подкреплял его. Майор князь Кастриот бросился мужественно на неприятельскую кавалерию, опрокинул оную, а после, обратив в бегство пехоту, занял флешу. Пехота наша не подкрепила сей атаки, и полковник Васильчиков принужден был отступить за заднюю флешь»⁹⁶. А. П. Скугаревский указал на то, что трудно определить, когда и по чьему приказу вступили в бой Черниговский драгунский и Ахтырский гусарский полки⁹⁷. Наградные списки к рапорту командира 1-й бригады 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора И. Д. Панчулидзева Голицыну 5-му позволяют решить эту проблему. В документе говорится: «По повелению Его Сиятельства Главнокомандующего 2-ю Западною армиею князя Багратиона были прикомандированы с двумя эскадронами в команду Ахтырского гусарского полка майора князя Костриоти, с которыми, бросаясь с отличным мужеством и храбростию на неприятельскую кавалерию, которая окружила передний флешь на левом фланге, и флешь уже был занят неприятелем, отразив оного, привели в бегство пехоту и заняли флешь»⁹⁸. Оба документа повествуют об одном и том же событии, следовательно, указывают на одно и то же время.

Около 8.00 борьба пехотных соединений разгорелась вокруг правой и средней флешей, к которым двинулась 11-я дивизия Разу (среднюю флешь неприятель увидел не сразу). Настал час 2-й сводно-гренадерской

⁹⁵ Holzhausen P. Die Deutschen in Rusland. S. 90–91.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3561. Л. 23–23 об.

⁹⁷ Скугаревский А. П. Бородино. С. 45.

⁹⁸ Капитонов А. П. Одна война – четыре кампании // Родина. 2002. № 8. С. 70.

дивизии Воронцова, находившейся в первой линии перед неприятелем. Генерал в письме Михайловскому-Данилевскому поведал о судьбе его «покойницы-дивизии»: «...мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5–6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта; более 200 орудий действовали против нас. Соппротивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось... с окончанием существования моей дивизии. Находясь лично в центре и видя, что один из редутов на моем фланге потерян, я взял батальон 2 гренадерской дивизии [батальон, входивший в состав дивизии Воронцова. – Л. И.] и повел его в штыки, чтобы вернуть редут обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен... Час спустя дивизии не существовало»⁹⁹.

К сводно-гренадерской дивизии, от которой оставалось не более 300 человек, устремилась на помощь пехота Неверовского¹⁰⁰. 27-я дивизия пошла в двух колоннах вперед, сбрасывая неприятеля с брустверов реданов, и «здесь исполнила она долг чести и храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения овладеть батареями», – писал в рапорте Неверовский¹⁰¹. С флангов атаку опять поддержала кавалерия 4-го корпуса Сиверса, вступившая в бой с легкоконными бригадами П. Мурье и Ф. О. Бермана, «наскакавшими» на пехотинцев 27-й дивизии. Исход кавалерийской сшибки решил фланговый удар 2-й кирасирской дивизии Дуки, едва не пленившей Мюрата, укrywшегося в каре вюртембергцев.

Тем временем южная флесь продолжала оставаться камнем преткновения не столько пехоты, сколько кавалерии. По словам Ермолова, местность на левом фланге «благоприятствовала действиям» именно русской конницы, которую, судя по рапортам Сиверса 1-го и Бороздина 2-го и по воспоминаниям неприятеля, Багратион сосредоточил на равнине между оврагом и кромкой Утицкого леса. Он использовал все преимущества обороны, бросая в бой «сильную кавалерию» под командованием Голицына 5-го, прибывшего на левый фланг в начале боя. «Бесстрашный вельможа» расчетливо направлял в нужное время и в нужное место сосредоточенные массы конницы, о чем свидетельствуют многочисленные признания неприятельской стороны. Русская кавалерия прикрывала пехоту, по выражению Глинки, «заменяя собою недостающие укрепления». В отечественной историографии действия русской кавалерии на левом фланге не получили достаточного отражения. Здесь

---

⁹⁹ Из воспоминаний графа Воронцова // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... С. 200–204.

¹⁰⁰ Бородино. С. 379.

¹⁰¹ Там же. С. 165.

вмешались субъективные обстоятельства. Д. В. Голицын 5-й оказался, как ни странно, в числе генералов, не получивших награды за Бородино. Кутузов ошибочно представил его к Георгию 3-го класса, который у генерала уже был¹⁰². Во исправление ошибки главнокомандующий рекомендовал его к награждению орденом Св. Анны 1-й степени, но эта награда не соответствовала ни чину, ни службе прославленного генерала и была отвергнута Голицыным. Как писал в письме Кутузову и.о. военного министра А. И. Горчаков, ссылаясь на слова матери генерала знаменитой княгини Н. П. Голицыной: «После тех знаков отличия, которые он уже имеет, приемлют или вашим к нему неблаговолением или что он в сей день не отличился столько, сколько по званию его предстояло ему случаев»¹⁰³. Несправедливость, допущенная в отношении кн. Голицына и всего кирасирского корпуса, сказалась на неполном отражении действия конницы в отечественной историографии. Голицын, переживая обиду, демонстративно отказался писать воспоминания о Бородине по просьбе Михайловского-Данилевского. Неприятель же особенно отметил успешные и «грамотные» действия русской конницы.

Генерал Шелер сообщил в рапорте: «При отступлении кавалерии Неаполитанский король попал в очень трудное положение, так как его лично преследовали многочисленные кирасиры и казаки. Его величество подскакал к нашей пехоте, которая внезапно открыла огонь... но поскольку кавалерия противника оказалась *уже на флангах и в тылу*, то король бросился внутрь редута и доверился нашей защите»¹⁰⁴. Другая атака описана Жиро де л'Эном: «В это время мы заметили отряд русских кирасир, мчавшихся как ураган. Они направлялись не прямо на нас, а на батарею из 30-ти орудий [Пернети. – Л. И.]. Проходя мимо нас, отряд отведаль наших пуль, но это не замедлило его движение; не сделала этого и картечь нашей батареи; он опрокинул последнюю и изрубил на местах не успевших укрыться артиллеристов»¹⁰⁵. Русская тяжелая кавалерия не раз повторяла свои набеги, врываясь в южную флешь, неся при этом значительные потери. Однако вред, наносимый неприятелю, был не менее ощутим, что отражено в воспоминаниях офицера 111-го линейного полка Фоссена: «Несколько высот были заняты нашими, и орудия взяты, но, тем не менее, неприятельская кавалерия атаковала и прорывалась сквозь наши ряды, захватывая орудия и забирая в плен»¹⁰⁶. Сегюр также

¹⁰² РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 4. Ч. 1. Св. 0. Л. 93.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153в. Д. 126. Л. 244 об. – 245 об.

¹⁰⁴ Цит. по: *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона... С. 342.

¹⁰⁵ *Girod de l'Ain.* Dix ans de mes souvenirs militaires... P. 83.

¹⁰⁶ Дневник поручика Фоссена // РА. 1903. № 11. С. 470–471.

отмечал: «Неприятельские кавалеристы мужественно использовали свою удачу». Следует признать, что русская кавалерия позволила значительно продлить бой за флешу. Впоследствии Голицын без всякого преувеличения писал в рапорте великому князю Константину Павловичу от 25 декабря 1812 года: «Каждая атака поправляла дело!»

Время близилось к 9.00, а войска Наполеона так и не перешли через Семеновский овраг. «Высоты разрушенного села Семеновского, где начинался левый фланг русского центра, оставались еще неприкосновенными, – писал Сегюр. – На них опирались подкрепления, которые Кутузов постоянно брал из своего правого фланга. Их непрерывающийся огонь обволакивал Нею и Мюрата и останавливал их победоносное движение»¹⁰⁷.

Пока батальоны вюртембержцев пытались удержать южную флешу, 11-я дивизия Разу двинулась к северной и восточной флешам. Впереди находился 18-й линейный полк полковника П. Пельпора, выступивший со знаменем из кустарников возле южной флешу. Северный редан был отбит у остатков дивизии Неверовского, подкрепленной четырьмя батальонами 12-й пехотной дивизии. В захваченном русском укреплении остались четыре разбитые пушки. Следовало развить достигнутый успех, продолжив движение к Семеновскому, но сделать это было не просто, и полк остановился, выбрав для совещания не самое удачное место, «примыкая правым флангом ко рву взятого полком редута», как раз напротив Семеновских высот за оврагом. Эти обстоятельства описал в дневнике капитан Г. Боннэ: «Имея при себе знамя, я ожидал там момента, чтобы приступить к активным действиям. Полковник [Пельпор] спешился, мы обсудили обстановку, и я попросил у него разрешения отослать знамя в ту часть полка, которая была возле 1-го редута и на опушке зарослей, из которых мы вышли. Это было исполнено»¹⁰⁸.

Багратион готовился не только отстоять Семеновское, но и вернуть назад флешу. Измайловский и Литовский полки подвинулись к Семеновским высотам. 1-ю сводно-гренадерскую бригаду генерал-майора Кантакузена генерал Сен-При с марша поместил вперед¹⁰⁹. В первую линию Багратиона передвинул 2-ю гренадерскую дивизию К. Мекленбургского. Генералы Бороздин 1-й, Горчаков 2-й, принц Мекленбургский, Кантакузен лично собирались вести в бой колонны. Багратион, по-видимому, точно рассчитал время атаки. Войска неприятеля, заняв флешу, смешались и пришли в неизбежное расстройство. В это время огонь русской

¹⁰⁷ Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году. С. 30.

¹⁰⁸ Васильев А. А. Французский офицер Гийом Боннэ... С. 67–68.

¹⁰⁹ Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка... С. 172.

**Петр Иванович Багратион (1764–1812),
князь, генерал от инфантерии,
главнокомандующий 2-й Западной армии.
Смертельно ранен при Бородине**

артиллерии был сосредоточен на захваченных противником реданах, что позволяло защитникам укреплений уйти под «покровительство» своей артиллерии, уступая место для новой атаки.

Предоставим слово капитану Боннэ: «Пять минут спустя немного слева [от нас] показались неприятельские стрелки, наступавшие в хорошем порядке, а справа – густая колонна. Я развернул свой батальон и без выстрела двинулся на колонну. Она отступила. Совершая это движение, мы подверглись такому картечному залпу из орудий, расположенных в деревне, что батальон, образно выражаясь, был им повален и пронизан брешами, словно зубчатая стена. Тем не менее, мы все еще шли вперед. Достигнув края оврага, отделявшего нас от высоты, на которой находилась деревня, мы наткнулись на другую колонну, идущую тяжелым неспешным шагом...[2-ю гренадерскую дивизию?] Мы возвратились в редут, но это место не годилось для обороны»¹¹⁰.

Бой, вновь завязавшийся на равнине перед Семеновским, как свидетельствуют русские и иностранные источники, был страшен¹¹¹. «Князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. Тысячи расшибились на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, воина с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей», – повествуется в «Очерках Бородинского сражения»¹¹². Получил тяжкую рану принц Мекленбургский, во главе колонны был ранен корпусной командир Бороздин 2-й, осколок гранаты раздробил руку кн. Горчакову 2-му, был убит на бруствере укрепления кн. Кантакузен. По преданию, его войска ввел в редан, отбитый у неприятеля, сам Багратион. Александр I, узнав о потерях среди полковых командиров, разрешил Кутузову, согласно Учреждению о большой действующей армии, своею властью производить в полковники офицеров, отличившихся при Бородине с тем, чтобы немедленно восполнить убыль в штаб-офицерском составе¹¹³.

Как далеко простиралась атака отборной русской пехоты? Командир Фанагорийского полка Е. А. Головин рассказывал¹¹⁴, что русские воины

¹¹⁰ Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка... С. 68.

¹¹¹ *Сегюр Ф. де*. Поход в Москву в 1812 году. С. 33; *Пеле Ж.* Бородинское сражение. С. 81; *Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. Т. 2. Р. 26; *Ермолов А. П.* Записки. С. 189.

¹¹² *Глинка Ф. Н.* Очерки Бородинского сражения. С. 81.

¹¹³ Фельдмаршал Кутузов. С. 83.

¹¹⁴ Очерк жизни и службы Е. А. Головина // Десятьнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 1. М., 1872. С. 5.

пробились «на штыках» до самого Утицкого леса, ворвавшись в южную флешь, что, казалось бы, противоречит установившейся традиции считать ее окончательно потерянной с 8.00. Рассказ Боннэ подтверждает, что в словах Головина нет преувеличения: «Мы отступили до кустарников, находившихся возле 1-го редута. Русские кирасиры, будучи выбиты из этого редута, невзначай атаковали нас. Мы отодвинулись дальше в заросли»¹¹⁵. Во время этих фронтальных «сшибок» конница продолжала с фланга поддерживать невероятные усилия русской пехоты. Усилия русских воинов были не напрасны. Маршал Ней известил Наполеона, что Багратион вновь перешел в наступление, отбив его от деревни, и отнял флешу. Ней требовал немедленно подкрепить его, «если Император не хочет, чтобы маршал был разбит»¹¹⁶. В это время осколок гранаты раздробил главнокомандующему 2-й армией берцовую кость левой ноги. Опасаясь смутить подчиненных, Багратион некоторое время пытался скрыть свою рану и, преодолевая боль, удерживался в седле, пока не потерял сознание. «В мгновение ока пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет о собственной защите: одно общее чувство – отчаяние!» – вспоминал Ермолов¹¹⁷. Одновременно рядом с Багратионом был ранен Сен-При. Неприятель вновь захватил реданы и пытался прорваться в деревню, но был атакован подоспевшей дивизией Коновницына.

Коновницын отбил «реданты» во время последней, третьей по счету «большой» русской контратаки. Впоследствии он вспоминал о тех событиях: «При сем довольно счастливым происшествием получаю известие, что Багратион и его генерал штап (начальник штаба. – Л. И.) Сен-При ранены, коих уже понесли, и мне, как на сем пункте старшему, Багратионом оставлено главное начальство»¹¹⁸. Положение Коновницына усугублялось другой напастью: упорство русских вынудило Нея перебросить к лесу корпус Жюно; вестфальцы должны были обойти русские укрепления со стороны Утицкого леса, чтобы, по приказу Нея, восстановить линию с войсками Понятовского на Старой Смоленской дороге. Конради, офицер 1-й бригады дивизии генерала Дама, сообщает: «Мы перешли через овраг, тянувшийся восточнее Шевардино в лесу, и продвигались по нему вперед... чтобы как можно скорее выйти на одну высоту с дивизией Компана. Едва мы оказались в редком кустарнике на опушке леса и вышли оттуда на простор, как были встречены ужасным огнем, и насту-

---

¹¹⁵ Васильев А. А. Французский офицер Гион Болнэ... С. 68.

¹¹⁶ Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году. С. 41.

¹¹⁷ Ермолов А. П. Записки. С. 189.

¹¹⁸ Бородино. С. 358.

пление мгновенно остановилось»¹¹⁹. Удар по Семеновскому с фланга оказался бы крайне опасным, если бы к полю боя не подоспели кавалеристы Бороздина и вместе с ними 2-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии капитана Р. И. Захарова. Увидев неприятеля, сосредоточившегося к атаке, он, не дожидаясь приказа, с марша развернул все 8 орудий и открыл огонь с ближайшего картечного выстрела¹²⁰. «Вся голова колонны в полном смысле слова была положена на месте», – вспоминал Норов¹²¹. Успех артиллерии был поддержан в очередной раз кавалерией Голицына. Об этом свидетельствует вестфальский офицер Ф. Лоссберг: «Появление кирасир было для нас совершенно неожиданно, и, если бы некоторые их отдельные всадники не изрубили несколько наших оторопевших артиллеристов, оставивших свои пушки, то следовавшая за ним следом крупная кавалерийская часть подошла бы к нашей бригаде совершенно незамеченной, так как мы приняли эту кавалерию... за саксонцев. По счастливой случайности, мы находились близко от ольховых кустов»¹²². Вестфальский корпус остановился до 12.00, так и не оказав поддержки войскам, сражающимся за Семеновское.

Единственному уцелевшему на этом «пиру смерти» генералу Коновницыну следовало немедленно принять решение, что делать дальше. Неприятель, которого он, ошеломив внезапно, прогнал с реданов, снова концентрировался перед нападением, выдвигая артиллерию и кавалерийские части: корпус Латур-Мобура и Нансути. Коновницын приказал своим войскам немедленно очистить флешы и отойти за овраг. Именно в это время он пригласил в Семеновское генерала Раевского, который отказался. «Я отвечал ему, что не могу отлучиться, не отразив прежде атаки, направленной против меня, и просил его действовать сообразно с обстоятельствами», – подтвердил этот факт сам Раевский¹²³.

Подведем итоги боя за флешы с 7.00 до 10.00. Обратим внимание на то, что Коновницын определенно указал, что его дивизия вступила в бой за флешы после ранения Багратиона, именно по этой причине он вступил в командование левым крылом. В это же время генерал Раевский отказался, как старший в чине во 2-й армии, принять это назначение в связи с тем, что в это же время началась атака на батарею Раевского, защищаемую его войсками. Свидетельства обоих генера-

---

¹¹⁹ Цит. по: *Попов А. И.* Действие вестфальцев в Бородинском сражении // *Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы».* Бородино, 1995. С. 68.

¹²⁰ *Козен П. А.* Воспоминания // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках... С. 74.

¹²¹ *Норов А. С.* Воспоминания // *РА.* С. 94.

¹²² *Лоссберг Ф. В.* Письма вестфальского штаб-офицера. М., 2003. С. 31.

¹²³ Бородино. С. 381.

лов не согласуются с версией Толя о том, что Багратион был ранен в полдень после отражения атаки на центральную высоту. Источники не упоминают в числе войск, отбивающих атаки Даву, Нея и Мюрата на флешу, 2-й пехотный корпус, который, совершенно очевидно, к этому времени не успел прибыть к Семеновскому. В бою за флешу с 7.00 до 10.00 источники не упоминают также и об атаке дивизии Фриана, при отражении которой, согласно версии Толя, был смертельно ранен Багратион. В источниках нет указаний на то, что последний случай произошел в полдень, вопреки тому, что на этом факте «стоит» вся отечественная историография.

В поле зрения отечественных историков не попало обстоятельство, имевшее решающее значение для всего хода битвы. Инициатива Нея, следствием которой явилось смещение более 13 тысяч человек на край левого фланга русской армии, существенно повлияла на ход битвы и явилась полной неожиданностью не только для Кутузова, но и для Наполеона. Это «самоуправство» создало обоюдоострую ситуацию. Войска 2-й армии оказались под угрозой полного разгрома до прибытия резервов, так как под рукой у Багратиона вместе с подоспевшими гвардейцами оказалось около 40 тысяч человек против 60 тысяч противника. Именно поэтому и проявила себя пресловутая растянутость правого крыла. Кутузов не успевал стремительно отреагировать на молниеносный рывок противника. Он в полной мере осознал опасность, нависшую над армией Багратиона, не столько у самого Семеновского, сколько севернее деревни, где между 8.00 и 9.00 русских войск практически не было.

С точки зрения неприятельской стороны поступок Нея мог быть оправдан, увенчайся он успехом. В отечественной историографии до недавнего времени не придавалось особого значения действиям Нея в сражении, не анализировались их последствия, хотя среди французов по этому поводу велись дискуссии, одна из которых закончилась дуэлью между Сегюром и Гурго. Генерал Рапп с сожалением констатировал: «Мы слишком усилили наш правый фланг»¹²⁴. Отечественные историки, подчеркивая доблесть и мужество защитников левого фланга, предпочитали наращивать количество атак на флешу, доведя их до восьми (источники дают основание полагать, что их было только четыре). Соответственно, время обороны укреплений продлевалось на два часа, то есть до полудня. Главный же подвиг наших предков ускользал из поля зрения историков: защитникам Семеновского удалось отразить сокрушительную атаку неприятеля, подавлявшего их своей численностью. При этом

---

¹²⁴ *Rapp J. Mémoires* P. 199.

они отвлекли внимание противника от места нанесения главного удара севернее Семеновского. По иронии судьбы в этом пункте одновременно «разорвался» фронт обеих армий.

* * *

Вопрос о времени и месте ранения Багратиона очень актуален для отечественной историографии. Необходимо остановить внимание на источниках, убедительно опровергающих версию Толя о том, что 2-я армия лишилась главнокомандующего *в полдень* при защите флешей или же при защите Семеновского.

Согласно иностранным источникам, наполеоновские войска захватили Семеновские реданты не позднее 10.00 – на два часа раньше, чем это принято русской историографией. Источники наполеоновской армии опровергают и мнение о том, что эти укрепления пять или семь раз переходили из рук в руки.

Отечественные специалисты без должного внимания подходили к сведениям, сообщаемым русскими участниками сражения. Н. Н. Раевский в форме замечаний на сочинение Бутурлина писал: «С самого утра увидел я колонны неприятельской пехоты против нашего центра, слившиеся в огромную массу, которая, пришед потом в движение, отделила сильную часть от себя, направившуюся к моему редуту. Колонна сия шла ко мне косвенно, и сражение завязалось спустя три четверти часа после атаки, направленной против князя Багратиона. В эту-то минуту генерал Коновницын приглашал меня в Семеновское, по случаю получения князем Багратионом раны. Я отвечал ему, что не могу отлучиться, не отразив прежде атаки, направленной против меня»¹²⁵. Хотя Раевский не указал времени события, но обращает на себя внимание уточнение «с самого утра», подтверждающее, что ранение Багратиона и первая атака на батарею Раевского происходили задолго до полудня. Богданович воспринимал свидетельство Раевского в качестве доказательства слов Ермолова, писавшего о полуденной атаке, упустив из виду замечание «с самого утра».

Начальник 4-й пехотной дивизии принц Евг. Вюртембергский отличался немецкой пунктуальностью. Его дивизия из состава 2-го пехотного корпуса Багговута в начале сражения оставалась в резерве на правом фланге. Находясь в бездействии, принц Вюртембергский, по свидетельству его адъютанта фон Гельдорфа, следил за стрелками своих часов¹²⁶.

---

¹²⁵ Из записок Н. Н. Раевского об Отечественной войне 1812 года. С. 381.

Впоследствии он составил очерк сражения до времени своего непосредственного в нем участия, примерно до 9.00. В числе свершившихся на этот час событий Евг. Вюртембергский назвал захват французами флешей, ранение Багратиона, начало атаки на батарею Раевского. Он без колебаний сообщил о том, что ранение Багратиона предшествовало атаке на центральное укрепление¹²⁷. По неведомым причинам историки игнорировали замечания Евг. Вюртембергского на сочинения Бутурлина и Михайловского-Данилевского, поместивших его дивизию в число защитников флешей: «Бутурлин, приписывая мне решительное наступательное движение на левом фланге, доказывает этим, с одной стороны, свое ко мне расположение, а с другой незнание подробностей, относящихся к двум существенным моментам сражения. Данилевский, говоря о центре, ни словом не упоминает о моей дивизии»¹²⁸.

Находившийся при Толе А. А. Щербинин сообщал: «После Багратиона, смертельно раненого при начале Бородинского сражения, принял командование на левом фланге генерал Дохтуров»¹²⁹. И этот участник Бородинского сражения, сопровождавший Толя к Семеновскому, указывал на ранение Багратиона как на факт весьма ранний. И. П. Липранди, находившийся в центре во время первой атаки на батарею Раевского, утверждал: «Дохтуров поехал для принятия начальства над левым флангом по случаю раны Багратиона несколько прежде, чем Шульманская батарея была взята генералом Бонами. Он уже шел на нее»¹³⁰. А. Н. Витмер заметил: «Видный участник борьбы за курган, Липранди говорит, что бригада Бонами была уничтожена и курган взят обратно Ермоловым в 9 часов утра, а герой этого подвига, Ермолов, свидетельствует, что день клонился к полудню, когда он выехал из Горок. Разница на три часа огромная. Здесь явно ошибается Липранди»¹³¹. Михайловский-Данилевский привел в воспоминаниях высказывание Дохтурова, назначенного на место Багратиона: «Вот слова его: – Меня отрядили на левое крыло в одиннадцатом часу»¹³². Заметим, что фраза, произнесенная Дохтуровым, также подтверждает, что в одиннадцатом часу Багратион был уже ранен. Кроме того, следует учесть, что до назначения Дохтурова на левом фланге в течение некоторого времени распоряжался войсками сменивший

¹²⁶ Гельдорф. Указ. соч. С. 78. // Евг. Вюртембергский. Воспоминания... ВИЖ. 1848. № 1.

¹²⁷ Евг. Вюртембергский. Воспоминания о компании 1812 года... С. 59–60.

¹²⁸ Там же. С. 69.

¹²⁹ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 19.

¹³⁰ Липранди И. П. Замечания на «Описания Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского. С. 29.

¹³¹ Витмер А. Н. Указ. соч. С. 93.

¹³² Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского // РС. 1897. Ч. 3. С. 456.

Коновницына герцог А. Вюртембергский, отстраненный затем недовольным его распоряжениями Кутузовым.

Хронометрию событий, приводимую французскими источниками, подтверждает и такой важный свидетель, как Э. Ф. Сен-При, начальник штаба армии Багратиона. В дневнике он записал: «Гренадерская дивизия графа Воронцова была почти совершенно уничтожена при обороне флешей. Сам он был ранен и замещен генералом Коновницыным, который во главе своей дивизии отбил флешу. Французы, однако, возобновили атаку, снова овладели флешами, и пришлось двинуть против них резерв гренадер, которые выбили их оттуда в третий раз»¹³³. Сен-При – единственный участник сражения, который был не только очевидцем ранения Багратиона, но и указал точное время этого события. Он находился рядом с Багратионом и был ранен почти в ту же минуту. В дневнике, который он вел от третьего лица, Сен-При записал: «...около 9 часов утра был ранен пулей в ногу князь Багратион, а также граф де Сен-При в грудь». Это же время он указал в письме Александру I, написанном в тот же день с поля боя. По поводу же продолжительности боя за флешу в письме сказано: «Редуты нашего левого фланга оспаривались с 7 до 10 часов утра»¹³⁴.

Доказательством служат и черновики наградных списков «генералов, отличившихся 26 августа при селе Бородине», сохранившиеся в РГВИА. Так, о Воронцове в наградном представлении сказано: «26-го числа у прикрытия батареи, где в 8-м часу утра был уже ранен»¹³⁵. Сама за себя говорит запись, сделанная против фамилии Сен-При: «Во все время сражения находился по званию своему при Главнокомандующем князе Багратионе, но, к сожалению, сей храбрый генерал почти в начале дела был ранен», затем конец фразы со слова «почти» был исправлен на «еще часу в 10 утра»¹³⁶. Правомерен вопрос: если Сен-При полагали раненым в «начале дела», то почему ранение Багратиона следует относить к полудню? Количество атак на флешу назвал в автобиографии, написанной для сестры К. Пэмброк, Воронцов: «Наши флешы были захвачены после упорного сопротивления, вновь возвращены нами, захвачены снова французами, отбиты нами еще раз и, наконец, потеряны»¹³⁷. Ни о каких восьми атаках на флешу изначально речи не велось. Русские участники боя выделяют, как правило, три большие атаки. Приведенные

---

¹³³ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 155.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 846. Д. 3465. Ч. 2. Л. 333.

¹³⁵ Там же. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 4. Ч. 1. Св. 0. Л. 85 об.

¹³⁶ Там же. Л. 85.

¹³⁷ Автобиография князя М. С. Воронцова // Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 22–23.

**Петр Петрович Коновницын (1764–1822),
при Бородине генерал-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии.
После ранения П. И. Багратиона временно командовал войсками
на левом фланге**

свидетельства участников битвы позволяют определить, какая из этих атак совпала с ранением Багратиона.

Источники показывают, что с ранением главнокомандующего 2-й армией оборона флешей не закончилась. Ее возглавил генерал-лейтенант Коновницын. Вот слова из его рапорта: «Пехотные полки 3-й дивизии потребованы на левый фланг второй армии, в подкрепление генерала от инфантерии князя Багратиона, куда прибыв были употреблены тотчас к завладению важной высоты, занимаемой неприятелем. Сие было исполнено с совершенным успехом... Послав донести о том князю Багратиону, получил я прискорбное известие, что он ранен»¹³⁸. В исторических сочинениях сообщается, что дивизия Коновницына отразила очередную атаку на флешах задолго до ранения Багратиона (пятая атака). В воспоминаниях Коновницын писал: «26-го весьма рано переведен с дивизиею к Багратиону, к деревне Семеновской»¹³⁹. Из свидетельства генерала явствует, что его контратака была предпринята после вступления в бой 2-й гренадерской дивизии и ранения Багратиона, хотя Сен-При полагал, что в бой прежде вступил Коновницын, а потом уже гренадеры, что нелогично.

А. П. Скугаревский отмечал: «Когда Понятовский появился против Утицы, дивизии Коновницына уже там не было, следовательно, она выступила до 8 часов утра. Между тем, Богданович и за ним другие писатели говорят, что Коновницын подошел к флешам “около 10 часов”. Между Утицами и флешами 1,5 версты. Не мог Коновницын на проход такого расстояния употребить более 2-х часов, да еще – идя на помощь. Очевидно, он подошел к флешам до 9 часов утра»¹⁴⁰, что полностью согласуется с рассказом самого начальника 3-й пехотной дивизии.

По легенде, главнокомандующий 2-й армией был ранен во время контратаки резерва гренадер¹⁴¹, по другому источнику – 2-й кирасирской дивизии¹⁴². Последний источник мало достоверен ввиду того, что кавалеристы при Бородине действовали отдельно, подчиняясь Д. В. Голицыну. Из текстов воспоминаний не совсем ясно: идет ли речь об атаке гренадер дивизии К. Мекленбургского, составлявшей частный резерв левого крыла, или же о сводной гренадерской бригаде князя Кантакузена, пришедшей, согласно рапорту, одновременно с гвардейскими полками. Раннее прибытие и вступление в бой 1-й сводно-гренадерской бригады Кантакузена подтверждается письмом А. И. Горчакова 1-го на имя

---

¹³⁸ Бородино. С. 168.

¹³⁹ Там же. С. 358.

¹⁴⁰ Скугаревский А. П. Бородино. С. 49–50.

¹⁴¹ Ермолов А. П. Записки. С. 189.

¹⁴² Голицын Н. Б. Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. М., 1838. С. 46–47.

А. А. Аракчеева от 9 ноября 1812 г. по поводу отличий капитана Т. П. Букарева, оставшегося за старшего в бригаде после сражения: «После смерти командира л.-гренадерского полку Алберта и бригадного командира князя Кантакузина, когда оба они будучи на левом фланге гвардии... во время начала сражения были убиты... он, Букарев... тотчас заступил место»¹⁴³. Слова «во время начала сражения» указывают на факт раннего вступления в бой бригады и ранения Багратиона. Итак, время ранения «красы и гордости русской армии» можно считать установленным: около 9.00.

Нас же интересует, знал ли Толь, как обстояло дело в действительности. Безусловно, да – он был послан Кутузовым на левый фланг. Об этом писал Щербинин: «После Багратиона, смертельно раненного при начале Бородинского сражения, принял команду на левом фланге генерал Дохтуров, который тотчас прислал просить подкреплений... Кутузов приказал Толю отправиться на левый фланг, сказав ему: “Карл, как ты скажешь, так я сделаю”. Толь сказал мне: “Щербинин, поезжайте со мною”. Карл Федорович, едва приехав на левый фланг, убедился в необходимости подкреплений. Мы подъехали к дивизионному командиру Александру Алексеевичу Тучкову. Он тут же пал от ядра»¹⁴⁴.

Из этого рассказа можно выявить два несоответствия с «Описанием» Толя. Во-первых, причина поездки Толя та же самая, что и у Ермолова, – ранение Багратиона. Во-вторых, Щербинин сообщает и другую подробность: у него на глазах был убит командир бригады Тучков 4-й, ошибочно названный дивизионным начальником. По мнению историков, Тучков погиб при отражении 5-й атаки на флешу, то есть раньше, чем был ранен Багратион. Описав возвращение к Кутузову (Толь оставался распоряжаться на левом фланге), Щербинин указал, что был послан им ко 2-му корпусу, чтобы вести его на левый фланг. Таким образом, сведения Толя о том, что корпус Багговута подоспел к бою за флешу, также недостоверны. Это подтверждал и генерал-квартирмейстер обеих армий М. С. Вистицкий: «Когда Багратион в третий и в последний раз послал сказать, что он держаться не может без сикурса (помощи, поддержки. – Л. И.), то велено 2-у и 4-у корпусам его подкрепить, но сие уже поздно, ибо укрепления были взяты, войско 2-й армии много побито, и Багратион ранен»¹⁴⁵. Историки же, введенные в заблуждение Толем, полагали, что 4-я пехотная дивизия приняла участие в отражении несуществующей

¹⁴³ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 97. Л. 171.

¹⁴⁴ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 20–21.

¹⁴⁵ Вистицкий М. С. Из записок Вистицкого // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 187.

шестой атаки на флешу. В соответствии с этой версией памятник этим войскам к 100-летию юбилею сражения был установлен на левой (южной) флешу, которую русские войска оставили первой под натиском французов и вюртембергцев около 8.00. Самым убедительным доказательством осведомленности Толя обо всех происшествиях на левом крыле, включая хронометрию событий, является тот факт, что он оставил пометку для Михайловского-Данилевского на тексте «Записки о Бородинском сражении» Сен-При¹⁴⁶. Следовательно, Толь был в курсе записей, составленных бывшим начальником Главного штаба 2-й армии, описавшим ход боя и наименования воинских частей, сражавшихся за флешу.

Безусловно, смертельное ранение Багратиона в разгар сражения было тяжелойшей потерей для русской армии. Но слава Багратиона не нуждалась в том, чтобы к ней прибавились лишние три часа пребывания на поле битвы. Так же как не нуждались в этом и доблестные войска 2-й армии, до конца выполнившие свой долг в самый тяжелый час битвы. Если бы не их стойкость и жертвенное мужество, всю русскую армию постигла бы катастрофа.

* * *

В отечественной историографии сложились две версии относительно времени атаки дивизии Морана на батарею Раевского. Согласно первой версии атака на центральное укрепление была предпринята между 9.00 и 10.00, что примерно согласуется с зарубежными источниками. В числе приверженцев этой версии, кроме Толя, можно назвать Бутурлина, Михайловского-Данилевского, Неелова, Геруа, Михневича. Советские историки Тарле, Бескровный, Жилин считали, что это событие совпало по времени с четвертой–шестой атаками на Семеновские флешу до ранения Багратиона. Существовала и менее распространенная точка зрения (Богданович, Витмер, Скугаревский): нападение на центральный люнет произошло около полудня, после ранения Багратиона.

Согласно свидетельствам неприятельской стороны, Моран атаковал Большой редут между 8.00 и 9.00. В 18-м бюллетене говорилось, что «у противника оставались его правофланговые редуты, но генерал граф Моран двинулся вперед и захватил их, но в 9 часов утра, атакованный со всех сторон, не смог там удержаться»¹⁴⁷. Эту версию подтверждал свидетель атаки Ц. Ложье: «В 8 часов с небольшим Император посылает

---

¹⁴⁶ *Вистицкий М. С.* Из записок Вистицкого. С. 170.

¹⁴⁷ *Bulletins Officials...* P. 86–87.

принцу Евгению приказ повести решительное наступление на главный редут».¹⁴⁸ Это же время указано в рапорте Морана и в сочинении Пеле. Французские источники указывают, что такое решение было принято Наполеоном после захвата флешей, что вполне согласуется и с некоторыми русскими источниками, не принимаемыми в расчет сторонниками «ранней версии». Сторонники же «полуденной версии» основывались на рапорте Ермолова и сведениях о ранении Багратиона между 11.30 и 12.00. Хронометрическая картина сражения нарушалась в обоих случаях. Это препятствовало установлению последовательности действий, времени перемещения войск и, следовательно, выяснению смысла и результатов этих перемещений и боевых действий.

Около 9.00 наступил решающий для обеих сторон период сражения. Французы атаковали центральное укрепление – багарею Раевского. Ней давно требовал ввести в бой гвардию, потому что для решительного удара у Семеновского уже не хватало сил. «Повелитель Франции», по словам генерала Пеле, чувствовал, что гвардия «предназначалась не для такого боя». Между 8.00 и 9.00 Наполеон вынужден был изменить свой первоначальный план. Евг. Богарне перестал быть «осью сражения» и получил приказ атаковать Большой редут. Сегюр позже недоумевал: «Эта атака не должна была носить такого стремительного характера. Имелось в виду только удерживать и занимать Баркляя на этой стороне, так как битва должна была начаться с правого крыла и развернуться вокруг левого. Таков был план императора, и никому не известно, почему он вдруг нарушил его в самый момент исполнения». Вопрос этот отнюдь не риторический, и ответ на него содержится во множестве сочинений французских авторов, в том числе и самого Сегюра: «Багратион, со всеми своими подкреплениями, перестроил свою боевую линию... Его огонь расстраивал наши ряды. Его атака носила бурный, стремительный характер... Ней и Мюрат напрягли все свои силы, чтобы выдержать эту бурю. Дело шло уже не о дальнейшей победе, а о сохранении того, что было достигнуто»¹⁴⁹. Наполеону было совершенно ясно, что его войска, напиравшие всей массой «в лоб» на Семеновское, истощили себя в бесплодных усилиях, в то время как Понятовский по-прежнему не мог завладеть «Старомосковской дорогой». Уклонившийся вправо Ней также не выполнил предписаний и сам нуждался в помощи.

Около 8.30 бригада генерала Бонами из дивизии Морана двинулась к редуту. На острие атаки оказался 30-й линейный полк, где служил

---

¹⁴⁸ *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии... С. 134.

¹⁴⁹ *Сегюр Ф. де.* Поход в Москву в 1812 году. С. 31.

капитан Франсуа, описавший это происшествие: «Мы достигаем гребня оврага и уже находимся на расстоянии половины ружейного выстрела от русской батареи. Она осыпает нас картечью, ей помогают несколько прикрывающих ее батарей... Целые ряды, полувзводы падают от неприятельского огня, оставляя пустые пространства. Стоящий во главе 30-го генерал Бонами приказывает нам остановиться и под пулями выстраивает нас, а затем мы снова идем. Русская линия хочет нас остановить, в 30 шагах от нее мы открываем огонь и проходим. Мы бросаемся к реду, взбираемся туда через амбразуры... Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними в рукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Много французов попеременно с русскими падают в волчьи ямы... Солдаты были до того разгорячены, что перешли реду шагов за 50. Но другие полки, имевшие свои схватки с русскими, не последовали за нами. Полк наш разгромлен... Мы отступаем, имея 11 офицеров и 257 солдат – остальные убиты или ранены. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, остался в реду, он получил 15 ран и взят русскими в плен»¹⁵⁰.

Честь отражения этой атаки принято приписывать генералу Ермолову. Он же является и главным рассказчиком об этом событии, отраженном сначала в рапорте Барклаю де Толли, а позже в записках генерала. Ермолов сообщал: «Проезжая центр армии, я увидел укрепленную высоту, на коей стояла батарея из 18 орудий... в руках неприятеля, в больших уже силах на ней гнездившегося. Батареи неприятеля господствовали уже окрестностию сея высоты и с обеих ее сторон спешили колонны распространить приобретенные ими успехи. Стрелки наши во многих толпах не только без устройства, но уже и без обороны бежавшие, приведены в совершенное замешательство... дали неприятелю утвердиться. Высота сия, повелевающая всем пространством, на коем устроены были обе армии, 18 орудий, доставшихся неприятелю, были слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возвратить сделанную потерю. Я предпринял оное. Нужна была дерзость и мое щастие и я успел. Взяв один только 3-й батальон Уфимского пехотного полка, остановил я бегущих и толпою в образе колонны ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко... но ничто не устояло»¹⁵¹.

Среди рапортов о Бородинском сражении наиболее совершенным по форме и содержанию, безусловно, является тот, что составлен Ермоловым. Это – образец военного красноречия. Кто, прочитав этот документ, станет доискиваться смысла в путаных русских фразах рапорта Раевского, привы-

¹⁵⁰ Journal du capitaine Franois. P. 787.

¹⁵¹ Бородино. С. 171–172.

кшего думать, говорить и писать по-французски? Кого заинтересуют сухие подробности из записок Паскевича, к тому же запретившего Михайловскому-Данилевскому обнародовать их, в то время как копии записок Ермолова ходили по рукам и он сам способствовал их распространению? Очарованные искусным пером, несомненным личным обаянием «русского витязя», историки игнорировали остальные свидетельства участников этого боя. На наш взгляд, в рассказе Ермолова многое непонятно. Генерал упомянул в рапорте и записках об отступающих под натиском неприятеля егерях 18-го, 19-го, 40-го полков из 6-го пехотного корпуса. В то же время он ни словом не обмолвился о том, где находились войска 7-го пехотного корпуса Раевского, то есть главные силы, защищавшие укрепление в центре. Историки, описывающие легендарную атаку, вспоминают о двух дивизиях 7-го корпуса как о вспомогательной силе, поддержавшей блистательные усилия Ермолова. На картах-схемах 26-ю пехотную дивизию Паскевича и 12-ю пехотную дивизию Васильчикова в момент нападения Бонами изображают по обе стороны от батареи, впереди оврага ручья Огник. В этом случае 30-й полк французов, кроме егерей, должен был сбить с позиции еще двенадцать батальонов линейной пехоты (4 батальона забрал к Семёновскому Багратион), но об отступлении войск Раевского (двоюродного брата Ермолова) в рапорте Ермолова не сообщается.

Однако французы так легко захватили высоту потому, что главные силы ее защитников находились метрах в ста пятидесяти в овраге ручья Огник. Оборона здесь все-таки носила характер не столько прямой, как настаивал Толь, а косвенный, как предлагал Беннигсен. В рапорте Раевский сообщал об этом нечетко: «Все сии войски я расположил таким образом позади редута, чтобы они при атаке оного неприятеля взяли его колонны с обеих флангов»¹⁵². Позже он пояснил свою мысль в записках: «Видя тогда, что первая моя линия, оставшись без подпоры, не может противустать с успехом неприятелю в растянутом построении, я свернул оную в колонны, не выводя из оврага»¹⁵³. Там же в овраге генерал отступил и два батальона 19-го егерского полка. Васильчиков и Паскевич получили от Раевского распоряжение атаковать неприятеля с флангов.

«При приближении неприятеля на выстрел моих орудий, – продолжал Раевский, – пальба началась и дым закрыл от нас неприятеля... После вторых выстрелов я услышал голос одного офицера, находившегося при мне на ординарцах... он кричал: “Ваше Превосходительство, спасайтесь!” Я оборотился и увидел шагах в пятнадцати от меня французских

---

¹⁵² Бородино. С. 161.

¹⁵³ Там же. С. 380.

гренадеров, кои со штыками вперед вбегали в мой редут. С трудом пробрался я к левому моему крылу, стоявшему в овраге, где вскочил на лошадь, и, взехав на противоположные высоты, увидел, как генералы Васильчиков и Паскевич, вследствие данных мною повелений, устремились на неприятеля в одно время. ...Атакованная вдруг с обоих флангов и прямо, французская колонна была опрокинута и преследуема до самого оврага, лесом покрытого и впереди линии находящегося».

Паскевич уточнил и дополнил рассказ начальника: «Видя, что неприятель приуговляется к нападению, вышел к нему навстречу, чтобы подкрепить отступающих егерей (из текста явствует, что егеря были из дивизии Паскевича. – *Л. И.*), справа от люнета расположил Нижегородский и Орловский полки, а слева – Ладожский полк и 1 батальон Полтавского, рассыпав другой батальон в стрелки». По его словам, 18-й, 19-й и 40-й егерские полки оставались по-прежнему «позади люнета в резерве». Следовательно, бригада Бонами смяла сопротивление 26-й дивизии, которую Ермолов назвал «егерскими полками», а 12-я дивизия оставалась в овраге, не замеченная ни неприятелем, ни Ермоловым, который, «схватив первый попавшийся батальон», повел его на люнет. Васильчиков с несколькими полками напал на неприятеля с правого фланга, 19-й и 40-й егерские атаковали с левого фланга, а Паскевич «взял остальные полки 12-й дивизии и пошел за люнет, чтобы отрезать французские войска, в нем находившиеся».

Из записок Паскевича явствует, что он руководил в бою «чужими» войсками, в то время как его собственная дивизия, «обратившись вспять», поддержала вместе с 18-м егерским полком атаку Ермолова. Контратака русских войск потому и была такой сокрушительной, что велась сразу с четырех сторон, – как выразился Бутурлин, «совокупными мерами». 30-й полк был «раздавлен», и его остатки, по словам Паскевича, были «опрокинута на дивизию Морана», подвергнувшись огню русских батарей. Действия русской пехоты, по приказу Барклая, поддержал Оренбургский драгунский полк¹⁵⁴.

Батальон Уфимского полка был не единственным, кто принял участие в этой атаке. Левенштерн, адъютант Барклая, считал, что Ермолов сознательно допустил ошибку в названии полка и тоже претендовал на «главный подвиг дня». Он не менее убедителен в своем рассказе, чем Ермолов. «Окинув... взглядом местность, я заметил вправо от холма [батарей Раевского. – *Л. И.*] батальон Томского полка, стоявший сомкнутой колонной в полном порядке. Я бросился к нему и приказал батальонному командиру

---

¹⁵⁴ Бородино. С. 175.

именем Главнокомандующего следовать за мной... Поднявшись на середину холма, солдаты Томского полка прокричали... грозное “ура!” и кинулись с остервенением на всех, кто попадался им навстречу... В тот момент все признали за мою заслугу, что я увлек всех своим примером»¹⁵⁵. Свидетелем событий, происходивших в центре, был Барклай де Толли. К нему и обратился с рапортом майор Левенштерн 5 июня 1813 г., настаивая на своем «неоспоримом праве»: «Смею себя льстить, что Ваше высокопревосходительство, зная справедливость мною писанную, не оставит отдать на рассмотрение учрежденной думе – для награждения меня военным орденом Святого Георгия»¹⁵⁶. Просьба офицера осталась «без уважения», вероятно, потому, что все награждения за Бородино, затянувшиеся до декабря 1812 г., по распоряжению императора прекратились. Ни Ермолов, ни Левенштерн не упоминали других участников этого подвига, в то время как наградные списки показывают, что наибольшее число отличившихся при отражении атаки на центральную высоту было в Ширванском и особенно в Бутырском пехотных полках 6-го пехотного корпуса Дохтурова¹⁵⁷.

Не менее важным представляется вопрос: чем грозил армии Кутузова захват укрепления войсками Богарне около 9.00? Войска левого фланга были приведены в смятение ранением Багратиона и подались назад. Но в момент нападения Бонами на батарею Коновницину удалось удержать линию обороны по Семеновскому оврагу. Батарея Раевского вновь прикрывалась перекрестным огнем артиллерии с высот за ручьем Огником и со стороны Семеновского. Обратившись к хронометрии битвы, придется взять под сомнение шанс Богарне прорвать центр русской позиции именно в это время. Если Наполеон, как свидетельствуют очевидцы, действительно «понукал» своего пасынка к нанесению решительного удара, это следовало сделать в продолжение атаки на Бородино между 7.00 и 8.00, когда приостановилось перемещение 2-го и 4-го корпусов, а Раевский сдвинул 7-й пехотный корпус к Семеновскому, где Багратион забрал у него вторую линию войск. На окончность левого фланга были направлены и гвардейские полки. Между 8.00 и 9.00 русский центр представлял собой, безусловно, уязвимый участок, и нехватка здесь войск была ощутима. Русская оборонительная линия оказалась тоньше всего именно там, где предполагалось, что Ней нанесет главный удар силами 3-го 8-го пехотных корпусов при поддержке кавалерии Мюрата. Если бы удар по центру пришелся в это время, войска Кутузова оказались бы в тяжелейших условиях. Но Ней предпочел дробить плотные боевые

¹⁵⁵ *Левенштерн В. И. Записки. С. 576–577.*

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 16. Л. 78 об. – 80.

¹⁵⁷ Там же. Д. 4. Л. 289–300 об.

порядки противника у Семеновского, дрогнувшие из-за ранения Багратиона. Кутузов, получив известие о ранении «Второго Главнокомандующего», направил к Семеновскому Толя, и тот, прибыв к атаке Коновницына, увидел, что флешы вновь отбиты. Он немедленно послал Щербинина за 2-м пехотным корпусом Багговута. Согласно воспоминаниям Евг. Вюртембергского, его 4-я пехотная дивизия поравнялась с батареей Раевского во время решительных событий¹⁵⁸. Он так описывал происходившее: «Ген.-квартирмейстер полковник Толь повел меня с моими четырьмя пехотными полками... через кустарники, мимо Князькова к центру, чтобы занять там свободный промежуток... Нам надлежало идти под перекрестными выстрелами, с одной стороны, артиллерии вице-короля, а с другой, страшных батарей, выставленных у Семеновского. Немного спустя встретил меня Барклай де Толли со всею своею свитою, и пока он успел сказать со мною несколько слов, смерть собрала уже обильную дань... Барклай, указав на батарею Раевского, велел атаковать ее... Мы двинулись с барабанным боем... Но не доходя еще до укрепления, мы увидели, что около него началось сильное движение, и прежде, нежели мы успели рассмотреть, что бы это значило, на нас обрушились массы неприятельской кавалерии... Она окружила нас со всех сторон; но встреченная метким огнем, после нескольких бесполезных попыток, удалась. Тотчас, после этого, когда Семеновский кратер снова начал обдавать нас своей лавою, Барклай опять подъехал ко мне. Он объявил, что батарея Раевского отбита у неприятеля»¹⁵⁹.

Отметим, что дивизия Евг. Вюртембергского заняла место, которое, по его словам, оставалось «свободным». При определении количества русских войск к этому часу в окрестностях батареи Раевского следует обратить внимание на «темное пятно» в передвижениях русских полков: время перемещения 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. В этом вопросе описаниям Бородинской битвы не хватает логики: русские военачальники видели критическое положение левого фланга, рассуждали о нависшей над ним угрозе, а затем направили на помощь не 4-й, а 2-й пехотный корпус, которому идти значительно дальше по дороге, неминуемо заграждаемой этим самым 4-м корпусом. Трудность в разъяснении ситуации усугубляется отсутствием рапорта командира корпуса графа Остермана и дивизионных начальников Бахметьева 1-го и Бахметьева 2-го, получивших ранения или контузии в сражении. Вывод напрашивается сам собой: этот корпус уже занял позицию там, где существовала самая большая опасность: между батареей Раевского и Семеновским.

---

¹⁵⁸ *Евг. Вюртембергский*. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 62–65.

¹⁵⁹ Там же. С. 65.

Вот что писал Барклай де Толли в рапорте Кутузову: «Решился я поставить 4-й корпус, который по откомандировании резервных войск придвинут был с правого фланга ближе к центру, с уступами *на левый фланг 7-го корпуса*, примыкая левым своим флангом к стоявшим там лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам и за сею линиею находились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса». В «Изображении» Барклай сообщал, что он привел с правого фланга из-за центра обеих армий 4-й корпус, который в числе других войск был построен «в виде крюка *на левом фланге 26-й дивизии фронтом к 2-й армии*»¹⁶⁰. Из рассказа Барклая явствует, что 4-й пехотный корпус Остермана уже находился в центре во время атаки Бонами на батарею Раевского, примкнув к войскам 26-й дивизии.

Можно, конечно, поставить под сомнение свидетельство Барклая, но тогда придется искать обоснованное объяснение местонахождению корпуса Остермана. А. С. Норов сообщал, что его приятель капитан Глухов вместе с частями Перновского пехотного полка из 4-го корпуса содействовал Ермолову в отражении атаки¹⁶¹. Вероятно, потому, что этот корпус, по словам Барклая, занял позицию перпендикулярно фронту 2-й армии и параллельно Новой Смоленской дороге, дивизии Евг. Вюртембергского пришлось пробираться к Семеновскому кружным путем, пугая ополченцев за «третьей линией», принявших его движение за отступление.

Передвижения русских колонн по фронту около 9.00–10.00 не могли быть не замечены Богарне: если бы он поддержал атаку Морана, она пришла бы по значительной массе русских войск, скопившихся в это время в центре (вспомним и о 6-м пехотном, о 2-м и 3-м кавалерийских корпусах, гвардейской бригаде преображенцев и семеновцев, бригаде 1-й кирасирской дивизии и, наконец, об остатках 7-го пехотного корпуса, пока не отведенного в тыл). Таким образом, после 9.00 русские войска удерживали позицию по линии Семеновского оврага и сохраняли за собой Курганную высоту в центре. Возможно, им не хватало организованности, но они не позволяли противнику рассчитывать на скорую победу.

* * *

Особенностью отечественной историографии является искаженное представление о бое за деревню Семеновское. Специалисты в течение длительного времени не придавали этой фазе сражения особого значе-

---

¹⁶⁰ Барклай де Толли М. Б. «Изображение». С. 185.

¹⁶¹ Норов А. С. Воспоминания. С. 353.

ния. Отчасти это объясняется тем, что боевые действия, происходившие во время боя за деревню по ошибке относили к бою за Семеновские флешы, «помещая» на бумаге войска, сражавшиеся у деревни, на «Семеновские реданты». Первый изъян этой версии заключается в том, что историки начинали описание боя за Семеновское с 12.00, то есть с того времени, когда деревня уже окончательно была занята неприятельскими войсками, и активные боевые действия пехоты и кавалерии на этом участке фронта закончились, уступив место артиллерии.

К 10.00 войска Даву, Нея и Мюрата вышли к рубежу обороны русских войск у Семеновского оврага. К этому часу севернее деревни уже находилась бригада Волынского и Тобольского пехотных полков из 4-й дивизии, закрывшая брешь в оборонительной линии. Во второй линии расположился корпус Остермана, поставленный Барклаем, по-видимому, в час ранения Багратиона «уступами на левый фланг 7-го корпуса», войска которого из-за огромных потерь вывели в тыл. На восточном берегу оврага у Семеновского в первой линии стояли, «устраиваясь в батальонные каре», полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский. Мимо них проходили малыми группами и поодиночке гренадеры сводных батальонов и дивизий К. Мекленбургского, Воронцова, пехотинцы Неверовского, Коновницына и Васильчикова. Они примыкали к флангам гвардейских полков. Генерал Неверовский, оправившись от контузии, составил цепь стрелков из уцелевших воинов, расположив их впереди полков лейб-гвардии¹⁶². Часть grenader занимала места орудийной прислуги, которой почти не оставалось в ротах, с утра вступивших в бой¹⁶³. Особенно отличились, обороняя позицию у Семеновского, артиллеристы. Так, Норов, прибывший сюда около полудня в составе 2-й легкой роты гвардейской артиллерии, вспоминал: «Несколько правее от нас действовала небольшая батарея; мы узнали впоследствии, что это был остаток нашей гвардейской 1-й легкой роты, которая уже давно боролась возле Измайловского полка... Она уже готовилась сняться с позиции от огромной потери в людях, лошадях, от растраты всех зарядов и по причине подбитых орудий. Из ее семи офицеров уцелел только один Ладыгин; у прапорщика Ковалевского оторвало обе ноги, а у Рюля – одну»¹⁶⁴. Не менее смертоносно действовали русские «пушкари». «Наша артиллерия была серьезно расстроена; четыре ее орудия были разбиты, а прислуга лежала – говорю без преувеличения – слоями друг на друге. Командир батареи... уверял меня, что прислуга была заменена уже в третий раз», –

¹⁶² Бородино. С. 379.

¹⁶³ Тимофеев В. И. Из воспоминаний // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 87.

¹⁶⁴ Норов А. С. Воспоминания. С. 356–357.

Алексей Петрович Ермолов (1777–1861),
при Бородине генерал-лейтенант,
исполнял обязанности начальника штаба М. И. Кутузова.
С 1818 г. – генерал от инфантерии, с 1837 – генерал от артиллерии.
Автор записок об Отечественной войне 1812 г.

вспоминал офицер 4-го кавалерийского корпуса Лейссер, плененный при Бородине¹⁶⁵. На артиллерию возлагал большие надежды Коновницын, который за оврагом «с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами»¹⁶⁶.

Наполеон также принял меры для «занятия пространства, образовавшегося в центре», выдвинув к Каменскому ручью дивизию М. Клапареда, и ввел в бой за деревню 2-ю пехотную дивизию Л. Фриана. Обе дивизии были назначены им «для исправления ошибок, допущенных в сражении». Обеспечить успех атаки пехоты Фриана должен был 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобура. Только теперь Ней, по словам Лабома, «возобновил упущенное с этой стороны наступление». Около 10 часов утра Фриан двинулся к Семеновскому и, не дожидаясь кавалерии, пытался ворваться в деревню, но был сброшен в овраг¹⁶⁷, за которым находилась в бездействии кавалерия Мюрата, «подвергаясь губительному огню батарей Семеновского»¹⁶⁸. Мюрат приказал Латур-Мобуру «взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны»¹⁶⁹.

Но атаки неприятельской кавалерии были недостаточно мощными. На этом участке было негде развернуться: Утицкий лес, Семеновский овраг и «реданты», заваленные убитыми и ранеными, препятствовали разбегу конницы. «Поле сражения было слишком тесно для огромного количества стиснутых на нем войск», – вспоминал офицер 2-го кирасирского полка корпуса Нансути О. Тирион¹⁷⁰. Крутой берег Семеновского оврага являлся сильным препятствием и далеко не единственным, которые преодолевали полки из бригады генерала Й. Тильмана. Участник этих атак Лейссер писал: «...Передо мной на удалении примерно 1000 шагов находился обрывистый край долины, о который уже разбилось так много атак... Мы двигались, подаваясь то вправо, то влево, то вновь перестраиваясь и преодолевая многочисленные препятствия... А в одном месте 1-й эскадрон даже довольно глубоко увяз»¹⁷¹. При подъеме на берег оврага лошади падали на всадников, скачущих позади, и увлекали их в падении. Многие кавалеристы провалива-

¹⁶⁵ Цит. по: *Понов А. И.* Бородино. «Меж двух вулканов...» С. 14.

¹⁶⁶ *Глинка Ф. Н.* Очерки Бородинского сражения. С. 98.

¹⁶⁷ *Friant J. F.* La vie militaire du Lieutenant-général... P. 234–235. Гурго полагал, что Фриан сразу же укрепился в деревне. См.: *Gourgaud G.* Op. cit. P. 224.

¹⁶⁸ *Roth von Schreckenstein M.* Die Kavalerie in der Schlacht... P. 85–86.

¹⁶⁹ *Leysser A. W.* Denkwürdigkeiten aus den Briefen... // Meerheim R. Erlebnisse eines Veteranen der grossen Armee. Dresden, 1860. Op. cit. S. 298.

¹⁷⁰ *Тирион А.* 1812 г. Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года. СПб. 1912. С. 17–19.

¹⁷¹ Там же. С. 28.

лись в раскаленные погреба сгоревших домов, не заметив их в пылу атаки. Тильман назвал местность перед Семеновским «чрезвычайно сложной». Это, по-видимому, вынуждало неприятеля атаковать русские каре поэскадронно, а не всей массой. Даже если полкам Цастрова и Гар дю Кор удавалось сломать каре, пехотинцы ложились на землю, притворяясь мертвыми, пропускали всадников через себя, а потом поднимались и стреляли им в спину. На другом берегу оврага неприятельских кирасир встречали «латники» из корпуса князя Голицына. Русские кирасиры неоднократно устремлялись на помощь пехоте, ожесточенные схватки кавалерии развернулись в тылу у гвардейских каре.

Коновницын, завидя плотные массы неприятельской конницы, приказал приготовиться к отражению атаки, въехав в каре лейб-гвардии Измайловского полка, успевшего выстроиться «по-шахматному», чего, по-видимому, не успели сделать ко времени первой атаки батальоны лейб-гвардии Литовского полка, внезапно атакованные кавалерийской бригадой генерала Тильмана. Три батальона полка, на время утратив общее командование, были окружены со всех сторон неприятельской конницей, однако, не дрогнув, «открыли сначала батальный огонь», а затем пошли в штыки, «закричав ура, расстроили и прогнали неприятеля»¹⁷² до самого укрепления севернее деревни, которым овладела бригада генерала Дюфура из дивизии Фриана. 2-й батальон полковника Тимофеева попытался отнять высоту у неприятеля, но сам полковник был ранен, а батальон отступил к полку, действиями которого стал руководить генерал-адъютант Васильчиков, прибывший сюда с остатками 12-й пехотной дивизии. Сен-При, не захотев или не успев добраться до перевязочного пункта, находился в каре Литовского полка. Он приказал полковнику Шварцу вновь отбить высоту. Полковник взял 1-й батальон, так как 2-й и 3-й «уже много претерпели убитыми и ранеными», и вновь ворвался на северную окраину деревни, но в эту минуту был смертельно ранен¹⁷³, и французы окончательно укрепились «на плато у сожженной деревни»¹⁷⁴.

Генерал Коновницын рассказывал об атаках «железных людей» Наполеона немногословно: «Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер... отражены были с невероятным успехом, ибо несмотря что кареи, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и

---

¹⁷² Бородино. С. 147.

¹⁷³ Там же. С. 147.

¹⁷⁴ *Сен-При Э. Ф. Дневник.* С. 157.

¹⁷⁵ Там же. С. 168.

штыками»¹⁷⁵. А. И. Попов убедительно показал, что защитники деревни подверглись атакам именно 4-го кавалерийского корпуса Латур-Мобура, а не 1-го корпуса генерала Нансути, который, вопреки мнению Б. М. Коллюбакина, не пытался взять «в клещи» русские войска у Семеновского. Корпусу Нансути не удалось перейти через овраг¹⁷⁶. Сен-При, наблюдавший за происходящим, записал в дневнике: «Тем не менее цель французов была достигнута, пехота их воспользовалась этой минутой беспорядка, чтобы овладеть деревней... Все наше левое крыло построилось позади деревни»¹⁷⁷. Французы подвинули орудия через овраг, подвергая всю линию сокрушительному обстрелу¹⁷⁸. Гвардейские офицеры, выстоявшие «со сжатым сердцем» несколько часов на позиции у Семеновского, сознавались, «что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха!»¹⁷⁹

Около 11.00 «в пожар и смятение левого крыла» прибыл Дохтуров, принявший в командование войска 2-й армии и немедленно потребовавший резервы. По свидетельству Щербинина, «после Багратиона, смертельно раненого при начале Бородинского сражения, принял команду на левом фланге генерал Дохтуров, который тотчас прислал просить подкрепления. Кутузов отказал ему и велел держаться. Вскоре после того, он обратился к... герцогу Александру Вюртембергскому и приказал ему принять командование левым флангом. Едва герцог туда прибыл, как прислал адъютанта требовать также подкрепления. Тогда Кутузов велел ему сдать команду опять Дохтурову»¹⁸⁰.

Смещение в отечественной версии времени ранения Багратиона к полудню препятствовало объективной оценке мужества и распорядительности генерала П. П. Коновницына, блестяще проявившего себя в самый тяжелый момент сражения. Согласно традиционному описанию боя за Семеновское получалось, что он самостоятельно распоряжался войсками не более 15 минут, после чего на левый фланг сразу прибыл А. Вюртембергский, а потом и Дохтуров. В черновике наградного списка А. Вюртембергского все заслуги Коновницына приписаны ему: «По получению раны князем Багратионом между тем временем пока генерал Дохтуров прибыл к принятию командованием левым крылом препоручено

---

¹⁷⁶ Земцов В. Н. Великая армия... С. 253; Попов А. И. «Меж двух вулканов...». С. 23–48.

¹⁷⁷ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 156.

¹⁷⁸ Рапорт Мюрата... Р. 128.

¹⁷⁹ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. С. 113.

¹⁸⁰ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 19.

было его светлости устройство расстроившихся онаго войск, что исполнил он с желаемым успехом». Однако в том же черновике содержится поправка: «Прибыл прежде Коновницын, а потом Дохтуров»¹⁸¹.

В 17.00 «артиллерийская дуэль» на левом фланге стала постепенно затихать. До наступления сумерек неприятель несколько раз пытался обойти позицию левого крыла между Семеновским и прилежащим к нему лесом, о чем сообщается в забытом историками рапорте Сиверса 1-го: «... Усмотрел я намерение неприятеля кустарниками, в несколько колонн пехоты и кавалерии следующего под прикрытием тиральеров обойти наш левый фланг, чрез это мог бы зайти в тыл всей нашей позиции и отрезать корпус г.-л. Багговута...» Далее из рассказа Сиверса следует, что он «учредил батарею гораздо впереди позиций 2 армии на пригорке возле самого лесу»¹⁸². Причем Сиверс был там не один: «Наши же батареи с помощью других батарей на нашем левом фланге причинили большой вред как неприятельской батарее, так и его войскам». «Батарею Сиверса» по приказу генерала Багговута прикрывали егеря Шаховского и Минский пехотный полк. Багговут откомандировал в помощь шесть орудий батареейной роты № 4. Сиверс удерживал эту высоту до глубокой ночи. Южнее на опушке леса с тремя батальонами лейб-гвардии Финляндского полка, согласно рапорту Лаврова, до наступления темноты сдерживал натиск неприятеля генерал-адъютант Васильчиков, до этого командовавший последовательно 12-й пехотной дивизией, лейб-гвардии Литовским полком, к которым присоединились лейб-егеря, уцелевшие после утреннего боя.

В результате устойчивой обороны левое крыло русской армии, уступив «около 700 шагов» неприятелю, вновь занимало прочную позицию. Артиллерийские роты, расположенные вдоль фронта, подавляли неприятеля сокрушительным огнем, мешая вновь атаковать сильно поредевшую пехоту. Без поддержки гвардии добиться большего успеха истощенному продолжительным боем неприятелю было невозможно, но и эта мера вызывала сомнения. Таким образом, сопоставление отечественных и иностранных исторических источников позволяет реконструировать ход сражения у деревни Семеновское, избежав традиционной «перепутанности моментов», когда боевые действия на восточном берегу Семеновского оврага ошибочно соотносились с боем за флешы.

---

¹⁸¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 4. Ч. 1. Св. 0. Л. 82.

¹⁸² Там же. Ф. 846. Д. 3561. Л. 23–23 об.

Боевые действия на флангах также входят в число проблем, горячо обсуждаемых историками. Главная проблема неизбывного интереса к этой теме заключается, на наш взгляд, в неясности замыслов Кутузова в отношении «засадного» корпуса Тучкова 1-го, а также неопределенности задач, стоявших перед кавалерийскими корпусами Уварова и Платова.

В первом варианте «Описания», составленном от лица Кутузова, Толь определенно сообщал о назначении войск на Старой Смоленской дороге: «Намерение Наполеона состояло в том, чтобы напасть на наше левое крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска. Дабы предупредить сие намерение, я приказал... Тучкову с 3-м корпусом идти на левое наше крыло и прикрыть положением своим Старую Смоленскую дорогу»¹⁸³. Однако в «Официальных известиях» содержалась иная версия намерений главнокомандующего: «Тучков с 3-м корпусом и частью Московского ополчения был размещен в засаде за кустарником на крайнем левом фланге, имея приказ действовать по Старой Смоленской дороге на правый фланг и тыл французов тот час же, как они начнут атаковать и будут пытаться обойти наш левый фланг»¹⁸⁴. Из документа явствует, что корпусу Тучкова предписывалась более активная задача, что, естественно, больше «приглянулось» отечественным историкам¹⁸⁵. Проблемы, связанные с «засадным» корпусом Тучкова, рассмотрены в статье А. И. Попова, который, на наш взгляд, подводя итог многообразным суждениям, сделал справедливое замечание: «Скудный набор источников компенсировался “разгулом фантазии”, как всегда мало озабоченной своим соответствием логики и фактам. Следует признать, что объем наличных источников по проблеме действительно весьма ограничен, и его довольно сложно расширить, а потому следует более внимательно прочитать и просмотреть то, что уже имеется, и “проверить логикой” рассуждения предшественников»¹⁸⁶.

С позиций логики Кутузов не мог ставить задачи Тучкову более конкретной, чем прикрытие Старой Смоленской дороги. Но это наше предположение. Как разворачивались события на южном фланге и как оценивали их сами участники битвы?

¹⁸³ Бородино. С. 135.

¹⁸⁴ Там же. С. 110.

¹⁸⁵ Павленко Н. Г. Некоторые вопросы Бородинского сражения... С. 34–35; Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения... С. 62; Бескровный Л. Г. Бородинское сражение. С. 35–37; Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. С. 151.

¹⁸⁶ Попов А. И. «Засадный отряд» Н. А. Тучкова... С. 135.

Около 8.00 над войсками, сражавшимися у Семеновского, нависла угроза «флангового охвата» со стороны Старой Смоленской дороги. Медленно продвигаясь через Утицкий лес, 5-й корпус Понятовского вступил в перестрелку с войсками 1-й гренадерской дивизии генерал-майора Строганова, находившимися в первой линии. «Невыгодное местоположение» заставило командира 3-го корпуса Тучкова 1-го передвинуть корпус к «высоте, командовавшей всею окрестностью», под прикрытие батареи полковника В. А. Глухова и подполковника Д. И. Дитерихса: против 36 неприятельских орудий действовало не более 16 русских. Но местность позволяла Тучкову некоторое время удерживать «покушения» неприятеля.

В это время Багратион потребовал, чтобы Тучков 1-й ударил во фланг противнику, нападавшему на Семеновское. «Две посылки к Тучкову за сикурсом (помощью. – *Л. И.*) остались без исполнения... по личностям Тучкова к Багратиону, и наоборот. Третья была возложена на меня, – вспоминал Маевский. – Я ехал и плыл до Тучкова и объявил решительно волю князя, – и 3-я пехотная дивизия с Коновницыным отправлялась со мною»¹⁸⁷. Сопратники Багратиона сетовали на то, что командир 3-го пехотного корпуса не торопился оказать 2-й армии требуемую помощь. Багратион именно так понимал задачу, возложенную на корпус Тучкова 1-го, что подтверждается записью в дневнике Сен-При: «Генерал Тучков имел указание атаковать крайний правый фланг неприятеля, как только он будет пытаться овладеть Семеновской». Начальник штаба 2-й армии рассуждал: «Около 7 часов их (неприятельские. – *Л. И.*) колонны двинулись в атаку на флешы. Они несколько раз были отбиты и вынуждены были бы отказаться от атак, если бы в это время корпус генерала Тучкова исполнил данное ему приказание. Но он, не сделав никакой диверсии, ограничился высылкой 3 дивизии в поддержку гренадерам, защищавшим флешы, а сам оставался в 2 верстах позади Утицы, в которой должен был находиться и откуда должен был двинуться вперед»¹⁸⁸. Генерал-квартирмейстер Вистицкий придерживался этой же точки зрения: «Багратион посылал несколько раз к генерал-лейтенанту Тучкову 1-му, чтобы он из дер. Утицы ударил в тыл и во фланг неприятеля, но он, к сожалению, отвечал, “что он старый генерал и знает, что делает, ибо меня самого атакуют”... От сего и он впоследствии и сам потерпел»¹⁸⁹. Мнение высших чинов Главного штаба 2-й армии разительно отличается от суждений

¹⁸⁷ Маевский С. И. Указ. соч. С. 371. // Бородино.

¹⁸⁸ Сен-При Э. Ф. Дневник. С. 154.

¹⁸⁹ Вистицкий М. С. Из записок Вистицкого // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 187.

Кутузова, полагавшего, что Тучков слишком рано и без надобности вступил в сражение.

Думается, что дело здесь не в «личностях» Тучкова и Багратиона, не в самовольстве командира 3-го пехотного корпуса. По словам Щербинина, сам Тучков 1-й не знал, «какое точно назначение придано его корпусу»¹⁹⁰. Следовательно, он не мог выполнить того, о чем не имел представления. По-видимому, ему даже не сообщили, кому он подчинен. Нежелание Кутузова посвящать в свои замыслы Беннигсена можно объяснить духом соперничества между двумя генералами, но иметь секреты от Тучкова, на наш взгляд, было нецелесообразно. Обвинения в адрес Беннигсена бесполезны уже потому, что в первый же час сражения Багратион затребовал у Тучкова 3-ю дивизию Коновницына. Тем более странно читать в воспоминаниях Щербинина: «Можно представить себе, как во время Бородинского сражения Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов»¹⁹¹. Приняв во внимание, что дивизия Коновницына уже сражалась к тому времени вместе с войсками 2-й армии у Семеновского, трудно понять смысл свидетельства Щербинина: «На бедного Тучкова пало даже подозрение в главной квартире, что он не умел держаться». Держаться против кого, против требований Багратиона?

Ермолов вообще уверенно описал успешные действия дивизии Коновницына на... Старой Смоленской дороге! «При селении Утице 3-я пехотная дивизия, опрокинув стрелков, долго боролась с подкреплявшими их массами. Мужество генерала Коновницына явилось в сей день в полном блеске»¹⁹². Из этого следует, что в рапорте Коновницына, составленном им вместо смертельно раненного Тучкова, внимание начальства не привлекли строки, относившиеся к 3-й пехотной дивизии. Со слов Щербинина явствует, что Толь и Кутузов были потрясены, узнав несколько месяцев спустя о самоуправстве Беннигсена, передвинувшего 3-й пехотный корпус. С Коновницыным, находившимся при Главной квартире в качестве дежурного генерала, беседа об этих обстоятельствах, по-видимому, не заходила ни разу. Получается, что ни Ермолов, ни Толь, ни даже Кутузов не знали о роли Коновницына в Бородинском сражении, что представляется невероятным. Кроме Щербинина и Толя, никто не взял на себя труд истолковать намерения Кутузова в отношении «засадного» корпуса,

---

¹⁹⁰ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 16–17.

¹⁹¹ Там же. С. 17.

¹⁹² Ермолов А. П. Записки. С. 190.

а их свидетельства представляются сомнительными. Тучкову 1-му невозможно было удержать позицию не только «по местоположению», но и по обстоятельствам, о которых пишет Клаузевиц. Он считал, что для воплощения «идеи неожиданного для противника наступления» на Старой Смоленской дороге было недостаточно войск и располагались они слишком близко к войскам левого крыла. Реализация этой идеи зависела также от хода боя у Семеновского, где между 8.00 и 9.00 войска Багратиона находились в тяжелом положении. Опоздание 3-й пехотной дивизии к ним на помощь могло «обернуться потерей всего сражения».

Можно сколько угодно спорить о назначении корпуса Тучкова, о том, где следовало располагаться защитникам Старой Смоленской дороги и в котором часу им надлежало вступить в бой... Генерал-лейтенант Тучков 1-й, опытный военачальник, осознавал обрушившуюся на него ответственность. Его войска располагались на дороге, ведущей в тыл позиции. Главное командование, по словам Барклая, полагало, что сил у него достаточно для защиты этого участка фронта, который, по мнению Кутузова и Беннигсена, можно удерживать егерями и ополченцами. Ополченцы действительно находились за спиной корпуса Тучкова – необстрелянные люди, «на время на защиту Отечества призванные» и вооруженные пиками и неисправными ружьями. Им можно было доверить выносить раненых, но не сражаться с регулярной пехотой и кавалерией. Предполагалось, что ряды Московского ополчения создадут видимость значительных сил, прикрывающих эту коммуникацию. По словам Беннигсена, эта идея принадлежала именно ему: «Я... предложил генералу графу Маркову передать под его команду 10 000 человек милиции, чтобы неприятель мог видеть их, – этим можно было внушить ему страх»¹⁹³. В этой ситуации Тучков оказался выше «отношений по личностям» с Багратионом: дивизия Коновницына направилась к Семеновскому, где отразила последнюю атаку на флешу.

Тучков 1-й, обратившись за помощью к Барклаю, сдерживал «усиливавшегося и умножавшегося» противника силами только 1-й гренадерской дивизии, противостоящей пехотным дивизиям польских генералов И. Красинского и К. Князевича и кавалерийской дивизии О. Себастиани. «Неприятель, воспользовавшись хорошо своею позициею, начал устраивать против нас свои батареи, в коих употреблено было до 22-х орудий», – доносил в рапорте Строганов¹⁹⁴. Под прикрытием артиллерии гренадер атаковала пехотная дивизия Красинского, рассыпавшаяся в

---

¹⁹³ Беннигсен Л. Л. Записки графа Л. Л. Беннигсена. С. 494.

¹⁹⁴ Бородино. С. 152.

стрелки. Гренадеры из бригады А. Б. Фока вступили в длительную перестрелку с неприятелем, продлившуюся почти до 10.00.

Около 10.00 Наполеон, недовольный действиями Понятовского, приказал усилить натиск на русскую позицию. Неприятель, «знавши всю важность Смоленской дороги», ворвался на батарею, с которой гренадеры успели свезти все орудия. Сомкнув колонны, поляки стали теснить полки 3-го пехотного корпуса. На оставленную ими высоту въехал Понятовский. Но к Тучкову подоспели резервы: бригада генерала Я. Е. Вадковского с 6-ю батарейными орудиями, – это показывает, что резервы с правого крыла достигли места назначения значительно раньше, чем полагают специалисты. Тучков 1-й бросил войска в контратаку, лично возглавив Павловский гренадерский полк. Генерал-майор Цвилленев «с большим присутствием духа атаковал его [неприятеля] штыками во фланг... ведя лично на приступ шедшие войска»¹⁹⁵. Генерал-майор Фок во главе Санкт-Петербургского и Таврического гренадерских полков «быстро и решительно атаковал неприятеля холодным оружием... в лицо», а подполковник Керн с Белозерским пехотным полком «их взял совершенно с тылу»¹⁹⁶. Поляков сбросили «в заросли кустарника». Атака была блестящей, но генерал-лейтенант Тучков 1-й «заплатил за успех жизнью». Продвижение корпуса Понятовского было остановлено: неприятелю не удалось внезапно появиться на фланге русских войск у Семеновского, находившихся и без того в критическом положении.

Появление войск 2-го корпуса около 10.00 опровергает версию историков о том, что резервы не успевали подойти на помощь левому крылу из-за чрезмерной протяженности правого фланга. Так, Н. А. Троицкий утверждает, что подкреплениям требовалось не менее 2–3 часов, чтобы достигнуть «угрожаемого пункта». Однако из рапорта Багговута явствует, что его войска с утра сражались на Старой Смоленской дороге. Эти же сведения содержатся в воспоминаниях Евг. Вюртембергского, сообщившего, что 2-й пехотный корпус двинулся с места около 9.00. Следовательно, 17-я пехотная дивизия Олсуфьева примерно через час-полтора подкрепила 3-й пехотный корпус Тучкова 1-го, заменив дивизию Коновницына. Очевидно, именно это обстоятельство вынудило Нея перебросить корпус Жюно к Утицкому лесу, что подтверждается воспоминаниями полковника Л. Конради, приводимыми в статье А. И. Попова. Сопоставив сведения вестфальцев и поляков,

---

¹⁹⁵ Бородино. С. 302.

¹⁹⁶ Там же. С. 152.

автор пришел к убедительному выводу: «Ясно одно: помимо отряда Шаховского (20-й , 21-й егерский полки, два сводно-гренадерских батальона) им противостояли теперь подошедшие *около 10 часов войска Багговута*»¹⁹⁷. Толь также сообщал во второй версии своего «Описания», что 2-й пехотный корпус подошел к 10.00 и сражался против вестфальцев, но он относил эти боевые действия к бою за флеши, что вызвало упомянутый выше протест Евг. Вюртембергского. Толь, направивший Щербинина к Кутузову в момент, когда флеши были оставлены Коновницким с просьбой о подкреплении, знал, что войска Багговута за Семеновские реданты не сражались.

* * *

Около 9.00 Кутузов принял предложение Толя нанести удар силами кавалерии по левому флангу неприятеля. В русской армии значение рейда кавалерийских корпусов Уварова и Платова оценивалось по-разному. Так, Н. А. Троицкий указывает: «Наши историки большей частью оценивают рейд Уварова и Платова восторженно, как “гениально задуманную и блестяще выполненную” операцию, “особенно важный” эпизод всей Бородинской битвы, ее “решающее мероприятие”»¹⁹⁸. Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский также констатировали субъективное отношение советской науки к этому распоряжению Кутузова: «К сожалению, некоторые авторы по прежнему склонны преувеличивать значение рейда»¹⁹⁹.

Как относились к рейду русской конницы участники битвы? Полковник Болговский утверждал: «Платов... исполнил это движение с такою точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем только при выходе из дефила в удалении приблизительно версты от его крайнего левого фланга. Неприятель, уstraшенный внезапным появлением леса пик и заметив там даже пехоту, счел левый фланг армии в весьма опасном положении... блестящие атаки генерала Уварова не позволили ему сомневаться, что они производились, опираясь на решительное движение Платова... Этот маневр Платова решил участь русской армии»²⁰⁰. Левенштерн отнесся к действиям русской кавалерии скептически: «Либо отданные приказания не отличались особенной точностью, либо генерал, которому было поручено произвести этот маневр, не был на высоте этого дела... движение было выполнено весьма неискусно. Генерал Уваров,

---

¹⁹⁷ *Попов А. И.* Действия вестфальцев в Бородинском сражении... С. 68.

¹⁹⁸ *Троицкий Н. А.* 1812 – великий год России. С. 166.

¹⁹⁹ *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год. На перекрестке мнений... С. 165.

²⁰⁰ Бородино. С. 341.

руководивший им, выказал себя человеком мало способным... Мы могли бы достигнуть совершенно иных результатов, если бы этой кавалерии, долженствовавшей обойти левый фланг неприятеля, командовал кто-либо в роде Васильчикова, Палена, Ламберта, Чернышева»²⁰¹. Кутузов остался недоволен результатом рейда. Вернувшемуся Уварову он сказал, не глядя на генерала: «Бог тебя простит»²⁰².

Одним из парадоксов советской историографии является то, что, при глубоком уважении к Кутузову, его мнение на этот счет игнорировалось. Подробно различные аспекты флангового рейда, включая историографию вопроса, рассматриваются в работе А. И. Попова²⁰³. Заметим, что отряд силой в 2500 сабель вряд ли мог существенно повлиять на ход сражения, однако «развлек неприятеля», «несколько оттянув его силы, которые столь сильно стремились атаковать 2-ю нашу армию». Русские войска, сражавшиеся на левом фланге, заметили, что на какое-то время им «сделалось легче дышать». Главным же следствием кавалерийского рейда явилось то, что неприятель на два часа приостановил атаку центра, что позволило Кутузову значительно продлить время сражения, удержав позицию до наступления темноты.

* * *

Вторая атака на батарею Раевского является одним из наименее изученных событий Бородинского сражения. Если в описании начального периода битвы (бой за флешу, бой за село Бородино, первая атака батареи Раевского, бой за деревню Семеновское) наибольшее число вопросов вызывают временные рамки событий, притом что известны воинские части, принимавшие в них участие, то при реконструкции второй атаки на центральное укрепление возникает иная проблема. Известно, что решающий бой за Курганную высоту начался около 14.00 (в этом согласуются источники обеих сторон), но установить исходные позиции войск обеих армий перед атакой, их передвижение в ходе самой атаки, наконец, местонахождение во время боя, длившегося около трех часов в центре позиции, представляется довольно сложным. Предположительные версии о перемещении наполеоновских войск изложены в работах В. Н. Земцова²⁰⁴.

---

²⁰¹ *Левенитерн В. И.* Записки. С. 579–580.

²⁰² Бородино. С. 343.

²⁰³ *Попов А. И.* Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995.

²⁰⁴ *Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. С. 134–135; *Он же.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 381.

В отношении русских войск возникает не меньше вопросов, и первый из них – как располагались русские войска в момент второго нападения на центральный редут. Согласно свидетельствам Баркляя и Ермолова, между 10.00 и 11.00 7-й пехотный корпус Раевского уступил позицию 6-му пехотному корпусу генерала Дохтурова. Сам редут непосредственно обороняли части 24-й пехотной дивизии генерал-майора П. Г. Лихачева, но как они располагались к 14.00? А. П. Скугаревский полагал, что эти войска стояли в две линии по обе стороны редута, что представляется маловероятным по ряду причин. Во-первых, войска 7-го корпуса предпочитали «прямой» обороне «косвенную»: они скрывались в овраге от артиллерийского огня, который был значительно слабее, пока главным объектом неприятельских атак было Семеновское. Во-вторых, после захвата Семеновского ситуация резко изменилась; теперь все усилия неприятеля были направлены на центральное укрепление. Около 300 орудий простреливали местность вокруг редута, который после захвата Семеновского находился в точке пересечения огня. Обстрел велся сразу с трех сторон: с фронта, со стороны Бородина и, что особенно важно, со стороны Семеновского.

Захватив деревню, войска Даву и Нея, поддерживаемые резервной кавалерией, «потянулись» к центральной высоте. Необходимо было принять срочные меры, чтобы приостановить неприятеля, дав возможность войскам перестроиться. Около 14.00 на батарею Раевского, или, как называли ее французы, «Большой редут», «Роковой редут», «Редут смерти», стала надвигаться поредевшая пехота Даву и Нея. Настал час вступить в сражение и 4-му корпусу Евг. Богарне. Но решающая роль в предстоящей схватке выпала на долю кавалерии. Неприятелю удалось сосредоточить здесь около 10 тысяч сабель. Русское командование спешно пыталось создать новый оборонительный рубеж с наличными силами, которых к тому часу оставалось немного.

24-я пехотная дивизия П. Г. Лихачева, на наш взгляд, находилась в овраге ручья Огник. В первой линии действовало более 200 орудий русской артиллерии, до нападения неприятеля не нуждавшейся в пехотном прикрытии. Северо-восточнее редута в направлении деревни Горки располагались полки 7-й пехотной дивизии генерал-майора П. М. Капцевича. От редута до Семеновского, изогнувшись дугой, выстроился 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого. Эта «бесподобная пехота» несколько часов находилась на равнине под перекрестным огнем и несла страшные потери, но «избежать сего неудобства», по словам Баркляя, «было нельзя»²⁰⁵. Его адъютант Левенштерн с грустью отметил: «Озна-

---

²⁰⁵ Бородино. С. 174–175.

комившись с занимаемой им позицией, я убедился, что на этот корпус нечего особенно рассчитывать, но граф Остерман будет защищать свою позицию, как лев»²⁰⁶.

Артиллерия тем временем продолжала делать свое дело. В записках Митаревского создана впечатляющая картина разрушения: «Против нас стояла линия неприятельских орудий: вправо они протягивались к Бородину, и был виден конец, влево же конца им не было видно за люнетом... Не могу определить, на каком именно расстоянии были мы от неприятельских орудий, но мы могли наблюдать все их движения, видели, как заряжали, как наводили орудия, как подносили пальники к затравкам. Вправо от нас, на возвышении, стояла наша артиллерия и действовала; внизу, над оврагом, где мы прежде стояли, была тоже наша артиллерия, в числе которой находились другие 6 орудий нашей роты; с левой стороны от нас тоже гремела артиллерия... Артиллерийская батарейная рота, стоявшая там во время нашего приезда, скоро поднялась назад. На место ее построилась другая. Покуда она снималась с передков и выстроилась, сотни ядер полетели туда. Людей и лошадей стало, в буквальном смысле, коверкать. От лафетов и ящиков летела щепка. В то время, когда разбивались орудия и ящики, никакого треска слышно не было, – их как будто какая-то невидимая рука разбивала. Сделав из орудий выстрелов по пяти, рота эта снялась; подъехала на ее место другая – и опять та же история»²⁰⁷. Митаревский утверждал, что на самом люнете орудий уже не было: «Но что могли сделать роты, которые ставили поодиночке на холму, по правую сторону от нас, против пятидесяти или даже ста орудий».

Барклай де Толли вывел в первую линию отборные полки русской кавалерии – кавалергардов и конную гвардию, сознавая, что этих сил недостаточно, и сокрушаясь, что центр русской позиции будет неминуемо прорван неприятелем²⁰⁸. Но на помощь кавалергардам и конногвардейцам, кроме кавалерии Корфа, подоспели кирасиры Бороздина 2-го²⁰⁹. Завидев приближающегося неприятеля, русские кавалеристы устремились навстречу. очевидец вспоминал: «Был момент, когда поле битвы напоминало одну из батальных картин... Сражение перешло в рукопашную схватку: сражающиеся смешались, не было более правильных рядов, не было сомкнутых колонн, были только более или менее многочисленные группы, которые сталкивались одна с другой... Пехота, построенная в каре, два

²⁰⁶ *Левенштерн В. И.* Записки. С. 578–579.

²⁰⁷ *Митаревский Н. Е.* Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871. С. 62–63.

²⁰⁸ Бородино. С. 175.

²⁰⁹ Там же. С. 156–157.

не стреляла со всех фронтов одновременно. Личная храбрость и сообразительность имели полную возможность высказать себя в этот достопамятный день. Я видел во время стычки неустрашимого Алексея Орлова, который был весь изранен; его брат Григорий, адъютант Баркляя, красавец собою, лишился в этом сражении ноги, а молодой Клиндер и граф Ламсдорф были убиты... Я видел молодого Шереметева, получившего большую рану саблей по лицу: подобная рана всегда делает честь кавалерийскому офицеру»²¹⁰. Из слов Левенштерна явствует, что при такой грандиозной «сшибке» кавалерий обеих армий (более 20 тысяч сабель) на ограниченном участке фронта разобраться, кто именно кого атаковал, было довольно сложно. Это же подтверждается и воспоминаниями Ф. Ф. Шуберта: «Три часа продолжалась эта свалка, эта рукопашная, где солдат сражался против солдата; при этом мы постепенно захватывали территорию, но об этом я вам, однако, ничего в больших деталях сказать не могу, и я не верю, что кто-либо смог рассказать о ней, так как все было закрыто плотным облаком пыли, не позволявшим ничего видеть больше, чем на десять шагов»²¹¹.

Курганная высота осталась в руках французов. В жестоком штыковом бою почти полностью полегла дивизия П. Г. Лихачева. Генерал Лихачев бросился на штыки, пожелав разделить общую судьбу. Со стороны неприятеля «остался в редуте» генерал О. Коленкур, пообещавший своему императору, что он будет там, живым или мертвым. Во французской и немецкой историографии существует проблема, которая имеет косвенное отношение к отечественной историографии. Дело в том, что французы считали и продолжают считать, что центральный редут был захвачен 5-м кирасирским полком во главе с генералом О. Коленкуром²¹². Однако уже в 20-е гг. XIX в. эту версию упорно оспаривали «братья по оружию» саксонцы, утверждавшие, что «батарея была взята исключительно саксонцами, и, прежде всего, кавалерией Гар дю Кор»²¹³. Первые отечественные историки также склонялись к «саксонской версии» (Бутурлин, Глинка, Михайловский-Данилевский, Богданович). В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что на заключительном этапе Наполеоновских войн саксонцы были союзниками России. Советские историки, принимая во внимание взаимоотношения между СССР и гитлеровской Германией, стали отдавать предпочтение французской версии. Правда, В. Н. Земцов

²¹⁰ Левенштерн В. И. Записки. С. 578–579.

²¹¹ Шуберт Ф. Ф. Под двуглавым орлом // Сапожников А. И. «Бородинский футляр» генерала Ф. Ф. Шуберта. С. 85.

²¹² Рапорт Мюрата... Р. 128; Bulletins... Р. 103.

²¹³ Земцов В. Н. «Битва при Москве-реке». С. 148.

полагает, что Е. В. Тарле отдавал «пальму первенства» саксонцам²¹⁴. Заметим напротив, что ни один из советских исследователей не опровергал так язвительно и колко версию об успехе саксонской кавалерии. Так, академик Тарле писал: «Тильмана с его саксонцами русские отбросили убийственным огнем, и ни малейшего успеха ни немцы Тильмана... ни французы тут не имели. Даже такие сравнительно меньше фантазирующие немецкие историки, как Шнейдевинд, “хоть и не натягивают подвигов на своих брудеров”, но все-таки лживо хвастают: “итог, ими же самими высказываемый, обличает их, им (немцам. – Е. Т.) хочется показать, что мы-де били русских лучше, нежели то делали тогдашние наши господа французы”»²¹⁵.

Однако, вопреки патриотическому утверждению Е. В. Тарле, центральный редут все-таки остался в руках французов и саксонцев. Продолжительная кавалерийская схватка в центре поля давала возможность русскому командованию постепенно убрать из первой линии значительное число артиллерийских орудий, которые располагались по линии Горки – Псарево – Утицкий лес. Ни левый фланг русской позиции, ни центр, подавшиеся назад, не были ни прорваны, ни разбиты. «Обе армии опять располагаются лицом к лицу, причем на поле битвы, захваченном ценой таких героических усилий», – вспоминал Ц. Ложье²¹⁶. От дальнейших атак на перестраивающиеся порядки русской армии Наполеон отказался. Более того, он отказался и от преследования противника, что позволило даже его соратникам утверждать, что при Бородине Наполеон не был таким, «как в лучшие времена своего величия и славы»²¹⁷.

Итог взятия Большого редута высоко оценен самим неприятелем. Так, утешая А. Коленкура, брат которого «остался в редуте», Наполеон произнес в его адрес следующие слова: «Он умер смертью храбрых, решив исход сражения»²¹⁸. Если же подойти к оценке этого события, отрешившись от драматических эффектов, то следует признать, что очередной «частный успех» реально мало что давал противнику. Выше уже отмечалось, что после взятия Семеновского батарея Раевского была обречена и с русской стороны было бы бессмысленно упорствовать в ее обороне. Удерживать укрепление, в котором нельзя было находиться под перекрестным огнем артиллерии, не представлялось возможным. Это доказывается тем

---

²¹⁴ Земцов В. Н. «Битва при Москве-реке». С. 148.

²¹⁵ Тарле Е. В. Бородино. С. 51.

²¹⁶ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии... С. 147–148.

²¹⁷ Кроме Сегюра этой точки зрения придерживались, например, Лежен, Лоссберг и др.

²¹⁸ Коленкур А. де. Мемуары... С. 128.

фактом, что неприятельские войска, назначенные к его защите, остаток дня провели в отчаянном положении: «Легион Вислы» получил приказ лечь на землю, чтобы хоть как-то уберечься от страшного огня²¹⁹.

4. Итог сражения: военно-оперативные документы, версии участников, оценки историков

Без преувеличения можно сказать, что вопрос – *чья победа?* – является одним из самых спорных в отечественной историографии. Ни одна из противоборствующих сторон не признала своего поражения, напротив, в обеих армиях было немало энтузиастов, уверенных в победе именно той армии, в составе которой им выпала честь сражаться. Основание для дискуссии, кто же вышел победителем из этого «кровавого спора», было заложено в первых же официальных документах, сообщивших о результатах великой битвы. В рапорте Кутузова Александру I от 27 августа говорилось: «...Неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходящими своими силами», что, как мы видели, на самом деле являлось преувеличением: в руках нападавших остались Семеновские флеши, батарея Раевского, деревня Семеновское. В «Официальных известиях» сказано больше: «...даже ту небольшую часть территории, которой он завладел утром, он был вынужден покинуть к вечеру»²²⁰. В 18-м бюллетене Великой армии сомнения в успехе также не ощущается: «Император ни разу не подвергался опасности; императорская гвардия, ни пешая, ни конная, не была занята в сражении и не потеряла ни одного человека. Победа была несомнительна»²²¹. Правда, в пространном тексте бюллетеня, продиктованного Наполеоном, несколько раз упоминается о победе: в 8.00, когда, по словам французского императора, «позиции неприятеля были захвачены, редуты взяты»; в 9.00, когда «неприятель, ободренный успехом, повел вперед свои последние резервы, чтобы еще раз испытать судьбу»; наконец, в 14.00, когда «неприятель потерял всякую надежду; сражение было закончено», хотя далее сообщалось, что «канонада все еще длилась; неприятель боролся за отвод войск и безопасность»²²².

²¹⁹ Брандт Г. Воспоминания. // Записки современников 1812 года. СПб. С. 41–42.

²²⁰ Бородино. С. 112

²²¹ Bulletins Officiels. P. 80–84.

²²² Там же. 18-й бюллетень указывает на 14.00 как на время окончательной победы Великой армии, хотя В. Н. Земцов, ссылаясь на этот документ, называет другое время, указанное в начале бюллетеня, – 8.00. Однако думается, что в первом случае речь идет о захвате Семеновских флешей, так как дальше в тексте излагаются события, связанные со схваткой за Семеновское и двумя атаками на центральный редут.

Таким образом, в официальных документах обеих сторон, наряду с признанием собственной победы, допущены преувеличения и неточности. К этому следует добавить, что 18-й бюллетень более подробен и содержателен, нежели русские источники, где некоторые фазы сражения вообще не нашли отражения. Вероятно, это одна из причин, по которой оценка итогов битвы русским командованием вызывает большое число разногласий.

В приводимом ранее отрывке из письма Барклай де Толли Александру I от 3 ноября 1812 г. говорится: «26-го августа показали мы врагу нашему и целому свету как можем мы защищать себя!.. Известно, что он, отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерей, удалился с места сего... беспримерного сражения»²²³. Отзыв Барклай об итогах Бородинского сражения указывает на противоречия в мнении В. Н. Земцова, полагающего, что искажения в отечественной историографии преследовали две цели «во-первых, оправдательную... а во-вторых идейно-политическую, связанную с деятельностью крепостнических кругов, насаждавших псевдопатриотические и... антизападнические настроения в русском обществе»²²⁴. Именно в русле крепостников-антизападников, по мнению автора, действовал Толь. Далее Земцов вопрошает: «Могло ли этому что-либо противостоять?» – и отвечает сам себе: «Да, наряду с официальной трактовкой, в ходе самой войны возникла и иная тенденция, духовно ей противостоящая. Она была представлена людьми декабристского поколения»²²⁵. Автор, сославшись на А. Г. Тартаковского, указывает на «рейхенбахский кружок» военных литераторов, которых он противопоставляет Толю, так же как и Тартаковский, не обратив внимания, что упомянутые «рейхенбахцы» – это офицеры из «канцелярии Толя», как мы доказали выше. Земцов пишет: «Повествуя об историографической традиции Бородина, возникшей вокруг «рейхенбахского кружка», нельзя не остановиться на еще одной фигуре, влияние которой на первых историков 1812 г. демократического и либерального направления было несомненным. Это – М. Б. Барклай де Толли»²²⁶. В этих рассуждениях историк заходит в тупик: нелегко писать о либерально-демократическом влиянии Барклай де Толли на офицеров из «канцелярии Толя». На наш взгляд, в своих «Оправдательных письмах» о Бородине Барклай де Толли защищал прежде всего себя, так же как и Толь – Кутузова, а вместе с ним и

---

²²³ Барклай де Толли М. Б. Тр. ИРВИО. Т. VI. С. 10.

²²⁴ Земцов В. Н. «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года. Тр. ГИМ. Вып. 132. С. 255.

²²⁵ Там же. С. 255.

²²⁶ Там же. С. 257.

себя. Сводить конфликт главнокомандующих к борьбе крепостнической и либерально-демократической идеологии, псевдопатриотизма и западничества, на наш взгляд, – идти на поводу у очередных идеологических фантазий. Здесь мы полностью согласны с точкой зрения М. А. Давыдова: «Вероятно, рассмотрение эпохи традиционным путем – “через революционеров” – во многом исчерпала себя. Нужны новые ракурсы анализа, новые подходы»²²⁷. «Восторженный» отзыв Барклая о результатах битвы явное тому доказательство.

Критическая оценка деятельности Кутузова при Бородине, безусловно, зависела от взаимоотношений русского генералитета, о чем уже говорилось во второй главе книги. В отличие от Наполеона Кутузов не являлся главой государства, он был лучшим из выдающихся генералов, которых было немало при Бородине. Один из талантливых русских военачальников, другой его оппонент – Беннигсен, в противоположность Барклаю, считал, что Бородино – неудача русской армии, поставленной Кутузовым на неверной позиции, вопреки его, Беннигсена, советам²²⁸.

Не следует забывать, что полководческие способности Наполеона получили большее признание, нежели Кутузова, в силу чего сопоставление деятельности обоих главнокомандующих при Бородине уже представляет серьезные затруднения: в какой бы «форме» ни пребывал в день битвы Наполеон, но любому исследователю, исключая оптимистически настроенных советских историков, приходится делать над собою усилия, допуская сравнение «на равных» его с Кутузовым. Впрочем, и советские историки, используя в своих трудах «героические мифы», думается, не утруждали себя проверкой их достоверности отчасти из опасения разрушить «патриотическую» легенду. Отсюда вымыслы о шестичасовом бое за флеш и восьми атаках, о четырехстах–семистах орудиях, одновременно обстреливающих три укрепления, и так далее. У этого мифотворчества была оборотная сторона: как только появлялась малейшая возможность критики, ученые начинали указывать на допущенные русским командованием просчеты, также не утруждая себя проверкой достоверности противоположных сведений. Излюбленной темой критики, как мы показали, традиционно являются: чрезмерное усиление правого фланга, недостаточность сил, назначенных к обороне флешей при отождествлении их со всем левым флангом, преувеличенное представление о силах русской армии при Бородине, куда все настойчивее включаются ополченцы. Так, в частности, Н. А. Троицкий придерживается мнения, высказанного А. Н. Кочетковым:

---

²²⁷ Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. С. 3.

²²⁸ Беннигсен Л. Л. Записки графа Л. Л. Беннигсена. С. 494.

«Располагая меньшими силами, Наполеон создавал на всех пунктах атаки превосходство, доходящее до подавляющего, и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии»²²⁹. Троицкий рассуждает: «Мы восхищаемся героизмом защитников флешей и батареи Раевского, отражавших атаки вдвое, а то и втрое превосходящих сил, но не задумываемся над тем, что русское командование могло и обязано было не допустить на решающих участках битвы такого и какого бы то ни было превосходства неприятеля в силах»²³⁰. Нам представляется, что задним числом вменять в обязанность русскому главнокомандующему сразу обеспечить превосходство в силах на всех участках фронта, не вникая в ход событий, некорректно. Тем более некорректно настаивать на неподтвержденном факте численного превосходства регулярных русских войск, которого на самом деле не было. Да, последние исследования убедительно показывают, что ополченцев в русской армии было значительно больше, чем прежде предполагалось. Вместе с ними в войсках Кутузова было не 127 тысяч, а 150 тысяч человек, из которых около 32 тысячи были упомянутые ополченцы и 9 тысяч казаков. Следовательно, регулярных войск у светлейшего было не более 110 тысяч против 133 тысяч у Наполеона²³¹. Где же здесь численное превосходство русских, которое, по совету Троицкого, главнокомандующий обязан был использовать при Бородине? Следовательно, Кутузов никак не мог создать реального численного преимущества на всех решающих участках битвы. Скажем больше, даже если бы к Кутузову подошли все 80 тысяч московской милиции, о которых писал ему император, то и в этом случае у него не было морального права бросать в огонь необстрелянных людей в таком сражении, как Бородинское.

На наш взгляд, неправомерно делать однозначные выводы о победе Великой армии, подсчитывая «очки» как в спортивном состязании, как то: захват села Бородина, захват флешей, захват Семеновского, захват батареи Раевского, отступление с поля боя, вступление в Москву и так далее.²³² В этом случае абсолютно не учитываются причины, побудившие обе стороны вступить в сражение, и цели, которые в нем преследовались, соблюдение планов с достигнутыми результатами. Именно этим и «грешит» отечественная версия, начиная с Толя.

Мы отметили, что Кутузов решил на генеральную битву по причинам «нематериального характера». Вспомним также, что ко дню

---

²²⁹ Кочетков А. Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // ВИЖ. 1963. № 12. С. 41; Троицкий Н. А. 1812 – великий год России. С. 179.

²³⁰ Там же.

²³¹ Васильев А. А., Елисеев А. А. Русские соединенные армии при Бородине. С. 55; Васильев А. А., Попов А. И. Grande Armée. Состав армии при Бородине. С. 37.

²³² Чья победа? Материалы «Круглого стола» // «Родина». 1992. № 6–7. С. 72–73.

Бородина главнокомандующий не располагал сведениями ни о «депо второй линии», ни о фланговых армиях Торماسова и Чичагова, на содействие которых он должен был особенно рассчитывать. Более того, по прибытии на Бородинское поле Кутузов поставил Александра I в известность о том, что если неприятель, «найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было Москву защищать должно»²³³. Дореволюционные историки были более осторожны в определении намерений Кутузова, чем советские историки, проводившие аналогии с событиями 1941 г. Н. А. Троицкий полагает, что у русского полководца было определенное намерение защитить древнюю столицу. Ученый пишет: «На деле Кутузов, как мы это видели, считал при Бородине своей главной задачей “спасение Москвы”»²³⁴. Но если бы он считал это своей «главной задачей», то не стал бы располагать главные силы армии у Новой Смоленской дороги, по которой было удобно отступить, а принял бы предложение Барклая и разместил значительные силы на Старой Смоленской дороге, на которую он сразу же, согласно источникам, обратил внимание. В рапорте от 23 августа фраза о намерении защищать Москву сопровождается вводными словами «не ручаюсь», «может быть», «как бы то ни было», что, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что Кутузов, решившись со многими оговорками на генеральную битву, считал своей «главной задачей» сохранить боеспособную армию. Косвенно об этом свидетельствует и пресловутая «неопределенность» текста «Диспозиции», не претерпевшей изменений с 24 по 26 августа. Безусловно, положение русского главнокомандующего, пытавшегося, по удачному выражению М. Н. Покровского, «убить двух зайцев, бегущих в разные стороны», было более неопределенным, чем у его противника, стремившегося к ясной цели – разбить русскую армию, тем самым «отворив ворота Москвы», где, по расчетам, его ждал почетный мир.

В «Диспозиции» Кутузов объявил о своих «видах» на грядущее сражение: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его намерениям»²³⁵. В связи с этим странно выглядит упрек Н. А. Троицкого в адрес полководца: «Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отражал его атаки, перебрасывая свои войска из тех мест, где не было

---

²³³ Бородино. С. 64.

²³⁴ Троицкий Н. А. 1812 – великий год России. С. 177.

²³⁵ Бородино. С. 81.

прямой опасности, в те места, которые подвергались атакам»²³⁶. Подобным образом рождается антилегенда, согласно которой Кутузов, обладая превосходством сил, дал себя разгромить при Бородине. Здесь сомнения вызывает сам тезис «атаковал, что хотел и как хотел». Достаточно обратиться к диспозиции Наполеона маршалам, которые должны были произвести фронтальное захождение правым плечом вперед «стройно и методически». Попробуем проанализировать, что из этого вышло.

Краткое резюме «ясных и точных» распоряжений императора изложено в работе Пеле: «Он желает обойти левый фланг неприятеля по Старой Смоленской дороге и направить настоящие атаки на этот фланг и центр от реданов до бастионного редута. Атака будет произведена позшелонно... Понятовский выступит к Утицам и обойдет позицию русских; на правом фланге Даву начнет атаку... Ней... составляет центр сражения: он упирается правым флангом в 1-й корпус, а левым – в 4-й... Дивизии Морана и Жерара атакуют бастионный редут и продолжают линию армии, в то время, как Дельзон завладеет Бородином. Далее этого села не пойдут: оно послужит осью захождения для линии сражения»²³⁷. Пеле указал: «Дивизии Фриана и Клапареда были назначены для исправления ошибок, сделанных во время сражения, и на случай неожиданных происшествий».

Рассуждая на тему «атаковал все, что хотел и как хотел», к какому можно прийти заключению? Безусловно, Наполеону было выгоднее совершить глубокий обход русской позиции по Старой Смоленской дороге, предложенный накануне маршалом Даву. Это избавило бы Великую армию от фронтальных атак, сопровождавшихся огромными потерями. Этого, по логике вещей, ожидал Кутузов. Но Наполеон опасался, что фланговое движение принудит русских к дальнейшему отступлению, поэтому он отказался от маневра в пользу фронтальных атак. По словам Клаузевица, император выбрал «наиболее простую и, как следствие, наименее эффективную форму сражения»²³⁸. «Игра в поддавки» с противником на поле боя оказалась опасной и чреватой «неожиданными происшествиями». Во-первых, Понятовский со своим корпусом не смог выйти на линию атаки ко времени нападения Даву на флешу: местность в Утицком лесу оказалась труднопроходимой, а столкновение с корпусом Тучкова 1-го – неожиданным. Во-вторых, Даву потерпел неудачу во время первого нападения на «боковые реданты»: его войска до 10.00 не продвинулись дальше кромки Утицкого леса. В-третьих, Ней, стремясь

²³⁶ Троицкий Н. А. 1812 – великий год России. С. 179.

²³⁷ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 74.

²³⁸ Клаузевиц К. 1812 год. С. 79.

оказать поддержку войскам Даву, произвольно изменил направление атаки, открыв неприятелю центр. Этот факт, отраженный во французских источниках, игнорировался отечественными историками, не вникавшими в его влияние на ход всей битвы. А значение «самоуправства» Нея было огромным! Последствия смещения центральной группировки противника на оконечность русского левого фланга впервые анализировались автором в статье «Боевые действия русских войск у деревни Семеновское»²³⁹. Между 8.00 и 9.00 неприятельский фронт разорвался в самом неподходящем месте, а именно: севернее Семеновского, там, где корпус Нея, подкрепленный корпусом Жюно, при поддержке резервной кавалерии Мюрата должен был нанести решающий удар по русской позиции.

На это указывают сочинения участников битвы: Раппа, Сегюра, Пеле. А. И. Попов, согласившись с нашим выводом, подкрепил его сведениями из немецких источников. В работе, посвященной боевым действиям между батареей Раевского и Семеновским, он пишет: «Ней повернул вправо большую часть своей пехоты; наступать же силами одной только кавалерии через овраг, через пространство, с двух сторон простреливаемое русской артиллерией, было весьма рискованно»²⁴⁰. Атака центра была отложена на несколько часов, неприятельская кавалерия, оставшись без пехоты, простояла все это время в бездействии, подвергаясь артиллерийскому обстрелу, о чем красноречиво свидетельствуют источники. Так, Ф. Меерхайм вспоминал: «Шли полуденные часы, когда мы находились в этой страдательной позиции. С каждым мгновением огонь становился все ужаснее и, в конце концов, перешел в град картечи, под которым мы вынуждены были непрерывно оставаться долгое время»²⁴¹. Разве эти сведения подтверждают мнение Н. А. Троицкого, что Наполеон постоянно диктовал ход сражения, атакуя «все, что хотел и как хотел»?

Кроме того, что Ней ввел в бой за флешы свой 3-й пехотный корпус, он перебросил также вестфальцев Жюно (по причине, указанной в работе Пеле, в мемуарах Жиро де л'Эна, Лоссберга, Лежена и др.). Лежен вспоминал о том, как в разгар боя за флешы он отправился к маршалу Нею «передать ему грустное известие, что князь Понятовский, который, маневрируя слева, должен был обойти с польским корпусом левый фланг русских и произвести среди них замешательство, не мог этого сделать»²⁴². Таким образом, фронт неприятельской армии между

---

²³⁹ *Ивченко Л. Л.* Боевые действия русских войск у деревни Семеновское // Отечественная война 1812 года... Материалы науч. конференции. Бородино, 1993. С. 26–34.

²⁴⁰ *Попов А. И.* Меж двух «вулканов»... С. 51.

²⁴¹ *Meerheim R.* Ezlebnisse eines veteranen der grossen Armee. Dresden, 1860. S. 94.

²⁴² *Lejeune L. F.* Op. cit. P. 211.

9.00 и 10.00 «лопнул» сразу в двух местах – в центре, между войсками Богарне и Нея, и слева – между войсками Даву и Понятовского, на что и указал Пеле²⁴³. Рассуждая о расположении обеих армий при Бородине, А. Жomini высказал соображение о боевых порядках русских войск, подвергающихся большой опасности в случае реализации замысла Наполеона: «... атака центра со вспомогательной атакой крыла... неприятеля, мешает последнему... обрушиться на фланг атакующего»²⁴⁴. Ход боя за Семеновское показал, что с этой угрозой боролись не только русские, но и неприятельские войска. Левое крыло русских оказалось вовсе не таким беспомощным, как его изображали отечественные и зарубежные историки. Контратаки русских войск, главным образом кавалерии, направлялись постоянно в стык неприятельского фронта между флешами и Утицким лесом, создавая угрозу изоляции войск Понятовского на Старой Смоленской дороге. По этой причине Ней прикрывал этот участок фронта корпусом Жюно, что существенно меняло замысел Наполеона. Правда, В. Н. Земцов высказал предположение, что в действиях Нея не было ничего неожиданного для Наполеона: «И все же, на наш взгляд, творцом изменения задуманного Наполеоном плана сражения мог быть в равной степени как темпераментный рыжеволосый Ней, так и выглядевший... достаточно апатичным Наполеон. То, что приказ Нея на движение вперед поступил тогда, когда надо было “исправлять” ситуацию, может быть истолковано в пользу Гурго, полагавшего, что маршал действовал в соответствии с указаниями Наполеона. Но приказ императора не мог не быть сформулирован только в самой общей форме – двигаться вперед, оказав поддержку Даву в захвате редутов, а Ней уже на месте... должен был принять конкретное решение, что он и сделал»²⁴⁵. На это можно возразить: мы действительно не знаем точно, в какой форме был сформулирован приказ Нея, но повторим еще раз – разрыв собственного фронта вряд ли входил в намерение Наполеона. К этому можно прибавить, что помощь войскам Даву была бы значительно эффективнее, если бы маршал, выдержав предписанное ему направление, направил свои войска между батареями Раевского и Семеновским, попытавшись прорвать русский фронт. В это время обороняющимся явно не хватало сил, и у него был шанс подавить их сопротивление массой пехоты и кавалерии.

В этом случае первая неудача Даву носила бы частный характер, и этот маршал получил бы возможность вновь обратиться на флешу в то

---

²⁴³ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 87.

²⁴⁴ Жomini А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 18.

²⁴⁵ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 339.

время, как силы русских у Семеновского разделились бы между двумя угрожаемыми пунктами. Скорее всего, удар по центру вынудил бы Багратиона вообще отказаться от защиты реданов, сосредоточив войска за Семеновским оврагом. Но Нея предпочел косвенной поддержке прямую, гораздо менее эффективную, о чем свидетельствуют источники, отразившие ход боя за флешы и бездействие кавалерии в центре. Все вверенные ему войска Нея употребил на решение не основной, а второстепенной задачи – захвата флешей, на что он потратил значительное время (с 7.00 до 10.00) и значительные силы, сняв их с другого направления.

Для Кутузова этот неожиданный поворот в сражении явился большой удачей, так как усилия обеих армий сконцентрировались не на решающем, а на вспомогательном участке фронта. Объективно следует признать, что захват французами флешей ослабил оборонительные возможности деревни Семеновское, но мало что изменил в картине сражения. Преувеличенное понятие о значении этих укреплений в общей системе обороны русских войск при Бородине складывается из неправильного представления о позиции левого фланга. В исследованиях историков начала XX в., а также в монографиях советских специалистов Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, Н. А. Троицкого понятие о позиции левого фланга, опирающегося о деревню Семеновское, ограничивалось всего тремя укреплениями. Так, А. В. Горбунов указывает на «типичную» ошибку, укоренившуюся в отечественной историографии: «2-я армия расположилась на Семеновских флешах (это невозможно физически)»²⁴⁶. Следовательно, реальный успех французов после захвата Семеновских редантов на деле был гораздо скромнее.

Для захвата основной позиции левого крыла за оврагом у Нея уже не хватило сил. С этим согласен и В. Н. Земцов, склонный оправдывать «предприимчивость» Нея. Историк пишет: «Итак, в районе 10 часов флешы окончательно оказались в руках французов, но силы были истощены»²⁴⁷. Безусловно, не меньшие потери понесли и русские войска, пытавшиеся несколько раз вернуть флешы. На числе потерь сказала и невероятная, по словам Клаузевица, «беспримерная» плотность боевых построений²⁴⁸. Возражая Н. А. Троицкому и В. Н. Земцову, заметим: вряд ли в замыслы Наполеона входило вводить около 10.00 в сражение дивизию Фриана и даже

---

²⁴⁶ Горбунов А. В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 годы) // Воинский подвиг защитников отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегиональной науч.-практической конференции. Вологда, 2000. С. 140.

²⁴⁷ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 347.

²⁴⁸ Клаузевиц К. 1812 год. С. 89.

Клапареда (Молодая гвардия), чтобы закрыть бреши в собственной линии. Французский полководец, согласно свидетельствам Пеле и Сегюра, изменил свои планы в отношении войск Евг. Богарне, внезапно приказав ему атаковать батарею Раевского именно для того, чтобы поддержать атаки маршалов у Семеновского. Однако и эта атака центрального редута около 10.00 была отражена русскими войсками, что также вряд ли способствовало реализации замысла Наполеона. Заметим также, что полководца вряд ли устраивало «страдательное бездействие» кавалерии в центре и, уж конечно, он не рассчитывал на то, что центральный редут придется брать силами конницы. Последнее обстоятельство указывает на то, что пехота была обескровлена затяжным боем у Семеновского. Значение этой схватки на левом фланге, на наш взгляд, справедливо оценил начальник 2-й сводно-гренадерской дивизии М. С. Воронцов: «По поводу Бородина я всегда думал, что у нас и других никогда не оценивали верно это ужаснейшее и кровопролитнейшее сражение новейших времен; то не была победа, как об этом донесли в первое время в Петербурге, оно не было поражением, потому что, кроме занятия Москвы, которого задолго следовало ожидать, все его последствия были нам благоприятны; воистину оно было могилой французской пехоты, которая с первых годов революции насчитывала 10 успехов на одно поражение, и во всех отношениях изменила политическое положение Европы»²⁴⁹.

Однако специалистов волнует другой вопрос: можно ли было добиться в сражении более значительных успехов, чем те, которые были достигнуты русскими войсками, удержавшими позицию по линии Горки – Псареве – Старая Смоленская дорога. Из критических замечаний А. Н. Кочеткова и Н. А. Троицкого явствует, что да, можно, если бы Кутузов перед сражением занял ту самую позицию, в которой оказались войска в конце битвы. Иными словами, специалисты подразумевают, что Кутузову следовало принять к исполнению план, предложенный 25 августа Барклаем де Толли, «чтобы правый фланг 1-й армии отправился на высоту Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находился тогда 3-й корпус»²⁵⁰.

Думается, что заверения в успехе, сделанные Барклаем де Толли задним числом, так обаятельно действуют на некоторых историков потому, что и Барклай, и сами историки бессознательно ориентируются на свои знания о ходе битвы и ее результатах. Начинает казаться, что уже заранее все было так ясно, что следовало только расставить войска там, где намеревались атаковать французы. Но можно ли требовать от Кутузова всеобъемлющего предвидения? Представляется уместным сослаться на другой случай из

²⁴⁹ Воспоминания Воронцова М. С. // 1812–1814. М., 1992. С. 168.

²⁵⁰ Барклай де Толли М. Б. «Изображение». С. 184.

истории наполеоновских войн. Накануне Ватерлоо лорд Аксбридж осведомился о намерениях Веллингтона. Герцог в гневе ответил вопросом: «Кто завтра атакует первым, я или Бонапарт?» «Бонапарт», – ответил Аксбридж. Веллингтон продолжал вопрошать: если планы зависят от Бонапарта, то можно ли заранее отвечать на подобные вопросы? И закончил: «Одно несомненно... что бы не случилось, вы и я выполним свой долг». Мог ли Кутузов перед Бородинским сражением рассуждать иначе? В вину Кутузову ставится размещение 2-го и 4-го пехотных корпусов, оказавшихся «в стороне» от боевых действий. «При этом не всегда дивизии и целые корпуса успевали из центра, а тем более с правого крыла (за 5–6 км) подкрепить левое крыло русской позиции», – пишет Н. А. Троицкий²⁵¹. Казалось бы, у этой версии есть надежный источник – генерал-квартирмейстер Вистицкий, сообщивший в записках: «Когда Багратион в третий раз и в последний послал сказать, что он держаться не может без сикурса [подкрепления], то велено 2 и 4 корпусам его подкрепить, но сие уже поздно, ибо укрепления были взяты, войска 2 армии много побито, и Багратион ранен»²⁵².

Однако огромные потери, понесенные на этом участке фронта, Клаузевиц объяснял не столько нехваткой войск, сколько, напротив, их переизбытком. Его точка зрения, на наш взгляд, заслуживает внимания: «Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, также играли роль резерва, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспримерном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а, следовательно примерно так же глубоко, построилась и французская армия. Этим объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняются и огромные потери людьми»²⁵³. Мнение Клаузевица о чрезмерной плотности боевого порядка на левом фланге подтверждается воспоминаниями офицера квартирмейстерской части Н. Н. Муравьева: «На левом фланге войска стояли в 6 и даже в 7 линий»²⁵⁴. Огромные потери обеих сторон объясняются характером военного столкновения, разыгравшегося на ограниченном (около 1,5 км) участке фронта.

Успевали ли войска правого фланга на поддержку левому крылу? Согласно приводимой на основании источников хронометрии, Баграти-

²⁵¹ Троицкий Н. А. 1812 – великий год России. С. 179.

²⁵² Вистицкий М. С. Из записок Вистицкого // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 187.

²⁵³ Клаузевиц К. 1812 год. С. 89.

²⁵⁴ Муравьев Н. Н. Записки // РА. 1885. Кн. III. С. 250.

он обратился за помощью, оценив потенциальную угрозу левому крылу, между 6.00 и 7.30. В это время, согласно источникам, у Семеновского уже находились гвардейские части (пехота, кавалерия, артиллерия), которые в основном сражались за деревню Семеновское после ранения Багратиона. Таким образом, войска 2-го и 4-го пехотного корпусов, на отсутствие которых сетуют специалисты, так и не приняли участие в бою за Семеновское. Они достигли другого места назначения, где их наличие было необходимо: Старой Смоленской дороги – 2-й пехотный корпус, центра – 4-й пехотный корпус, что свидетельствует о том, что войска вступили в сражение в другом порядке: гвардия опередила армейские полки.

Обратим внимание и на другой факт: согласно воспоминаниям Евг. Вюртембергского, 2-й пехотный корпус выступил с оконечности правого фланга около 9.00, а после 10.00 половина этого корпуса, согласно рапорту Багговута, уже сражалась на Старой Смоленской дороге, то есть на оконечности левого фланга²⁵⁵. Сведения русского источника подтверждают вестфалцы (Конради, Лоссберг). Следовательно, утверждение историков о том, что эти войска не могли успеть к Семеновскому раньше чем через два часа, следует поставить под сомнение. Гвардейская же бригада Храповицкого (полки Литовский, Измайловский, Финляндский), бригада Кантакузена, гвардейская артиллерия, бригада Бороздина, согласно рапорту Н. И. Лаврова, выступили к Семеновскому уже в 6.00. Это означает, что пехота была у деревни Семеновское самое позднее через час, а кавалерия гораздо раньше, на что указывает рапорт Бороздина 2-го, наградные списки гвардейской артиллерии и ведомости о потерях во второй батареейной роте лейб-гвардии артиллерийской бригады.

Следовательно, причину того, что 2-й и 4-й корпуса не явились к Семеновскому, к 7.30–8.00 нельзя объяснить только чрезмерной протяженностью позиции. Согласно источникам, позволяющим восстановить хронометрию Бородинской битвы, их задержал инцидент у Бородина, во время которого было неясно, куда устремит главные силы неприятель. Устанавливая необходимость «дальнего пробега» корпусам с правого крыла, специалисты не учитывают последствия «экспромта» маршала Нея, о котором сообщают французские источники: стремление огромной массы французских войск именно на оконечность левого фланга было трудно предугадать не только Кутузову, но и Наполеону. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, сделало заметной пресловутую растянутость правого крыла.

---

²⁵⁵ *Евг. Вюртембергский*. Воспоминания о кампании 1812 года... С. 60; Бородино. С. 184–187.

Источники позволяют утверждать, что наиболее опасным, кризисным моментом сражения для русской армии был отрезок времени между 8.00 и 9.00. В это время 2-й и 4-й пехотные корпуса все еще находились в районе Новой Смоленской дороги, так как внимание русского командования было поглощено событиями у села Бородина. Остальные русские войска в этот же час стягивались к Семеновскому, открыв для удара центр позиции. Если бы Наполеон, приняв решение ввести в бой за батарею Раевского войска Богарне, сделал бы это сразу же в продолжение атаки на Бородино, использовав кавалерию, около четырех часов бездействующую в центре, то положение русских войск оказалось бы катастрофическим. «Я уверен, что если бы использовано было одушевление войск, если бы движения их были целесообразны и атаки единодушны, сражение вышло бы решительное, и русская армия была бы уничтожена. И такого успеха можно было добиться в 9 часов утра», – не без основания рассуждал Л. Гриуа, командовавший артиллерией 3-го кавалерийского корпуса, располагавшегося в центре²⁵⁶. После 10.00 долгожданные 2-й и 4-й пехотные корпуса закрыли бреши севернее и южнее Семеновского.

Ситуация в конце сражения, на наш взгляд, справедливо отражена в «Замечаниях на Бородинское сражение» начальника штаба 2-й армии Э. Ф. Сен-При: «Более пострадавшая 2 армия была действительно ослаблена наполовину и во время сражения потеряла деревню, составлявшую ее левый фланг, и прикрывавшие его флешы, но линия армии не была прорвана, и ее левый фланг был только осажден назад; кроме того, вялость неприятельской атаки к вечеру, несмотря на выгоду его позиции, достаточно доказывала, что его потеря должна была быть очень значительной»²⁵⁷.

Мнение русского военачальника подтверждается французскими источниками, по тону явно не совпадающему с бравурной интонацией 18-го бюллетеня. Полковник Пельпор, командир 18-го линейного полка, указал на бесплодность дальнейших атак, направленных на левое крыло русской армии. Он вспоминал: «Их бесформенные и изуродованные нашей артиллерией массы не были рассеяны. 3-й корпус (Нея. – Л. И.), ослабленный усилиями, которые должен был сделать, был обессилен, чтобы преследовать их отход»²⁵⁸. Артиллерийское прикрытие с русской стороны было не менее плотным и смертоносным, что вызвало у противника сомнения в целесообразности использования последнего резерва – гвардии. Ж. Пеле скептически оценивал шанс изменить ситуацию в слу-

²⁵⁶ *Griois L.* Op. cit. P. 32.

²⁵⁷ *Сен-При Э. Ф.* Дневник. С. 168–169.

²⁵⁸ *Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. T. 2. P. 27.

²⁵⁹ *Пеле Ж.* Бородинское сражение. С. 91.

чае использования этой элитной части войск: «Следовало ли вечером двинуть под страшным огнем императорскую гвардию, единственный резерв, не введенный в дело? Она могла быть истреблена прежде, чем дошла бы до неприятеля со своим грозным штыком. Она назначалась не для такого боя»²⁵⁹. Это высказывание французского генерала даже отечественные историки почему-то не принимают во внимание.

Скептически оценивал успех Великой армии при Бородине Сегюр, когда писал: «Французские солдаты не обманывались. Они изумлялись тому, что так много врагов было перебито, так много было ранено, так мало плененных. Не было даже 800! Обыкновенно по числу этих последних и определялся успех. Убитые свидетельствовали скорее о храбрости побежденных, чем о нашей победе. Если остальные могли отступить в таком порядке, гордые и не упавшие духом, то какая польза была в том, что поле битвы осталось в наших руках?»²⁶⁰

Оценивая же роль лично Кутузова в генеральном сражении, представляется уместным привести высказывание Ж. Пеле, который был далек от того, чтобы признать особые таланты русского полководца в сравнении со своим императором. Французский генерал рассуждал: «...Кутузов должен был избегать всякого сражения и выигрывать время... Поведение неприятельского генерала во время сражения заслужило некоторые похвалы. Если Кутузов первоначально дурно расположил свои войска; если он не сразу увидел, что ему следовало сделать, то в продолжение дня он обнаружил тот характер, который составляет одно из драгоценнейших качеств главнокомандующего. Его стойкость уравновесила и отчасти расстроила высокие соображения Императора»²⁶¹.

* * *

Анализ и сопоставление сведений, содержащихся в источниках, позволяет существенно уточнить хронометрическую картину Бородинского сражения. Определив последовательность событий и их временные рамки, мы можем соотнести их между собой, добившись восстановления логической связи между боевыми действиями и распоряжениями командования обеих армий. Вопреки версии Толя, сражение началось на левом, а не на правом фланге русской армии. Фронтальному нападению неприятеля на Семеновские флеши предшествовала неудачная атака Даву через Утицкий лес, подробно описанная во французских источниках и почти незамеченная в русских. Мнения участников сражения обеих сторон опровергают

---

²⁶⁰ Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 году. С. 42.

²⁶¹ Пеле Ж. Бородинское сражение. С. 97.

версию, сложившуюся в отечественной историографии о восьми атаках на Семеновские флеши, убеждая в том, что их было не более четырех. Показания источников противостоят версии Толя о времени и месте ранения П. И. Багратиона. Главнокомандующий 2-й армией получил смертельную рану не в полдень у Семеновского, а около 9.00 при защите флешей, время обороны которых следует ограничить 10.00, а не 12.00. После ранения Багратиона была атакована батарея Раевского; у историков не было оснований менять последовательность этих событий. Согласно источникам значительно увеличивается продолжительность боя за деревню Семеновское (с 10.00 до 21.00), поэтому боевые действия, традиционно приписываемые к бою за флеши (атака дивизии Фриана, например), следует «переместить» туда. Несправедливы упреки историков, обвиняющих Кутузова в том, что он поздно принял меры для подкрепления левого крыла: гвардейские воинские части, согласно документам, были направлены к Семеновскому до нападения противника. Мнение, высказываемое авторами исторических сочинений о том, что эти воинские соединения могли прибыть к Семеновскому не ранее полудня, не выдерживают критики при топографическом исследовании. Источники указывают на «разительное обстоятельство», не нашедшее места в трудах историков, – одновременный разрыв фронта обеих армий между 8.00 и 9.00. Это происшествие с неприятельской стороны явилось следствием смещения войск под командованием Нея к флешам, а с русской стороны – следствием нападения неприятеля на село Бородино, замедлившее передвижение двух пехотных корпусов с правого фланга. В этой ситуации задержка в перемещении войск могла привести к разгрому левого фланга. Справедливость требует признать заслугу русских войск на левом крыле, проявившуюся не в отражении восьми «мифических» атак, а в сдерживании соединенных сил Даву, Нея, Мюрата до прибытия резервов. Жертвенное мужество русских воинов дало командованию возможность преодолеть кризисный момент в сражении.

Позиция, избранная русским командованием, несмотря на наличествующие недостатки, позволила Кутузову реализовать свой замысел: русская армия удержалась на оборонительном рубеже Горки – Псарево – Утицкий лес и, главное, – не была разбита. Ожесточенные бои за опорные пункты – Семеновские флеши, деревню Семеновское, батарею Раевского остановили наступательный порыв неприятельских войск. Диспозиция Наполеона, если и была выполнена в смысле захвата перечисленных объектов русской обороны, не повлекла за собою разгрома и уничтожения русских войск. Более того, потери, понесенные Великой армией при Бородине, дали возможность Кутузову беспрепятственно покинуть поле битвы, что являлось главной составляющей его замысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная реконструкция формирования и бытования комплекса знаний о Бородинской битве является необходимым условием научного исследования и правильного реконструирования самого исторического события. С одной стороны, все возможное знание заложено в исторических источниках, связанных с этим событием, – от возникновения замысла генерального сражения до ухода из жизни последнего его участника, и даже до современного состояния Бородинского поля. С другой стороны перед нами на протяжении почти двух столетий предстает «знание знания» – историописание Бородинской битвы, несущее в себе это первое, источниковое знание, но отобранное и организованное по принципам и требованиям другого времени и другого общества – того, в котором оно возникало или развивалось.

Бородинская битва – один из наиболее известных и содержательных элементов национального самосознания российского общества; представления о ней до сих пор закладываются еще в раннем детстве. Но обыденному сознанию нет нужды разделять исторический и историографический источник. Да и формируется оно в значительной мере под влиянием идеологии, политики, публицистики, искусства, представители которых в своем понимании событий идут не столько от источника, сколько от доминирующей в их времена историографической модели; но они же и воздействуют на ее состояние и трансформацию. Путь от исторического источника к историческому знанию оказывается многократно опосредованным. Этим, по-видимому, и объясняется возможность длительного и устойчивого существования «удобных» для общества историографических моделей, перерастающих в миф.

Тем не менее постоянно подмечаемые и время от времени вскрываемые противоречия между информацией, заключенной в исторических источниках, существующими конструкциями и содержанием историографических моделей обуславливают развитие научно-исторического знания. Появление такого обновленного, относительно непротиворечивого знания, в свою очередь, дает новый импульс в его обратной связи с идеологией,

политикой, публицистикой, искусством, национальным самосознанием. Но создание нового непротиворечивого научно-исторического знания не может опираться только на исторические и историографические источники; оно должно выявить происхождение тех и других, историю отношения вторых к первым.

В настоящей работе были исследованы три проблемы: зарождение описаний Бородинской битвы и развитие отечественной историографической традиции; методы исследования исторических и историографических источников в такой специфической области, как история сражения; современные пути реконструкции Бородинского сражения.

Один из главных результатов нашего исследования можно сформулировать следующим образом: на всю отечественную историографию Бородина со времени ее зарождения до наших дней оказало влияние «соперничество» двух основных версий – «прокутузовской», заложенной трудами К. Ф. Толя, и «антикутузовской», основы которой сформулировал М. Б. Барклай де Толли (близкой к ней оказалась и версия Л. Л. Беннигсена). Анализ происхождения обеих версий позволил установить, что вторая из них предшествовала первой. Это обстоятельство определило апологетическое содержание и даже само появление «прокутузовской» версии Толя.

Историография Бородинского сражения в стадии становления – один из примеров того, как информация, заложенная в исторических источниках, перерабатывается в историографические тексты. Особенность значительной части источников, свидетельствующих о сражении (рапорты военачальников, письма, дневники, мемуары и др.), состоит в том, что их авторы изначально ставят перед собою (и перед своим читателем) некоторые задачи цельного, концептуального видения происшедшего. Причины Бородинского сражения, замыслы и планы сторон, диспозиция и ее оценка, ход боевых действий, итоги сражения – все это так или иначе уже представлено в названных исторических источниках. Мнения участников сражения и их современников продуцировали последующие представления и схемы события. Но, в отличие от последующих, действительно историографических версий, концептуальные элементы источников не связаны принципами научного видения, а разобщены обстоятельствами происхождения источника. Анализ источников и первых историографических версий, созданных участниками событий, убеждает в том, что представления их создателей о Бородинской битве зависели от времени описания ими событий (накануне или непосредственно после сражения, до или после оставления Москвы, по завершении войны), от разного – в силу служебного положения или местонахождения в битве – видения

поля сражения, времени и протяженности фаз сражения, их связи между собою. Интерпретация событий также зависела от взаимоотношений в среде высших военачальников, личных мотивов и интересов (проблема ответственности, стремление представить свои намерения и действия в выгодном свете, стремление противопоставить себя своим соперникам и так далее). У создателей первых версий Бородинского сражения не было необходимости обращаться ко всей первичной военно-оперативной документации; к ней обращались выборочно для доказательства собственной правоты.

Это обычное явление в комплексе исторических источников, несущих различные видения факта. Необычность ситуации – в чрезвычайно сильном воздействии противостоящих версий К. Ф. Толя и М. Б. Баркляя де Толли на последующее историописание.

Первое поколение историков Бородинской битвы – Д. И. Ахшарумов, Д. П. Бутурлин, А. И. Михайловский-Данилевский, Ф. Н. Глинка – оказались вовлеченными в этот спор честолюбий. Близкие к самому событию и к ряду действующих лиц, «несвободные в пристрастиях» (И. П. Липранди), они видели смысл своих сочинений в том, чтобы потомство разделило их пристрастия. Этим поколением были определены приоритеты в использовании исторических источников и их истолковании; источники подверстывались к определившимся версиям. Первоначальные версии военачальников утрачивали связи со своими создателями и трансформировались в версии историков. Мало того – историография получила хождение наряду с источниками и даже подменила их. К прежним факторам, определявшим приверженность той или иной версии (и в значительной мере сохранявшим свою силу), прибавились новые. Историографические версии медленно эволюционировали под воздействием идеологических и политических факторов, с одной стороны, и под воздействием требований науки (философия и метод познания, требования к обработке источников) – с другой.

Последующие поколения историков второй половины XIX – начала XX в. не были лично связаны с интересами действующих при Бородине лиц, но оказались в плену жесткого каркаса описания битвы, созданного К. Ф. Толем. Осознание же мотиваций, по которым была создана версия Толя, отсутствовало. Это вело к новым противоречиям: критическое и даже скептическое отношение к версии Толя, замеченные историками ее несообразности побуждали историков корректировать детали внутри этой версии и интерпретировать новые привлекаемые источники с точки зрения этой версии, что еще более запутывало картину. Создавая образ Бородинского сражения, удовлетворяющий патристические (юбилей

1912 г.) и идеологические требования общества, историки этого времени не смогли отрешиться от версии Толя.

Эта версия обрела новую силу в советской историографии. После перерыва, обусловленного революцией, Гражданской войной и самим характером советской историографии 20 – середины 30-х гг., изучение войны 1812 г. и Бородинского сражения возобновилось. Оказалось, что версия Толя вполне соответствовала и идеологическим, военно-патриотическим установкам партийно-государственного руководства страны, и разработанному в советской историографии предвоенных и военных лет образу М. И. Кутузова. Эта же версия играла существенную роль в сравнении войн 1812 и 1941–1945 гг. Дореволюционные историки пытались править версию Толя за счет версии Баркляя или за счет привлечения новых источников (отечественных и зарубежных). В советской историографии версия Толя (правда, без имени ее создателя) стала расти далее «сама из себя» за счет отрыва от источников, произвольной интерпретации ряда событий, наращивания их драматизма, неоправданного противопоставления Кутузова и Баркляя, внесения в историю войны 1812 г. современных аналогий. Разрыв между общей концепцией Бородинского сражения и успешными частными исследованиями, основанными на изучении исторических источников, продолжал нарастать. Современная российская историография осознает этот разрыв между моделью, созданной в 40–80-е гг. XX в., и той моделью российской истории (в том числе военной), которая может быть построена на основании исторических источников.

Изучение эволюции отечественной историографии Бородинского сражения показало, что само по себе привлечение русских и иностранных исторических источников не решало проблемы ни во второй половине XIX, ни в XX в. Исторические версии, не согласующиеся с ними, продолжали жить своей жизнью. Данные исторических источников, осмысленные скорее с позитивистских позиций, вписывались в стереотипы историографических версий состоявшегося события; даже в капитальных исследованиях проблема показаний источника оказывалась второстепенной по отношению к избираемым историками версиям. Предпринятое нами одновременное исследование источников и историографических версий Бородинского сражения показало, что первостепенной проблемой в этой работе является выяснение происхождения источника, его назначения, замыслов и целей его создателя, причем это касается не только отдельного источника, но и их совокупности и последовательности. Выяснилось, что даже источники, хронологически расположенные близко друг к другу и исходящие от одного и того же лица, содержат

различия в информации об одном и том же явлении, возникающие под воздействием быстро меняющихся обстоятельств. На наш взгляд, именно эти несовпадения в описаниях позволяют историку корректировать представления об изменении намерений военачальников в соответствии с результатами их реализации. Так, лишь при сопоставлении переписки М. И. Кутузова, его распоряжений и рапортов августа–сентября 1812 г., писем и мемуарных свидетельств других участников битвы вместе со строгим учетом последовательности этих документов выявляются его замыслы при Бородине. Другой пример: только в сентябрьских рапортах военачальников, а не в первичном слое военно-оперативных документов (рапорт М. И. Кутузова от 27 августа, «Официальные известия») появляются описания «главного подвига дня» – боя за батарею Раевского, боя за село Бородино, рейда кавалерии Уварова и Платова. Эти же рапорты содержат сведения о значительной продолжительности боевых действий на левом фланге русской армии, но не дают прямого основания для возникшей позднее в литературе версии о необычайно долгом сражении за Семеновские флеши¹. Рапорты указывают и на то, что 24 августа у Шевардина нападению французов подвергся не отдельный передовой отряд, а участок левого фланга русской позиции.

Разночтения и противоречия между историческими источниками, побуждавшие историков много лет выбирать что-то одно, – например, противоречия между официальными документами и «Оправдательными письмами» Барклая, между последними и «Описаниями» Толя, между рапортами, появившимися до оставления Москвы и после оставления Москвы, между двумя версиями Толя 1813 и 1816 гг. и др. – должны быть разрешены не выбором, а системным исследованием связей, соотношений, противостояний между ними и их создателями или эволюции содержания источников, исходящих от одного и того же автора. В этом один из путей преодоления почти двухсотлетнего не аргументированного с научных позиций противостояния версий и разрешения проблемы «запутанных мест» (И. П. Липранди).

Непротиворечивая реконструкция истории Бородинского сражения потребовала не только системного изучения происхождения источников и связей между ними, но и установления складывавшихся в историогра-

---

¹ С помощью рапортов установлено расхождение в хронометрии между источниками и историографическими версиями. Согласно рапортам наименее известны события на флешах, которые подробно описаны в трудах историков; и, напротив, боевые действия у деревни Семеновское, самая длинная фаза боя (с 10 утра до 9 вечера) представлены в историографии лаконично. С помощью рапортов установлено и как в историографию вкралась «роковая ошибка» в описании хода битвы – в рапортах Ермолова и Барклая де Толли неверно указано время первой атаки на батарею Раевского.

фии отношений между историческими источниками и историческими описаниями сражения, реконструкции связей «историк – источник». Только при этом условии оказалось возможным оценить силу давления историографической традиции и исследовать разночтения между привычным знанием и знанием, заложенным в источниках и в их совокупности. Одновременный комплексный анализ исторических источников и исследований выявляет существенные различия и противоречия в понимании и описании замыслов и планов сражения, оценках возможности Бородинской позиции, в толковании «Диспозиции», смысла и значимости отдельных фаз и эпизодов сражения («Шевардинское дело», боевые действия у Семеновских флешей, у села Бородино, у деревни Семеновское, в центре русской позиции), в определении хронометрических и топометрических рамок событий, в разном изложении последовательности событий, в оценке итогов сражения. Именно комплексный анализ исторических источников и исторических исследований, связанных с Бородинской битвой, выявляет противоречия в среде высших военачальников русской армии (М. И. Кутузов, Л. Л. Беннигсен, М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов) и окружавших их лиц. Этот фактор, безусловно, не может не учитываться при исследовании историографии Бородинского сражения.

Современный историк Бородинского сражения не может не учитывать сложившейся историографической традиции, «каркаса» описания битвы, созданного и ее участниками, и последующими поколениями историков. Эта историографическая традиция составляет отдельный, самостоятельный предмет исследования, и ее существование не исключает, напротив, предполагает возможность новой, современной реконструкции Бородина. Такая реконструкция оказывается возможной при системном сравнительном исследовании как историографической литературы и исторических источников (выявление несоответствий, расхождений, разночтений и т.п., то есть выявление наиболее уязвимых мест исторических представлений), так и при системном сравнительном исследовании всей источниковой базы. В последнем случае наряду с самым тщательным изучением происхождения источника первостепенное значение приобретают такие способы и средства исследования, как хронометрическое изучение (источники, отечественные и иностранные, как правило, значительно расходятся между собой в указаниях на время и протяженность отдельных фаз сражения, на время наиболее значительных событий), топометрическое изучение (возможность или невозможность совершения тех или иных передвижений войск на поле битвы в указанные в источниках отрезки времени, зависимость хода

боевых действий от условий местности). Так, топометрическое и хронометрическое изучение источников позволяет соотнести время получения приказов о перемещении к Семеновскому гвардией, 2-м пехотным корпусом и 3-й пехотной дивизией с расстоянием и ландшафтом и скорректировать время прибытия этих воинских частей к месту назначения (в существующих историографических версиях это время непомерно затянуто от 6 часов утра до полудня). Очень важно выявить в исторических источниках непреднамеренные ошибки, порожденные при различных обстоятельствах (и повторение таких ошибок в различных источниках, что еще раз указывает на цепочки их «зависимостей»). Не менее важно и выявление субъективных особенностей видения одних и тех же событий разными лицами. Так, выясняется, что разночтения в источниках относительно времени начала сражения зависят в первую очередь от того, что создатели источников понимали под началом сражения. Ситуация становится значительно сложнее, когда авторы источников, наряду с особенностями видения, проявляют заинтересованность в определенном описании событий, например с целью акцентировать внимание на действиях подчиненных им войск. Яркий пример тому – «Замечания» и «Изображение» Баркляя де Толли, в которых он противопоставляет успех вверенной ему 1-й армии «совершенному расстройству» 2-й армии Багратиона. При исторической реконструкции неизбежно встает проблема «умолчания» в источниках. Классические в этом отношении примеры указаны выше – так, в оперативных документах отсутствует мотивация перемены позиции левого фланга; в первых донесениях о Бородинском сражении не отмечен бой за батарею Раевского; версия Толя скрывает время вступления в бой русской гвардии у Семеновского. Особое значение приобретает текстологическое изучение источников по различным направлениям – явные заимствования, зависимость одних текстов от других, их последовательность, применение текстуальных шаблонов в военно-оперативной документации и произведениях военачальников, порой скрывающих само событие или даже его отсутствие. Так, А. П. Ермолов в своих записках красноречиво рисует картину действий 3-й пехотной дивизии на Старой Смоленской дороге, где этой дивизии, сражавшейся у Семеновского, уже не было; К. Ф. Баговут, «сильно теснимый неприятелем» на Старой Смоленской дороге, завершает свой рапорт заимствованием из «Официальных известий», где сообщается о преследовании «отступившего» противника казаками, и от себя добавляет необходимую для «победного» рапорта подробность: «неприятель отступил за Москву реку, оставя совершенно знаменам его императорского величества господствовавшее над местом сражения».

Проведенная нами новая реконструкция истории Бородинского сражения (гл. II–IV) ни в коей мере не уменьшает значимости этого великого события, мужества и доблести российских войск, полководческого искусства русских военачальников. Напротив, картина битвы, созданная на основании системно выверенных исторических источников, а не на основании версий и схем, стремившихся представить происшедшее в лучшем свете (из чувства патриотизма, из почитания национальной святыни, из личных побуждений), не только выявляет еще не познанное в истории этого сражения, но и позволяет уверенно и доказательно утверждать, что решения русского командования выглядят более взвешенными и продуманными, а действия войск – более осмысленными, профессиональными и результативными, чем это было представлено в великой легенде, у основания которой стояли К. Ф. Толь и М. Б. Барклай де Толли.

Список иллюстраций и карт

План позиции при селе Бородине, составленный капитаном Е. Траскиным (1812)	29
Портрет М. И. Кутузов	37
Портрет М. Б. Баркляя де Толли	65
Портрет К. Ф. Толя	85
План позиции при селе Бородине, составленный полковником А. И. Хатовым (1820-е гг.)	95
Портрет А. И. Михайловского-Данилевского	103
Портрет Ф. Н. Глинки	109
Схема расположения войск перед 2-й атакой левого фланга русской позиции (ок. 8-00)	287
Портрет П. И. Багратиона	293
Портрет П. П. Коновницына	301
Портрет А. П. Ермолова	313

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные

Воинский устав пехотной дивизии. СПб., 1811.

Наставления господам пехотным офицерам полка в день сражения // ВС. 1902. № 7.

Общие правила для артиллерии в полевом сражении. СПб., 1812.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание 1. Т. XIX–XXII.

Учреждение для управления Большой действующей армии. СПб., 1812. Ч. 1–4.

Сборники документов

Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Бородино. Документальная хроника. М., 2004.

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным. М., 1897–1910. Ч. 1–10.

Генерал Багратион. Сб. документов и материалов. М., 1945.

Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962.

Фельдмаршал Кутузов: сборник документов и материалов. М., 1945.

М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1950–1956. Т. I–V.

Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1900–1914. Т. I–XXII.

Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1913. Ч. I. Вып. 14.

Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов... 1812, 1813, 1814, 1815, 1816 гг. СПб., 1816.

1812–1814. М., 1992.

Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995.

Bulletins officiels de la Grande Armée, campagnes de Russie et de Saxe. P., 1812.

Correspondance de Napoléon I-er. Paris, 1868. V. 24.

Pieces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812. (Extrait du Journal officiels). Paris. S.a. [1813].

Сборники писем

Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 года. Киев, 1912.

Вел. кн. Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. 1814–1815 г. М., 1985.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882.

К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988.

Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995.

Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным (1812–1814 г.) // РС. 1893. № 1.

Переписка П. П. Коновницына с А. И. Коновницыной // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... М., 1904. Ч. 8.

Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // РА. 1874. № 1.

Письма Кутузова жене (с 25 августа по 31 декабря 1812 года) // РС. 1872. № 4.

Харкевич В. И. Переписка императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну // ВС. 1903. № 11–12; 1904. № 1; 1906. № 3.

GoraiNOW S. E. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. Paris, 1913.

Сборники мемуаров

Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.

Военский К. А. Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911.

России двинулись сыны. М., 1988.

1812 год... Военные дневники. М., 1990.

1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вильно, 1900–1907. Вып. 1–4.

Grunvald C. La campagne de Russie. Paris, 1963.

Дневники и мемуары

- Барклай де Толли М. Б.* Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2.
- Барклай де Толли М. Б.* Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912.
- Беннигсен Л. Л.* Записки о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900.
- Беннигсен Л. Л.* Записки графа Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. Т. 4–12.
45. *Брандт Г.* Воспоминания. // Записки современников 1812 года. СПб. С. 41–42.
- Бутурлин Д. П.* Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика // РС. 1890. № 7.
- Воспоминания генерала Ж. М. Пернети о Бородинском сражении // Тр. ГИМ. Вып. 132. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2002.
- Вяземский П. А.* Мемуарные заметки // Державный сфинкс. М., 1999.
- Глинка Ф. Н.* Очерки Бородинского сражения. М., 1985.
- Голицын Н. Б.* Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. М., 1838.
- Граббе П. X.* Из памятных записок // РА. 1873. Ч. 2.
- Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий в 1812 году // Сочинения. Т. 2. СПб., 1895.
- День 26 августа 1812 года. Из бумаг А. Н. Марина и материалы к его биографии // Летописи ГЛМ. М., 1948. Кн. 10.
- Дневник Александра Чичерина 1812–1813. М., 1966.
- Дневник Гартинга М. Н. // ТРИРВИО. СПб., 1912. Т. VI. Ч. 2.
- Дневник Павла Пущина 1812–1814. Л., 1987.
- Дюма А.* Путевые впечатления в России // Собр. соч. М. 1933. Т. 3.
- Евг. Вюртембергский.* Воспоминания о кампании 1812 года в России // ВЖ. № 1. СПб., 1848.
- Ермолов А. П.* Записки. М., 1865. Ч. 1.
- Ермолов А. П.* Записки. М., 1991.
- Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1900. Кн. 3.
- Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997.
- Коленкур А. де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.
- Липранди И. П.* Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» М. И. Богдановича. М., 1869.
- Липранди И. П.* Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. СПб., 1867.

- Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912.
- Маракуев М. И.* Записки ростовца М. И. Маракуева // РА. 1907. № 5.
- Митаревский Н. Е.* Воспоминания по войне 1812 года. М., 1871.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Записки 1812 год // ИВ. 1902. № 10.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Из воспоминаний // РС. 1900. № 6.
- Муравьев А. Н.* Автобиографические записки // Декабристы. Новые материалы. М., 1955.
- Муравьев Н. Н.* Записки // РА. 1885. № 9.
- Норов А. С.* Воспоминания // РА. 1881. № 5.
- Письмо К. Ф. Толя // РА. 1873. № 3.
- Рассказ о Бородинском сражении отдельного унтер-офицера Тихонова // ЧОИДР. 1872. Кн. 1.
- Родожичский И. Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. М., 1835. Ч. 1–2.
- Росточин Ф. В.* Записки о 1812 годе // В кн.: Ох, французы! М., 1992.
- Сегюр Ф. де.* Поход в Москву в 1812 году. М., 1911.
- Сталь А. Л. Ж. де.* Десятилетнее изгнание // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1992.
- Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов г. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских. СПб., 1839.
- Толь К. Ф.* Описание сражения при селе Бородине, бывшего 26-го числа августа 1812 г. ... // ОЗ. 1822. № 28.
- Фоссен.* Дневник // РА. 1903. Кн. III.
- Шишков А. С.* Домашние записки // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1.
- Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997.
- Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886.
- [Bernhardi T.]* Denkwürdigkeiten des Kaiserl.-russ Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardi. Leipzig, 1856–1858. Bd. 1–4.
- Biot H. F.* Souvenirs anecdotiques et militaires. Paris, 1901.
- Caulaincourt A. A. L.* Souvenirs du duc Vicence. Bruxelles, 1838. V. 1–2.
- Cerrini di Monte Varchi C. F. X.* Die Feldzuge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821.
- Chapuis F.* Bataille de la Moskowa // Biblioteque historique et militaire. Paris, 1853. Т. 7.
- D'Antoird.* Notes et documents... // Carnet de la sabretache. 1906. № 162.

Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. Paris, 1900.

Dumas M. Souvenirs. Paris, 1839. T. 3.

François C. Journal du capitaine Francois. Paris, 1904. T. 2.

Friant J. F. La vie militaire du Lieutenant-general comte Friant. Paris, 1857.

Girot de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires. Paris, 1873.

Journal du capitaine Bonnet du 18-e de ligne // Carnet de la sabretache. 1912. № 239.

Labauve E. Relation circonstanciée de campagne de Russie en 1812. Paris, 1814.

Las Cases A. E. D. M. Mémorial de Sainte-Hélène par le Comte de Las Cases suivi de Napoléon dans l'exile par M.O'Méara et Antomarchi. Paris, s.a. V. 1–14.

Lejeune L.-F. Souvenirs d'un officiers de l'Empire. P., 1850.

Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. Paris, 1857. T. 2.

Pion des Loches A. A. Mes campagnes. Paris, 1899.

Planat de la Faye N. L. Vie de Planat de la Faye. Paris, 1895.

Rapp J. Mémoires. London, 1823.

Roth von Schreckenstein. Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Munster, 1858.

Saint-Hillaire E.-M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. Paris, 1846.

Segur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris, 1824.

Seruzier T. J. J. Mémoires militaires. Paris, 1894.

Ternaux-Compans H. le général Compans (1769–1845). D'après ses notes de campagnes et sa correspondance de 1812 é 1814. Paris, 1912.

Teste F.-A. Souvenirs // Carnet de la sabretache. 1911.

Thiers L.-A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1856.

Thirion A. Souvenirs militaires 1807–1818. Paris, 1892.

Vaudoncourt F.-F. G. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. London, 1815. T.1–2.

Справочные и информационные издания

Васильев А. А., Елисеев А. А. Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997.

Васильев А. А., Попов А. И. Grand Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002.

Васильев А. А. Французские карабинеры при Бородино // Цейхгауз. 2002. № 4–6.

Подмазо А. А. Российская армия в июне 1812 года // Родина. 2002. № 8.

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // РА. 1996. Т. VII.

Энциклопедия Отечественной войны 1812 года. М., 2004.

Tulard J. Dictionnaire Napoléon. Paris. 1992.

Неопубликованные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 29. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1. Д. 12516; Оп. 153а. Д. 1223; Оп. 153г. Д. 1, 126; Св. 10. Ч. 1. Д. 2. Л. 5–6.

Ф. 103. Фонд М. Б. Баркляя де Толли. Оп. 208а. Д. 1–4, 7–8, 10, 16, 27, 69–70, 72, 107; Оп. 208в. Д. 11–12; Оп. 208г. Д. 12; Оп. 209а. Д. 1; Оп. 209е. Д. 1в.

Ф. 154. Фонд А. А. Аракчеева. Оп. 1. Д. 97.

Ф. 489. Формулярные списки. Оп. 1. Д. 7055.

Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Д. 3465, 3524, 3561, 3652.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1409. Собственная его императорского величества канцелярия. Оп. 1. Д. 710.

ИССЛЕДОВАНИЯ

1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962.

А. Х. Бородинское сражение. М., 1872.

Абалихин Б. С. 1812 год: Актуальные проблемы истории. Элиста, 2000.

Абалихин Б. С. К вопросу о численности русской армии в Бородинской битве // Тезисы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992.

Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987 гг. М., 1990.

Аглаимов С. П. Отечественная война 1812 года. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912.

Афанасьев В. А. Подлинные документы о Бородинском сражении. М., 1912.

Ахиарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819.

Балтийский А. 1812–1912. Бородино. Путеводитель. Б.м., 1912.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

Бессонов В. А. Калужане – участники Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы Международной науч. конф., посв. 190-летию Бородинского сражения. М., 2003.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: В 3 т. СПб., 1859–1860.

Брагин М. Г. Разгром Наполеона русской армией // ВИЖ. 1941. № 6–7.

Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1823–1824.

Валькович А. М. Потерянный корпус: Войска князя Горчакова в 1812 году // Цейхгауз. 2002. № 3.

Васильев А. А. «Лукавая цифирь» авантюриста // Родина. 1992. № 6–7.

Васильев А. А. Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 г., хранящихся в фонде и коллекциях Военно-ученого архива // Тр. РГВИА. Вып. II. Документальные реликвии Российской истории. М., 1998.

Васильев А. А. Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IX Всеросс. науч. конференции. Бородино, 4–6 сентября. М., 2001.

Верховский А. И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922.

Викел О. Л. Инженерные войска в Отечественной войне 1812 года // Материалы IX Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001.

Витмер А. Н. 1812 год в «Войне и мире». По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого // ВИС. 1913. № 1.

Витмер А. Н. Бородинский бой: опыт критического исследования // ВИС. 1912. № 2.

Гаврилова Н. А. Отечественные публикации документов о Бородинском сражении // Материалы XI Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.

Генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь в Отечественную войну 1812 года. СПб., 1912.

Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912.

Горбунов А. В. Бородинское поле как уникальная историческая территория // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994.

Горбунов А. В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999) // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. «Воинский подвиг защитников Отечества». Вологда, 2000. Ч. 2.

Горбунов А. В. Научная концепция мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарея Раевского» // Материалы XI Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.

Горбунов А. В. Место расположения Главной квартиры М. И. Кутузова на Бородинском поле // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1997.

Грызлова И. К. Воспоминания адъютанта Наполеона генерала Филиппа-Поля Сегюра – один из источников романа Л. Н. Толстого в опи-

- сании Бородинского сражения // Материалы XI Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.
- Гулевич С. А.* История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1906.
- Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е. М., 1974.
- Жилин П. А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950.
- Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. М., 1999.
- Земцов В. Н.* Бородино в исторической памяти немцев // Материалы IX Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001.
- Земцов В. Н.* Великая армия в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.
- Земцов В. Н.* Зарубежная историография Бородинского сражения // Материалы Междунар. Научн. конф., посв. 190-летию Бородинского сражения. Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003.
- Земцов В. Н.* Искусство правильно умирать // Родина. 2002. № 8.
- Земцов В. Н.* Французская историография Бородинского сражения // Материалы VII Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999.
- История лейб-гвардии Егерского полка. СПб., 1896.
- Кац Б.* О замысле Наполеона в Бородинском сражении // ИЖ. 1941. № 3.
- Кока Г.* Пушкин и полководцы двенадцатого года. // Прометей. М., 1969. № 7.
- Колобакин Б. М.* 1812 год: Бородинское сражение 26 августа // РС. 1912. № 8.
- Колобакин Б. М.* 1812 год: Избрание Кутузова Главнокомандующим над всеми армиями // РС. 1912. № 7.
- Кочетков А. Н. М. Б.* Барклай де Толли. М., 1970.
- Кочетков А. Н.* О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // ВИЖ. 1963. № 12.
- Крылов В. М., Жарский А. П.* Понтонеры в Отечественной войне 1812 года // Материалы IX Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001.
- Левецкий Н. А.* Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.
- Мальшикин А. С.* Русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский и судьба его архива // Тр. РГВИА. Вып. 2. Документальные реликвии Российской истории. М., 1998.

- Мальшикин С. А.* Д. В. Голицын и создание «Истории Отечественной войны 1812 года» // Материалы VII Голицынских чтений. Большие Вяземы, 2000.
- Мальшикин С. А.* История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году» // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всеросс. науч. конф. Саратов, 2002.
- Мальшикин С. А.* Человек в Бородинской битве: опыт историко-культурологического исследования // Материалы VII Всеросс. науч. Конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. I-IV. Изд. 2-е. СПб., 1840.
- Михеев С. И.* Отечественная война 1812–1912. Бородинское сражение. М., 1911.
- Михневич А. П.* Сто лет назад. 26 августа 1812 год. Великий день Бородина. СПб., 1912.
- Монахов А. Л.* Барклай де Толли, Александр I и скифский план // Материалы науч. конф. «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 1999.
- Мэркхэм Д.* Роковые ошибки Наполеона в России: просчеты и нерешительность // Материалы VIII Всеросс. науч. конференции «Отечественная война Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 2000.
- Нарышкин А. К.* Участник Бородинского сражения Дмитрий Васильевич Нарышкин // Материалы XI Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.
- Неелов Н. Д.* Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839.
- Нефедович А. В.* Подготовка Бородинского поля к сражению в инженерном отношении // ИнЖ. 1912. № 8.
- Нечкина М. В.* Стратегическое и тактическое значение Бородинского сражения // ИЖ. 1943. № 1.
- Оболешев, подполковник.* Бородинский бой и его памятники. М., 1903.
- Окунев Н. А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года. СПб., 1912.
- Окунев Н. А.* Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 г. СПб., 1833.
- Окунь С. Б.* История СССР: годы 1796–1856: курс лекций. Л., 1939.

- Павленко Н. Г.* Некоторые вопросы Бородинского сражения, 1812 г. // ВИЖ. 1941. № 5.
- Пестриков Н. С.* История лейб-гвардии Московского (Литовского) полка. СПб., 1900.
- Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
- Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Изд. 3-е. М., 1920.
- Поликарпов Н. П.* Боевой календарь-ежедневник // Тр. Моск. отдела Росс. воен.-ист. об-ва. Материалы по истории Отечественной войны. Сражения при Бородине. М., 1913. Т. IV. Ч. 1.
- Попов А. И.* «Засадный отряд» Н. А. Тучкова (сомнения в очевидном, или апология Бенningсена) // Материалы VII Всеросс. науч. Конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999.
- Попов А. И.* «Многого левее центра...» (действия отряда Сиверса в Бородинском сражении) // Материалы XI Всеросс. науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.
- Попов А. И.* Вюртембергцы в походе на Россию. // Тезисы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992.
- Попов А. И.* Действия вестфальцев в Бородинском сражении... Бородино, 1994.
- Попов А. И.* Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997.
- Попов А. И.* Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Межвузовский сб. науч. статей. Самара, 1994.
- Попов А. И.* Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений... М., 2003.
- Попов А. П.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // РС. 1897. Т. 3.
- Предтеченский А.* Бородинский бой и русское общественное мнение. // УЗ ЛГУ. Серия ист. наук. Вып. 1. № 19. Л., 1938.
- Ратч Г. М.* Публичные чтения, читанные господам офицерам гвардейской артиллерии // АЖ. 1861. № 11.
- Самовер Н. В.* «Русские крестоносцы». 1-й полк Московского ополчения в Отечественной войне 1812 г. // Материалы II науч. конф. в

- музее-панораме «Бородинская битва». «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 1999.
- Сапожников А. И.* «Бородинский футляр» из библиотеки генерала Ф. Ф. Шуберта // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений... М., 2003.
- Сапожников А. И.* Записка атамана М. И. Платова о Бородинском сражении // Материалы VII Всероссийской научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1999.
- Сапожников А. И.* Неопубликованная «История кампании 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского // Материалы XI Всеросс. науч. конф. «Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.
- Сапожников С. А. В. А. Афанасьев* – боевой генерал, ученый-историк, общественный деятель // Материалы VIII Всеросс. науч. конференции «Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 2000.
- Свечин А. А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М.; Л., 1927.
- Свечников М. С.* Война 1812 года: Бородино. М., 1937.
- Семеновичева Е. В.* Кавалергарды в Аустерлицком и Бородинском сражениях // Материалы II науч. конф. в музее-панораме «Бородинская битва». «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». М., 1999.
- Скугаревский А. П.* Бородино. СПб., 1912.
- Смирнов А. А.* Артиллерия Шевардинского редута // Материалы X Всеросс. научн. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 2002.
- Смирнов А. А.* Герой Бородино // Материалы IX Всеросс. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». М., 2001.
- Смирнов А. А.* «Опрокинуть и уничтожить». Некоторые соображения об эффективности артиллерийского огня // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений... М., 2003.
- Смирнов А. А.* Шевардинский редут сквозь призму военно-исторических воззрений своего времени // Материалы XI Всеросс. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.
- Соколов Б.* Стратегия и тактика Бородинского сражения // ИЖ. 1943. № 2.
- Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 2000.

- Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторические очерки. Т. I–XIII. СПб., 1902–1914.
- Талберг Ф.* Барклай де Толли и Балтийский край. Рига, 2003.
- Тарле Е. В.* Бородино. М., 1962.
- Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. М., 1938.
- Тартаковский А. Г.* Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962 г.
- Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.
- Тартаковский А. Г.* «Великие воспоминания 1812 года» // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.
- Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. М., 1996.
- Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991.
- Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года (опыт реконструкции) // ИЗ. 1970. № 85.
- Троицкий Н. А.* «Народ хотел Кутузова...» // В мире книг. 1987. № 10.
- Троицкий Н. А.* 1812 – великий год России. М., 1988.
- Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991.
- Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002.
- Целорунго Д. Г.* Офицеры русской армии немецкого происхождения – участники Бородинского сражения // Материалы XI Всерос. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004.
- Целорунго Д. Г.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения. М., 2002.
- Шведов С. В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // ИСССР. 1987. № 4.
- Шведов С. В.* Об участии ополчения в Бородинском сражении // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Можайск, 2000.
- Шведов С. В.* Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Материалы науч. конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994.
- Шеин И. А.* 1812 год в военной историографии в канун 100-летней годовщины Отечественной войны // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Тр. ГИМ. М., 2002. Вып. 132.
- Шеин И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I и Михайловский-Данилевский // РС. 1900. № 6.

- Эйдельман Н. Я.* Записки Беннигсена // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993.
- Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. V. 1–3. P., 1838.
- Chandler D.* The Campaigns of Napoleon. London, 1867.
- Dennée P.* Itineraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842.
- Duffy Ch.* Borodino and the War of 1812. London, 1972.
- Fain A.* Manuscrit de l'an 1812. V. 1–2. P., 1827.
- Jomini A. H.* Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de Cesar, d'Alexandre et de Frédéric. Paris, 1827. V. 1–4. Далее цит. по: *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1844. Изд. 3. Ч. 2.
- La Seigneur B. J., Lacombe E.* La valeur du commandement: l'exemple de la Moskova // Revue historique des armies. 1990. Vol. 181.
- Pélet J. J.* Bataille de la Moskova // Spectateur militaire. VII. 1829–1830.
- Пеле Ж.* Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. I. М., 1872.
- Thiers L.-A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. V. 14.
- Thiry J.* La campagne de Russie. Napoleon Bonaparte. Avec cartes. Paris, Berger-Levrault, 1969.
- Thiry J.* La campagne de Russie. Paris, 1969.
- Tranie J., Carmigniani J.-C.* La campagne de Russie Napoléon – 1812. Paris, 1981.

Именной указатель

А. Х. 48–49

Абалихин Б. С. 16, 22, 162–164, 170, 173, 175, 195, 211–212, 215, 20–221, 323

Августин, еп. 188

Аглаимов С. П. 158

Адам А. (*Adam A.*) 11. 282

Альберт (Алберт) 303

Александр I 8–10, 22–23, 31–33, 36, 38–40, 50, 53, 60–62, 69, 71–73, 82, 93, 97, 106, 130, 141, 177, 185, 198–202, 205, 211–212, 214, 219–222, 225, 227–228, 240, 243, 246, 258, 270, 281, 294, 300, 329–330, 333

Антуар де Врэнкур (*D'Anthouard de Vraincourt*) Ш. Н. 11, 143, 272, 278

Анштетт И. О. (*Анстетт, Анстедт*) 39, 40–41

Аракчеев А. А. 9, 45, 303

Афанасьев В. А. 154

Ахиарумов Д. И. 69–70, 72, 91–92, 100, 128–129, 346

Багговут К. Ф. 53–54, 60, 96, 102, 113, 122, 139, 157, 176–177, 183, 248, 298, 303, 317, 322–323, 339–340, 350

Багратион П. И. 8, 14, 22, 26–28, 30, 34, 38, 40, 42–45, 47, 50–51, 53–54, 56, 58–59, 67, 71, 74–77, 80–82, 86, 88–92, 96, 99, 102, 106, 107, 112–114, 116, 121–124, 129, 133–135, 137, 144–145, 148, 152–158, 160, 165, 167–168, 174–176, 179, 182–185, 190–191, 200–201, 204–207, 209–210, 213–217, 220, 223, 225–227, 229–230, 233–234, 236, 240–248, 250–260, 265–270, 273, 275, 277, 283–284, 286, 288–290, 293–300, 302–305, 307, 309, 312, 316, 319–321, 325, 337, 339, 342–343, 349–350

Базилевич А. И. 114

Балашев А. Д. 202, 213

Балтийский А. А. 154, 156–157, 168, 175

Барклай де Толли А. И. 71

Барклай де Толли М. Б. 7–8, 11–13, 15–16, 22, 27–28, 30, 36, 38, 40, 51–53, 58–60, 64–69, 71–78, 84, 86, 89–92, 94, 97, 101–102, 105–108, 110–111, 117–120, 126, 137–138, 149–151, 153, 163–164, 168, 170–171, 178, 184, 186, 190–192, 194–195, 197–207, 209–211, 215–216, 218–226, 231, 235–244, 247, 250, 253, 258–259, 266, –267, 269–270, 278, 280–281, 283, 305–306, 308–312, 321, 325–327, 330–331, 333, 338, 345–351

Бахметев 1-й А. Н. 34, 184, 310

Бахметев 2-й Н. Н. 34, 184, 310

Безотосный В. М. 198

Бенкендорф А. Х. 110

Беннигсен Л. Л. 7, 10–11, 12, 15, 24, 28, 31, 36, 49, 53, 56, 64, 74–75, 77–82, 84, 90–91, 97, 101, 105–107, 111, 119, 124–126, 138, 149, 153, 178, 186, 190–191, 199–201, 204–210, 226, 235–238, 240, 242, 244–245, 250, 257, 259, 266–267, 269, 271–272, 278, 280, 282–283, 307, 320–321, 331, 345, 349

Берман (Beurmann) Ф. О. 290

Бернгарди Т. (Bernhardi) 118–119, 125, 143

Бертье (Berthier) 121, 264

Бескровный Л. Г. 15, 61, 118, 166–167, 169, 174, 195, 304, 318, 337

Био (Viot) Ю. Ф. 142–143

Бистром К. И. 1-й 25, 279–281

Богарне (Beauharnais) Е. Р. 128–129, 139, 142, 180, 183, 242, 254, 263, 265, 273, 280, 282–283, 305, 309–311, 325, 336, 338, 341

Богданов Д. И. 183, 247–248, 251, 255

Богданов Л. П. 15, 167–168, 175, 183, 195, 239, 244, 247–248, 251, 255

Богданович М. И. 14–15, 24, 31, 47–48, 116–126, 130, 140, 147, 149–150, 153–154, 157, 166, 175, 183, 192, 238, 253, 298, 302, 304, 327

Болговский Д. Н. 101, 323

Болдина Е. Г. 14

Бонами (Bonnamy) Ш. О. 46, 123–124, 128, 134, 149, 183–184, 299, 305–309, 311

Боннэ (Bonnet) Г. 11–12, 143, 179, 181–182, 292, 294, 295

Бороздин 1-й М. М. 26–27, 265, 292

Бороздин 2-й Н. М. 52, 54–55, 58, 269–286, 290, 294, 296, 326, 340

Брагин М. Г. 162

Брандт (Brandt) Г. 12, 329

Брусье (Broussier) Ж. Б. 122

Букарев Т. П. 303

Булгаков А. Я. 203, 221

Бутурлин Д. П. 12–13, 15, 17, 71, 78, 83, 91–94, 96, 99–100, 106–107, 111, 113, 116, 120, 125, 128–130, 132, 133–137, 144, 146, 154, 157, 166, 190–191, 253, 256, 278, 298–299, 304, 308, 327, 346

Вадбольские 188

Вадковский Я. Е. 322

Валькович А. М. 27, 178

Васильев А. А. 12, 16–17, 19, 22, 27, 128, 176, 179, 182, 292, 295, 332

Васильчиков 2-й Д. В. 289
Васильчиков 1-й И. В. 59, 254, 289, 307–308, 312, 315, 317, 324,
Васильчиков И. В.
Вентурини К. (Venturini С.) 125
Веригин И. А. 107
Верховский А. И. 161
Вильсон (Wilson) Р. Т. 10, 185, 204
Винценгероде Ф. Ф. 150
Вистицкий М. С. 101, 179, 208, 236, 257, 278, 303–304, 319, 339
Витмер А. Н. 15, 25, 47–48, 147–150, 159, 192–193, 299, 304
Вишленкова Е. А. 199
Власов М. Г. 3-й 25
Водонкур (Vaudoncourt) Ф. Ф. 118–119
Военский К. А. 11, 147
Вольцоген (Wolzogen) Ю. А. 97, 119, 143
Воронцов М. С. 11, 25–27, 34, 44–45, 53, 57–58, 88, 101, 104, 115, 156–
157, 181, 214, 245, 258, 273–276, 288, 290, 300, 312, 338
Вуич Н. В. 76, 282
Вюртембергский Ал-др 280, 300, 316
Вюртембергский Евгений 11, 47, 54, 76, 89, 97, 115, 122, 157, 179, 188,
217, 235, 246, 266, 276, 298–299, 305, 310–311, 322–323, 340
Вяземский П. А. 197, 202

Гарнье Ж. 143, 265
Гартинг М. Н. 83, 119
Гельдорф (Helldorff) 299
Геруа А. В. 15, 152–154, 157, 159, 193, 288, 304
Гессенский, принц 97, 99
Гете И. В. 82
Гижицкий 63
Глинка Ф. Н. 10, 13, 91, 108–114, 129–130, 257, 265, 269, 284, 290, 294,
314, 316, 327, 346
Глухов В. А. 311, 319
Гогель 1-й 286
Голицын А. Б. 229
Голицын 4-й (1-й) Б.В. 27
Голицын Д. В. 5-й (2-й) 7–28, 52, 54–55, 58, 104, 114, 182, 289–292, 302,
315
Голицын Н. Б. 11, 302
Голицына Н. П. 291

Головин Е. А. 294–295
Горбунов А. В. 17, 180–181, 337
Горностаев М. В. 226, 330
Горчаков 2-й А. И. 25–27, 34, 53, 120, 136, 178, 250–252, 254–258, 292, 294
Горчаков 1-й А. И. 11, 33, 222–223, 291, 303
Граббе П. X. 11, 70, 280
Гриуа Л. (Griois L.) 143, 341
Груши (Grouchy) Э. 133, 283
Грюнвальд К. 143
Гулевич С. А. 158, 268
Гурго Г. (Gourgaud G.) 140, 264, 297, 314, 336

Даву (Davout) Л. Н. 57, 86, 88, 114, 122, 129, 133–135, 138–139, 153, 156, 179–181, 241–242, 254, 256, 259–260, 263–265, 269, 273–277, 283–286, 288, 297, 312, 325, 334–336, 342–343
Давыдов Д. В. 38, 107, 150, 200, 229, 277, 331
Дама (Дамас, de Damas) М. И. 295
Данилов Д. П. 271
Дедем Ван Гельдер А.Б. (Dedem van de Gelder) 11, 142–143
Дельзон (Delzons) А. Ж. 139, 278–279, 281, 334
Денье (Dennée) П. 141
Дессе (Дессэ, Dessaix) Ж. М. 57, 120, 142, 154, 264, 272–274
Дитерихс Д. И. 319
Дорохов И. С. 88
Дохтуров Д. С. 10, 25, 28, 30, 36, 51–53, 56–57, 67, 102, 105, 123–124, 149, 169, 185, 249, 252–253, 267–368, 283, 286, 299, 303, 309, 316–317, 325, 349
Дрейлинг И. Р. 48, 217, 272
Дубельт Л. В. 110
Дубровин Н. Ф. 10, 38, 40, 45, 69, 72, 185, 201, 205, 211, 213–215, 218, 226–227, 229–230, 233–234, 259
Дука И. М. 27, 286, 290
Дунаевский В. А. 16, 162–164, 170, 173, 175, 195, 323
Дурново Н. Д. 33, 279
Душенкевич Д. В. 258
Дюма А. 141
Дюма (Dumas) М. 11, 141
Дюпеллен 274
Дюфур (Dufour) Ф. 114–115, 315

Екатерина II 132, 153, 199, 227
Екатерина Павловна, вел. кнг. 8, 33, 73, 201

Елисеев А. А. 16, 22, 176, 188, 332
Ермолов А. П. 11, 24, 28, 30, 38, 52, 58, 60, 71, 73, 78, 81, 86, 89, 92, 101, 105, 121–122, 128, 149–150, 152, 154–155, 178, 182–184, 186, 200, 204–210, 214–217, 235–236, 243–244, 251, 253, 271, 278–283, 290, 294–295, 298–299, 302–303, 305–309, 311, 313, 320, 325, 348–350

Жданов А. А. 194
Жерар (Gerard) М. Э. 128–129, 133, 334
Жилин П. А. 15, 118, 168–170, 172, 174–175, 183, 195, 215, 304, 318, 337
Жиро де л'Эн (Giroit de l'Ain) 11, 142, 271, 288, 291, 335
Жомини (Jomini) А. Г. В. 13, 82–83, 93, 99, 101, 121, 135, 144, 154, 157, 336
Журавский 252
Жюно (Junot) Ж. А. 122, 144–145, 153, 179, 181, 254, 263, 295, 322, 335–336

Закревский А. А. 71
Захаров Р. И. 188, 296
Земцов В. Н. 17, 19, 106, 119, 127, 132, 143, 145–146, 152, 179, 181–182, 258–259, 264, 268, 275–276, 291, 316, 324, 327–330, 336–337

Иванов Е. П. 249
Ивченко Л. Л. 104, 176–177, 180, 183–184, 187, 264, 335
Иностранцев М. А. 201

Казаков Р. Б. 19
Кайсаров А. С. 36, 74–75, 84
Кантакузин Г. М. 56, 92, 269, 292, 294, 302–303, 340
Капитонов А. П. 289
Капцевич П. М. 325
Карминьяни (Carmigniani) Ж. 143
Карпенко М. И. 282
Касс А. дю 142
Кастриот 289
Кац Б. 162
Керн Е.Ф. 322
Клапаред (Claparède) М. 138–139, 314, 334, 338

Клаузевиц К. 11, 41, 71, 82, 91, 97–99, 118, 120, 122, 143, 148–149, 161, 163, 177–178, 203, 206, 208–209, 219, 234–235, 243–244, 246, 248, 321, 334, 337, 339

Клейнмихель А. А. 33, 223, 225

Клинггер 327

Кнорринг О. Ф. 27

Князевич (Kniaziewicz) К. 321

Ковалевский 312

Козен П. А. 101

Козлянинов И. Т. 55

Козодавлев О. П. 64

Кока Г. 106

Коленкур А. де (Caulaincourt A. A. L.) 11, 129, 141–142, 145, 180, 241, 286, 328

Коленкур О. де 141, 327

Колачковский (Kolaczkowski) К. 178

Колубакин Б. М. 15, 151, 159, 193, 210, 226, 229, 239, 266, 316

Компан (Compans) Ж. Д. 12, 57, 87, 120–121, 151, 153–154, 157, 256, 264, 273–276, 288, 295

Коновницын П. П. 10–11, 42, 46, 50, 52, 54, 58, 96, 101–102, 107, 115, 121, 124, 130, 135, 152, 155, 157–158, 177, 215–217, 249, 253–254, 256 295–296, 298, 300, 302, 309–310, 312, 314–317, 319–322

Коновницына А. И. 10

Конради Л. 322, 340

Константин Павлович, вел. кн. 292

Корф Ф. К. 25, 52, 97, 326

Кочетков А. Н. 168, 175, 195, 202, 239, 331–332, 338

Красинский (Kraśiński) И. 321

Крейц К. А. 101, 217

Кретов Н. В. 34

Кудашев Н. Д. 74–75

Кутайсов А. И. 34, 152, 185, 234–235, 278

Кутузов А. П. 54, 59, 267

Кутузов М. И. 7–10, 12–13, 15–17, 20–24, 27–28, 30–54, 56, 58–64, 66–70, 72–78, 80–84, 86–87, 89–91, 93–94, 96, 98–100, 102, 104–106, 110–114, 116–119, 123, 125–126, 130, 132–133, 136–138, 140, 146, 148–156, 159–164, 166–170, 173–175, 177, 179, 181, 183–187, 189–212, 214–216, 218–247, 249–250, 253–254, 256–261, 263, 265–270, 272–273, 277, 280, 282–285, 291–292, 294, 297, 300, 303, 309–311, 316, 318, 320–321, 323–324, 329–334, 337–338, 340, 342–343, 347–349

Кутузова А. М. 63
Кутузова Е. И. 258
Кухарук А. 107
Кэткарт (Cathcart) У. 204

Лабом Е. (Labaume) 12, 112, 128–130, 136, 141, 144, 314
Лавров Н. И. 30, 45, 51, 54–56, 59, 69, 150, 267, 280, 317, 340
Ладыгин 312
Ламберт К. О. 324
Ламсдорф 327
Ланской В. С. 229
Ланской Д. С. 229
Ларионов А. П. 15, 167, 175, 185, 247
Лас Каз А. Е. Д. (Las Cases A. E. D. M.) 131
Лагур-Мобур (La Tour-Maubourg) М. В. Н. 157, 296, 314, 316
Левенштерн В. И. 11, 143, 281, 309, 324–327
Левенштерн К. Ф. 53, 56–58, 167, 184–185, 247, 273–274, 276, 278–280, 288, 308, 323
Левцкий Н. А. 162
Ледрю (Ledru des Essarts) Ф. 121, 129, 139, 151, 153, 157, 288
Лежен (LejeuneL.-F.) Ф. 12, 235, 271, 328, 335
Лейсер А. фон (Laysser A. W.) 145, 182, 235, 312, 314
Ленин В. И. 161, 163
Леппих К. 228
Лермонтов М. Ю. 198, 200
Липранди И. П. 7, 14, 26, 105, 116, 120, 123–126, 130, 140, 149, 152, 183–184, 192–193, 238, 240, 242, 247, 250–252, 279, 299, 346, 348
Лихачев П. Г. 184, 325, 327
Лобанов-Ростовский Я. И. 23, 33, 223, 225–226
Лодыгин Н. И. 101
Ложье де Белькур (Laugier de Bellecour) Ц. 12, 143, 271, 304–305, 328
Лонгинов Н. М. 220
Лоссберг (Lossberg) Ф. В. 12, 296, 328, 335, 340
Лотман Ю. М. 34–35, 46–47, 167, 175

Маевский С. И. 50, 248, 286, 319
Макаров П. С. 279–281
Мальшкин С. А. 14, 17, 19, 100–102, 104, 176, 187
Маракуев М. И. 39
Марин А. Н. 11, 268

Марин С. Н. 51, 214
Мария Федоровна, вдовств. имп-ца 107, 201
Маркина Т. В. 188
Марков И. И. 50, 224, 321
Маркс К. 118, 161, 163, 171
Маршан (Marchand) Ж. Л. 276, 288
Медушевская О. М. 18
Меерхайм Ф. (Meerheim R.) 314, 335
Мекленбургский Карл 26, 53, 88, 92, 115, 157, 246, 258, 292, 294, 302, 312
Мельникова Л. В. 188
Местр (Maistre) Ж. де 10, 199–200, 202
Мецержков Г. П. 61
Милорадович М. А. 11, 21, 25, 28, 108, 184, 220–221, 223–224, 226, 259
Минквиц А. (Minkwitz A.) 145
Митаревский Н. Е. 11, 185, 279–280, 326
Михаил Николаевич, вел. кн. 107
Михайловский-Данилевский А. И. 9, 11, 13–15, 17, 36, 39, 46–47, 69–70, 83–84, 91, 100–107, 110–111, 116–118, 120–121, 123–125, 140, 146, 153–154, 166, 176, 190–192, 200–201, 217, 251, 253, 272, 274–275, 290–291, 299, 304, 307, 327, 346
Михеев С. И. 154–155
Михневич Н. М. 154, 193, 304
Монахов А. Л. 73
Монбрен (Montbrun) Л. П. 113, 129
Моран 128–129, 133–135, 139, 158, 283, 304–305, 308, 311, 334
Муравьев А. Н. 254
Муравьев В. А. 19
Муравьев Н. Н. 200, 203, 257, 339
Муравьев-Апостол М. И. 199
Мурье (Mouquier) П. 290
Мусин-Пушкин 1-й (2-й) И. К. 55
Мышлаевский А. З. 147
Мюрат (Murat) И. 57, 99, 111, 115, 122, 128, 130, 134, 144, 153, 181, 254, 263, 265, 282–283, 286, 290, 292, 297, 305, 309, 312, 314, 316, 327, 335, 343

Нансути (Champion de Nansouty) Э. М. А. 157, 296, 314, 316
Наполеон 10–13, 15, 17, 24, 31–32, 39, 74, 77–78, 80–82, 84, 87–89, 92–94, 96, 99, 111, 115, 119–121, 126–127, 130–144, 147–149, 151–

153, 155, 162, 165, 168–169, 171–172, 177–182, 186–188, 199, 205–206, 209–210, 215–216, 221, 224, 226, 228, 230, 232, 235, 237–238, 240–244, 251, 253–256, 258–260, 263–266, 269–270, 273, 276, 278, 283–286, 291–292, 295, 297, 305, 309, 315, 318, 322, 324, 328–329, 331–338, 340, 343

Нарышкин А. К. 188

Нарышкин К. М. 188

Неверовский Д. П. 25, 27, 52–53, 58, 88, 115, 122, 137, 156–157, 245, 257–258, 274–276, 290, 292, 312

Неелов Н. Д. 13, 91, 108, 114–116, 154, 157, 253, 304

Ней (Ney) М. 57, 86, 88, 115, 121–122, 128–131, 133–135, 138–139, 142, 144, 151, 153, 167, 179–181, 254, 263–265, 273–277, 282–286, 288, 292, 295, 297, 305, 309, 312, 314, 322, 325, 334, 336–337, 340–341, 343

Нейдгардт А. Д. 114

Нессельроде К. В. 39–40, 64

Нефедович А. В. 156

Нечкина М. В. 162

Никитин А. П. 101

Николай I 13–14, 100, 102, 104–108

Николай Михайлович, вел. кн. 8, 33, 73

Норов А. С. 48, 283, 296, 311–312

Оболешев Н. Н. 154–155

Оденталь И. П. 203, 221

Окунев Н. А. 99, 137, 168

Окунь С. Б. 162

Олсуфьев З. Д. 1-й 54, 86, 88, 322

Ольденбургские 201

Орельский 201

Орлов А. Ф. 327

Орлов Г. Ф. 327

Орлов М. Ф. 224–225

Остерман-Толстой А. И. 54, 59, 76, 104, 183–184, 248, 310–312, 325–326, 339

Павел I 82, 107, 199

Павленко Н. Г. 162, 318

Пажоль (Pajol) К. П. 142

Пален 3-й П. П. 97, 324

- Панчулидзеv 1-й И. Д. 52, 289
- Паскевич И. Ф. 11, 44, 101, 179, 184, 212–213, 231, 246–247, 252, 255, 268, 271, 307–308
- Пассек П. П. 25
- Пеле-Клозо (Pelet-Clozeau) Ж. Ж. 13, 99, 112–114, 119, 121, 135–143, 146, 177, 180, 238, 242, 256, 263–265, 276–278, 281, 284–285, 288, 294, 305, 334–36, 338, 341–342
- Пельпор П. (Pelleport P.) 12, 142, 292, 294, 341
- Пернети (Pernety) Ж. М. 12, 273, 275–276, 291
- Пестриков Н. С.* 158
- Петров М. М.* 215–218, 254, 282
- Плана де ла Файе (Planat de la Faye) Н. Л. (12, 142)
- Платов М. И. 14, 17, 28, 34–35, 46, 52, 59–60, 68, 77, 89, 96–98, 105, 107, 122, 126, 130, 152, 155, 157, 168, 172–173, 176, 178, 189, 206, 215–216, 284, 318, 323, 348
- Плозонн (Plauzonne) Л. О. 282
- Подмазо А. А.* 27
- Покровский М. Н.* 150, 171, 218, 333
- Поликарпов Н. П.* 24–25, 148, 150, 193
- Понятовский (Poniatowski) Ю. А. 138–139, 157, 181, 241, 254, 259, 263–265, 269, 295, 302, 305, 319, 322, 334–336
- Попов А. И.* 16–17, 19, 22, 125, 145, 150, 176, 178–180, 182–183, 235, 239, 264–265, 296, 314–316, 318, 322–324, 332, 334–335
- Попов А. Н.* 204, 207
- Потемкин-Таврический Г. А. 200
- Предтеченский А. В.* 161
- Пушкин А. С.* 19, 106, 164, 197, 211
- Пуцин П. С.* 11, 203, 214
- Пьон де Лош А. О. (Pion des Loches A. A.) 12, 142
- Пэмброк К. 104, 274, 300
- Раевский Н. Н. 9, 11, 13–14, 25–26, 28, 34, 43–44, 46–47, 52–54, 57–60, 67, 81, 84, 86, 89, 90–91, 94, 96, 99, 101–102, 113, 115–116, 121–124, 127–130, 135, 144–145, 149, 152–155, 157–160, 167–168, 174–176, 182, 184, 190, 213, 237, 247, 29–253, 259, 261, 263, 265–266, 268–269, 271–272, 278, 281, 283–284, 286, 296–299, 304–311, 324–325, 328–329, 332, 335–336, 338, 341, 343, 348, 350
- Разин Е. А.* 163–164
- Разу (Razout) Ж. Н. 289, 292
- Ранн (Rapp J.)* Ж. 112, 131, 177, 180, 238, 265, 274, 284, 297, 335

Рагч Г. М. 113–114
Родожичкий И. Т. 11, 101, 204, 218
Розен 2-й Г. В. 267
Ростопчин Ф. В. 10–11, 33, 38–40, 185, 202, 205, 211, 213–216, 222,
224–230, 233, 243
Рот фон Шреккенштейн (Poth von Schreckenstein) 12, 145, 265, 314
Румянцев Н. П. 72
Румянцева М. Ф. 19
Рюль 312
Рязанов А. М. 182

Савари А. 200
Салтыков Н. И. 199
Сапожников А. И. 17, 100, 104–105, 176, 327
Свечин А. А. 161
Свечников М. С. 161
Свиридов Н. Г. 167
Себастиани (Sebastiani de la Porta) О. 321
Сегюр Ф. де (Segur Ph. P.) 12, 112, 119, 132–136, 140–141, 144, 146, 238,
242, 265, 274, 291–292, 294, 295, 297, 305, 328, 335, 338, 342
Семенничева Е. В. 188
Сен-При Э. Ф. 11, 71, 89, 101, 104, 167, 178, 209, 243, 245–248, 253, 271,
274, 276, 292, 295, 300, 302, 304, 315–316, 319, 328, 341
Сент-Элер (Saint-Hillaire) М. де 142
Сеньер Б. Ж. (La Seigneur B. J.) 144
Серюзье (Seruzier) Т. 142
Сиверс 1-й К. К. 27, 53, 56, 58–59, 102, 286, 289, 290, 317
Скавронская Е. П. 200
Скобелев И. Н. 214
Скугаревский А. П. 15, 157–159, 289, 302, 304, 325
Смирнов А. А. 87, 178, 185, 188, 255–257
Соколов Б. 162, 318
Соколов О. В. 187
Сорбье (Sorbier) Ж. Б. 272
Сталин И. В. 163–164, 194
Сталь (Staël von Holstein) А. Л. Ж. де 198
Старынкевич Н. А. 71
Строганов П. А. 50, 52, 60, 319, 321
Суворов 154, 204

Талберг Ф. 201

Талейран (Talleyrand-Périgord) Ш. М. 200

Тарле Е. В. 15, 162, 165–166, 172, 174, 194, 214–215, 304, 328, 337

Тартаковский А. Г. 16, 20, 34–35, 39, 46–47, 64, 68–71, 73, 76, 82–83,
92–93, 106, 108, 164, 168, 170, 175, 190, 195, 197–198, 210, 221, 230,
330

Таубе Р. М. 52

Тест Ф. А. (Teste F.-A.) 12, 143, 274, 275

Тильман (Thielmann) Й. 145, 182, 314–315, 328

Тимофеев В. И. 101, 312, 315

Тирион А. (Thirion A.) 12, 142, 182, 314

Тирри (Thiry). Ж. 143

Тихонов И. С. 247, 271

Толстой Л. Н. 147, 156, 197, 200, 207, 233

Толь К. Ф. 7, 10, 13–16, 24, 61, 63–64, 68–71, 73–75, 78, 82–91, 93–94,
96–100, 102, 104, 106–107, 111–120, 123–125, 127, 133, 135, 143, 146,
149, 151–157, 159, 165–167, 169, 171–172, 174–177, 190–195, 208–
210, 212, 218, 235, 236, 239, 241, 243, 244, 247–248, 250, 253, 255,
257, 262, 267, 2701, 272, 278, 281–283, 297–299, 303–304, 307, 310,
320, 323, 330, 332, 342, 345–348, 350–351

Тормасов А. П. 23, 31, 40, 186, 220, 223, 225, 230, 259, 333

Транье (Tranie) Т. 143

Троицкий Н. А. 15–16, 41, 96, 106, 118, 171–173, 175, 186, 195–196, 210,
214–215, 218, 239, 266, 276–277, 322–323, 331–335, 337–339

Трузсон 246

Тучков А. А. 4-й 34, 155, 303

Тучков Н. А. 1-й 25, 34, 43, 54, 67, 80, 84, 86, 88, 98, 125, 178–179, 265,
284, 286, 318–322, 334

Тьер (Thiers) Л. А. 142

Тэрконель 218

Тюлар (Tulard) Ж. 143

Уваров Ф. П. 14, 34, 52, 59–60, 68, 89, 96–98, 105, 107, 122, 130, 152,
155, 157, 168, 172–173, 178, 189, 318, 323–324, 348

Удом И. Ф. 51, 54, 59

Фок А. Б. 77–78, 80, 205, 236, 322

Фоссен А. 12, 143, 291

Франсуа Ш. (François C.) 11, 143, 271, 306

Фриан (Friant) Л. 88, 96, 100, 113–114, 129, 131, 134–135, 138–139, 142,
155, 157, 166–167, 273, 277, 297, 314–315, 334, 337, 343

Фрунзе М. В. 161

Фэн А. (Fain A. J. F.) 132, 134, 141

Харкевич В. И. 8, 10, 11, 64, 66–67, 70, 101, 124, 147, 181, 209, 236, 241, 245–246, 251, 274–275, 278–279, 290, 296, 299, 303, 312, 316, 319, 320, 339

Хатов А. И. 93, 95

Хитрово Н. З. 63, 222

Хольцхаузен П. (Holzhausen P.) 289

Хорвард Д. 140

Храповицкий 54–56, 158, 267, 269, 340

Цвилленев 1-й А. И. 322

Цезарь Юлий 254

Целорунго Д. Г. 187

Церрини К. (Cerrini di Monte Varchi C. f. X.) 145

Чайковская О. Г. 198

Чандлер Д. 237

Чернышев А. И. 117, 324

Чичагов П. В. 23, 31, 186, 220, 223, 230, 259, 333

Чичерин А. В. 11, 203, 234

Чуйкевич П. А. 71

Шамбрэ (Chambray) Ж. де 112, 119, 130, 134, 141, 144, 276

Шатюи (Charpui) Ф. 142

Шарьер (Charrière) Ж. Л. 273, 275–276, 288

Шаховской И. Л. 54, 57, 60, 323

Шварц 315

Шварценберг К.Ф. цу 69

Шведов С. В. 175, 187

Шевич И. Г. 55

Шейн И. А. 19, 146–147, 150, 152, 154, 163, 172–173, 188–189, 195

Шелер (Scheler) Й. 289, 291

Шереметев 327

Шильдер Н. К. 105–106

Шишков А. С. 11, 39–40

Шуберт Ф. Ф. 17, 100, 105, 327

Шувалов П. А. 201

Шульгин А. С. 212

Шульман 123

Щербинин А. А. 70, 101, 179, 209, 241, 246, 299, 303, 310, 316, 320, 323

Щукин П. И. 8, 110, 147

Эйдельман Н. Я. 107, 210

Энгельгардт Л. Н. 11, 187

Энгельс Ф. 118, 161, 163, 171

Эссен И. Н. 213

Список сокращений

АЖ	Артиллерийский журнал
ВЖ	Военный журнал
ВИС	Военно-исторический сборник
ВС	Военный сборник
ВУА	Военно-ученый архив
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ИЖ	Исторический журнал
ИВ	Исторический вестник
ИЗ	Исторические записки
ИнЖ	Инженерный журнал
И СССР	История СССР
Летописи ГЛМ	Летописи Государственного литературного музея
ОЗ	Отечественные записки
РА	Русский архив
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив
РС	Русская старина
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
Тр. ИРВИО	Труды Императорского Российского военно-исторического общества
Тр. РГВИА	Труды Российского государственного военно-исторического архива
УЗ ЛГУ	Ученые записки Ленинградского государственного университета
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Содержание

Введение	5
----------------	---

Глава I

Эволюция «русской версии» Бородинского сражения	20
1. Официальная версия: Бородинское сражение в отечественных военно-оперативных документах августа–сентября 1812 г.	20
2. Версии военачальников: М. Б. Барклай де Толли и Л. Л. Беннигсен и их роль в последующей историографии Бородинского сражения	64
3. Бородинское сражение в сочинениях К. Ф. Толя	82
4. Развитие версии К. Ф. Толя в трудах русских военных историков XIX в. (Д. И. Ахшарумов, Д. П. Бутурлин, К. Клаузевиц, А. И. Михайловский-Данилевский, Ф. Н. Глинка, Н. Д. Неелов)	91
5. Элементы критики версии К. Ф. Толя в сочинениях М. И. Богдановича и И. П. Липранди	116
6. Русская историография и «французское» Бородино	126
7. Бородино в сочинениях русских историков начала XX в.	146
8. Советская историография Бородинского сражения: идеология, историческая концепция, отношение к историографическому наследию	160
9. Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии	175

Глава II

Накануне Бородинского сражения: исторические источники и спорные вопросы историографических версий	196
1. Положение М. И. Кутузова во главе действующих армий	196
2. Причины, приведшие к сражению при Бородине	211
3. Генеральное сражение в стратегическом замысле М. И. Кутузова	218

Глава III

Подготовка генерального сражения и интерпретация решений и действий М. И. Кутузова и его окружения: военно-оперативная документация, версии участников сражения, историографические концепции	233
--	-----

1. Выбор позиции: источники и их интерпретации	233
2. Русские и французские источники о назначении правого фланга русской армии	237
3. Оборонительные возможности левого фланга в военно-оперативных документах, сочинениях участников сражения и в трудах историков	242
4. Батарея Раевского: «ключ позиции» или опорный пункт?	249
5. «Адское дело при Шевардине»: причины и следствия в военно-оперативных документах, сочинениях участников сражения и в трудах историков	253

Глава IV

Противоречия между военно-оперативными документами, версиями участников сражения и трудами историков в показаниях о ходе сражения	262
1. Перемещение войск перед сражением	262
2. Начало сражения: Бородино или Семеновское?	270
3. Хронометрия боевых действий: проблемы реконструкции.....	284
4. Итог сражения: военно-оперативные документы, версии участников, оценки историков.....	329
Заключение	344
Список иллюстраций и карт	352
Источники	353
Исследования.....	359
Именной указатель.....	367
Список сокращений	381

Лидия Леонидовна Ивченко

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
История русской версии событий

Редактор Л. Н. Денисова
Художественный редактор А. Ю. Никулин
Корректоры Л. С. Барышникова, М. Г. Смирнова
Верстка Н. А. Шакиров

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 24. Тираж 500
Заказ № 3144.

Издательство «Квадрига»

ISBN 978-5-91791-178-6

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Бородинское сражение – героическая страница русской истории, великая битва наполеоновской эпохи, символ чести и мужества. Бородино – достояние национальной культуры, превратившееся в легенду, более прочную, чем научные построения.

Автор исследовал формирование комплекса знаний о битве, выявил источниковую базу историографических построений. Впервые была исчерпывающе изучена первичная документация.

Картина битвы, созданная на основании системно выверенных исторических источников, позволяет доказательно утверждать, что решения русского командования были более взвешенными и продуманными, а действия войск – более осмысленными, профессиональными и результативными, чем это представлено в великой легенде.

ISBN 978-5-91791-178-6

9 785917 911786

Издательство «КВАДРИГА»